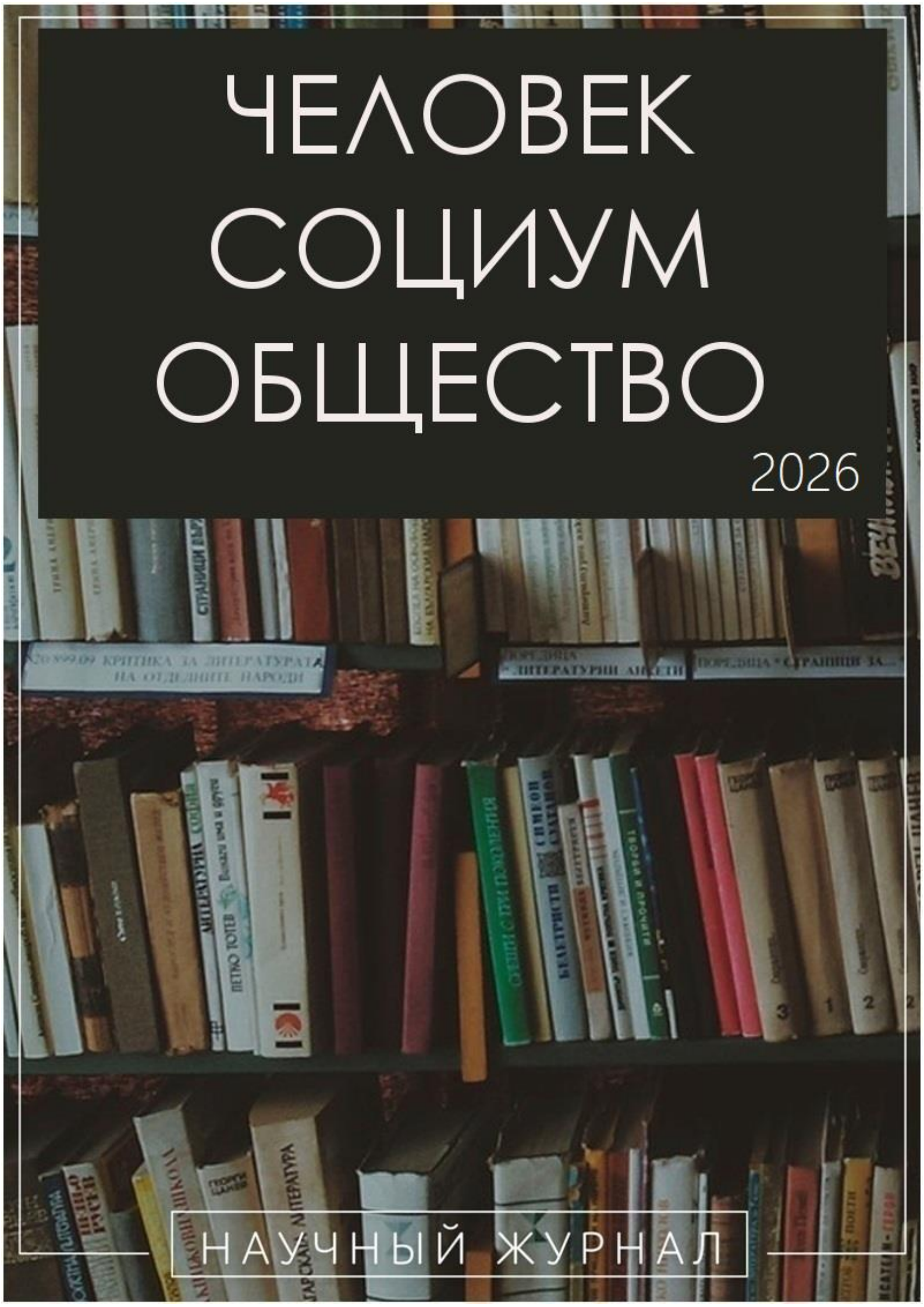
ЧЕЛОВЕК СОЦИУМ ОБЩЕСТВО

2026



НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выпуск 9-2026

01.07.2026 УДК 378.001 г. Москва

Международный гуманитарный журнал "Человек. Социум. Общество" рассчитан на молодых ученых, студентов и аспирантов. Публикуются статьи по педагогике, психологии и социологии. Специализация журнала позволяет размещать результаты исследований междисциплинарного характера. Все материалы проходят проверку на плагиат и рецензируются. Редакция оставляет за собой право отклонения статей, не соответствующих требованиям предоставления материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей. Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи. При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна.
Международный Центр «Искусство и образование» http://www.art-in-school.ru/ e-mail: jornal-gum@yandex.ru

Главный редактор:

Жаркова Алена Анатольевна —доктор педагогических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор РАО, Московский государственный институт культуры (Москва)

Редакционная коллегия:

М. П. Нечаев — доктор педагогических наук, профессор, Академия социального управления (Москва)

А. Ю. Огородников — доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (Москва)

С. М. Куницына — кандидат педагогических наук, доцент, Академия социального управления (Москва)

Г. П. Иванова — доктор педагогических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Москва)

Г. С. Голошумова — доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (Москва)

А. Д. Жарков — доктор педагогических наук, профессор, Московский государственный институт культуры (Москва)

Московский государственный институт культуры

Л. П. Шиповская — доктор философских наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (Москва)

А. В. Молчанова — кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный социальный университет (Москва)

Е. В. Суровцева – кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

А. В. Неверов – кандидат социологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва)

Е. А. Журавлева — кандидат педагогических наук, доцент, Московский государственный институт культуры (Москва)

М. Р. Резаков — кандидат политических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)

И. В. Кудринская — кандидат педагогических наук, доцент, Московский городской педагогический университет (Москва)

Е. В. Летов — кандидат философских наук, Московский государственный институт культуры (Москва)

А. П. Сухоносов — кандидат психологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет (Москва)

С. В. Трушкова — кандидат психологических наук, доцент, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)

Редакционный совет:

О. А. Иванова — доктор педагогических наук, профессор, Московский городской педагогический университет (Москва)

В. М. Поставнев – кандидат психологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет (Москва)

С. Л. Фролова — доктор педагогических наук, профессор, Академия социального управления (Москва)

И. В. Афанасьев – кандидат юридических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)

А. Н. Анищенко – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией «Стратегическое развитие агропромышленного комплекса» Институт проблем рынка РАН (Москва)

В. В. Чурин – кандидат философских наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)

В. А. Есаков – доктор культурологии, профессор, Московский государственный институт культуры (Москва)

С. А. Уталиев – доктор философских наук, профессор, Казахско-Русский Международный университет (КРМУ) (Актобе)

З. М. Мухамедова — доктор философских наук, профессор, Ташкентский государственный стоматологический институт (Ташкент)

Д. Х. Исламова – доктор философии, профессор, Ташкентский государственный технический университет (Ташкент)

С. С. Байсарина — кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева (Нур-Султан)

Н. В. Обелюнас — кандидат филологических наук, доцент, Кемеровский государственный университет (Кемерово)

С. С. Жубакова — кандидат педагогических наук, доцент, Евразийский Национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Нур-Султан)

И. В. Воробьёва — кандидат культурологии, доцент, Белорусский государственный университет (Минск)

А. А. Бейсембаева — кандидат педагогических наук, профессор, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы)

Х. Б. Норбутаев — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой начального образовании Термезский государственный университет (Термез)

Г. М. Сыдыкова — кандидат психологических наук, доцент, Кыргызский Национального университета имени Жусупа Баласагына (Бишкек)

Подписано в печать 01.07.2026г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 2 | Тираж 100

Содержание

РАЗДЕЛ 1: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

1. **ГУЦЕНКО ПАВЕЛ РОМАНОВИЧ, ПЕТРОВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ**
   ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОЦЕНИВАНИЕ ПИСЬМЕННЫХ РАБОТ В УСЛОВИЯХ ДОСТУПНОСТИ ИИ: ОБЗОР ПОДХОДОВ ……..…..8
2. **ВАСИЛЬЕВА АННА СЕРГЕЕВНА**
   ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОПАГАНДЫ СВАГ НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЗОНЫ ОККУПАЦИИ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА …….……....21
3. **ДЗРЕЯН СОФИЯ ТОРОСОВНА, КАМРЫШ ОЛЬГА ВЯЧЕСЛАВОВНА**
   ИНТОНАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ НА МАТЕРИАЛЕ АУТЕНТИЧНЫХ ФИЛЬМОВ…….....30
4. **КРЕСТЬЯНИНОВА ВИКТОРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, ПРИВАЛОВ НИКОЛАЙ ГЕННАДЬЕВИЧ**
   ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ И ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ……...……...38
5. **САЛОМАТИНА АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВНА, ВОСТРИКОВА А.А.**
   ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ СТУДЕНТОВ-ХУДОЖНИКОВ И НЕОБХОДИОМОСТЬ ИХ ПРОФИЛАКТИКИ …….....44
6. **ФЕДОСЕЕВА НИНА МИХАЙЛОВНА**
   ГЕРОНТОЛОГИЯ КАК ОТРАСЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ.……...…...50
7. **КУРБАНОВА СЕВАРА САДИКЖАНОВНА.**
   МАНИПУЛЯТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ…… … … …….57
8. **БЫКОВА ЛЮДМИЛА ВЛАДИМИРОВНА, КАРШИБАЕВА ФАРАНГИЗ ИСАМИДДИНОВНА**
   СТРАТЕГИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ТЕКСТАХ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА США Д. ТРАМПА ……...…….....65
9. **БАДАШОВА АЛЕКСАНДРА ОЛЕГОВНА, БОЛЬШУНОВА НАТАЛЬЯ ЯКОВЛЕВНА**
   ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМПАТИИ И ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОПЫТА У ПОДРОСТКОВ И ЛИЦ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА …….…….....72
10. **БОЛСУНОВСКИЙ РОМАН НИКОЛАЕВИЧ**
    НАРРАТИВНЫЙ ПОДХОД В СОПРОВОЖДЕНИИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СМЕШАННЫХ СЕМЬЯХ С ДЕТЬМИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА …….....…83
11. **ЩЕРБАКОВА ОЛЬГА ИВАНОВНА, СЕЛЕЗНЕВА АНГЕЛИНА ВЛАДИМИРОВНА**
    РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОСВЯЗИ СУБЪЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ ЛИЧНОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЯ И

ИХ СКЛОННОСТИ К ИМПУЛЬСИВНЫМ ПОКУПКАМ ……..…89

12. ЩЕРБАКОВА ОЛЬГА ИВАНОВНА, СЕЛЕЗНЕВА АНГЕЛИНА ВЛАДИМИРОВНА
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ИМПУЛЬСИВНОГО ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ …….....97

13. КАЗАРЯН АРТУР АРМЕНОВИЧ, ЕРУСЛАНКИНА ПОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА
МЕТОДЫ ЦИФРОВОГО ОБУЧЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВОВЛЕЧЕННОСТЬ СОТРУДНИКОВ.....105

14. КАЗАРЯН АРТУР АРМЕНОВИЧ, ЕРУСЛАНКИНА ПОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА
НЕТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ПЕРСОНАЛА СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЫ КОМПАНИИ.....116

15. ЗУБКОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, ШЕРОНОВ ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ……..…….....126

16. ЭЛЬТКАЕВА МАЙЯ СЕРГЕЕВНА, ЗАДНЕПРОВСКАЯ МАРИНА ВАЛЕНТИНОВНА
РОЛЬ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЕТОДА В ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ ……...….....132

17. КОВАЛЬ МАКСИМ АНАТОЛЬЕВИЧ, БАКУРОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА
ПОНЯТИЯ SCHAM И SCHULD В НЕМЕЦКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ: КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ …… …….....140

18. ШЕВЦОВА ЮЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА, ГАДЗИЯН ЮЛИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА
КОЛЛАЖ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА: ИНТЕГРАЦИЯ ВЕРСТКИ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО РЯДА …….....150

19. ГАВРИЧЕНКОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ, КОСТРЮКОВА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ПОДКАСТОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР, ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ……...….....161

20. ЖУЙКОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА, ГОЛУБЬ ОКСАНА ВИКТОРОВНА
ТРАНСФОРМАЦИЯ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТИ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА В ПЕРИОД ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА …….……...167

РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

21. АЛЕШИН ЕГОР АНДРЕЕВИЧ, РАЗУМОВ КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ
МУНИЦИПАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ МАССОВОГО СПОРТА В СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ ……..……..…178

22. ИЛЮХИНА ЛАРИСА АЛЕКСЕЕВНА, КУРМАМБАЕВА АНГЕЛИНА ИЛЬШАТОВНА
РЕВЕРСИВНОЕ НАСТАВНИЧЕСТВО В СИСТЕМЕ КОРПОРАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ: ПОТЕНЦИАЛ И БАРЬЕРЫ ВНЕДРЕНИЯ ……..186

23. БЕЛЮСЕВА АНАСТАСИЯ ДЕНИСОВНА, ИЛЮХИНА ЛАРИСА АЛЕКСЕЕВНА
ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ ПОКОЛЕНИЯ Z ……..…193

24. ФИЛОНОВА ВЕРОНИКА АЛЕКСЕЕВНА, СЕМЁНОВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА
УЧАСТИЕ СУДЕЙ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРЕ СУДЕЙ Г. СТАЛИНГРАДА)…….....199

25. ЗИНОВЬЕВ ВЛАДИМИР ИГОРЕВИЧ
НАПРАВЛЕНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (2022-2025 ГГ.)…….……..205

26. ДОРЦЕВ АРСЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ
ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН: ФОРМИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОЙ МОДЕЛИ ТЕОКРАТИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ……..…....217

27. ДЖЫЛКЫЧИЕВА ЖЫЛДЫЗА ТОКТОБЕКОВНА, ЧУПИНА ЖАННА СЕРГЕЕВНА, ДЖОЛДОШЕВ АЗИМБЕК
ОБОСНОВАНИЕ РОЛИ ЦИФРОВОЙ СТРАТЕГИИ В РАЗВИТИИ БИЗНЕСА НА ПРИМЕРЕ КОМПАНИИ «ПАО ВЫМПЕЛКОМ» …….…….....231

28. ПОРТНОВА АЛЕНА АНДРЕЕВНА, СЕРАФИМОВ ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ
ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ …….…….....240

29. РЫБАЛКО КАРИНА АНДРЕЕВНА
ИНТЕРЕСЫ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ СТОРОН В ОЦЕНКЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ …….....249

30. ЧЕРНЯЕВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОФИЛАКТИКЕ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА.....255

31. САТВАЛДИЕВ КАЙРАТ ИЛЬЯСОВИЧ
ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОЖАРАМИ И ПОДЖОГАМИ ……..……...…..262

32. КРЮЧКОВА ВЛАДА АЛЕКСАНДРОВНА
ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ИСТОРИКО ПРАВОВОЙ АСПЕКТ……...…...267

33. КРЮЧКОВА ВЛАДА АЛЕКСАНДРОВНА
ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ…….……274

34. ШЕСТАКОВА ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА, ЛЮБУШКИНА ТАТЬЯНА ЛЕОНИДОВНА
СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ РЕКОМЕНДАЦИЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ КОМАНДЫ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ (ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ) ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ ПОСЛЕ ПРОХОЖДЕНИЯ КУРСА РЕАБИЛИТАЦИИ ПО КОМПЛЕКСНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ И АБИЛИТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ГАУ «ОБЛАСТНОЙ ЦЕНТР РЕАБИЛИТАЦИИ ИНВАЛИДОВ», Г. ЕКАТЕРИНБУРГ)…… ….....281

35. РИЗАЕВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
ВЕДОМСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ ЗАКУПОК: ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ПРОВЕРОК СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И ИНЫХ НОРМАТИВНЫЙ ПРАВОВЫХ АКТОВ РФ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ДЛЯ НУЖД ОТДЕЛА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ……..……...292

36. МОРОЗОВ НИКИТА АЛЕКСЕЕВИЧ, ШЕВЧУК ИРИНА ВИКТОРОВНА
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ПОНЯТОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ.…….…….……...303

37. ЗЕНИН ДЕНИС АЛЕКСАНДРОВИЧ
ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ВЫСТРАИВАНИЯ МЕЖПАРЛАМЕНТСКОГО ДИАЛОГА В ФЕДЕРАТИВНЫХ ГОСУДАРСТВАХ.…….…….....……..310

38. СЕМЕНУХА ТАТЬЯНА БОРИСОВНА
ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ СВОБОДА ДОГОВОРА И ВОЗНИКАЕТ ОБЯЗАННОСТЬ ПО ЗАКЛЮЧЕНИЮ ДОГОВОРА?…….……...……...318

39. ШУКАНОВА ДИАНА РОМАНОВНА, ШЕВЧУК ИРИНА ВИКТОРОВНА
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ЗНАЧЕНИИ СУДЕБНОГО ШТРАФА КАК ИНОЙ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА …….....…...334

40. ХИЗЕНКО А.Д., КУЗЬМИНА А.И.
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОХРАНЫ ТРУДА РАБОТНИКОВ……....343

41. ЛЕБЕДЕВ АРТЁМ РОМАНОВИЧ, ШЕВЧУК ИРИНА ВИКТОРОВНА
ОСОБЫЙ ПОРЯДОК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ ……..……..349

42. СТУРЗА ЕВГЕНИЯ ВАЛЕРЬЕВНА
МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ХУЛИГАНСТВА, СОВЕРШЁННОГО С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ ……....356

43. БРУНЦЕВ ВЛАДИСЛАВ ШОХРАТОВИЧ, ВИННИЧЕНКО АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
ТАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ……..…...363

44. ГУСЕВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА, КОВАЛЕВ ДЕНИС ВАЛЕРЬЕВИЧ, СЕМЕНКОВ НИКИТА ДМИТРИЕВИЧ
ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ, РИСКИ И ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ТУРИСТОВ ……....374

45. НИКИТИНА АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА
ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В КАЧЕСТВЕ ПРЕДМЕТА ЗАЛОГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ……...……...385

46. ПРОХОРКИНА КСЕНИЯ СЕРГЕЕВНА, ВИННИЧЕНКО АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
МЕТОДЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ДЛЯ ОБНАРУЖЕНИЯ, ФИКСАЦИИ И ИЗЪЯТИЯ СЛЕДОВ РУК ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ …….....393

47. СОКОВНИН П.А., ЧЕРКАСОВ К.В.
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАЦИОНАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В РОССИИ ……..…….....….403

48. ОВЕЧКИН АЛЕКСЕЙ ИГОРЕВИЧ
ПРИМЕНЕНИЕ СКОРИНГА В УПРАВЛЕНИИ ИНФРАСТРУКТУРНЫМИ ПРОЕКТАМИ В МАЛЫХ ГОРОДАХ: ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ …….....…...413

49. ФОМИН КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ, ЗОРИН КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ….....421

50. ШУРЫГИНА ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА
«ЦИФРОВАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ» КАК СТАНДАРТ: ВЛИЯНИЕ КЛИЕНТОЦЕНТРИЧНОСТИ НА KPI ПРЕСС-СЛУЖБ …….....431

51. ТЕМНИКОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА
НЕЗАВИСИМАЯ ГАРАНТИЯ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА …….....440

РАЗДЕЛ 1: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Гуценко Павел Романович
Gutsenko Pavel Romanovich
аспирант
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОЦЕНИВАНИЕ ПИСЬМЕННЫХ РАБОТ В УСЛОВИЯХ ДОСТУПНОСТИ ИИ: ОБЗОР ПОДХОДОВ

PROCEDURAL ASSESSMENT OF WRITTEN WORKS IN THE CONTEXT OF AI ACCESSIBILITY: AN OVERVIEW OF APPROACHES

Аннотация. В статье представлен нарративный обзор современных подходов к оцениванию письменных работ в высшем образовании в условиях массового использования студентами генеративных больших языковых моделей. На источниковой базе из 28 публикаций 2020–2026 гг. выделены четыре линии подходов, систематизируемые по объекту оценивания: текст-продукт (детекция и регулирование), процесс письма (документирование этапов), компетенции (редизайн заданий и развитие оценочного суждения), взаимодействие студента с инструментом. Показано, что концептуальная адекватность подходов новой ситуации возрастает по мере смещения фокуса от текста к взаимодействию с ИИ, однако методологическая разработка четвёртой линии существенно отстаёт от её концептуальной значимости. На этом основании сформулирован открытый вопрос о методологической операционализации оценивания ИИ-опосредованной письменной деятельности студента, развёрнутый в онтологический, критериальный и процедурный подвопросы.

Abstract. This article presents a narrative review of contemporary approaches to assessing written work in higher education under conditions of widespread student use of generative large language models. Drawing on 28 publications from 2020–2026, the review identifies four lines of approaches systematised by the object of assessment: the text-as-product (detection and regulation), the writing process (documentation of stages), competencies (task redesign and the development of evaluative judgement), and student interaction with the tool. It is shown that the conceptual adequacy of these approaches to the new situation increases as the focus of assessment shifts from the text towards interaction with AI; however, the methodological development of the fourth line lags substantially behind its conceptual significance. On this basis, an open question is formulated regarding the methodological operationalisation of assessment of AI-mediated student writing activity, unfolded into ontological, criterial, and procedural sub-questions.

Ключевые слова: оценивание письменных работ; генеративный искусственный интеллект; высшее образование; процессуальное оценивание; оценочное суждение; постплагиат; ИИ-грамотность; академическая честность.

Keywords: writing assessment; generative artificial intelligence; higher education; process-oriented assessment; evaluative judgement; postplagiarism; AI literacy; academic integrity.

Введение

Письменные работы — рефераты, эссе, доклады — исторически выполняли в высшем гуманитарном и социально-научном образовании двойную функцию. С одной стороны, они служили инструментом контроля: текст, произведённый студентом, рассматривался как свидетельство усвоения знания и сформированности профессиональных компетенций. С другой стороны, само письмо понималось как способ интеллектуальной работы: письменное оформление мысли требует её прояснения, аргументации, удержания структуры — и в этом смысле акт написания неотделим от акта мышления. Эта двойственность лежала в основе устойчивости письменного оценивания как доминирующей практики на протяжении десятилетий.

Появление в публичном доступе генеративных больших языковых моделей — ChatGPT в ноябре 2022 г., Claude, Gemini и других — поставило обе функции письменного оценивания под вопрос. По данным эмпирических исследований последних лет, генеративный ИИ стал регулярным инструментом учебной деятельности значительной доли студентов как в зарубежных, так и в российских вузах [21; 1]. Эти данные свидетельствуют о структурном, а не маргинальном характере явления.

Принципиальная сложность ситуации состоит в следующем. Текст, представленный студентом на оценивание, перестал быть надёжным свидетельством ни усвоенного знания, ни мыслительного усилия по его освоению. Промпт, потребовавший от студента нескольких минут, может произвести текст, формально неотличимый от результата многочасовой исследовательской работы. Это означает, что традиционная связка «текст-продукт → оценка студента» утратила свою валидность как методологическое основание оценивания.

Академическое сообщество ответило на этот вызов рядом разнородных подходов: от технических решений (детекторы ИИ-генерации) и регуляторных мер (запреты, требования декларирования) до содержательного переосмысления того, что и как оценивается в письменных работах. Однако эти подходы развиваются параллельно, в разных дисциплинарных и национальных контекстах, и общая концептуальная рамка, позволяющая их сопоставить, пока не сложилась. Настоящая статья ставит задачу восполнить этот пробел.

Исследовательский вопрос статьи формулируется следующим образом: как трансформируется задача оценивания письменных работ в высшем образовании в

условиях массового использования студентами генеративных ИИ-моделей, и какие подходы к решению этой задачи представлены в современной академической дискуссии?

По жанру статья представляет собой нарративный обзор с элементами концептуальной систематизации. В качестве источниковой базы привлечены публикации преимущественно 2020–2026 гг., посвящённые оцениванию письменных работ в условиях генеративного ИИ; для разработки теоретических оснований используются также классические работы по теории формирующего, аутентичного и оценочно-суждающего (evaluative judgement) подходов к оцениванию. Дисциплинарный фокус — гуманитарные и социальные направления, где письменные работы выступают основным жанром учебной деятельности. Систематизация подходов производится по основной оси — объекту оценивания — с привлечением вспомогательной оси, фиксирующей радикальность преобразования сложившейся практики.

Главная задача статьи состоит не в предложении готового решения, а в формулировке вопроса, который, на наш взгляд, остаётся в современной дискуссии недостаточно разработанным методологически и который определит направление дальнейших исследований в этой области.

1. Терминологическая рамка

Дискуссия об оценивании письменных работ в условиях ИИ ведётся с использованием разнородной терминологии, заимствованной из различных образовательных традиций. Прежде чем переходить к обзору подходов, необходимо эксплицировать ключевые понятия и зафиксировать их соотношение.

Итоговое и формирующее оценивание. Классическое разграничение, введённое П. Блэком и Д. Уильямом, противопоставляет итоговое оценивание (summative assessment), фиксирующее достигнутый студентом результат, и формирующее оценивание (formative assessment), встроенное в процесс обучения и направленное на его регуляцию через обратную связь [8]. Письменная работа в традиционной практике вуза функционировала чаще как итоговый продукт; вызов ИИ затрагивает в первую очередь именно эту, итоговую функцию письменных работ.

Процессуально-ориентированное оценивание. В дидактике письма с 1980-х гг. развивается традиция process-oriented writing assessment — оценивания,

фокусирующегося на этапах создания текста (планирование, черновики, редактирование, финальная версия), а не только на финальном продукте. В этой традиции оценивание процесса является ответом на ограниченность оценивания одного лишь результата и инструментом педагогической поддержки развития навыков письма.

Аутентичное оценивание. Концепция authentic assessment, восходящая к работам Г. Уиггинса, предполагает построение оценочных задач, моделирующих реальные профессиональные или гражданские ситуации, в которых студенту требуется применять знание. В современной интерпретации М. Берман и коллег аутентичность понимается шире — как соответствие задания контексту, в котором студент будет действовать после обучения, включая использование релевантных инструментов [7].

Оценочное суждение (evaluative judgement). Понятие, развиваемое Дж. Тай, Р. Аджжави, Д. Боудом и коллегами из австралийского CRADLE, обозначает способность студента судить о качестве работы — своей, чужой и теперь также машинно-генерируемой. В условиях ИИ эта компетенция получает особое значение: качество ответа большой языковой модели всегда требует человеческой оценки, и развитие evaluative judgement становится одной из центральных образовательных задач [23].

Процессуальное оценивание в условиях ИИ. В настоящей статье термин «процессуальное оценивание» используется в специфическом значении, отличном от классического process-oriented writing assessment: им обозначается оценивание качества взаимодействия студента с генеративным ИИ-инструментом и качества его мыслительной работы с результатами этого взаимодействия. Объектом оценивания в такой оптике становится не текст-продукт и не процесс письма как такового, а ИИ-опосредованная учебная деятельность студента в её целостности — включая постановку задачи, формулирование запросов, критическую оценку и отбор сгенерированных фрагментов, их интеграцию с собственной аргументацией. Такое прочтение термина является рабочим и предлагается для удобства последующего обсуждения; его соотношение с близкими понятиями — AI literacy assessment, process documentation, human–AI collaborative writing assessment — будет уточнено в ходе обзора.

2. Обзор подходов

Обзор подходов организован по основной оси — объекту оценивания. В каждом подразделе после содержательного изложения подхода фиксируется уровень

вмешательства в сложившуюся практику оценивания и ограничения соответствующего направления. Параллельное рассмотрение этих двух осей позволяет увидеть внутреннюю логику развёртывания поля и подготовить материал для последующего обсуждения.

2.1. Подходы, ориентированные на текст-продукт

Первая группа подходов исходит из стремления сохранить традиционный объект оценивания — текст как продукт студенческого труда — и достроить к нему технические и регуляторные средства верификации авторства. Логика проста: если письменная работа продолжает считаться свидетельством усвоения, то задача сводится к тому, чтобы отделить «человеческие» тексты от ИИ-сгенерированных и применить к последним санкции или обязательные процедуры декларирования.

Эмпирическое исследование Д. Вебер-Вульф и коллег [27] продемонстрировало, что доступные ИИ-детекторы обнаруживают сгенерированные тексты с существенно более низкой надёжностью, чем декларируют их разработчики; высокий процент ложноположительных и ложноотрицательных срабатываний фиксируется в работе Т. Вальцер и коллег. Л. Гирей [15] показывает, что ошибки детекторов распределены неравномерно и систематически дискриминируют не-носителей английского языка, тексты которых чаще ошибочно классифицируются как машинные. М. Перкинс [20] анализирует, как ChatGPT и сопоставимые модели делают неработоспособными традиционные представления об академической честности, основанные на бинарном различении самостоятельного и заимствованного текста.

В российском контексте развитие этой линии связано преимущественно с обсуждением регуляторных мер — обязательного декларирования доли ИИ-использования, ограничений на его применение в отдельных типах заданий; общий контур дискуссии очерчен в обзорной литературе [3; 4].

Ограничения подхода фиксируются на трёх уровнях. Технически — низкая надёжность детекции и принципиальная обходимость инструментов переписки и стилистической правкой. Этически — встроенная дискриминация определённых групп студентов и риск необоснованных обвинений. Методологически — даже идеально надёжная детекция не отвечает на содержательный вопрос о том, что́ именно подлежит оценке в письменной работе и каким компетенциям она должна свидетельствовать. Уровень вмешательства в сложившуюся практику здесь минимальный: традиционный

объект оценивания сохраняется, добавляется лишь техническая прослойка контроля.

2.2. Подходы, ориентированные на процесс письма

Вторая группа подходов опирается на возврат и расширение традиции process-oriented writing assessment в новых условиях. Если финальный текст утратил надёжность как свидетельство усвоения, надёжность можно отчасти восстановить через документирование пути, по которому этот текст создавался: фиксация черновиков, версий, рефлексивных заметок, истории редактирования.

Рекомендации Ассоциации Writing Across the Curriculum предлагают именно процессуально-ориентированное оценивание как продуктивную альтернативу детекции, аргументируя, что фокус на процессе перестраивает педагогическую ситуацию в целом, а не только её контрольный аспект [6]. Концепция Black Box Assessment [9] развивает близкую идею в направлении documentation-based подхода, предполагающего систематическую фиксацию следов работы студента над текстом. Эмпирическое исследование Й. Чжао и коллег описывает реальный процесс ИИ-ассистированного письма у студентов с различным уровнем владения английским языком и показывает существенную вариативность стратегий использования генеративных моделей. В отечественной дидактике высшей школы тяготение к этапной работе над письменными заданиями имеет самостоятельную традицию, хотя её специфическая адаптация к условиям ИИ остаётся слабо разработанной.

Ограничения этого направления связаны прежде всего с тем, что документирование процесса верифицируется лишь частично: студент способен фабриковать черновики и рефлексивные заметки в той же мере, что и финальный текст. Сбор и анализ процессуальных данных существенно увеличивает нагрузку на преподавателя. Наконец, традиция оценивания процесса формировалась в дидактике письма до появления ИИ и опиралась на предпосылку, что развитие навыков письма само по себе является целью обучения; в новой ситуации эта предпосылка нуждается в переосмыслении. Уровень вмешательства здесь средний: меняется состав оцениваемых артефактов, но не сам объект оценивания — письмо продолжает рассматриваться как развивающийся навык.

2.3. Подходы, ориентированные на компетенции

Третья группа подходов фиксирует парадигмальный сдвиг: предметом оценивания становится не текст, а компетенции, которые студент демонстрирует в

работе с текстом. Систематическое изложение этой позиции применительно к политике вузов представлено в коллективном отчёте Дж. Лоджа, М. Берман, Ф. Доусона и коллег [18], подготовленном для Австралийского агентства по качеству и стандартам высшего образования: авторы аргументируют необходимость перехода от антидетекционной логики к редизайну заданий и образовательных программ как таковых.

Внутренняя дифференциация направления существенна. Ф. Доусон, М. Берман, М. Доллинджер и Д. Боуд [13] разворачивают сдвиг от антиплагиатного дискурса к дискурсу валидности оценивания: ключевой вопрос — не «использовал ли студент ИИ», а «свидетельствует ли результат о тех компетенциях, которые мы декларируем оценивать». С. Киккбуш и коллеги [17] предлагают концептуальную рамку resilient assessment и описывают конкретные стратегии редизайна аутентичных задач, устойчивых к ИИ-вмешательству. Дж. Тай, Р. Аджжави и коллеги [23] фиксируют развитие evaluative judgement — способности судить о качестве работы — как центральную образовательную задачу эпохи ИИ. С. Итон [14] формулирует постплагиатную (postplagiarism) парадигму, легитимизирующую гибридное человеко-ИИ-письмо как новую норму и предлагающую отказаться от попыток методологически разделить «человеческий» и «ИИ-вклад» в готовом тексте. З. Хлайф и коллеги [16] описывают практические семинары по редизайну заданий и фиксируют типичные трудности преподавателей при переходе к компетентностно-ориентированному оцениванию.

Ограничения подхода также неоднородны. Радикальный пересмотр заданий ресурсоёмок для преподавателей и предъявляет высокие требования к их методической квалификации. Постплагиатная парадигма встречает значительное сопротивление в части академического сообщества, для которой различение собственного и заимствованного остаётся принципиальным основанием академической этики. Наконец, компетентностные подходы пока не дают конкретных операциональных процедур именно для письменных работ: декларируется, что́ необходимо оценивать (суждение, критическое мышление, способность к интеграции), но не уточняется, какими процедурами это делать в массовой практике. Уровень вмешательства здесь радикальный: меняется сам объект оценивания.

2.4. Подходы, ориентированные на взаимодействие с инструментом

Четвёртая, наиболее молодая линия дискуссии стремится сделать предметом

оценивания именно ИИ-опосредованную деятельность студента в её специфичности — то есть оценивать не текст, не процесс письма «вообще» и не абстрактные компетенции, а конкретные действия студента по работе с генеративным инструментом.

Й. Чэн и коллеги [12] предлагают применить рамку evidence-centered design — аналитический подход, исходно разработанный для тестологии, — к ИИ-ассистированному письму: оцениваемые компоненты эксплицируются как наблюдаемые поведения, к которым подбираются соответствующие доказательные процедуры. А. Шибани и коллеги [22] изучают критическое взаимодействие студентов с ИИ-выходом в письменных заданиях и описывают типологию способов работы с генерированными фрагментами. Эмпирическое исследование участникового со-дизайна оценочного задания в постдипломной программе психологии [19] показывает, как явная интеграция ИИ в формулировку задания позволяет сделать работу студента с генерациями предметом наблюдения и оценки. Исследование связи ИИ-грамотности и саморегулируемого обучения с результатами письменной работы [5] предлагает рассматривать AI literacy как самостоятельный объект оценивания, операционализируемый через ряд проверяемых поведений.

В совокупности эта линия предполагает, что предметом оценивания могут выступать: формулирование запросов к модели, итеративная работа с ответами, критический отбор и интеграция сгенерированных фрагментов с собственной аргументацией, рефлексивный комментарий о роли ИИ в окончательном результате. Концептуально такая оптика наиболее адекватна структурно изменившейся ситуации: она признаёт ИИ-инструмент как часть учебной деятельности и делает именно работу с ним легитимным объектом оценки.

Главное ограничение этой линии — асимметрия концептуальной и методологической разработки. Идея оценивания взаимодействия с инструментом артикулирована, отдельные эмпирические исследования и пилотные форматы существуют, однако обобщающая методологическая рамка пока не сложилась. Критерии оценивания каждого из перечисленных компонентов взаимодействия, процедуры сбора доказательств в массовой практике, соотношение получаемых оценок с уже существующими рубриками оценивания письменных работ — всё это остаётся открытыми вопросами. Уровень вмешательства здесь радикальный: предметом оценивания становится принципиально новый объект.

3. Обсуждение

Сопоставление рассмотренных подходов позволяет зафиксировать общую логику движения поля. Развёртывание от 2.1 к 2.4 представляет собой последовательное смещение объекта оценивания: от текста-продукта через процесс письма и компетенции к взаимодействию с инструментом. Параллельно нарастает уровень вмешательства в сложившуюся практику — от технической надстройки над существующей системой до пересмотра самого объекта оценки. Эта закономерность отражает не моду и не дисциплинарный консенсус, а внутреннюю логику адаптации оценивания к структурно изменившейся ситуации: чем глубже осознаётся, что текст перестал быть надёжным свидетельством, тем дальше смещается фокус оценивания от его поверхности.

На полученной карте поля отчётливо видна «пустая клетка». Подходы линий 2.3 и 2.4 декларируют необходимость оценивать компетенции и взаимодействие с ИИ, но именно линия 2.4 остаётся методологически наиболее проблематичной. Большинство существующих предложений ограничиваются концептуальными призывами или единичными эмпирическими исследованиями без обобщающей методологической рамки. Это касается прежде всего операционализации: что именно подлежит оценке в ИИ-опосредованной деятельности, по каким критериям, какими процедурами собирать доказательства о каждом компоненте, как соотносить получаемые оценки с уже сложившимися рубриками.

Теоретическая значимость констатации этого пробела состоит в следующем. Без методологической операционализации линия 2.4 остаётся декларацией; одновременно именно эта линия концептуально наиболее адекватна структурно изменившейся ситуации с письменным оцениванием. Восполнение этого методологического пробела представляет собой, на наш взгляд, первоочередную задачу дальнейших исследований в области процессуального оценивания в условиях ИИ. Прояснение того, чтó подлежит оценке в ИИ-опосредованной деятельности и какими процедурами это оценивание возможно, необходимо как для развития теории оценивания, так и для практики преподавателей, ежедневно сталкивающихся с письменными работами студентов в новой технологической ситуации.

Заключение и открытый вопрос

Проведённый обзор показал, что современная дискуссия об оценивании письменных работ в условиях доступности генеративного ИИ разворачивается по

четырём линиям, систематизируемым по объекту оценивания: текст-продукт, процесс письма, компетенции, взаимодействие с инструментом. Уровень вмешательства этих линий в сложившуюся практику оценивания нарастает от минимального к радикальному, а их концептуальная адекватность новой ситуации, напротив, возрастает по мере удаления от традиционного объекта.

На этом основании может быть сформулирован открытый вопрос, который, на наш взгляд, остаётся в современной дискуссии недостаточно разработанным: как методологически операционализировать оценивание ИИ-опосредованной письменной деятельности студента — что́ подлежит оценке, по каким критериям, какими процедурами и с какими доказательными основаниями?

Вопрос развёртывается в три подвопроса. 1) Онтологический подвопрос: какие именно компоненты ИИ-опосредованной письменной деятельности являются легитимным предметом оценивания — формулирование запросов, критическая оценка генераций, отбор и интеграция, рефлексивное обоснование принятых решений? 2) Критериальный подвопрос: какие критерии качества применимы к каждому из этих компонентов и как они соотносятся с уже сложившимися рубриками оценивания письменных работ? 3) Процедурный подвопрос: какие методики позволяют собирать доказательства о каждом компоненте в условиях реальной учебной практики, не превращая оценивание в чрезмерно ресурсоёмкую процедуру?

Настоящая работа имеет ряд ограничений, которые необходимо эксплицировать. Обзорный жанр не предполагает эмпирической верификации предложенной систематизации. Дисциплинарный фокус на гуманитарных и социальных направлениях оставляет открытым вопрос о применимости рассмотренной рамки в технических, естественнонаучных и медицинских дисциплинах, где письменные работы выполняют иные функции. Быстрое развитие технологии означает, что отдельные эмпирические данные, на которые опираются цитируемые исследования, могут быстро устаревать; устойчивость концептуальных рамок при этом представляется более высокой.

Дальнейшая разработка обозначенных подвопросов на материале конкретных дисциплин и форматов письменных заданий представляется продуктивным направлением как теоретических, так и эмпирических исследований.

Литература:

1. Бермус А.Г. Преимущества и риски использования ChatGPT в системе высшего образования: теоретический обзор // Педагогика. 2024. Том 9. Выпуск 8. С. 776–787.

2. Гасанова Р.Р., Романова Е.А. Искусственный интеллект в высшей школе: проблемы, возможности, риски // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2024. Т. 21, № 4. С. 312–326.

3. Константинова Л.В., Ворожихин В.В., Петров А.М., Титова Е.С., Штыхно Д.А. Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы 2023г. [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/generativnyy-iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-diskussii-i-prognozy (дата обращения: 15.05.2026).

4. AI Literacy and Self-Regulated Learning study. Exploring How AI Literacy and Self-Regulated Learning Relate to Student Writing Performance and Well-Being in Generative AI-Supported Higher Education [Электронный ресурс]. 2024. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/ (дата обращения: 15.05.2026).

5. Association for Writing Across the Curriculum (AWAC). Statement on AI and Writing Across the Curriculum [Электронный ресурс]. 2024. URL: https://wacassociation.org/ai-statement/ (дата обращения: 15.05.2026).

6. Bearman M., Nieminen J.H., Ajjawi R. Designing assessment in a digital world: An organising framework // Assessment & Evaluation in Higher Education. 2023. Vol. 48, No. 3. P. 291–304.

7. Black P., Wiliam D. Assessment and classroom learning // Assessment in Education: Principles, Policy & Practice. 1998. Vol. 5, No. 1. P. 7–74.

8. Naomi E. Winstone, Karen Gravett & Sam Elkington (28 Apr 2026): Black Box Assessment: rethinking integrity and learning for a time of Generative AI, Assessment & Evaluation in Higher Education, https://doi.org/10.1080/02602938.2026.2661365

9. Boud, D., Ajjawi, R., Dawson, P., & Tai, J. (Eds.). (2018). Developing Evaluative Judgement in Higher Education: Assessment for Knowing and Producing Quality Work (1st ed.). Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315109251

10. Boud D., Soler R. Sustainable assessment revisited // Assessment & Evaluation in Higher Education. 2016. Vol. 41, No. 3. P. 400–413.

11. Cheng Y., Lyons K., Chen G., Gašević D., Swiecki Z. Evidence-centered

Assessment for Writing with Generative AI // Proceedings of the 14th Learning Analytics and Knowledge Conference (LAK '24). New York: Association for Computing Machinery, 2024. P. 178–188. DOI: 10.1145/3636555.3636866.

12. Dawson P. Validity matters more than cheating / P. Dawson, M. Bearman, M. Dollinger, D. Boud // Assessment & Evaluation in Higher Education. — 2024. — 8 августа. — DOI: 10.1080/02602938.2024.2386662. — URL: https://doi.org/10.1080/02602938.2024.2386662 (дата обращения: 25.05.2026).

13. Eaton S.E. Postplagiarism: transdisciplinary ethics and integrity in the age of artificial intelligence and neurotechnology // International Journal for Educational Integrity. 2023. Vol. 19. Article 23. DOI: 10.1007/s40979-023-00144-1.

14. Giray L. The Problem with False Positives: AI Detection Unfairly Accuses Scholars of AI Plagiarism // The Serials Librarian. 2024. Vol. 85, No. 5–6. P. 191–197.

15. Khlaif Z.N. et al. AI-resistant assessments in higher education: practical insights from faculty training workshops // Frontiers in Education. 2024. Vol. 9. Article 1499495. DOI: 10.3389/feduc.2024.1499495.

16. Kickbusch S., Ashford-Rowe K., Kemp A., Specht M., Bartolic S., Lodge J.M. Beyond detection: Redesigning authentic assessment in an AI-mediated world // Education Sciences. 2025. Vol. 15, No. 11. Article 1537.

17. Lodge J.M., Bearman M., Dawson P., Gniel H., Harper R., Liu D., McLean J., Ucnik L. and Associates. Enacting assessment reform in a time of artificial intelligence. Melbourne: Tertiary Education Quality and Standards Agency, Australian Government, 2025. 96 p.

18. Participatory Co-Design and Evaluation of a Novel Approach to Generative AI-Integrated Coursework Assessment in Higher Education [Электронный ресурс]. 2024. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12189063/ (дата обращения: 15.05.2026).

19. Perkins M. Academic Integrity considerations of AI Large Language Models in the post-pandemic era: ChatGPT and beyond // Journal of University Teaching & Learning Practice. 2023. Vol. 20, No. 2. P. 1–24.

20. A scoping review on how generative artificial intelligence transforms assessment in higher education // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2024. Vol. 21. Article 41. DOI: 10.1186/s41239-024-00468-z.

21. Shibani A., Knight S., Kitto K., Karunanayake A., Buckingham Shum S. Untangling Critical Interaction with AI in Students' Written Assessment // Extended Abstracts of the CHI

Conference on Human Factors in Computing Systems. New York: ACM, 2024. DOI: 10.1145/3613905.3651083.

22. Tai J., Ajjawi R., Bearman M., Dawson P., Jorre de St Jorre T. Developing evaluative judgement for a time of generative artificial intelligence // Assessment & Evaluation in Higher Education. 2024. Vol. 49, No. 6. P. 893–905. DOI: 10.1080/02602938.2024.2335321.

Васильева Анна Сергеевна
Vasilyeva Anna Sergeevna
магистрант
кафедра истории России
факультет гуманитарных и социальных наук
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
e-mail: annav230802@gmail.com

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОПАГАНДЫ СВАГ НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЗОНЫ ОККУПАЦИИ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

HISTORY OF THE FORMATION AND SPECIFIC FEATURES OF THE SMAG PROPAGANDA ADMINISTRATION IN THE SOVIET OCCUPATION ZONE: HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE

Аннотация. В статье исследуется история создания и особенности деятельности Управления Пропаганды Советской военной администрации в Германии (СВАГ) на территории Советской зоны оккупации. Рассматриваются основные цели и задачи управления, а также методы его работы. Особое внимание уделяется анализу роли Управления Пропаганды в формировании общественного мнения и осуществлении идеологической обработки населения. В работе проводится анализ историографии вопроса, выявляются основные тенденции и подходы в изучении деятельности Управления Пропаганды. На основе анализа источников определяются механизмы реализации пропагандистских кампаний и их влияние на социально-политическую обстановку в зоне оккупации.

Abstract. The article discusses the history of the establishment and the specific features of the activities of the Propaganda Administration of the Soviet Military Administration in Germany (SMAG) within the Soviet Occupation Zone. The study analyzes the main goals and objectives of the Administration, as well as the methods employed in its work. Particular attention is paid to the role of the Propaganda Administration in shaping public opinion and carrying out the ideological influence on the population. The article also provides a historiographical analysis of the issue, identifying the main trends and approaches in the study of the activities of the Propaganda Administration. Based on the analysis of historical sources, the mechanisms for implementing propaganda campaigns and their influence on the socio-political situation in the occupation zone are examined.

Ключевые слова: управление пропаганды СВАГ, Советская зона оккупации, методы пропаганды, политическая обстановка, исторические источники, научная литература, послевоенная Германия.

Keywords: SMAG Propaganda Administration, Soviet Occupation Zone, propaganda methods, political situation, historical sources, scholarly literature, postwar Germany.

Введение

Послевоенное урегулирование в Германии, которое привело к разделению страны на оккупационные зоны, стало одним из определяющих факторов формирования

биполярной системы международных отношений. Советская военная администрация в Германии (СВАГ) была вынуждена не только осуществлять контрольные и административные функции, но и формировать новый политический и идеологический ландшафт на подконтрольной территории. Центральное место в этой деятельности занимало Управление пропаганды (а с 1947 – информации) СВАГ, которое выступало в качестве инструмента мягкой силы и идеологического воздействия. Основные задачи Управления включали денацификацию, демократизацию в соответствии с советскими принципами и формирование просоветских настроений в обществе.

Исследование данного органа имеет важное значение для понимания механизмов советского контроля и ранних этапов становления Германской Демократической Республики (ГДР). Цель настоящей статьи – провести историографический анализ ключевых работ, посвященных истории создания, структуре и специфике деятельности Управления пропаганды СВАГ в период с 1945 по 1948-1949 гг.

Историографические этапы и ключевые направления исследования. Управление Пропаганды Советской военной администрации в Германии (УП СВАГ) является значимым элементом советской политики в период после Второй мировой войны. Исследования, посвящённые этому органу, отражают общие тенденции в изучении советской политики и позволяют проследить эволюцию понимания его роли и методов работы.

Период становления (1990-е годы): Открытие архивов и документальная база. Распад Советского Союза в начале 1990-х годов привёл к значительным изменениям в изучении советской политики. Открытие доступа к значительной части советских архивных фондов стало переломным моментом для научного осмысления деятельности оккупационных властей. Исследователи получили возможность работать с ранее засекреченными документами, что позволило более глубоко и всесторонне изучить механизмы советского управления.

Одним из ключевых событий стало издание сборника документов под редакцией Бернда Бонвеча, Геннадия Бордюгова и Нормана Неймарка[1] в 1994 году. Этот сборник заложил фактическую документальную основу для дальнейших исследований, обеспечив доступ к материалам о механизмах советского управления. Он стал важным

[1] Сборник документов / Под ред. и сост. Бернда Бонвеча, Геннадия Бордюгова, Нормана Неймарка. М.: Россия молодая, 1994. 255 с.

ресурсом для историков, изучающих советскую политику в Германии.

Среди значимых источников, отражающих внутреннюю работу аппарата, выделяется «Трёхлетний опыт работы Управления информации СВАГ (октябрь 1945 – октябрь 1948 г.)[2]. Этот внутриведомственный отчёт, анализируемый исследователями, предоставляет представление о целях, методах и результатах пропагандистской работы с точки зрения администрации.

Российские историки, такие как Г. А. Бордюгов, в своих работах, например, в «Чрезвычайный век российской истории»[3], начали осмысливать советскую политику в Германии в контексте идеологической экспансии и «экспорта революции». Они рассматривали УП СВАГ не только как орган, занимающийся пропагандой, но и как инструмент реализации советской идеологической политики в послевоенной Европе.

Таким образом, период становления исследований УП СВАГ характеризуется активным использованием документальных источников и анализом внутренних отчётов. Это позволило исследователям более глубоко понять механизмы советского управления и методы работы пропагандистского аппарата. Открытие архивов и публикация документов стали важным шагом в изучении советской политики в послевоенной Германии, обеспечив историкам доступ к ранее засекреченной информации.

Специализированные исследования: Фокусирование на механизме пропаганды. В начале 2000-х гг. наблюдается всплеск интереса исследователей к изучению Управления Пропаганды СВАГ (Советской военной администрации в Германии) за период 1945-1947 гг. Этот этап характеризуется не только увеличением количества научных работ, но и глубиной анализа внутренней структуры и специфики работы органа.

Одним из наиболее значимых исследователей в этой области является С. Н. Мудров. В своей диссертации (2010 г.)[4] и последующей монографии (2011 г.)[5] он предоставляет детальный анализ деятельности Управления Пропаганды СВАГ. Мудров

[2] Управление информации СВАГ. Трёхлетний опыт работы Управления информации СВАГ (октябрь 1945–октябрь 1948 г.) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7317. Оп. 19. Д. 1.
[3] Бордюгов Г.А. Чрезвычайный век российской истории: четыре фрагмента / Г. А. Бордюгов. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2004. 422 с.
[4] Мудров С.Н. Деятельность Управления пропаганды Советской военной администрации в Германии в 1945-1947 гг.: дисс. канд. историч. наук: 07.00.02. Ярославль, 2010. 225 с.
[5] Мудров С.Н. Neues Deutschland. Управление пропаганды Советской военной администрации в Германии (1945-1947 гг.). Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2011. 262 с.

фокусируется на нескольких ключевых аспектах: Трансформация названия органа управление информации/пропаганды не было статичным органом. Его функции и структура менялись со временем. Мудров анализирует эти изменения, что позволяет лучше понять эволюцию целей и методов работы Управления. Функции в сфере контроля прессы одной из важнейших задач Управления Пропаганды было контроль над прессой. Мудров подробно изучает, какие издания находились под его влиянием, включая такие ключевые газеты, как Neues Deutschland. Это позволяет понять механизмы формирования информационного пространства в послевоенной Германии. Взаимодействие с немецкими политическими структурами управление Пропаганды активно взаимодействовало с немецкими политическими структурами. Мудров исследует эти отношения, что помогает понять, как советская пропаганда влияла на политическую жизнь в Германии. «Перевоспитание» немецкого общества одной из целей деятельности Управления Пропаганды было “перевоспитание” немецкого общества. Мудров подробно рассматривает этот процесс, анализируя его методы и результаты. Это позволяет понять, как советская власть пыталась изменить менталитет и политические установки немецкого населения. Кадровый состав Управления. С.Н. Мудров уделяет внимание кадровому составу Управления, включая бывших эмигрантов и лояльных немецких специалистов. Это важный аспект, поскольку кадровый состав во многом определял методы и подходы в работе.

Работы С.Н. Мудрова [67] вносят значительный вклад в изучение истории Управления Пропаганды СВАГ. Они основаны на глубоком анализе архивных материалов и позволяют получить более полное представление о деятельности этого органа. Это важно не только для понимания истории послевоенной Германии, но и для анализа механизмов пропаганды и информационного воздействия в целом.

Таким образом, исследования С. Н. Мудрова и других авторов в начале 2000-х гг. способствуют более глубокому пониманию роли Управления Пропаганды СВАГ в формировании послевоенного информационного пространства в Германии. Эти работы помогают раскрыть механизмы контроля прессы, взаимодействия с местными структурами и воздействия на общественное мнение.

[6] Мудров С.Н. Деятельность Управления пропаганды Советской военной администрации в Германии в 1945-1947 гг.: дисс. канд. историч. наук: 07.00.02. Ярославль, 2010. 225 с.
[7] Мудров С.Н. Neues Deutschland. Управление пропаганды Советской военной администрации в Германии (1945-1947 гг.). Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2011. 262 с.

Контекстуализация: УП СВАГ в рамках Холодной войны и советской внешней политики. В послевоенный период СССР активно формировал военно-блоковое противостояние в Европе, и одним из инструментов советской дипломатии и стратегии стала пропагандистская машина СВАГ (Советской военной администрации в Германии). Исследования Н.Е. Быстровой[8] в работе «СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945-1955 гг.)» рассматривают этот аспект в контексте идеологической борьбы против западных союзников.

Пропаганда в этом контексте выступала не просто как внутренняя административная задача, но как элемент более широкой стратегии по консолидации Восточной Европы и формированию образа врага в лице западных держав. СВАГ использовала различные методы и инструменты для распространения своих идей и ценностей, включая печать, радио, кино и другие средства массовой информации.

Работы, посвящённые кризисным моментам, например, Берлинский кризис 1948-1949 годов, написанные А.М. Филитовым[9], показывают, как Управление Пропаганды мобилизовало свои ресурсы для информационной поддержки политических решений. В частности, оно использовало пропаганду для оправдания блокады Западного Берлина и критики действий западных держав.

Целью советской пропаганды в этот период было формирование образа СССР как защитника мира и справедливости, в то время как западные державы представлялись как агрессивные и экспансионистские силы. Для достижения этой цели СВАГ использовала различные методы, включая создание позитивного образа советских солдат и офицеров, распространение информации о достижениях СССР в экономике, культуре и науке, а также критику западных ценностей и политики.

Советская пропаганда оказывала значительное влияние на общественное мнение в Восточной Европе. Она способствовала формированию лояльного отношения к СССР и его политике, а также укреплению позиций коммунистических партий в этих странах. Однако важно отметить, что пропаганда не всегда была эффективной, и в некоторых случаях она вызывала недоверие и сопротивление со стороны части населения.

[8] Быстрова Н.Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945-1955 гг.). — Кусково поле, 2007. 204 с.

[9] Филитов А.М. Берлинский сценарий: советская политика и кризис 1948-1949 годов // Родина. 2009. №3. С. 4-8.

Таким образом, пропаганда играла важную роль в советской стратегии формирования военно-блокового противостояния в Европе. Она использовалась как инструмент идеологической борьбы, мобилизации ресурсов и формирования общественного мнения. Однако её эффективность зависела от многих факторов, включая реакцию населения и действия западных держав.

Синтез и системный взгляд (Современный этап). Современная историография, стремящаяся к комплексному анализу, объединяет документальные находки с общеполитическим контекстом, что позволяет глубже понять исторические процессы. Издание под редакцией Бонвеча, Бордюгова и Неймарка «СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945-1949» [10] активно исследует деятельность отдельных личностей, что способствует более детальному пониманию механизмов реализации советской политики. В частности, анализ Управления пропаганды (информации) СВАГ демонстрирует особый интерес к изучению роли ключевых фигур, которые оказывали значительное влияние на формирование и реализацию советской информационной стратегии в послевоенный период.

Особенности Управления Пропаганды СВАГ. Управление пропаганды СВАГ (Советская военная администрация в Германии) представляет собой важный институт, игравший значительную роль в послевоенной истории Германии. На основании анализа представленных источников можно выделить несколько ключевых особенностей этого органа.

Двойная структура и эволюция функций. Изначально Управление пропаганды имело более широкие функции, связанные с передачей директив и контролем за их исполнением. Однако с течением времени его основная роль акцентировалась на пропаганде. Это подчёркивает стратегическую важность УП СВАГ и его прямое подчинение высшему командованию СВАГ. Такая структура позволяла оперативно реагировать на меняющиеся политические и военные условия.

Контроль над СМИ. Главной задачей УП было не создание новой прессы с нуля, а контроль и идеологическое наполнение всех печатных, радио- и издательских структур, созданных или возрождённых в советской зоне. Контроль над газетой Neues

[10] СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945-1949 / под ред. Б. Бонвеча, Г. Бордюгова, Н. Неймарка.

Deutschland являлся краеугольным камнем этой деятельности. Это позволяло формировать информационное пространство в соответствии с идеологическими установками СВАГ[11].

УП СВАГ не просто контролировало существующие СМИ, но и активно участвовало в их создании и формировании их содержания. Это обеспечивало единство пропагандистского нарратива и способствовало распространению советских идей и ценностей среди населения.

Денацификационный вектор. На раннем этапе (1945-1946 гг.) пропаганда была тесно связана с задачами денацификации и перевоспитания. УП СВАГ активно участвовало в дискредитации нацистского прошлого и продвижении антифашистских, а затем и просоветских идей. Это было необходимо для формирования нового политического и идеологического ландшафта в послевоенной Германии.

Денацификация и перевоспитание были важными аспектами деятельности УП СВАГ. Оно стремилось изменить общественное сознание, дискредитируя нацистские идеалы и продвигая новые ценности, основанные на антифашизме и поддержке советской модели. Это помогало создать основу для будущей политической и социальной системы в ГДР.

Инструмент формирования элит. УП СВАГ играло критическую роль в отборе и подготовке кадров для будущей партийной и государственной системы ГДР. СМИ использовались как площадка для утверждения лояльных кадров. Это позволяло формировать элиту, ориентированную на советские ценности и идеалы.

Таким образом, УП СВАГ не только контролировало информационное пространство, но и активно участвовало в формировании политической и социальной структуры послевоенной Германии. Это обеспечивало поддержку советской политики и способствовало созданию условий для формирования ГДР как социалистического государства.

Ответ на внешние вызовы. По мере нарастания конфронтации с Западом (особенно после 1947 года) пропагандистская деятельность УП переключалась на активное противостояние «вестернизации» и «американизации». Это ярко проявилось в периоды экономических блокад и политических кризисов. УП СВАГ использовало

[11] Мудров С.Н. Neues Deutschland. Управление пропаганды Советской военной администрации в Германии (1945-1947 гг.). Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2011. 262 с.

пропаганду для формирования негативного образа Запада и поддержки советских инициатив.

Таким образом, Управление пропаганды СВАГ было многофункциональным институтом, игравшим ключевую роль в формировании послевоенной Германии. Его деятельность охватывала контроль над СМИ, денацификацию, формирование элит и ответ на внешние вызовы. Это обеспечивало не только идеологическое, но и политическое влияние на процессы в советской зоне оккупации.

Заключение

Историография Управления пропаганды Советской военной администрации в Германии (УП СВАГ) прошла путь от общего осмысления советской политики в послевоенной Германии до детального изучения ключевых идеологических механизмов.

В 1990-е годы были опубликованы работы, которые заложили фундамент для дальнейших исследований. В этот период начали появляться труды, посвящённые анализу советской политики в Германии после Второй мировой войны. Историки и исследователи начали изучать деятельность советских органов власти в Германии, включая УП СВАГ, в контексте более широких процессов, происходивших в послевоенном мире.

Труды 2000-х и 2010-х гг. позволили более детально реконструировать организационную структуру, методологические подходы и стратегические цели УП СВАГ. Одним из значимых исследований этого периода стала работа Мудрова, которая внесла значительный вклад в изучение деятельности УП СВАГ.

В современной историографии УП СВАГ предстаёт как многофункциональный, высокоорганизованный институциональный механизм. Это ведомство играло центральную роль в реализации идеологических и политических стратегий СССР на территории Восточной Германии.

Деятельность УП СВАГ была направлена на решение нескольких задач:

- обеспечение внутренней консолидации населения Восточной Германии;
- проведение эффективной информационной политики;
- противодействие идеологическим влияниям западных стран в условиях нарастающей Холодной войны.

УП СВАГ использовало различные методы и инструменты для достижения этих

целей, включая пропаганду, агитацию, организацию культурных и образовательных мероприятий, а также контроль над информационными потоками.

Исследование деятельности УП СВАГ позволяет лучше понять механизмы реализации советской политики в Восточной Германии и её влияние на формирование политической и идеологической атмосферы в регионе. Это, в свою очередь, способствует более глубокому осмыслению процессов, происходивших в послевоенной Европе, и их последствий для международной политики и безопасности.

Литература:

1. Сборник документов / Под ред. и сост. Бернда Бонвеча, Геннадия Бордюгова, Нормана Неймарка. М.: Россия молодая, 1994. 255 с.

2. Управление информации СВАГ. Трёхлетний опыт работы Управления информации СВАГ (октябрь 1945–октябрь 1948 г.) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7317. Оп. 19. Д. 1.

3. Бордюгов Г.А. Чрезвычайный век российской истории: четыре фрагмента / Г. А. Бордюгов. СПб: Дмитрий Буланин, 2004. 422 с.

4. Быстрова Н.Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945-1955 гг.). Кусково поле, 2007. 204 с.

5. Мудров С.Н. Neues Deutschland. Управление пропаганды Советской военной администрации в Германии (1945-1947 гг.). Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2011. 262 с.

6. Мудров С.Н. Деятельность Управления пропаганды Советской военной администрации в Германии в 1945-1947 гг.: дисс. канд. историч. наук: 07.00.02. Ярославль, 2010. 225 с.

7. СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945-1949 / под ред. Б. Бонвеча, Г. Бордюгова, Н. Неймарка.

8. Филитов А.М. Берлинский сценарий: советская политика и кризис 1948-1949 годов // Родина. 2009. №3. С. 4-8.

Дзреян София Торосовна
Dzreyan Sofia Torosovna
студент
ГАОУ ВО Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»
e-mail: sophijacket@gmail.com

научный руководитель
Камрыш Ольга Вячеславовна
Kamrysh Olga Vyacheslavovna
кандидат филологических наук,
доцент кафедры романо-германской филологии и лингводидактики
ГАОУ ВО Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ИНТОНАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ НА МАТЕРИАЛЕ АУТЕНТИЧНЫХ ФИЛЬМОВ

INTONATIONAL PATTERNS OF SPECIAL QUESTIONS ON THE MATERIAL OF AUTHENTIC FILMS

Аннотация. В статье рассматривается проблема расхождения между нормативными интонационными моделями специальных вопросов в английском языке и их реальной просодической реализацией в живой речи. Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования у учащихся адекватного восприятия вариативных интонационных контуров, представленных в аутентичной звучащей речи. На материале 35 реплик из фильма «Гарри Поттер и философский камень» проведён акустический анализ в программе Praat. Установлено, что, несмотря на доминирование нисходящего терминального тона (65,7%), в 34,3% случаев фиксируются отклонения: восходящий, нисходяще-восходящий и восходяще-нисходящий контуры. Был сделан вывод, что выбор интонационной модели определяется не синтаксической нормой, а прагматическими факторами (эмоциональное состояние говорящего, функция переспроса, риторический или оценочный характер вопроса). Полученные результаты могут быть использованы в практике преподавания и изучения фонетики английского языка.

Abstract. The article examines the problem of the discrepancy between normative intonation patterns of special questions in English and their actual prosodic realization in spontaneous speech. The relevance of the study is determined by the need to develop students' adequate perception of variable intonation contours present in authentic spoken language. An acoustic analysis of 35 utterances from the film "Harry Potter and the Philosopher's Stone" was conducted using Praat software. It was found that despite the dominance of the falling terminal tone (65.7%), deviations are observed in 34.3% of cases: rising, fall-rise, and rise-fall contours. It was concluded that the choice of intonation pattern is determined not by syntactic norms but by pragmatic factors (the speaker's emotional state, echo questioning, rhetorical or evaluative nature of the question). The obtained results can be applied in teaching and learning English phonetics.

Ключевые слова: интонационное оформление, специальные вопросы, wh-questions, терминальный тон, нисходящий тон, восходящий тон, акустический анализ, Praat, аутентичные фильмы, прагматические факторы, эмоциональная речь, переспрос (echo questions), просодия.

Keywords: intonation patterns, special questions, wh-questions, terminal tone, falling tone, rising tone, acoustic analysis, Praat, authentic films, pragmatic factors, emotional speech, echo questions, prosody.

Обучение фонетике является одной из наиболее сложных задач в практике преподавания английского языка, особенно на начальном и среднем этапах. Традиционные учебные пособия, как правило, ориентируются на произносительные нормы и не всегда отражают реальное варьирование просодических моделей, свойственное живой речи. Вместе с тем именно расхождение между принятой нормой и актуальной реализацией высказывания становится источником коммуникативных трудностей для изучающих язык, привыкших к лишенным ситуативной вариативности интонационным моделям. В рамках исследования будет рассмотрено сопоставление нормативных моделей специального вопроса и их реализации в британских фильмах.

Специальный вопрос (wh-question) – предложение, начинающееся с вопросительного слова (who, what, where, when, why, how и пр.) и требующее ответа с конкретной информацией, а не простого «да» или «нет» [3, с. 67]. В классической интонационной традиции выделяют четыре базовых типа «тоновых» контуров: нисходящий (falling), восходящий (rising), нисходяще-восходящий (fall-rise) и восходяще-нисходящий (rise-fall) [7, с. 15]. На практике каждый из этих контуров может быть представлен различными комбинациями акцентов и фразовых тонов (по ToBI: L-H, H+L%, L-L%, H-!H% и т.п.) [5, с. 29]. В стандарте английского языка (как британского, так и американского) преобладающим контуром для специальных вопросов считается нисходящий – аналогично повествовательным предложениям [2, с. 122].

Рисунок 1. Пример нисходящего интонационного контура специального вопроса. Анализ вопроса «What did you buy?».

Данные контуры обеспечивают необходимую основу для учащихся, но, тем не менее, они часто представляют идеализированную и упрощенную версию просодической реальности. В рамках настоящей работы рассматривается британский вариант английского языка. А. Круттенден отмечает, что в британском английском падающий конец является наиболее распространённым (около 50% случаев) [1, с. 300]. Несмотря на нормативное правило, восходящий или смешанный контур может возникать в специальных вопросах под влиянием прагматических, эмоциональных и иных факторов. Так, например, появились данные на материале реальных разговоров в социальных сетях [6, с. 6]. В рамках этого исследования было проанализировало 107 высказываний, произнесенных 19 носителями языка (5 женщин и 14 мужчин), впоследствие было выделено, что 27% вопросов было произнесено с полностью восходящим финалом, 58% – с нисходящим, 5% – с нисходяще-возрастающим, 10% – с высоким падением [6, с. 9]. С целью рассмотрения конкретных случаев отклонения от нормы было проведено дальнейшее исследование.

Материал исследования составили 35 реплик, отобранные из фильма “Гарри Поттер и Философский камень”. При отборе фрагментов учитывались следующие критерии: 1) вопрос должен быть оформлен как специальный; 2) диалогический фрагмент должен быть свободен от наложения громких фоновых шумов, музыки или параллельных реплик, затрудняющих акустический анализ; 3) длительность. Для того,

чтобы реплики соответствовали второму пункту критериев, все извлечённые аудиофрагменты были подвергнуты технической обработке.

Акустический анализ проводился в программе Praat. Для каждой реплики строилась кривая частоты основного тона (pitch contour) с последующей визуализацией. Направление терминального тона определялось по движению кривой F0 на ударном слоге последней интонационной группы.

Распределение терминальных тонов в проанализированном материале представлено в таблице 1.

Таблица 1. Распределение терминальных тонов в специальных вопросах.

Интонационный контур	Количество	Доля (%)
Нисходящий	23	65,7%
Нисходяще-восходящий	7	20%
Восходящий	2	5,7%
Восходяще-нисходящий	3	8,6%
Всего	35	100%

Из 35 проанализированных специальных вопросов в 12 случаях (34,3 %) зафиксировано отклонение от чисто нисходящей модели – употребление восходящего, нисходяще-восходящего или восходяще-нисходящего терминального тона. Данные отклонения не являются случайными: каждое из них мотивированно обстоятельствами той или иной ситуации. Рассмотрим наиболее показательные примеры, иллюстрирующие основные причины варьирования интонационного контура.

В ряде случаев отклонение от нисходящей модели обусловлено необходимостью передать эмоциональную реакцию персонажа.

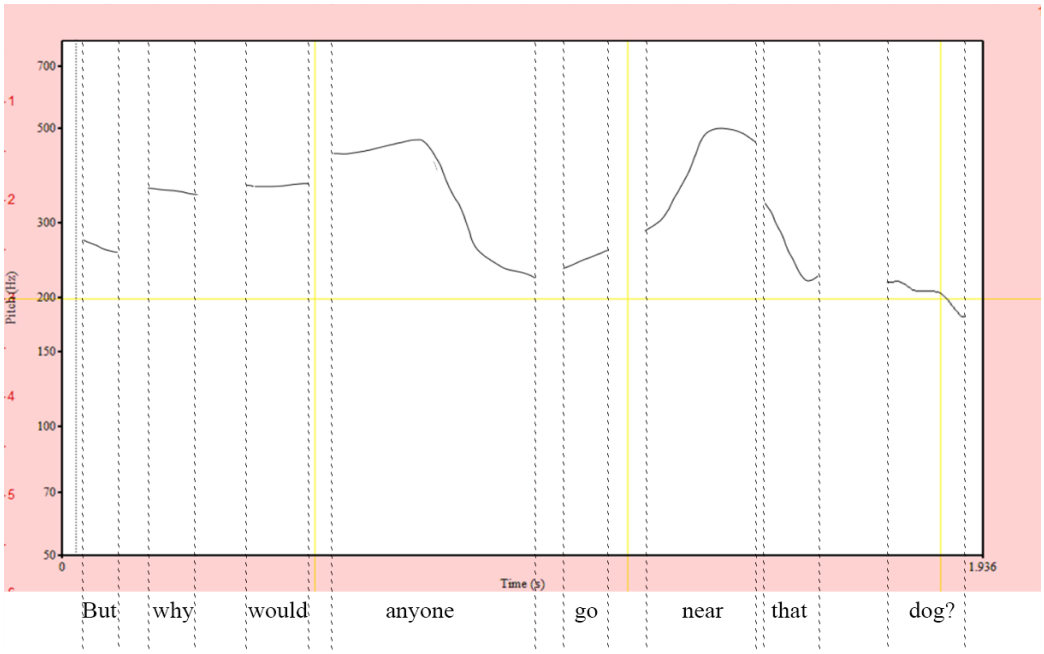


Рисунок 2. Анализ вопроса «But why would anyone go near that dog?».

Интонационный рисунок включает высокий уровень на слове anyone, подчёркивающий абсурдность самого предположения, последующее понижение и заметный подъём на near, после чего следует финальное падение на dog. Общий контур передаёт изумление с оттенком недоверия: говорящий не ожидает ответа, а подчёркивает, что приближаться к собаке может только безрассудный человек. Гермиона задает этот вопрос в адрес Пушка (Fluffy в оригинале), который охраняет потайной люк. Нисходящий тон, предписываемый нормативными описаниями как нейтральный, в данной ситуации не передал бы необходимой эмоциональной насыщенности.

Ещё один функциональный тип отклонений представлен вопросами, которые являются не первичным запросом информации, а реакцией на предыдущую реплику, которую говорящий не расслышал или не понял. В сцене, где персонажи снова сталкиваются с Пушком, им необходимо отодвинуть его лапы, но ввиду его огромных размеров это представляется почти невозможным. Акустический анализ фиксирует на ответном вопросе «What?» восходящий тон. В отличие от нейтрального специального вопроса, где говорящий ожидает развёрнутого содержательного ответа, в данном случае вопрос служит запросом на повторение уже произнесённой информации. Восходящий тон является общепринятым просодическим маркером такого переспроса (echo question) указывает на то, что текущая реплика не продолжает содержательную линию

диалога, а возвращает его на шаг назад [4, с. 72]. Кроме того, восходящий тон в данном примере обусловлен еще одним фактором – страх влияет на эмоциональное состояние героя, ввиду чего происходит повышение тона к концу.

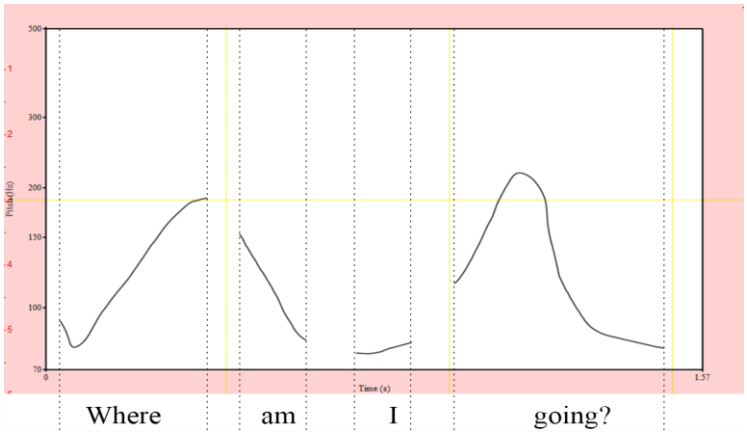


Рисунок. 3. Анализ вопроса «Where am I going?».

Еще один пример переспроса-уточнения, демонстрирующий ту же прагматическую функцию. Контур имеет волнообразную структуру. В данном примере снова наблюдается то же явление: вопрос является не первичным запросом информации, а реакцией на предыдущую реплику собеседника.

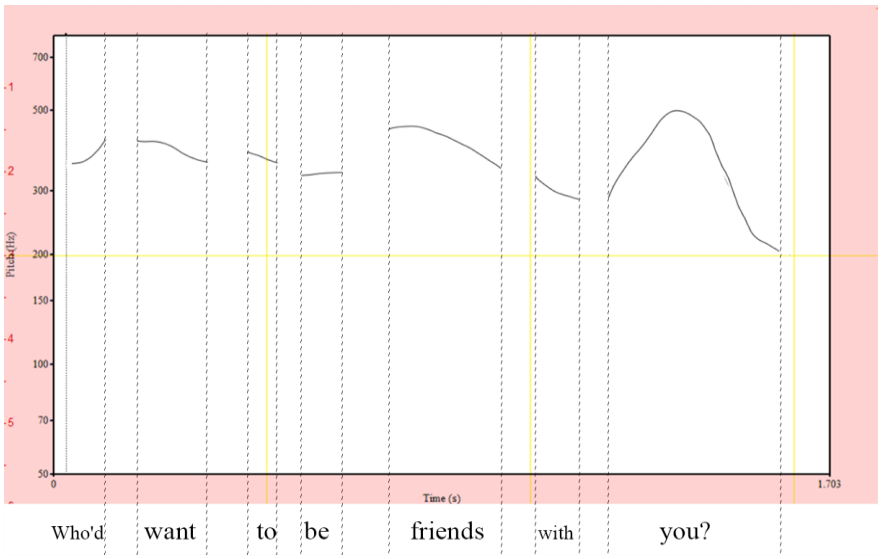


Рисунок. 4. Анализ вопроса «Who'd want to be friends with you?».

Вопрос оформлен двумя последовательными нисходящими акцентами. Первое падение на friends выделяет смысловой центр – объект предполагаемого желания. Вся реплика звучит как риторический вопрос с оттенком презрения или насмешки: говорящий не запрашивает информацию, а выражает уверенность в её отрицательном ответе. Двойное падение придаёт высказыванию категоричность и не оставляет

пространства для возражения. Данная реплика была произнесена Дадли в адрес Гарри, когда тот упомянул, что его ждут друзья. Таким образом, Дадли ставит под сомнение существование «тех самых» друзей Гарри.

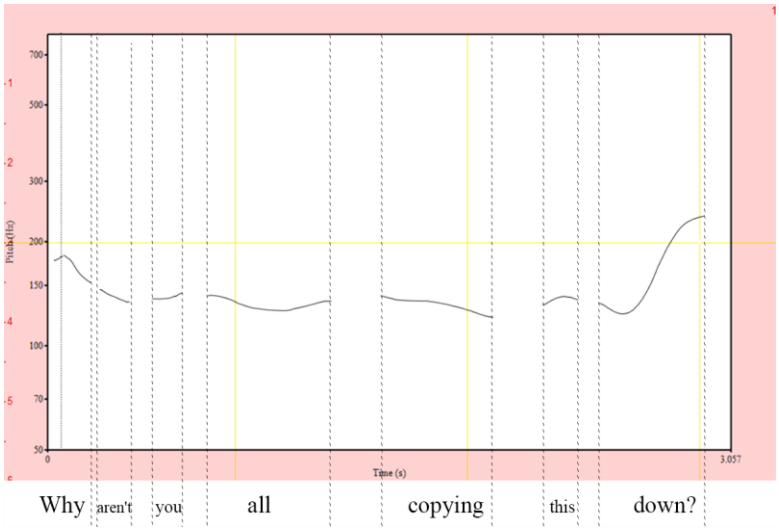


Рисунок. 5. Анализ вопроса «Why aren't you all copying this down?».

Основная часть вопроса произносится с ровной шкалой, что создаёт эффект сдержанного, почти монотонного давления. В данной сцене профессор Снейп задаёт Гарри вопросы по зельеварению. Видя, что остальные студенты напряжённо слушают, но не фиксируют «правильные» ответы, Снейп обращается к аудитории с данным вопросом. Финальный подъём на down не смягчает высказывание, а, напротив, усиливает его риторическую остроту: говорящий не ожидает объяснений, а выражает нескрываемое пренебрежение – как к Гарри, продемонстрировавшему невежество, так и к остальным студентам, которые, по мнению Снейпа, должны были бы немедленно записывать “ценные” знания, но бездействуют. Кроме того, восходяще-падающий контур был отмечен при возмущении несколько раз в рамках исследования. Например, вопрос «What on earth did you do here?» – с сильным подъёмом на «earth» и резким падением на конце – указывает на нескрываемое недовольство.

Полученные данные свидетельствуют о безусловном преобладании нисходящего тона. Вместе с тем обращает на себя внимание значительная доля иных интонационных контуров, что несколько превышает показатели, зафиксированные в некоторых корпусных исследованиях разговорной речи, и, по-видимому, отражает специфику кинематографического диалога, ориентированного на выражение эмоциональных нюансов и межличностной динамики. Иными причинами можно выделить возраст

говорящих, ведь в большинстве случаев реплики были произнесены детьми, которые, в свою очередь, склонны к эмоционально-окрашенной речи.

Таким образом, отклонения от нормативной нисходящей модели в интонационном оформлении специальных вопросов обусловлены действием конкретных прагматических факторов. Выбор тона определяется не жёсткой синтаксической детерминацией, а коммуникативной ситуацией в широком смысле: социальной дистанцией между собеседниками, эмоциональным состоянием говорящего, наличием предшествующего контекста и необходимостью выполнить фатическую, эмотивную или метакоммуникативную функцию.

Литература:

1. Cruttenden, A. Gimson's Pronunciation of English / A. C. Gimson; revised by A. Cruttenden. – 8th ed. – London: Routledge, 2008. – 408 p.

2. Ladefoged, P. A Course in Phonetics / P. Ladefoged. – 2nd ed. – New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1982. – 300 p.

3. Oberardo, M. A Short Introduction to English Pronunciation: Intonation & Prosody [open textbook] / M. Oberardo, M. Greene. – Ames: Iowa State University Press, 2023. – 128 p.

4. O'Connor, J. D. Intonation of Colloquial English / J. D. O'Connor, G. F. Arnold. – 2nd ed. – Bristol: Longman Group Ltd., 1973. – 290 p.

5. Pierrehumbert, J. B. The phonology and phonetics of English intonation: Ph. D. dissertation / J. B. Pierrehumbert. – Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 1980. – 256 p.

6. Sola Prado, A. Intonation of Wh-questions in Northern British English Spontaneous Speech / A. Sola Prado, J. Torregrosa-Azor // International Journal of English Studies. – 2023. – Vol. 23, No. 1. – P. 1–25. – DOI: 10.6018/ijes.559521.

7. Wells, J. C. English Intonation: An Introduction / J. C. Wells. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 276 p.

Крестьянинова Виктория Александровна
Krestyaninova Viktoria Aleksandrovna
студент
Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»

научный руководитель
Привалов Николай Геннадьевич
Привалов Николай Геннадьевич
доктор экономических наук, доцент
Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ И ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

FORMATION OF HUMAN RESOURCE POTENTIAL IN EDUCATION IN RUSSIA: CHALLENGES OF THE DIGITAL ERA AND TOOLS OF PUBLIC ADMINISTRATION

Аннотация. В работе анализируется актуальность формирования кадрового потенциала образования в России в условиях цифровой трансформации. Выявлены ключевые проблемы. Обоснована необходимость системной трансформации управления образованием с участием государства, педагогов и технологических компаний. Также предложены перспективные направления решения проблем, включая модульные программы обучения, единую платформу взаимодействия для мониторинга кадровых потребностей.

Abstract. The paper analyzes the relevance of developing human resource potential in education in Russia under the conditions of digital transformation. Key problems are identified. The necessity of a systemic transformation of education management with the participation of the state, teachers, and technology companies is substantiated. Promising areas for solving these problems are also proposed, including modular training programs and a unified interaction platform for monitoring staffing needs.

Ключевые слова: кадровый потенциал, цифровая грамотность, дисбаланс, педагог, компетенции, цифровая платформа.

Keywords: human resource potential, digital literacy, imbalance, teacher, competencies, digital platform.

Актуальность исследования формирование кадрового потенциала образования в России в условиях цифровой эпохи обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов – от глобальных технологических трендов до конкретных проблем национальной системы образования.

Цифровая трансформация затрагивает все уровни образовательного процесса – от

дошкольного до высшего и дополнительного профессионального образования. Внедрение искусственного интеллекта, больших данных, виртуальной и дополнительной реальности, онлайн платформ требует принципиально новых компетенций от педагогов и управленцев. По данным Минпросвещения РФ за 2024 год, 78% школ уже используют цифровые образовательные ресурсы, но лишь 37% педагогов прошли соответствующую подготовку [2]. Этот разрыв между технологической оснащённостью и кадровым потенциалом создаёт риски снижения качества образования.

Также еще пандемия covid-19 ускорила переход к гибридным и дистанционным форматам обучения, сделав цифровые навыки не преимуществом, а обязательным требованием к современному педагогу. Как отмечают исследования, вынужденная цифровизация выявила критическую зависимость образовательных результатов от уровня цифровой грамотности педагогов [6, 8]. По их данным, среди школ 40% учителей испытывают трудности в использовании цифровых платформ, при этом индекс цифровой грамотности все же оказался достаточно высокий – 87 баллов из 100. Наиболее низкий показатель по отношению к техническим инновациям – 76 баллов.

Сохраняется выраженный региональный дисбаланс. В Москве и Санкт-Петербурге доля педагогов, регулярно использующих цифровые ресурсы на уроках, достигает 75%, тогда как в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах этот показатель составляет лишь 30-40% [2]. В малых городах и селах ситуация обстоит куда острее: отсутствие новых технологий, ресурсов и перспективы карьеры, низкая заработная плата из-за небольшого количества ученик (и как следствие часов работы) способствует миграции населения в более крупные города. Подобная ситуация значительно негативно сказывается на доступности качественного образования, особенно, для начальной школы и выпускников.

Исследование спроса на сайте HH.ru показал, что сфера образования испытывает дефицит педагогов по междисциплинарным предметам. Так, большое количество вакансий по направлению программирования и методистах. Но негативная тенденция отмечается и в самой сфере образования, ВУЗы не готовы предоставить должное количество программ для обеспечения спроса. Лишь 25% педагогических программ включают модули по цифровой дидактике и анализу образовательных данных, что создаёт дисбаланс между подготовкой кадров и потребностями рынка труда.

Финансирование программ педагогов остаётся недостаточным и в целом сферы образования [7]. Так множественные исследования подтверждают те или иные проблемы в области финансов, например, в отчете указывается, что средства федерального бюджета, направленные на организацию профессионального и дополнительного обучения в целях содействия занятости населения, используются недостаточно, программы не охватывают необходимых профессией на рынке труда [8].

Слабая координация между федеральными и региональными органами управления образованием приводит к дублированию усилий. В 2023 году выявлено 17 аналогичных региональных программ повышения квалификации, не интегрированных в единую систему.

Государственная политика в сфере образования ставит задачу цифровой трансформации в число приоритетов. В рамках национального проекта «Образование» (2019-2024 года) запущены программы повышения квалификации с упором на цифровые компетенции, охватившие к 2024 году свыше 800000 педагогов. Федеральный проект «Цифровая образовательная среда» предусматривал создание сети центров непрерывного развития профессиональных компетенций, где к 2025 году планировалось обучать не менее 1 млн учителей [2]. Эффективность этих мер на прямую зависит от качества кадрового потенциала и согласованности управленческих решений.

Международная практика показывает положительные результаты в использовании цифровых технологий в обучении и подготовке специалистов, для России это только начальная ступень вызова и адаптации под цифровые изменения. Как было представлено выше, дефицит в профильных специалистах учебные заведения восполнить не могут, а со стороны работодателей не обеспечиваются конкурентные преимущества для удержания кадров. В своих исследования данные проблемы отмечаются Н. Г. Привалов и С. Г. Привалова, рассматривающие необходимость создания системы переподготовки кадров для снижения дефицита, так как сегодняшние программы значительно разняться с реальными требованиями на практике [6]. В их исследовании 2021 года показано, что 59% преподавателей вузов и 48% школьных учителей испытывают трудности с интеграцией цифровых платформ в учебный процесс из-за отсутствия системной подготовки.

Как показывают исследования Привалова Н.Г. и Башмаковой Н. И., для

российской системы образования важным является переход от просто «учителя» к наставнику и носителю традиционных ценностей, потому именно переподготовка кадров с точки зрения этой идеологии и привлечение преподавателей- представителей науки может изменить сложившуюся ситуацию [5].

В работах Н. В. Пшеничникова подчёркивается, что важным механизмом стала интеграция бизнес-сообщества в систему формирования кадрового потенциала [7]. Опыт взаимодействия учебных заведений с современными компаниями из различных сфер, например, «Яндекс», «Сбер», «Яндекс еда» помогает учащимся адаптироваться к будущей профессии уже на этапе обучения, что благоприятно сказывается, как на образовательных программах с дополнением практических заданий, так и на студентах, которые получают дополнительные навыки и практически во всех случаях обеспечиваются дальнейшим рабочим местам. Особенно практические навыки полезны в информационных технологиях, инновациях, так как данная сфера активная и меняется быстротечно.

Рассматривая перспективы и возможные пути разрешения вышеописанных проблем, выделим, что создание модульных программ, разделенных на несколько подгрупп с теорией практикой, поможет педагогам быстрее, эффективнее получить новые знания. Особенно, остро данная проблема стоит перед возрастными преподавателями, которые не только смогут углубиться в теорию, но и планомерно познать практику.

Следующим направлением можно выделить расширение программ, мер поддержки именно для сельских преподавателей, которые в силу удаленности места работы не могут посещать дополнительные курсы, поэтому обучение можно проводить как онлайн, так и организовать выездные короткие обучения в районных центрах. Но, здесь возникает технологическая проблема – перевозка материалов, компьютера, другого оснащения стоит дорого и не всегда возможно это сделать. Так же выездное обучение не затронет множества аспектов, а все покажет лишь поверхностные данные. Проблема все же разрешаема с помощью онлайн-обучение.

В работах Н. Г. Привалова [5] рассматривается возможность изменений системы образования, то есть разделить его на разновидности по классам обучения – младшие школьники, среднее звено и старшие классы. Именно с акцентом на трудовые будни, практики, которые практиковались в 80-х годах. Возможно именно государство станет

в данном направлении связующим звеном, которое не только улучшит систему образования, но и восполнит дефицитные кадры – как в системе образования, так и на рынке труда.

Прорывным направлением станет омоложение кадров. Это подразумевает под собой более активное использование цифровых технологий и внедрение онлайн-платформ, геймификации, генерации более свежих идей для адаптивных программ обучения. Развитие технологий даст возможность преподавать онлайн для более удаленных регионов, не теряя связи с профессиональным сообществом и опыт работы. Помимо этого, молодые специалисты, которые только закончили учебное учреждение «полны сил», новых идей, они более креативны и инновационны с точки зрения завлечения детей в образовательный процесс. Как отмечено исследованиями, молодые учителя активнее использую презентации, аудит и звуковые материалы, визуальные лаборатории, обучение с дополнительными платформами, например, Duolingo, интерактивные доски и другое [1].

Геймификация, технологии, повышение престижа профессии учителя, дополнительное поощрение и работа над удержанием кадров, акцент на взаимодействии учреждений, компаний и государства, могут стать прорывными для привлечения в сферу образования молодых специалистов, готовых не только выполнять свои профессиональные обязанности, но и завлекать в учебный процесс и профессию «учитель».

Литература:

1. Гусейнова Э. С. Инновационные образовательные технологии: виды, характеристика // Международный журнал гуманитарных и естественных наук, no. 11-1 (98), 2024, С. 100-103.

2. Минобрнауки РФ. Отчёт о реализации грантовых программ в сфере педагогического образования. 2023. С. 8-10.

3. Минпросвещения РФ. Статистический сборник «Образование в Российской Федерации». 2024. URL: (дата обращения: 10.04.2026).

4. Паспорт национального проекта «Образование». Утверждён в редакции от 01.01.2024.

5. Привалов Н. Г., Башмакова Н. И. Новое образование для новой России // Прикладная психология и педагогика. 2024. Т. 9. № 2. С. 15-25.

6. Привалов Н. Г., Привалова С. Г. Проблемы цифрового образования в России // Финансовые и правовые аспекты социально ориентированного инвестирования. Екатеринбург, 2021. С. 42-48.

7. Привалов, Н. Г. Проблемы недостаточного финансирования образования в России в условиях формирования цифровой экономики / Н. Г. Привалов, С. Г. Привалова // Цифровизация экономических систем: теория и практика. – Санкт-Петербург: Политех-Пресс, 2020. – С. 722-748.

8. Пшеничников, Н. В. ИТ-компании как работодатели: влияние на трудоустройство выпускников вузов / Н. В. Пшеничников // Лидерство и менеджмент. – 2025. – Т. 12, № 3. – С. 805-816.

Саломатина Александра Дмитриевна
SalomatinaA lexandra Dmitrievna
студент направления «дизайн интерьера»
ФГБОУ ВО «Российский государственный художественно-промышленный университет им. С.Г. Строганова»

Вострикова А.А.
Vostrikova A.A.
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Российский государственный художественно-промышленный университет им. С.Г. Строганова»

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ СТУДЕНТОВ-ХУДОЖНИКОВ И НЕОБХОДИОМОСТЬ ИХ ПРОФИЛАКТИКИ

OCCUPATIONAL DISEASES OF ARTISTIC STUDENTS AND THE NEED FOR THEIR PREVENTION

Аннотация. В статье приведено исследование профессиональных заболеваний студентов-художников, результаты анализа их жалоб, влияние статичной нагрузки на здоровье, а также важность применения средств физической культуры. Было проанализировано, что каждый третий студент жаловался на боль в спине, на различные заболевания из-за недостаточного развития мышечного корсета. Объектом внимания в статье стала необходимость в развитии у студентов статической выносливости мышц, а также потребность в проведении комплексных физических упражнений для профилактики заболеваний, таких как, например, остеохондроз.

Abstract. This article presents a study of occupational diseases among art students, analyzing their complaints, the impact of static loads on health, and the importance of physical exercise. It was found that one in three students complained of back pain and various ailments due to insufficient core muscle development. The article focuses on the need to develop static muscle endurance in students, as well as the need for comprehensive physical exercise to prevent diseases such as osteochondrosis.

Ключевые слова: студенты, физическая культура, физические упражнения, выносливость, профессиональные заболевания, заболевания спины, боль, профилактика, гимнастика, разминка, художники

Keywords: students, physical education, exercise, endurance, occupational diseases, back conditions, pain, prevention, gymnastics, warm-up, artists

Заметную долю своего времени студенты художественных вузов проводят за компьютером, мольбертом и чертежами. Им приходится находиться в долгих статичных позах, сидя или стоя, подвергаясь при этом ассиметричной мышечной нагрузке, что приводит к непропорциональному формированию мускулатуры.

Слабость мышечного корсета спины и других частей тела – это прямой путь к своевременному развитию многих заболеваний. Так к чему же может привести

слаборазвитый мышечный корсет?

На текущий момент, как показало исследование данной проблематики, для учащихся достаточно мало выделяется научно-методической литературы и, в целом, мало отводится внимания, как именно необходимо подготавливаться физически студентам творческих профессий (куда относятся не только художники, но и дизайнеры, архитекторы, писатели и т.д.).

Данный вопрос также изучала и интересовалась Алина Андреевна Благих из Иркутского национального исследовательского технического университета в своей научной работе «Профессиональные заболевания студентов художников и архитекторов». Она оценила на основе опросов состояние здоровья студентов учебных групп архитекторов и художников в своём университете на первых трёх курсах. Автор делает вывод, что во время образовательного процесса здоровье студентов ухудшается, они чувствуют усталость, вялость, утомляемость и мышечные боли (в частности, в спине) вследствие длительных занятий за мольбертом в одной и той же позе на протяжении долгого периода. Кроме того, студенты, которые рисуют стоя, начинают испытывать эти трудности уже в течение первых трёх часов занятия.

Автор также проводит исследование-опрос среди пятидесяти случайно выбранных учащихся творческих направлений и собрала информацию о том, что более чем у семидесяти процентов опрошенных молодых людей уже существуют проблемы с осанкой. Ещё у двадцати процентов респондентов наблюдаются боли в суставах, и у сорока трёх процентов студентов выявлены проблемы с плоскостопием. Кроме того, у пятидесяти восьми процентов студентов было отмечено, что с описанными выше проблемами они столкнулись уже непосредственно после поступления в высшее учебное заведение.

Согласно статистике, чаще всего студенты-художники встречаются со следующими болезнями и проблемами со здоровьем:

- Остеохондроз – это дегенеративно-дистрофическое заболевание позвоночника, при котором происходит изменение межпозвонковых дисков и позвонков. Примерно восемьдесят процентов населения, старше тридцати лет, страдают от данного заболевания. При этом, практически каждый человек, связанный с творческими профессиями, сталкивается с теми или иными проблемами с позвоночником, в особенности остеохондроз. В целом, у трети населения так или иначе

эта особенность организма проявляется, а примерно у пятой части присутствуют выраженные каждодневные боли и характерные симптомы;

- Сколиоз – заметное отклонение позвоночника от принятой средней линии анатомического его расположения более чем на десять градусов, как правило, с ротацией позвонков некоторой группы. В восьмидесяти шести процентов случаев сколиоз идиопатический и представляет собой структурное изменение позвоночника, не связанное с неправильной осанкой;
- Зрительный компьютерный синдром – это сочетание ряда симптомов, которые проявляются из-за напряжения глаз при нахождении за компьютером или монитором. На первоначальной стадии синдром может проявляться в виде повышенной утомляемости глаз, ощущением тяжести век и учащённым морганием. Многие отмечают сухость глаз, будто бы «насыпали песок» или взгляд «как в тумане»;
- Варикозное расширение вен – увеличение поверхностных вен нижних конечностей, которое сопровождается несостоятельностью внутренних клапанов, что приводит к нарушению кровотока.
- Карпальный туннельный синдром (он же синдром запястного канала) – это профессиональное неврологическое заболевание. Часто встречается упоминание «кистевой туннельный синдром». С ним может столкнуться практически каждый, кто регулярно задействует и напрягает в своей деятельности кисти рук. Это ранее упомянутые художники, писатели, а также IT-специалисты, киберспортсмены, гитаристы и пианисты.

Студентам, учащимся в творческих вузах, для предотвращения возникновения заболеваний, упомянутых ранее, стоит регулярно выполнять ряд физических упражнений. Это могут быть, например, круговые движения головой, плечевых суставов, кистей рук и глаз. Подойдут любые виды активности, которые смогут снять статическое напряжение в мышцах, полученное в процессе долгого нахождения в одном положении – это благоприятно повлияет на стойкость и работоспособность. Стоит уделять этому регулярные пятиминутные перерывы.

Вне учебной работы для укрепления мышц спины рекомендуется делать «лодочку» (делается лёжа на животе через одновременный подъём выпрямленных рук и ног) и планку (делается через удержание прямой линии тела с упором на предплечья или ладони и на носочках).

Изучив человеческий организм и его потенциал, установлено неблагоприятное воздействие продолжительного пребывания в неподвижном состоянии в положении сидя или стоя. При таком нахождении у человека сокращается объём циркулирующей крови по всему организму, что ухудшает, в первую очередь, кровоснабжение мозга, а творческая деятельность напрямую связана с умственной активностью. В результате уменьшения мозгового кровообращения неотвратимо наступает утомление, даже если студент крайне вдохновлён задачей и полностью поглощён учебным процессом.

Было проведено исследование Татьяной Геннадьевной Илькевич в Гжельском государственном университете среди студентов-художников, где было установлено, что на первом курсе физической культурой занимается всего лишь восемь процентов. При этом, ко второму курсу процент заинтересованных к сфере физической деятельности увеличивается более чем в пять раз – больше сорока одного процента. К третьему курсу процент тех студентов, кто занимается физической культурой снова падает – до восемнадцати процентов. Исходя из этого, можно прийти к выводам, во-первых, после начала студенческой жизни, когда на организм резко увеличивается нагрузка, несвойственная ему ранее, в виде долгих неподвижных поз за мольбертом и т.п., тело студентов буквально начинает требовать какую-либо физическую активность; во-вторых, большая часть учащихся не заинтересована в укреплении своего организма. Поэтому у студентов часто возникают болевые ощущения от утомления в различных частях тела, преимущественно, в спинном отделе.

После завершения первого курса обучения студенты-художники начинают испытывать недомогания, каких ранее не испытывали и на которые не жаловались. Так, около шестидесяти четырёх процентов студентов из опрошенных стали испытывать болевые ощущения в спине, сорок пять процентов из них также пожаловались на снижение зрения, тридцать шесть процентов стали жаловаться на постоянные головные боли (чаще одного раза в неделю), двадцать семь процентов испытывают непрерывные боли в шее и плечах, и восемнадцать процентов студентов обратили внимание на боли в пояснице. Такие результаты опроса свидетельствуют о том, что в режим учебного дня студентов-художников строго необходимо вводить направленные занятия физическими упражнениями, чтобы не допускать стремительного ухудшения здоровья. Особое внимание здесь стоит обратить на первичную профилактику основных профессиональных заболеваний позвоночника. Кроме того, стоит увеличить

количество занятий по физической культуре, проводить их на регулярной основе. Особое внимание во время их выполнения следует уделить упражнениям на усиление мышечного корсета позвоночника. Ещё одно полезное решение будет введение памяток для студентов по организацию их рабочего пространства и обязательному выполнению «физкультминуток» после каждого часа статичной художественной деятельности. Такие нововведения помогут избежать ухудшения здоровья студентов как во время учения, так и к его завершению, и в рабоче-трудовой профессиональной активности.

Заключение

Деятельность студентов-художников связана с долгим непрерывным трудом. Это неизбежно сказывается на здоровье как в моменте, так и в будущем. Самым основным выявленным заболеванием, которым страдает, по меньше мере, каждый второй студент художественного учреждения – это остеохондроз. Согласно опросам Благих А. А. и Илькевич Т. Г., практически нет студентов из творческих учебных заведений, которые не жаловались бы на те или иные боли в различных частях тела. Преимущественно, это боли в спине, плечах, шее и голове.

При этом, отмечается, что далеко не каждый студент заинтересован в упражнениях и физической культуре. Как показывает статистика и исследования, лишь только каждый десятый студент озабочен сохранением своего здоровья во время начала обучения. Несмотря на то что спрос на разминки и спортивные упражнения явно возрастает в разы к моменту окончания первых курсов, процент студентов, ведущий регулярную физическую активность, всё равно катастрофически мал. В первую очередь это связано с тем, что студенты художественных вузов не заинтересованы, не замотивированы и не понимают всю важность регулярных занятий физической культурой.

В результате отсутствия физической активности наблюдается развитие остеохондроза, а также протрузий и других заболеваний спинного отдела. Остеохондроз и другие болезни спины у художников развиваются из-за хронического нарушения питания межпозвоночных дисков. Основные механизмы развития болезней у студентов этой сферы начинаются, когда они часами стоят или сидят в одной позе, обмен веществ в позвоночнике замедляется. Постоянный наклон головы к холсту или планшету создает колоссальное давление на шейный отдел. Кроме того, рабочая рука практически всегда поднята или вытянута — это вызывает перекос плечевого пояса и неравномерное

сдавливание дисков.

Заболевания позвоночника для студентов-художников — это не просто «боль в спине», это прямая угроза их профессиональной пригодности. Из-за зажимов может нарушаться моторика кисти, а рука — дрожать и быстрее уставать.

Поэтому рекомендовано появление обязательных физкультминуток —это укрепит здоровье, иммунную систему и улучшит настроение, позволит избежать многих проблем со здоровьем как во время обучения, так и надолго после окончания учёбы.

Литература:

1. Благих А. А. Профессиональные заболевания студентов художников и архитекторов. – Иркутский национальный исследовательский технический университет. Институт архитектуры, строительства и дизайна. – Иркутск, 2018. – 148 с.

2. Бровийчук К. М. Болезни в искусстве // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – Текст научной статьи по специальности «Клиническая медицина». Том 10. № 2. – Саратов, 2020. – 53 с.

3. Илькевич Т. Г. Основные направления физкультурно-оздоровительной работы студенток-художниц в условиях кампуса / Медведкова Н. И. – Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – МО, Гжель, 2015. – 130 с.

4. Кузьменко Д.В. Сколиоз / Сеть медицинских центров и клиник «СМ-Клиника» [сайт] – Москва, 2021. – URL: https://www.smclinic.ru/diseases/skolioz/ (дата обращения: 11.04.2026).

5. Сеть клиник и медицинских центов МЕДСИ [сайт] – Москва, 2019. – URL: https://medsi.ru/articles/osteokhondroz-chto-eto-takoe-prichiny-simptomy-lechenie-i-profilaktika-kak-lechit-osteokhondroz-pozv/ (дата обращения: 11.04.2026).

6. Турбин К.О. Синдром карпального канала – синдром запястного канала / Клиника высоких медицинских технологий им. Н. И. Пирогова СПбГУ [сайт] – Санкт-Петербург. – URL: https://www.gosmed.ru/diseases/sindrom-karpalnogo-kanala-sindrom-zapyastnogo-kanala/ (дата обращения: 11.04.2026).

Федосеева Нина Михайловна
Fedoseyeva Nina Mikhailovna
заместитель министра - начальник отдела развития учреждений социального обслуживания министерства труда и социальной поддержки населения Ярославской области.
e-mail: nina_fedoseeva.76@mail.ru

ГЕРОНТОЛОГИЯ КАК ОТРАСЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

GERONTOLOGY AS A BRANCH OF PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE

Аннотация. В статье рассматривается геронтология как комплексная наука о старении, объединяющая биологические, социальные и психологические аспекты изучения поздних этапов онтогенеза. Особое внимание уделяется становлению геронтопсихологии — отрасли психологического знания, предметом которой являются закономерности психического развития личности в пожилом и старческом возрасте, динамика когнитивных, эмоциональных и поведенческих изменений, а также адаптационные и компенсаторные механизмы, обеспечивающие относительно благополучное прохождение сенильного периода. В статье анализируются ключевые понятия «старость» как заключительный период жизни и «старение» как длительный процесс нарастающих изменений в организме и психике; подчёркивается необходимость их строгого разграничения в научном и практическом контексте. Исследуются физический, личностно-психологический, социальный и профессиональный аспекты старения, а также роль кризиса развития, который рассматривается в качестве движущей силы онтогенеза даже на поздних этапах. Отдельное внимание уделяется возрастным новообразованиям, стереотипам восприятия пожилых людей в обществе и отношению различных социальных групп к старшему поколению.

Abstract. The article considers gerontology as a complex science of aging, combining biological, social and psychological aspects of studying the late stages of ontogenesis. Special attention is paid to the development of gerontopsychology, a branch of psychological knowledge that focuses on the patterns of mental development of a person in old age and old age, the dynamics of cognitive, emotional and behavioral changes, as well as adaptive and compensatory mechanisms that ensure a relatively successful passage of the senile period. The article analyzes the key concepts of "old age" as the final period of life and "aging" as a long process of increasing changes in the body and psyche; it emphasizes the need for their strict differentiation in the scientific and practical context. The physical, personality-psychological, social and professional aspects of aging are investigated, as well as the role of the developmental crisis, which is considered as a driving force of ontogenesis even at late stages. Special attention is paid to age-related neoplasms, stereotypes of perception of older people in society and the attitude of various social groups towards the older generation.

Ключевые слова: геронтология, геронтопсихология, старость, старение, сенильный период, кризис развития, адаптация, поздняя взрослость.

Keywords: gerontology, gerontopsychology, old age, aging, senile period, developmental crisis, adaptation, late adulthood.

В настоящее время проблема старения населения приобретает особую значимость

не только в биологическом и социально-экономическом, но и в ментальном, психологическом аспектах. Демографическая ситуация в развитых странах характеризуется постепенным увеличением продолжительности человеческой жизни.

Биологические, психологические и социальные аспекты старения человека, его причины и закономерности, а также способы противодействия преждевременному старению изучает комплексная наука геронтология. История становления научной геронтологии берёт начало в недрах философии, теологии и медицины. Древнегреческий врач Гиппократ рассматривал старость как результат утечки природного тепла и высыхания организма. Римский государственный деятель Цицерон в трактате «Катон Старший о старости» подчёркивал значимость нравственно прожитых лет для хорошего самочувствия и ощущения полноты жизни в преклонном возрасте. Азиатский врач и философ Ибн Сина предполагал, что старость представляет собой определённый этап жизни, обладающий неповторимыми привилегиями и приносящий человеку плоды прожитых лет в виде мудрости, авторитета, опыта, умеренности и здравомыслия.

Фрэнсис Бэкон, считающийся отцом научной геронтологии, в своей известной работе «Великое восстановление наук» писал о новой науке, целью которой станет учение о продлении жизни. Учёный полагал, что изучение данного вопроса должно идти тремя путями: замедление процесса изнашивания, надёжное поддержание существования и обновление того, что уже начало стареть. В XVIII веке геронтологии окончательно присваивается строгий научный статус. Современная наука о продлении жизни в Европе зародилась в указанный период и первоначально называлась макробиотикой, что означает «большая жизнь» или «долгая жизнь». Основоположником этой науки считают немецкого терапевта-клинициста К. Гуфеланда, главный труд которого «Искусство продлить человеческую жизнь» сыграл важную роль в формировании представлений о факторах, влияющих на долголетие [1].

В XIX веке в Европе формируются учения о старости на основе клинических наблюдений, создаются гериатрические центры «Сальпетриер» и «Бисетр» в Париже. В 1912 году в Нью-Йорке под руководством И. Нашера создаётся сообщество гериатров, а в 1914 году он издаёт первый учебник по геронтологии и гериатрии для студентов-медиков. Нашер обосновывает необходимость открытия специализированных медицинских учреждений для лечения стариков.

Отечественная наука также во многом способствовала развитию геронтологического знания. В XVIII веке увидела свет книга врача И.Б. Фишера «О старости, её степенях и болезнях», посвящённая вопросам долголетия и продления активной старости. Неоценимый вклад в продвижение геронтологии внёс И.И. Мечников, который в своих работах «Этюды о природе человека» и «Этюды о природе оптимизма» рассмотрел с научных позиций проблемы старости и смерти, выдвинул идею об ортобиозе, опроверг взгляд на старость как на болезнь и ввёл сам термин «геронтология». Д.И. Менделеев в работе «Заветные мысли» говорил о необходимости изучения вопросов, связанных с продолжительностью жизни, и рассматривал социальные аспекты геронтологии. Учёный полагал, что с увеличением процента бодрых стариков человечество должно будет улучшиться, поскольку такие старики, умудрённые опытом жизни, будут благотворно влиять на молодёжь.

В отечественной науке проблемам геронтологии как отрасли психологического знания, то есть геронтопсихологии, уже в 60–70-е годы прошлого века были посвящены работы Б.Г. Ананьева, М.Д. Александровой, Е.Ф. Рыбалко и других исследователей. В 80–90-е годы начали развёртываться эмпирические исследования отношения различных социальных групп к пожилым людям, а также их личностных характеристик и типологических особенностей [2].

Предметом геронтопсихологии является взаимосвязь физиологических аспектов старения с психологическими аспектами; личность пожилого человека в период серьёзных изменений в социальной, профессиональной и семейной сферах; процесс старения и особенности переживания личностью опыта старости, а также пожилой человек в контексте различных социальных институтов. Цель геронтопсихологии заключается в поиске путей продления благополучной, бодрой и полнокровной жизни в сенильный период; в профилактике социально-психологических проблем старшего поколения; в увеличении числа психологически здоровых пожилых людей, обладающих активной жизненной позицией и неубывающими творческими замыслами. Важным фактором становления геронтологии явилось значительное увеличение продолжительности жизни и улучшение здоровья стареющих людей в высокоразвитых странах. Было предложено выделить в этой группе четыре подгруппы: от шестидесяти до шестидесяти девяти лет, от семидесяти до семидесяти девяти лет, от восьмидесяти до восьмидесяти девяти лет, а также от девяноста лет и далее.

В современной психологии всё более утверждается точка зрения, согласно которой старение не может рассматриваться как простая инволюция, угасание или регресс. Это, скорее, продолжающееся становление человека, включающее многие приспособительные и компенсаторные механизмы. Необходимо строго различать понятия «старость» и «старение». Старость представляет собой заключительный период человеческой жизни, условное начало которого связано с отходом человека от непосредственного участия в производительной жизни общества. Данный период характеризуется новообразованиями, как и любой другой возраст. Старение же является длительным процессом постепенно нарастающих трудностей адаптации к внешнему миру и к изменениям в самом себе. Старение — это системный процесс, затрагивающий все составляющие биопсихосоциальной природы человека в их взаимодействии и взаимовлияниях, в том числе в отдельных функциональных системах психики [3].

Следует учитывать, что мозг затрачивает много энергии на адаптацию стареющего организма и психики к изменениям внутренних и внешних условий существования. Старение является эволюционно закономерным этапом жизни организма, поэтому, говоря о нормальном старении, имеют в виду возможные физиологические изменения при сохранности психической активности, деятельности и поведения человека. При старении представлены так называемые возрастные симптомы, например, в виде когнитивных ограничений, причиной возникновения которых являются естественные изменения в работе нервной системы от периферии до головного мозга.

Начало возраста старения характеризуется кризисом развития, который состоит в том, что в онтогенезе возникают внутренние противоречия, препятствующие адаптивной деятельности. Кризис можно рассматривать как движущую силу онтогенеза, в том числе и в позднем возрасте. В период кризиса складываются новые стратегии регуляции психики и поведения, необходимые для продолжения жизнедеятельности. В связи с кризисом представляется возможным выделить три этапа старения. Первый этап — кризисный, охватывающий возраст от шестидесяти до шестидесяти восьми лет. Второй этап — посткризисный, который можно назвать «второй молодостью» и который приходится на возраст от шестидесяти девяти до восьмидесяти лет. Третий этап — собственно старость, характеризующаяся истощением адаптационного ресурса, в качестве последствий которого возникает или

усугубляется психическое и соматическое неблагополучие.

Старение неизбежно. Основные признаки старения связываются с изменениями в центральной нервной системе: снижается подвижность процессов возбуждения и торможения, ослабляется чувствительность и обоняние, уменьшается острота зрения и слух. Изменяется также и психологическое восприятие действительности. Пожилой человек начинает страшиться перемен, становится консервативным, появляется склонность к нравоучениям. Возможны проявления раздражительности, вспыльчивости, агрессии или, напротив, неуверенности, подавленности, плаксивости, тревожности. Физический аспект связан с естественными изменениями в организме, снижением его функциональных возможностей. Личностно-психологический аспект охватывает изменения в характере, эмоциональной сфере и самосознании. Социальный аспект проявляется в изменении социального статуса, круга общения и роли в обществе. Профессиональный аспект связан с завершением активной трудовой деятельности и необходимостью поиска новых форм самореализации [4].

Исследования показывают, что в обществе значительное распространение получили представления о людях в их поздние годы как о беспомощных, болезненных существах, неспособных самостоятельно принимать решения, успешно выполнять общественные функции и приносить пользу обществу. Кроме того, старые люди часто стереотипизируются: они рассматриваются как однородная группа, у которой индивидуальные различия стираются. Такое негативное отношение не может не влиять на стареющих людей, однако это влияние оказывается отнюдь не однозначным.

В отечественной науке, согласно исследованиям, проведённым О.В. Красновой, представители разновозрастных групп выделили такие особенности стариков, как мудрость, наличие большого жизненного опыта, доброта, духовная значимость для молодёжи. Вместе с тем отмечаются и негативные характеристики: ворчливость, консерватизм, критическое отношение к молодым людям, плохое здоровье. Краснова подчёркивает, однако, что упоминание о негативных чертах личности стариков не влияет на положительное отношение к ним. Н.Ф. Шахматов, подводя итоги изучения отношения к пожилым людям в разных регионах нашей страны в 1979–1982 годах, подчёркивает, что наличие в семье пожилого родственника является престижным; его прошлое, жизненный опыт, личностные качества и психическая сохранность представляют собой предмет гордости родственников [5].

Таким образом, геронтология как отрасль психологического знания занимается изучением психики людей на поздних этапах онтогенеза, исследует особенности развития человека в период поздней зрелости, связанные с этим возрастные изменения организма пожилого человека (биологический аспект) и психологические проблемы, возникающие в когнитивной, поведенческой и эмоциональной сферах. Старение и старость являются закономерным следствием возрастных изменений, происходящих в ходе онтогенетического развития на всех уровнях жизнедеятельности. Задача современной геронтопсихологии состоит не в том, чтобы остановить старение как неизбежный процесс, но в том, чтобы сделать его максимально благополучным, сохранить психическое здоровье и активную жизненную позицию человека на завершающем этапе его жизненного пути.

Литература:

1. Геронтопсихология: учебное пособие / О. И. Дорогина, Ю. В. Лебедева, Л. В. Токарская, Е. В. Хлыстова; под общей редакцией Ю. В. Лебедевой; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. – 131 с.

2. Каспрук Л. И. Некоторые актуальные аспекты социальной геронтологии / Л. И. Каспрук, Д. Н. Бегун, Г. Т. Жакупова, Д. М. Снасапова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 3. – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=17979 (дата обращения: 28.05.2026).

3. Колик Г. К проблеме педагогического сопровождения досуговой деятельности людей пожилого возраста / Г. Колик // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2007. – Том 6, № 24. – С. 109–111.

4. Новикова Ж. М. Особенности психологического сопровождения людей пожилого возраста / Ж. М. Новикова // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. – Минск: Профессиональные издания, 2014. – № 3 (17). – С. 128–137.

5. Петренко А. А. Введение диссертации по психологии личности, на тему «Социально-психологические детерминанты проявления геронтологического

эйджизма» / А. А. Петренко // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 1. – С. 31–35.

Курбанова Севара Садикжановна
Kurbanova Sevara Sadikzhanovna
магистрант
Институт мировой экономики и бизнеса
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
e-mail: Kurbanova.Sevara.1@yandex.ru

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

MANIPULATIVE STRATEGIES IN ENGLISH-LANGUAGE ADVERTISING DISCOURSE: LEXICO-SEMANTIC ASPECT

Аннотация. В статье рассматриваются манипулятивные стратегии, используемые в англоязычных рекламных текстах, и анализируются лексико-семантические средства их реализации. На основе теоретического обзора концепций манипуляции (Э. Шостром, Э. Фромм, Е.Л. Доценко) и лингвистических подходов к рекламному дискурсу выделяются ключевые характеристики манипулятивного воздействия: скрытый характер намерений, односторонняя выгода для воздействующей стороны и создание иллюзии самостоятельного выбора у реципиента. Эмпирическая часть исследования включает анализ графических, фонетических, лексических и словообразовательных приемов языковой игры, а также манипуляции базовыми инстинктами (пищевым, бегства, любопытства, агрессивности) на материале аутентичных англоязычных рекламных текстов. Делается вывод о том, что манипуляция представляет собой неотъемлемый компонент современного рекламного дискурса, реализуемый через комбинацию вербальных и невербальных средств, апеллирующих к психологическим особенностям восприятия и культурным установкам аудитории.

Abstract. The article examines manipulative strategies used in English-language advertising texts and analyses the lexical-semantic means of their realisation. Based on a theoretical review of concepts of manipulation (E. Shostrom, E. Fromm, E.L. Dotsenko) and linguistic approaches to advertising discourse, the key characteristics of manipulative influence are identified: the hidden nature of intentions, unilateral benefit for the influencing party, and the creation of an illusion of independent choice on the part of the recipient. The empirical part of the study includes an analysis of graphic, phonetic, lexical, and word-formational devices of language play, as well as the manipulation of basic instincts (the food instinct, the flight instinct, the curiosity instinct, the aggressiveness instinct) based on authentic English-language advertising texts. It is concluded that manipulation constitutes an integral component of contemporary advertising discourse, realised through a combination of verbal and non-verbal means that appeal to the psychological characteristics of perception and the cultural attitudes of the audience.

Ключевые слова: рекламный дискурс, манипуляция, языковая игра, лексико-семантические средства, инстинкты, стилистические приемы, английский язык.

Keywords: advertising discourse, manipulation, language game, lexico-semantic tools, instincts, stylistic techniques, English.

Введение

В современном обществе реклама перестала быть просто каналом информирования о товарах и услугах. Сегодня это мощный механизм формирования потребительских решений, предпочтений и даже ценностных ориентиров. Рекламные сообщения окружают человека повсеместно — от ярких уличных билбордов до персонализированных объявлений в цифровых средах. При этом основная задача рекламы — побудить адресата к покупке — решается зачастую не столько через передачу фактической информации, сколько через скрытое психологическое воздействие. Именно это свойство современной рекламы делает ее одной из ключевых сфер бытования манипулятивных практик.

Под манипуляцией в данной работе понимается форма скрытого психологического воздействия, направленная на изменение восприятия, установок или поведения реципиента в интересах воздействующей стороны. Как справедливо отмечает Е.Л. Доценко, манипуляция характеризуется тем, что партнер по взаимодействию рассматривается не как самостоятельная личность, а как средство достижения чужих целей; сам факт воздействия остается неосознаваемым; а эффект достигается за счет игры на психологических уязвимостях адресата [2, с. 89].

Цель настоящего исследования — проанализировать манипулятивные стратегии в англоязычном рекламном дискурсе и охарактеризовать лексико-семантические средства, посредством которых эти стратегии реализуются. Объектом исследования выступают аутентичные англоязычные рекламные тексты, предметом — лексические и семантические компоненты манипулятивных стратегий.

Теоретические основы изучения манипуляции

Интерес к манипуляции как к социально-коммуникативному феномену заметно усилился на протяжении XX столетия. Этому способствовали два основных фактора. Во-первых, распространение глобальных средств массовой коммуникации — радио, телевидения, кинематографа, а затем интернета и социальных сетей — многократно увеличило охват аудитории и интенсивность информационного воздействия. Во-вторых, в практику убеждения стали активно внедряться результаты психологических исследований, касающиеся механизмов принятия решений, эмоциональной реактивности, когнитивных искажений и поведенческого обусловливания. Совокупность этих знаний получила название «психология влияния».

В истории изучения манипуляции сложилось несколько значимых теоретических подходов. Э. Шостром акцентировал внимание на том, что манипуляция превращает человека в объект, лишая его автономии и способности к аутентичному самоопределению. Э. Фромм, напротив, рассматривал манипуляцию в широком социально-экономическом контексте, утверждая, что логика рыночных отношений проецируется на межличностное взаимодействие, и люди привыкают воспринимать себя и других в категориях меновой стоимости. Т. Адорно в своих исследованиях тоталитарных режимов выявил методы социально-политической манипуляции, основанные на невротических потребностях в контроле, доминировании и самоутверждении за счет других.

Особое место занимает советская исследовательская традиция, представленная работами Б.Н. Бессонова, Д.А. Волкогонова и П.С. Гуревича. В отличие от западных подходов, эти авторы помещали манипуляцию в контекст политической идеологии, рассматривая средства массовой информации как инструменты формирования общественного сознания. При этом характерной чертой советских исследований было последовательное внимание к этическим аспектам манипуляции. В работах этих ученых подчеркивалось, что манипуляция наносит вред не только обществу в целом — размывая доверие, поляризуя сообщества и подрывая демократические процедуры, — но и отдельной личности, подрывая ее способность к осознанному выбору и чувство субъектности.

В лингвистическом ракурсе манипуляция представляет интерес как форма речевого воздействия, связанная со снижением критичности восприятия информации адресатом. Как отмечает Н.Е. Гронская, «лингвистическая манипуляция должна пониматься с учетом того, как передаваемая информация воздействует на реципиента и как он воспринимает ее содержание» [3, с. 4]. В настоящем исследовании проводится различие между терминами «манипуляция» (психологический результат) и «манипулирование» (техническая, собственно лингвистическая деятельность, ведущая к этому результату). Коммуникативное измерение лингвистической манипуляции стало привлекать внимание исследователей к концу XX века, когда в фокус научных интересов попало понятие дискурса — сложного коммуникативного явления, включающего помимо текста экстралингвистические факторы [4, с. 8].

Англоязычный рекламный дискурс: национально-культурная специфика

Англоязычный рекламный дискурс представляет собой многогранное явление, отражающее ценности, менталитет и культурные особенности англоязычного мира. В условиях глобализации английский язык выполняет функцию языка-посредника в международной коммуникации, и рекламный дискурс становится транслятором культурных норм, установок и мировоззренческих моделей.

Среди характерных черт англоязычной рекламы можно выделить лаконичность, активное использование стилистических приемов (метафоры, аллитерации, рифмы), широкое применение сравнительных и превосходных степеней прилагательных для подчеркивания уникальности продукта, а также опору на культурные коды западного общества — индивидуализм, успех, комфорт, свободу выбора. Показательным примером может служить слоган компании Nike «Just Do It», который не столько описывает продукт, сколько транслирует ценности решительности, активности и саморазвития.

Особого внимания заслуживают процессы перевода и адаптации англоязычной рекламы в иные культурные среды. Как показывает практика, буквальный перевод нередко приводит к искажению исходного смысла и комическим эффектам. Классический пример — выход сети KFC на китайский рынок, где первоначальный перевод слогана «Finger Lickin' Good» как «Откусите свои пальцы» был заменен на более удачный вариант, сохранивший исходную интенцию. Адаптационный процесс включает в себя локализацию (учет региональных особенностей), калькирование (дословную передачу стилистической формы), реформулирование (изменение формы при сохранении смысла) и модификацию изображения (адаптацию визуального ряда под культурные нормы).

Механизмы манипулятивного воздействия

Проведенный анализ позволяет систематизировать манипулятивные средства, используемые в англоязычном рекламном дискурсе, по нескольким уровням.

Графические средства. Использование графических приемов в рекламных текстах объясняется двумя причинами. Во-первых, современный потребитель, привыкший к высокому темпу жизни, быстрее реагирует на короткие, яркие и выразительные сообщения. Во-вторых, человеческий глаз воспринимает не отдельные буквы, а целые группы знаков. К числу основных графических приемов относятся: типографское выделение (нестандартное использование прописных букв для акцентирования

сегмента внутри слова; частный случай — капитализация, написание целых слов заглавными буквами); цветовое выделение; смешение кодов (передача значения слова или фразы с помощью разных графических знаковых систем); орфографическое отклонение (намеренное нарушение орфографических норм); пунктуационное отклонение (намеренное нарушение пунктуационных норм). Примером орфографического отклонения может служить рекламный текст «Aaaawesome!», где многократное повторение буквы «а» передает интонацию восхищения.

Фонетические средства. Среди фоностилистических приемов, используемых в рекламных слоганах, наиболее частотны ритм и рифма, а также аллитерация — повторение согласных (или гласных) звуков в начале близко расположенных ударных слогов. Аллитерация служит для создания определенной эмоциональной тональности и является эффективным выразительным средством. В слогане «Power of Porsche» повторение звука [p] создает впечатление мягкости, легкости и скрытой мощи, что способствует формированию у реципиента образа элитарного автомобиля. В рекламе чипсов Pringles — «Once you pop, you can't stop» — использование аллитерации (повторение звуков /p/, /s/, /t/) и ассонанса (повторение гласного /ɒ/) создает ощущение хруста, а парронимическая аттракция между pop и stop усиливает запоминаемость. Звуковые повторы наделяют текст ритмом, выразительностью и эмоциональной насыщенностью.

Лексические средства. Наиболее распространенной разновидностью языковой игры в рекламе является лексическая игра, включающая метонимию, метафору, лексический повтор, аллюзию и каламбур. Метафора в рекламном тексте выполняет не только изобразительную, но и интригующую функцию: она превращает сухую информацию в интересную, красочную картину, заставляя потребителя задуматься о скрытом смысле сообщения. Примерами удачных метафор могут служить «океан мебели», «волна удовольствия», «магия кофе». Гипербола (преднамеренное преувеличение) используется для создания иллюзии уникальности и высокого качества продукта: «удаляет пятна лучше, чем десять других средств вместе взятых», «самый быстрый интернет во Вселенной». Эпитеты призваны вызывать положительные ассоциации: нежный, яркий, роскошный, элегантный, мощный, уникальный, ультрасовременный.

Словообразовательная игра заключается в создании окказионализмов — новых

слов, сконструированных для конкретного контекста. Их семантика строится на ассоциациях со словами-основами, а эффект новизны делает их особенно привлекательными для адресата. Примером может служить «Glow getter», образованное по аналогии с «go-getter» (человек, стремящийся к успеху и обязательно его достигающий). Рекламный слоган обещает потребителю обрести сияющий образ и стать «добытчиком» в сфере красоты. В данном случае доминирует языко-творческая функция, поскольку для рекламной кампании было создано новое языковое средство.

Манипуляция инстинктами. В основе классификации, использованной в настоящем исследовании, лежит типология англо-американского психолога Уильяма Макдугалла, включающая двенадцать инстинктов: бегства, отвращения, любопытства, агрессивности, самоуничижения, самоутверждения, родительский, репродуктивный, пищевой, стадный, приобретательства и творческий. Анализ англоязычных рекламных текстов показывает, что наиболее часто эксплуатируются четыре инстинкта: пищевой, инстинкт бегства, инстинкт любопытства и инстинкт агрессивности.

Манипуляция пищевым инстинктом направлена на формирование установки: «Этот продукт выглядит аппетитно — мне хотелось бы его попробовать». Типичными лексическими средствами являются глаголы feed, refresh и прилагательные sweet, tasty. Примером может служить рекламный плакат Subaru Forester со слоганом «Refresh yourself with one of these tasty offers!», где глагол refresh используется в переносном значении «взбодриться, сменить ритм».

Манипуляция инстинктом бегства опирается на установку: «Я знаком с этой проблемой и всегда убегал от нее. Этот продукт поможет мне перестать убегать, справиться с проблемой и чувствовать себя уверенно». Средствами воздействия служат прилагательное dangerous и глаголы avoid, get rid of. В рекламе ювелирной компании фраза «Getting rid of headaches since 1888» в сочетании с изображением кольца с бриллиантами побуждает мужскую аудиторию решить «проблему» постоянных споров с партнершей.

Манипуляция инстинктом любопытства опирается на установку: «Я хочу улучшить свои знания в определенной области или получить новые впечатления, и этот продукт будет мне полезен». Средствами служат наречия со значением недостаточности (not enough), существительные adventure, journey, curiosity, глаголы await, wait, expect, learn, прилагательное new. В рекламе Audi Q5 текст «Adventure awaits

with the Audi Q5» внушает потребителю, что покупка автомобиля откроет новые приключения.

Манипуляция инстинктом агрессивности направлена на установку: «Это вызывает у меня агрессию. Я хочу избавиться от этого чувства, и этот продукт поможет мне это сделать». Лексическими средствами служат глаголы beat, hit, kill, destroy. В рекламе мороженого McDonald's слоган «Beat the May weather» вызывает у читателя агрессию по отношению к жаркой погоде и предлагает решение проблемы с помощью глагола beat.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что манипуляция является неотъемлемым компонентом современного англоязычного рекламного дискурса. Она реализуется через тщательно выстроенную комбинацию вербальных и невербальных средств, апеллирующую к психологическим особенностям восприятия и культурным установкам целевой аудитории.

Наиболее эффективными манипулятивными стратегиями в англоязычной рекламе оказываются: эксплуатация базовых инстинктов (пищевого, бегства, любопытства, агрессивности); использование языковой игры на всех уровнях языковой системы — фонетическом (аллитерация, ассонанс, рифма), лексическом (метафора, метонимия, гипербола, эпитеты), словообразовательном (окказионализмы); активное применение ключевых слов с конкретным, легко визуализируемым значением; а также графические приемы (капитализация, орфографические и пунктуационные отклонения, смешение кодов).

Понимание механизмов манипуляции в рекламном дискурсе имеет не только теоретическое значение, но и практическую ценность. Оно позволяет реципиентам более осознанно воспринимать рекламные сообщения, распознавать скрытые техники воздействия и принимать более информированные потребительские решения. В свою очередь, это способствует сохранению психологической автономии и снижению уязвимости перед нежелательным внешним влиянием. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейших работах по прагмалингвистике и медиадискурсу, а также в учебных курсах по маркетингу, рекламе и медиаграмотности.

Литература:

1. Марьина А.В. Концептуальный анализ рекламного дискурса (на материале концепта «дом») – 2015 – URL: http://www.mediascope.ru/node/1736 (дата обращения 05.05.2026)

2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, 2000. – 344 с.

3. Петрова Х. Б., Черникова Ю. С. Основные средства вербальной манипуляции в дискурсе англоязычной наружной рекламы // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2015. — № 4. — С. 165–173

4. Караулов Ю.Н., Петров, В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 5–11.

5. Чуфадар Н., Митева, А. Анализ лексико-семантических особенностей языка медиа и рекламы и психологическая манипуляция // Научные труды Шуменского университета «Епископ Константин Преславский». — 2025. — Т. 11, № 1. — С. 106–120.

6. Макдугалл У. Основные проблемы социальной психологии / пер. с англ. — М.: Космос, 1916. — 286 с. [William McDougall, An Introduction to Social Psychology, 1908]

Быкова Людмила Владимировна
Bykova Lyudmila Vladimirovna
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры лингвистики и переводоведения
БУ ВО «Сургутский государственный университет»

Каршибаева Фарангиз Исамиддиновна
Karshibaeva Farangiz Isamidinovna
студент
БУ ВО «Сургутский государственный университет»

СТРАТЕГИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ТЕКСТАХ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА США Д. ТРАМПА

STRATEGY OF SELF-PRESENTATION IN THE TEXT OF PUBLIC SPEECHES OF US PRESIDENT D. TRUMP

Аннотация. В статье рассматривается стратегия самопрезентации в политическом дискурсе. На материале публичных выступлений президента США Д. Трампа (2025–2026 гг.) анализируются четыре тактики реализации стратегии самопрезентации: отождествления, гипертрофирования «я-темы», акцентирования положительной информации и насмешки, и выявляются лингвистические средства каждой тактики. В результате анализа сделан вывод о том, что стратегия самоперезентации является одной из ведущих коммуникативных стратегий действующего президента США.

Abstract. The article examines the strategy of self-presentation in political discourse. Based on the material of public speeches by US President D. Trump (2025–2026), four tactics for implementing the self-presentation strategy are analyzed: identification, exaggeration of the “I-topic”, emphasizing positive information and ridicule, and the linguistic means of each tactic are identified. As a result of the analysis, it was concluded that the strategy of self-presentation is one of the leading communication strategies of the current US President.

Ключевые слова: политический дискурс, речевое воздействие, стратегия самопрезентации, коммуникативные тактики, Д. Трамп

Keywords: political discourse, speech influence, self-presentation strategy, communication tactics, D. Trump

Введение

В современной политической лингвистике повышенное внимание уделяется механизмам речевого воздействия, с помощью которых политические лидеры формируют общественное мнение, конструируют собственный имидж и добиваются электоральной поддержки. Политический дискурс, понимаемый как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами» [1, с. 136–137], служит не только средством передачи информации, но и инструментом борьбы за власть.

Особый интерес в этом контексте представляет риторика 47-го президента США Д. Трампа, чей публичный стиль исследователи характеризуют как провокационный, эмоционально заряженный и подчёркнуто антиэлитарный. Анализ выступлений политика позволяет выявить целый комплекс коммуникативных стратегий. Согласно классификации О.Н. Паршиной, в политическом дискурсе выделяются стратегии самопрезентации, дискредитации, нападения, самозащиты, формирования эмоционального настроя адресата, а также информационно-интерпретационная, аргументативная, агитационная и манипулятивная [3, с. 8].

Как показал анализ материала, в выступлениях Д. Трампа за период 2024–2026 гг. ведущими являются четыре стратегии: самопрезентация (26% от общего числа выявленных примеров), дискредитация (20,5%), самозащита (26%) и манипулятивная (27,5%). При этом стратегия самопрезентации занимает особое место, поскольку именно она обеспечивает целенаправленное конструирование положительного публичного образа политика, без которого остальные стратегии теряют эффективность.

Цель данной статьи – выявить и проанализировать тактики стратегии самопрезентации в текстах публичных выступлений Д. Трампа, а также описать лингвистические средства их реализации. Материалом исследования послужили тексты 11 публичных выступлений действующего президента США за период с декабря 2024 г. по апрель 2026 г., включая инаугурационную речь, обращения к Конгрессу, выступление в ООН, саммит Россия – США на Аляске и другие.

Стратегия самопрезентации: понятие и место в системе стратегий

Под речевой стратегией в политической лингвистике понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [2, с. 56]. Каждая стратегия реализуется через определенный набор тактик, которые, в свою очередь, формируют ее содержательное наполнение. Группы тактик объединяются общей целевой установкой, поскольку успешное решение коммуникативной задачи достигается при условии соответствия тактик и стратегической цели.

А.П. Чудинов определяет тактики как «конкретные способы реализации стратегии» [4; с. 61]. О.С. Иссерс уточняет, что тактики представляют собой действия, способствующие реализации стратегии [2; с. 182].

Стратегия самопрезентации представляет собой способ «самоподачи» оратора, отражающий его личностные качества и направленный на формирование

определённого впечатления о нём и его целях. Для политиков, уже достигших власти, данная стратегия выступает в качестве сопутствующей методики поддержания имиджа, однако её значение остаётся высоким. Формирование положительного впечатления об адресанте вызывает доверие аудитории к говорящему, что является необходимым условием для успешной реализации других стратегий – дискредитации оппонентов или самозащиты от обвинений.

В рамках стратегии самопрезентации на материале выступлений Д. Трампа были выделены четыре основные тактики: отождествления, гипертрофирования «я-темы», акцентирования положительной информации и насмешки. Рассмотрим каждую из них.

1. Тактика отождествления

Тактика отождествления направлена на стирание границ между политическим лидером и аудиторией, создание образа общности и коллективной идентичности. Ключевым лингвистическим инструментом выступают местоимения первого лица множественного числа.

Пример из инаугурационной речи 2025 г.:

«From this day forward, our country will flourish and be respected again all over the world. We will be the envy of every nation. And we will not allow ourselves to be taken advantage of any longer» (20.01.2025). Местоимения «we», «our», «ourselves» выполняют несколько функций: прямое отождествление говорящего с гражданами, создание коллективной миссии и разделение ответственности. Политик не говорит «я сделаю», а утверждает «мы не позволим», что принципиально меняет характер восприятия.

В другом фрагменте той же речи тактика усложняется:

«After all we have been through together, we stand on the verge of the four greatest years in American history. With your help, we will restore an American promise and we will rebuild the nation that we love. And we love it so much. We are one people, one family and one glorious nation under God. So to every parent who dreams for their child and every child who dreams for their future: I am with you, I will fight for you and I will win for you. And we're going to win like never before» (20.01.2025). Тактика отождествления в данном примере строится на создании глубокой эмоциональной связи с аудиторией. Использование местоимения «we» создает образ общности, а местоимение «you» эффективно применяется для установления прямой, почти персональной связи со слушателем. Ключевым лингвистическим элементом является внедрение метафоры

«one family». Она позволяет политику позиционировать себя не как главу государства, а как главу семьи, разделяющего все трудности со своей семьей (нацией) и ведущего ее к процветанию.

2. Тактика гипертрофирования «я-темы»

Данная тактика направлена на акцентирование внимания публики на своей личности. Она реализуется через доминирование местоимения первого лица единственного числа «I», гиперболы и лексику превосходства. В отличие от тактики отождествления, здесь политик сознательно отделяет себя от аудитории, подчёркивая свою уникальность.

Например, в своей инаугурационной речи Д. Трамп произносит следующие слова:

«Those who wish to stop our cause have tried to take my freedom and indeed to take my life…I was saved by God to make America great again» (20.01.2025). В данном примере политик обращается к инциденту с покушением, представляя его как попытку врагов лишить его не только свободы, но и жизни. Акцент на собственной личности достигается за счёт активного использования местоимений первого лица – как притяжательного «my» (my freedom, my life), так и личного «I». Ключевая фраза «I was saved by God to make America great again» призвана показать, что его миссия имеет божественное предназначение, а президентство является не просто политической должностью, а судьбоносной ролью в истории страны.

В выступлении на совместном заседании Конгресса Д. Трамп прибегает к «гипертрофированной жертвенности»:

«I look at the Democrats... and I realize there is absolutely nothing I can say... I could find a cure to the most devastating disease... Nothing I can do» (04.03.2025). Инверсия во фразе «Nothing I can do» подчёркивает полное бессилие говорящего, что усиливает контраст между гипотетическими заслугами личности и их непризнанием оппонентами, вызывая сочувствие аудитории.

В выступлении на 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН политик противопоставляет себя международной организации:

«No president or prime minister... has ever done anything close to that, and I did it in just seven months... It's too bad that I had to do these things instead of the United Nations doing them» (23.09.2025). Отрицательные конструкции («No president», «never») и противопоставление личного «I» институциональному «United Nations»

гипертрофируют личность президента до беспрецедентного уровня.

3. Тактика акцентирования положительной информации

Тактика акцентирования положительной информации проявляется в демонстрации исключительно положительных качеств субъекта, его успехов и достижений. Характерными лингвистическими средствами являются оценочная лексика с позитивной семантикой, превосходная степень прилагательных, прецизионные числительные и контрастные конструкции.

Рассмотрим фрагмент из выступления Д. Трампа на 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН:

«Under my leadership, energy costs are down, gasoline prices are down... The only thing that's up is the stock market, which just hit a record high. In fact, it's hit a record high 48 times» (23.09.2025). Вынесенная в начало предложная фраза «Under my leadership» приписывает все позитивные изменения лично говорящему. Бинарный контраст («down» vs «up», «record high») формирует картину тотального успеха.

В том же выступлении политик произносит и следующие слова:

«We've implemented the largest tax cuts in American history and the largest regulation cuts in American history, making this once and again the best country on earth to do business» (23.09.2025). Превосходная степень прилагательных («the largest», «the best») в сочетании с указанием на рекордно короткий срок («In just eight months») создаёт впечатление беспрецедентной эффективности. Контраст с прошлым («Four years less than a trillion... eight months much more than $17 trillion») служит для нейтрализации возможных негативных сравнений и однозначно доказывает превосходство текущего руководства.

4. Тактика насмешки

Тактика насмешки нацелена на дискредитацию или унижение оппонента путём создания комически-презрительного образа его действий. Её деструктивный потенциал реализуется через сарказм, иронию, риторические вопросы и уничижительные прозвища.

В выступлении на совместном заседании Конгресса Д. Трамп характеризует своего политического оппонента:

«In comparison, under Joe Biden, the worst president in American history, there were hundreds of thousands of illegal crossings... Who would want to do that?» (04.03.2025).

Прямая оскорбительная характеристика («the worst president») и риторический вопрос («Who would want to do that?») выражают крайнее презрение и приглашают аудиторию к совместному саркастическому осмеянию представленной политики как абсурдной и нелогичной.

В выступлении в ООН насмешка приобретает форму драматизации бытового инцидента:

«If the first lady wasn't in great shape, she would have fallen... This is... a bad escalator and a bad teleprompter. Thank you very much» (23.09.2025). Повторяющаяся конструкция («a bad escalator and a bad teleprompter») и провокационное выражение благодарности («Thank you very much») создают образ ООН как некомпетентной организации, переводя критику в плоскость открытой публичной издёвки.

Заключение

Проведённый анализ показал, что стратегия самопрезентации в текстах публичных выступлений Д. Трампа реализуется через системное и взаимосвязанное использование четырёх тактик.

Тактика отождествления обеспечивает создание образа общности через стратегическое употребление местоимений первого лица множественного числа («we», «our») и метафоры семьи («one family»). Тактика гипертрофирования «я-темы» акцентирует исключительную роль лидера через доминирование местоимения «I», гиперболы («more than any president»), апелляцию к божественному предназначению («saved by God») и противопоставление институциональным структурам («instead of the United Nations»). Тактика акцентирования положительной информации формирует безусловно позитивный имидж с помощью превосходной степени прилагательных («the largest», «the best»), контрастных конструкций и конкретизации достижений. Тактика насмешки выполняет деструктивную функцию, дискредитируя оппонентов через сарказм, риторические вопросы, уничижительные номинации («the worst president») и драматизацию бытовых ситуаций.

В совокупности данные тактики образуют целостную риторическую модель, в которой позитивная саморепрезентация лидера неразрывно связана с активным нивелированием политических противников. При этом стратегия самопрезентации выступает лишь одной из ведущих стратегий в более широкой системе политической коммуникации Д. Трампа, куда также входят стратегии дискредитации, самозащиты и

манипулятивная.

Литературa:

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 136–137.

2. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 9-е изд. – М.: URSS, 2022. – 308 с.

3. Паршина, О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / О. Н. Паршина; под ред. О. Б. Сиротининой. – М.: URSS, 2022. – 232 с.

4. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А. П. Чудинов. – М.: ФЛИНТА, 2023. – 256 с.

5. Trump, D. J. Inaugural Address, January 20, 2025 [Electronic resource]. – URL: https://www.rev.com/transcripts (date of access: 12.10.2025).

6. Trump, D. J. Address to a Joint Session of Congress, March 4, 2025 [Electronic resource]. – URL: https://www.rev.com/transcripts (date of access: 12.10.2025).

7. Trump, D. J. Remarks at the Russia-US Summit in Alaska, August 15, 2025 [Electronic resource]. – URL: https://www.rev.com/transcripts (date of access: 20.10.2025).

8. Trump, D. J. Address to the 80th Session of the UN General Assembly, September 23, 2025 [Electronic resource]. – URL: https://www.rev.com/transcripts (date of access: 25.10.2025).

Бадашова Александра Олеговна
Badashova Aleksandra Olegovna
студент
кафедра общей психологии и истории психологии,
ФГБОУ ВО «Новосибирский педагогический государственный университет»

научный руководитель
Большунова Наталья Яковлевна
Bolshunova Natalya Yakovlevna
доктор психологических наук,
профессор кафедры общей психологии и истории психологии,
ФГБОУ ВО «Новосибирский педагогический государственный университет»

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМПАТИИ И ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОПЫТА У ПОДРОСТКОВ И ЛИЦ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

THE RELATIONSHIP BETWEEN EMPATHY AND AESTHETIC EXPERIENCE IN ADOLESCENTS AND YOUNG ADULTS

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимосвязи эмпатии и эстетического опыта у подростков и лиц юношеского возраста. Рассматривается значение эмоционального и культурного развития личности в условиях современной социокультурной среды. Теоретической основой исследования выступают представления об эмпатии как многокомпонентном психологическом конструкте, включающем когнитивные и аффективные компоненты, а также современные подходы к пониманию эстетического опыта. В исследовании приняли участие 118 обучающихся в возрасте от 16 до 18 лет. Для диагностики использовались многофакторный опросник эмпатии М. Дэвиса (IRI), опросник эстетического опыта AEQ-NmA и шкала эстетических эмоций «ЭстЭм». В результате были выявлены статистически значимые взаимосвязи между эмпатией, эстетическим опытом и эстетическими эмоциями. Установлено, что когнитивные компоненты эмпатии, в частности фантазирование и децентрация, связаны с показателями культурной включенности и познавательной вовлеченности в эстетическое восприятие.

Abstract. This article explores the relationship between empathy and aesthetic experience in adolescents and young adults. It examines the importance of emotional and cultural development in the modern sociocultural environment. The theoretical basis of the study is the concept of empathy as a multicomponent psychological construct, including cognitive and affective components, as well as modern approaches to understanding aesthetic experience. The study involved 118 students aged 16 to 18. The Davis Multifactorial Empathy Inventory (IRI), the Aesthetic Experience Questionnaire (AEQ-NmA), and the Esthetic Emotions Scale (EstEm) were used for assessment. Statistically significant relationships were identified between empathy, aesthetic experience, and aesthetic emotions. It was found that the cognitive components of empathy, particularly fantasizing and decentering, are associated with measures of cultural inclusion and cognitive engagement in aesthetic perception.

Ключевые слова: эмпатия, эстетический опыт, эстетические эмоции, подростковый возраст, юношеский возраст, эмоциональное развитие, децентрация, фантазирование.

Keywords: empathy, aesthetic experience, aesthetic emotions, adolescence, youth, emotional development, decentration, fantasizing.

Современная культура формируется в условиях перехода от модерна и постмодерна к новой культурной парадигме, которую ряд исследователей определяют как метамодерн. Для модерна и постмодерна характерно разрушение традиционных дихотомий: реализма и ирреализма, формализма и содержательности, элитарности и массовости [1]. Современная культура продолжает следовать этой динамике и характеризуется установкой на радикальный плюрализм, что способствует многообразию форм художественного выражения и расширению доступности искусства для различных социальных групп. Существенное влияние на современность оказывают и процессы глобализации, которые интегрируют и унифицируют различные культуры в единое целое [2].

В связи с этим особую значимость приобретает понимание условий, в которых формируются современные поколения. Также важным представляется контекст эпохи, в которую проводятся исследования, посвященные восприятию искусства и получению эстетического опыта, поскольку личность развивается в определенном культурном и информационном пространстве и неотделима от среды, в которой живет, развивается, воспитывается и социализируется [3].

Подростковый и юношеский возраст являются значимыми этапами личностного становления. Согласно культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, одной из ведущих задач развития становится приобщение личности к обществу и культуре, поиск своего места в социальной среде и создание системы отношений с окружающим миром на уровне самостоятельного индивида [4]. В эпигенетической концепции Э. Эриксона особое внимание уделяется поиску ценностей, установок и собственной идентичности [5]. Кроме того, важной задачей подросткового возраста является развитие эмоциональной регуляции, способности к осознанию, пониманию и вербализации собственных эмоциональных состояний.

В современных условиях высокой интенсивности информационного потребления особое значение приобретает вопрос приобщения подрастающего поколения к мировому культурному наследию. Искусство может выступать пространством безопасного эмоционального опыта, способствующего развитию эмоциональной сферы

личности, способности к рефлексии и пониманию собственных переживаний [6].

Одним из психологических конструктов, связанных с эмоциональным и эстетическим развитием личности, является эмпатия. Эмпатия — это многофункциональный конструкт, обеспечивающий понимание эмоциональных состояний других людей, способность к сопереживанию и более тонкому восприятию эмоционального содержания художественных объектов. Развитая эмпатия способствует не только межличностному взаимодействию, но и более глубокому восприятию искусства, поскольку позволяет личности эмоционально включаться в содержание произведения и интерпретировать вложенные в него переживания и смыслы [7].

Проблема эстетического опыта в последние годы становится предметом активного изучения в психологии искусства. Многие исследователи отмечают, что взаимодействие личности с искусством связано с эмоциональными, когнитивными и культурными аспектами восприятия.

М. А. Шестова разработала системно-динамическую модель эстетического опыта — современный концептуальный подход, продолжающий традицию отечественной психологической школы О. К. Тихомирова в исследовании эстетических переживаний — и рассматривает эстетический опыт как сложную динамическую систему, где эстетические эмоции и суждения опосредуются личностными установками. М. А. Шестовой было доказано, что эстетические суждения выполняют посредническую функцию, связывая личностные конструкты с возникающими эстетическими эмоциями [8]. С. Г. Афанасьев исследовал эмпатию через концепцию «вчувствования» Т. Липпса, которая утверждает, что личность проецирует свои чувства и внутренний мир на объект искусства, в результате чего включается в процесс активного восприятия и сопереживания. Согласно позиции автора, художественное восприятие строится на процессах идентификации, где воображение и эмоциональное вовлечение играют центральную роль [7]. М. В. Черников, Л. С. Перевозчикова, Е. В. Авдеенко в своей работе рассматривали историко-философские и культурологические подходы к решению «проблемы эстетического». Было обнаружено, что такие подходы отмечаются низкой продуктивностью с точки зрения прояснения специфики феномена эстетической эмоции. Авторы выдвинули предположение, что привнести существенный прогресс в понимание феномена эстетической эмоции способен когнитивный подход, основанный на современных достижениях наук о человеке [9]. Д. А. Хорошилов и его коллеги

рассматривают эстетическую парадигму как междисциплинарный подход, в котором совмещены традиционные научные подходы и художественные способы познания психики. Например, исследователи предлагали изучать психику через культуру как инструмент познания с использованием анализа культурных объектов. С помощью репрезентации произведений можно исследовать бессознательные и коллективные переживания в условиях современного общества [10].

Несмотря на существующие исследования в области психологии искусства на тему эстетического опыта и эмоций, остается недостаточно исследованной роль эмпатии в восприятии искусства, а также взаимосвязь эмпатии с эстетическим опытом как психологическим механизмом эстетического восприятия, особенно в подростковом и юношеском возрасте. Это определяет актуальность настоящего исследования.

Для периода взросления особую значимость приобретают процессы эмоционального становления личности и ее приобщения к культурному пространству. В связи с этим актуальным становится изучение психологических механизмов, обеспечивающих глубину эмоционального отклика и эстетического восприятия.

Для качественного восприятия искусства необходимо не только фиксирование внешних характеристик объекта, понимание его смысла, значения, но и вчувствование в него — психологического и эстетического погружения для мысленного и эмоционального переноса в состояние объекта или явления [11]. В этом процессе значимую роль играет многофункциональная личностная структура, которая обеспечивает возможность эмоционального контакта с окружающей средой — эмпатия. Особенно важными аспектами эмпатии в контексте эстетического опыта являются фантазирование и децентрация, поскольку именно они обеспечивают возможность к интерпретации художественного содержания и способность к принятию иной позиции соответственно. Благодаря хорошо развитой эмпатии подростки и лица юношеского возраста могут более экологично обучаться пониманию своих эмоциональных состояний через осмысление переживаний других, а также осознавать влияние культурных объектов через осмысление задумки произведения и мотивации к его созданию автором.

Эстетический опыт — многокомпонентный психический феномен, который включает в себя эмоциональные, когнитивные и индивидуальные компоненты восприятия. В структуру эстетического опыта входят чувственное восприятие,

эмоциональный отклик, постижение выразительного смысла, диалог субъекта и эстетического объекта, которые на последнем этапе соединяются в целостное переживание [12]. Важными аспектами, которые могут включаться в процесс взаимодействия с эстетическими объектами, могут выступать эпистемические эмоции, связанные с познавательным интересом и стремлением к осмыслению содержания произведения, а также состояние потока [13]. Для более фундаментального понимания взаимодействия подростков с произведениями искусства следует учитывать эстетические эмоции — особые переживания, возникающие при восприятии искусства и природы, которые способствуют формированию личностной оценки и более глубокому пониманию действительности через образы, символы и метафоры. Эстетические эмоции играют важную роль в социализации человека, потому что способствуют развитию эмпатии, объединяя людей на основе общих культурных и духовных ценностей. Комплексное понимание эстетической сферы личности позволяет не только наблюдать наличный отклик восприятия, но и понимать, из чего именно состоит эстетическое взаимодействие, какие у него есть тенденции и какая его динамика.

Таким образом, взаимосвязь эмпатии и эстетического опыта может рассматриваться как часть более широкой системы психических процессов личности, которая включает в себя эмоциональную отзывчивость, когнитивную интерпретацию и культурную обусловленность восприятия. Изучение данной взаимосвязи позволит лучше понять механизмы взаимодействия представителей подрастающего поколения с искусством.

Фактической базой исследования выступило Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение города Новосибирска «Гимназия № 3 в Академгородке». В исследовании приняли участие обучающиеся в возрасте от 16 до 18 лет. Общий объем выборки составил 118 человек.

Для изучения взаимосвязи эмпатии и эстетической сферы личности были использованы следующие методики: многофакторный опросник эмпатии М. Дэвиса (Interpersonal Reactivity Index, далее IRI) [14, 15], опросник эстетического опыта AEQ-NmA [16] и шкала эстетических эмоций («ЭстЭм») [17].

Многофакторный опросник эмпатии, разработанный М. Дэвисом, представляет собой стандартизированный инструмент, предназначенный для измерения эмпатии как

многокомпонентного психологического феномена. В концепции автора эмпатия рассматривается как совокупность когнитивных и аффективных реакций личности на переживания и опыт другого человека, то есть не как единое качество, а как система, включающая различные способы соотнесения себя с другим. Данное понимание эмпатии соответствует теоретической логике настоящего исследования, что позволяет использовать данную методику для ее изучения. Методика содержит такие шкалы, как «децентрация» («perspective-taking»), «фантазирование» («fantasy»), «эмпатическая забота» («empathic concern»), «личный дистресс» («personal distress»).

Опросник эстетического опыта AEQ-NmA предназначен для изучения субъективных характеристик эстетического переживания при восприятии произведений искусства. Методика охватывает эмоциональные, когнитивные и перцептивные аспекты эстетического опыта, а также феномен потока. Цель методики — измерение выраженности и структуры эстетического опыта личности. Методика состоит из 22 утверждений, отражающих ключевые компоненты эстетического опыта: эмоциональную вовлеченность, сенсорную восприимчивость, переживание красоты и гармонии, а также склонность к рефлексии и осмыслению эстетических впечатлений, что соответствует теоретическому пониманию эстетического опыта в рамках настоящего исследования и обосновывает использование данной методики для изучения исследуемых взаимосвязей. Методика содержит следующие шкалы: «эмоции» («emotions»), «культура» («culture»), «перцепция» («perception»), «понимание» («understanding»), «поток» — «проксимальные условия» («flow — proximal conditions»), «поток — опыт» («flow — experience»), общий показатель эстетического опыта — суммарная характеристика выраженности эстетического переживания.

Шкала эстетических эмоций «ЭстЭм» — психодиагностический инструмент, предназначенный для измерения спектра эмоциональных переживаний, возникающих при контакте с эстетически значимыми объектами, включая произведения искусства и природные явления. Методика включает 7 шкал, объединяющих 21 фасетку, каждая из которых отражает отдельный аспект эстетического переживания, характерного для эстетического опыта, такие как восхищение, вдохновение, умиротворение, чувство гармонии, а также более сложные и амбивалентные переживания, возникающие при взаимодействии с произведениями искусства или природной средой.

Обработка результатов осуществлялась с использованием методов

математической статистики: для выявления взаимосвязей между показателями применялся непараметрический коэффициент ранговой корреляции Спирмена, что обусловлено спецификой распределения исследуемых данных и задачами корреляционного анализа.

Результаты корреляционного анализа выявили статистически значимую взаимосвязь эмпатии с различными аспектами эстетической сферы личности.

Таблица 1. Корреляционная матрица показателей IRI, ЭстЭм, AEQ-NmA

Взаимосвязь показателей	ρ (коэф. Спирмена)	p-value
«Эмпатия» — «эстетический опыт»	0,54	$p < 0,001$
«Эмпатия» — «эстетические эмоции»	0,28	$p = 0,002$
«Децентрация» — «культура»	0,34	$p < 0,01$
«Фантазирование» — «культура»	0,35	$p < 0,001$
«Эпистемические эмоции» — «фантазирование»	0,33	$p < 0,001$
«Эпистемические эмоции» — «децентрация»	0,28	$p = 0,002$

Наиболее выраженная связь была выявлена между «эмпатией» и «эстетическим опытом» ($\rho = 0,54$; $p < 0,001$), что свидетельствует об умеренной положительной взаимосвязи между данными показателями. Полученные результаты позволяют предположить, что более высокие показатели уровня эмпатии сопряжены с большей глубиной и насыщенностью эстетических переживаний личности.

Связь «эмпатии» с «эстетическими эмоциями» носит более слабый, но статистически значимый характер ($\rho = 0,28$; $p = 0,002$). Это может свидетельствовать о том, что эмпатия в большей степени связана с целостным эстетическим опытом, чем исключительно с интенсивностью эмоционального отклика.

Дополнительный анализ отдельных шкал методик IRI, AEQ-NmA и ЭстЭм выявил ряд статистически значимых взаимосвязей между когнитивными компонентами эмпатии и показателями эстетической сферы личности. Были обнаружены положительные корреляционные связи между показателем «культуры» и «децентрацией» ($\rho = 0,34$; $p < 0,001$), а также «фантазированием» ($\rho = 0,35$; $p < 0,001$). Данные результаты позволяют говорить о взаимосвязи воображения и способности к децентрации с включенностью в культурное пространство и эстетической восприимчивостью.

Кроме того, были найдены взаимосвязи между «эпистемическими эмоциями» и

«фантазированием» ($\rho = 0,33$; $p < 0,001$), а также между «эпистемическими эмоциями» и «децентрацией» ($\rho = 0,28$; $p = 0,002$). Это позволяет предположить, что когнитивные аспекты эмпатии связаны не только с эмоциональным откликом, но и с познавательной вовлеченностью в эстетическое восприятие.

В целом, результаты анализа показали, что эстетическое восприятие личности подростка связано не только с эмоциональной восприимчивостью, но и с когнитивными аспектами, такими как способность к децентрации, воображению и познавательной вовлеченности.

Полученные результаты позволяют рассматривать эмпатию как значимый психологический феномен, тесно связанный с показателями эстетического опыта личности подростка. Выявленная взаимосвязь между показателями «эмпатия» и «эстетический опыт» свидетельствует о том, что способность человека к эмоциональному отклику и пониманию переживаний других связана с глубиной эстетических переживаний. Это может объясняться тем, что наполненный эстетический опыт предполагает эмоциональное включение личности («вчувствование») в воспринимаемый объект. Эмпатия может быть связана с готовностью к такому взаимодействию, позволяя человеку выходить за пределы собственной позиции, мысленно переноситься в содержание воспринимаемого объекта и эмоционально интерпретировать его. А также быть более восприимчивым и внимательным по отношению к внешним стимулам окружающего мира как к эмоционально значимым. Особую роль в структуре выявленных взаимосвязей играет способность к фантазированию, которая демонстрирует устойчивые связи с рядом показателей, включая эпистемические эмоции и показатели культуры. Вероятно, в процессе взаимодействия с эстетическим объектом личность подростка воспринимает его художественное содержание и когнитивно интерпретирует его, наделяя дополнительными смыслами и переживаниями, что может быть связано с большей глубиной и индивидуализированностью эстетического опыта. Обнаруженные взаимосвязи между показателем культуры и когнитивными аспектами эмпатии («фантазированием» и «децентрацией») подчеркивают значимость включенности подростков в культурные практики и взаимодействие с искусством. Выявленные взаимосвязи позволяют предположить, что более высокие показатели «фантазирования» сопряжены с большей включенностью во взаимодействие с

культурным объектом. В свою очередь, способность к «децентрации» может быть связана с тенденцией к принятию более объективной позиции и восприятию дополнительных смыслов и переживаний с художественной точки зрения.

Полученные данные позволяют предположить, что взаимосвязь эмпатии и эстетического опыта представляет собой часть сложной системы психических процессов, включающей эмоциональные, когнитивные и культурные компоненты. Вместе с тем дизайн исследования не позволяет установить направление и характер влияния между данными показателями. В связи с этим перспективным направлением дальнейших исследований представляется изучение возможной роли эмпатии как фактора эмоциональной готовности к переживанию эстетического объекта, фантазирования как опосредующей способности к когнитивной интерпретации воспринимаемого содержания, роли эпистемических эмоций в познавательной вовлеченности и мотивации, а также характера связи состояния потока и проксимального опыта с глубиной включенности во взаимодействие с эстетическим объектом.

Результаты исследования подтверждают наличие статистически значимой взаимосвязи между эмпатией и эстетическим опытом у подростков и лиц юношеского возраста. Наиболее выраженная связь выявлена между уровнем эмпатии и суммарной характеристикой выраженности эстетического переживания. Пока можно говорить только о том, что эмпатия тесно связана с показателями эмоционального и культурного развития личности и включенности в культурный контекст. Восприятие эстетически значимых объектов может играть важную роль в развитии на этапе формирования идентичности, где искусство выступает пространством безопасного эмоционального знакомства с миром. Сформированные положения соотносятся с культурно-исторической концепцией Л. С. Выготского, в соответствии с которой развитие личности осуществляется через освоение культурного опыта [4], и теорией деятельности А. Н. Леонтьева, согласно которой личность развивается через деятельность и культура усваивается через активное присвоение [18]. Также значимость выявленных взаимосвязей может быть интерпретирована в контексте теории психосоциального развития Э. Эриксона, рассматривающей подростковый и юношеский возраст как этап формирования идентичности и системы ценностей [5], и с концепцией Д. Винникотта, которая позволяет рассматривать искусство как безопасное

пространство проживания эмоций для символического исследования переживаний [19].

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов в образовательной и психологической практике. Развитие эмоционально-эстетической восприимчивости может осуществляться посредством творчества, работы с произведениями искусства, обсуждения эмоционального отклика и развития навыков рефлексии. Результаты исследования могут быть использованы в рамках психологического сопровождения подростков. Например, для приобретения навыков понимания и вербализации эмоциональных состояний, для применения арт-терапевтических практик, а также в культурно-просветительских проектах, направленных на развитие эмоциональной сферы личности через взаимодействие с искусством и культурой.

Литература:

1. Адорно Т.В. К логике социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 76–86.

2. Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Изд. Р. Элинина, 2000. 368 с.

3. Радеев А.Е. История понимания эстетического опыта: основные подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2012. № 3. С. 45–56.

4. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.

5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

6. Дьюи Д. Искусство как опыт // Современная книга по эстетике: антология. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. С. 121–164.

7. Афанасьев С.Г. Эмпатия и художественное восприятие: теории «эмоционального вовлечения» и «репрезентации» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 6. С. 62–67.

8. Шестова М.А. Системно-динамическая модель эстетического опыта // Экспериментальные исследования восприятия искусства / Experimental Studies of Art Perception. 2025. DOI: 10.11621/LPJ-25-33.

9. Черников М.В., Перевозчикова Л.С., Авдеенко Е.В. Анализ эстетической эмоции // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46, № 1. С. 70–80. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-70-80.

10. Хорошилов Д.А. Психология социального познания в зеркалах «когнитивных революций» // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11, № 4. С. 15–26.

11. Jahoda G. Theodor Lipps and the shift from sympathy to empathy // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2005. Vol. 41. P. 151–163.

12. Дюфрен М. Вклад эстетики в философию // Антология. Феномен человека. М., 1993. С. 341–348.

13. Поток: психология оптимального переживания / М. Чиксентмихайи. М.: Альпина нон-фикшн, 2011. 461 с.

14. Будаговская Н.А., Дубровская С.В., Карягина Т.Д. Адаптация многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 1. С. 202–227.

15. Davis M.H. Measuring individual differences in empathy: Evidence for a multidimensional approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1983. Vol. 44, № 1. P. 113–126.

16. Шестова М.А., Кожухарь К.А. Психометрическая проверка русскоязычной версии опросника эстетического опыта искусства новых медиа // Психологический журнал. 2024. Т. 45, № 4. С. 95–112.

17. Шестова М.А., Забелина М.Р., Васильченко У.И., Анохина К.В., Волдинер Е.А. Апробация шкалы эстетических эмоций на российской выборке // Психологический журнал. 2024. Т. 45, № 3. С. 90–107.

18. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

19. Винникотт Д. Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. 224 с.

Болсуновский Роман Николаевич
Bolsunovskii Roman Nikolaevich
магистрант
ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»
e-mail: spitfire211@list.ru

НАРРАТИВНЫЙ ПОДХОД В СОПРОВОЖДЕНИИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СМЕШАННЫХ СЕМЬЯХ С ДЕТЬМИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

NARRATIVE APPROACH IN SUPPORTING CHILD-PARENT RELATIONS IN BLENDED FAMILIES WITH PRIMARY SCHOOL CHILDREN

Аннотация. В статье рассматриваются возможности психолого-педагогического сопровождения детско-родительских отношений в смешанных семьях с детьми младшего школьного возраста средствами нарративных практик. Актуальность темы обусловлена ростом числа смешанных семей и необходимостью адресной поддержки ребенка в ситуации изменения семейной структуры. Цель статьи состоит в обосновании направлений сопровождения, способствующих гармонизации отношений между ребенком, биологическим и неродным родителем. В работе обобщены теоретические положения о специфике смешанной семьи, раскрыты психологические трудности детей младшего школьного возраста в условиях повторного брака родителей и представлены результаты апробации программы сопровождения. Показано, что использование нарративных практик способствует снижению эмоционального напряжения, развитию доверия, повышению принятия и формированию более целостной семейной идентичности. Практическая значимость исследования связана с возможностью применения предложенных решений в деятельности педагогов-психологов образовательных организаций.

Abstract. The article examines the possibilities of psychological and pedagogical support for child-parent relations in blended families with primary school children by means of narrative practices. The relevance of the topic is determined by the growing number of blended families and the need for targeted support for a child in the situation of changing family structure. The purpose of the article is to substantiate support strategies that contribute to the harmonization of relations between the child, the biological parent and the stepparent. The paper summarizes theoretical approaches to blended family specifics, describes the psychological difficulties of primary school children in the context of parents' remarriage, and presents the results of testing a support program. It is shown that narrative practices help reduce emotional tension, develop trust, increase acceptance, and form a more coherent family identity. The practical significance of the study lies in the possibility of applying the proposed solutions in the work of educational psychologists.

Ключевые слова: смешанная семья; детско-родительские отношения; младший школьный возраст; психолого-педагогическое сопровождение; нарративные практики.

Keywords: blended family; child-parent relations; primary school age; psychological and pedagogical support; narrative practices.

Смешанная семья представляет собой особый тип семейной системы,

формирующийся после развода и повторного брака, когда ребенок включается в новую структуру отношений, ролей и ожиданий. В этих условиях особую значимость приобретают эмоциональная безопасность ребенка, согласованность воспитательных позиций взрослых и постепенное принятие нового члена семьи. Для младшего школьного возраста подобные изменения особенно чувствительны, поскольку в этот период интенсивно формируются представления о доверии, справедливости и собственной значимости в семье.

Анализ научной литературы показывает, что трудности детско-родительских отношений в смешанных семьях чаще всего связаны с ролевой неопределенностью, конфликтом лояльности, эмоциональной дистанцией между ребенком и неродным родителем, а также с недостаточной согласованностью семейных правил. При этом негативные последствия определяются не столько самим фактом повторного брака, сколько качеством внутрисемейного взаимодействия и уровнем конфликтности. Следовательно, сопровождение должно быть ориентировано не на отдельного участника, а на семейную систему в целом.

В работе обосновано, что средства нарративных практик обладают значительным потенциалом в сопровождении смешанных семей. Их применение позволяет внешне описать проблему, снизить давление негативных стереотипов, переосмыслить кризисный опыт семьи и сформировать более поддерживающую семейную историю. Для ребенка младшего школьного возраста нарративные методы особенно продуктивны, так как могут реализовываться через рассказ, рисунок, метафору, обсуждение событий и совместное создание семейных историй.

Эмпирическая часть исследования была организована на базе средней общеобразовательной школы. В исследовании приняли участие 45 смешанных семей, воспитывающих детей младшего школьного возраста; среди них 38 семей с отчимом и 7 семей с мачехой.

Для первичной и итоговой диагностики использовались методика «Кинетический рисунок семьи», социометрическое интервью. В качестве стандартизированных опросников использовались адаптированные к задачам исследования версии тест-опросника родительского отношения (ОРО) А.Я.Варги и В.В.Столина и опросника «Взаимодействие родитель – ребенок» (ВРР) И. М. Марковской. Адаптация заключалась в уточнении формулировок отдельных утверждений и инструкций с

учетом возраста младших школьников и специфики смешанных семей, при сохранении структуры шкал и ключей интерпретации авторских методик.

Диагностический этап позволил выявить типичные проблемы: недостаток эмоциональной близости, сложности взаимодействия с неродным родителем, внутреннее напряжение детей и несогласованность воспитательных воздействий со стороны взрослых.

С учетом результатов диагностики была разработана программа психолого-педагогического сопровождения, включающая работу с ребенком, биологическим родителем, неродным родителем и семейной системой в целом. Программа сопровождения проводилась на протяжении 6 учебных месяцев и включала 6 групповых занятий с детьми по 40 минут, 4 групповые встречи с неродными родителями, 3 групповые консультации для биологических родителей и 4 семейные сессии. Работа была направлена на повышение принятия ребенка, снижение психологической дистанции, развитие сотрудничества и уменьшение лояльностного конфликта.

Для оценки динамики эмоционального отношения неродных родителей к ребенку и особенностей их воспитательной позиции был проведен сравнительный анализ результатов первичной и итоговой диагностики по тест-опроснику родительского отношения (ОРО). После реализации программы выросла доля неродных родителей с высоким уровнем принятия ребенка с 48,9% до 64,4%, а доля низкого уровня снизилась с 13,3% до 6,7%. Также увеличился высокий уровень кооперации с 40,0% до 57,8%, а высокий уровень по шкале «маленький неудачник», напротив, снизился с 20,0% до 11,1%, что отражает более уважительное восприятие ребенка. Полученные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1. Динамика показателей родительского отношения неродных родителей к ребенку по методике ОРО (А. Я. Варга, В. В. Столин), %

Шкала методики	Уровень выраженности	Первичная диагностика, %	Итоговая диагностика, %
Принятие–отвержение	Высокий	48,9	64,4
	Средний	37,8	28,9
	Низкий	13,3	6,7
Кооперация	Высокий	40,0	57,8
	Средний	44,4	33,3
	Низкий	15,6	8,9
Симбиоз	Высокий	8,9	11,1

	Средний	40,0	48,9
	Низкий	51,1	40,0
Авторитарная гиперсоциализация	Высокий	26,7	17,8
	Средний	55,6	51,1
	Низкий	17,8	31,1
Маленький неудачник	Высокий	20,0	11,1
	Средний	48,9	42,2
	Низкий	31,1	46,7

По опроснику «Взаимодействие родитель – ребенок» (ВРР) высокий уровень эмоциональной близости вырос с 35,6% до 53,3%, высокий уровень принятия — с 44,4% до 62,2%, а высокий уровень удовлетворенности отношениями — с 31,1% до 51,1%. Полученные данные представлены в таблице 2.

Таблица 2. Динамика показателей взаимодействия неродных родителей с детьми по методике ВРР (И. М. Марковская), %

Шкала опросника	Уровень выраженности	Первичная диагностика, %	Итоговая диагностика, %
Эмоциональная дистанция — близость	Высокий (близость)	35,6	53,3
	Средний	48,9	37,8
	Низкий (дистанция)	15,6	8,9
Отвержение — принятие	Высокий (принятие)	44,4	62,2
	Средний	40,0	31,1
	Низкий (отвержение)	15,6	6,7
Сотрудничество	Высокий	37,8	55,6
	Средний	46,7	35,6
	Низкий	15,6	8,9
Удовлетворенность отношениями	Высокий	31,1	51,1
	Средний	48,9	37,8
	Низкий	20,0	11,1

По методике «Кинетический рисунок семьи» доля рисунков с полным составом семьи и включением неродного родителя увеличилась с 62,0% до 77,8%, а наличие барьеров между ребенком и неродным родителем снизилось с 17,8% до 8,9%.

Таблица 3. Динамика показателей по методике «Кинетический рисунок семьи», %

Показатель	Первичная диагностика, %	Итоговая диагностика, %
Полный состав семьи с включением неродного родителя	62,0	77,8
Отсутствие неродного родителя на рисунке	29,0	13,3
Изображение только себя и биологического родителя	9,0	4,4
Близкое расположение ребенка и неродного родителя	33,3	55,6
Наличие барьеров между ребенком и неродным родителем	17,8	8,9
Неродной родитель изображен отдельно от остальных членов семьи	24,4	11,1
Совместная деятельность всех членов семьи	42,2	60,0
Эмоционально насыщенная совместная деятельность с неродным родителем	15,6	35,6

Качественный анализ методики «Незаконченные предложения» и беседы показал

снижение выраженности лояльностного конфликта с 40,0% до 24,4%, ревности и конкуренции — с 48,9% до 31,1%, амбивалентности чувств — с 35,6% до 24,4%. Одновременно доля высказываний, отражающих принятие и привязанность к неродному родителю, выросла с 26,7% до 48,9%.

Таблица 4. Динамика результатов социометрического интервью в смешанных семьях, %

Вопрос	Биологич. родитель	Неродной родитель	Оба /равно	Биологич. родитель	Неродной родитель	Оба /равно
	Первичная диагностика, %			Итоговая диагностика, %		
С кем любишь проводить время?	84,4	15,6	0,0	66,7	17,8	15,6
К кому обращаешься, когда грустно?	88,9	6,7	4,4	68,9	11,1	20,0
Кто играет с тобой?	77,8	17,8	4,4	57,8	20,0	22,2
Кто помогает с уроками?	62,2	26,7	11,1	46,7	28,9	24,4
С кем чувствуешь себя в безопасности?	93,3	4,4	2,2	71,1	8,9	20,0

Результаты контрольного этапа показали положительную динамику по ряду показателей. У участников экспериментальной работы зафиксировано повышение уровня доверия, улучшение эмоционального контакта между ребенком и взрослыми, снижение конфликтности и рост принятия новой семейной структуры. Это позволяет утверждать, что нарративные практики могут рассматриваться как действенное средство психолого-педагогического сопровождения детско-родительских отношений в смешанных семьях.

Таким образом, сопровождение смешанных семей с детьми младшего школьного возраста должно строиться на принципах системности, возрастной адекватности, ресурсной направленности и диалогичности. Включение нарративных практик в работу педагога-психолога расширяет возможности помощи семье, способствует гармонизации отношений и повышает психологическое благополучие ребенка. Полученные результаты могут быть использованы в образовательных организациях и службах психолого-педагогического сопровождения семьи и детства.

Литература:

1. Гурко Т. А. Брак и родительство в России. — Москва: Институт социологии РАН, 2008. — 325 с.

2. Овчарова, Р. В. Психологическое сопровождение родительства: учебное пособие. — Москва: Изд-во Института психотерапии, 2003. — 319 с.

3. Хухлаева, О. В. Школьная психологическая служба. Работа с родителями. — Москва: Генезис, 2008. — 160 с.

4. Шульга Т. И. Психолого-педагогическое сопровождение детей группы риска: учебное пособие. — 2-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 208 с.

5. Walsh F. Strengthening Family Resilience. — 3rd ed. — New York: Guilford Press, 2016. — 400 p.

6. White M., Epston D. Narrative Means to Therapeutic Ends. — New York: Norton, 1990. — 229 p.

7. Ganong L. H., Coleman M. Stepfamily Relationships: Development, Dynamics, and Interventions. — 2nd ed. — New York: Springer, 2017.

8. Amato P. R. The Consequences of Divorce for Adults and Children // Journal of Marriage and Family. — 2000. — Vol. 62, No. 4. — P. 1269–1287.

9. Jensen, T. M., Lippold, M. A., Mills-Koonce, R., Fosco, G. M. Stepfamily Relationship Quality and Children’s Internalizing and Externalizing Problems // Family Process. — 2018. — Vol. 57, No. 2. — P. 477–495. — DOI: 10.1111/famp.12284.

Щербакова Ольга Ивановна
Shcherbakova Olga Ivanovna
доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры политического анализа и социально-психологических процессов
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

Селезнева Ангелина Владимировна
Selezneva Angelina Vladimirovna
магистрант
кафедра политического анализа и социально-психологических процессов
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОСВЯЗИ СУБЪЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ ЛИЧНОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЯ И ИХ СКЛОННОСТИ К ИМПУЛЬСИВНЫМ ПОКУПКАМ

THE RESULTS OF AN EMPIRICAL STUDY ON THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE SUBJECTIVE CONTROL OF THE CONSUMER'S PERSONALITY AND THEIR TENDENCY TO IMPULSIVE PURCHASES

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования личностных детерминант импульсивного покупательского поведения у потребителей 18–35 лет (n = 90). В качестве диагностического инструментария использованы методики IBTS, УСК, ОСО и ОДМ, позволяющие оценить выраженность импульсивных покупательских тенденций, уровень субъективного контроля, особенности восприятия собственного «Я» и степень диспозиционного материализма. Корреляционный анализ Спирмена выявил значимые отрицательные связи общей интернальности (rs = −0,42) и глобальной самооценочной позиции (rs = −0,35) с суммарным баллом IBTS. Одновременно установлена сильная положительная связь диспозиционного материализма с импульсивной покупательской тенденцией (rs = +0,48). Множественная регрессионная модель объясняет 41 % дисперсии показателя IBTS, что подтверждает значимость совокупного влияния регулятивных, ценностных и самооценочных характеристик личности на склонность к спонтанному потреблению.

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the relationship between locus of control, self-attitude, and dispositional materialism, on the one hand, and the tendency toward impulsive purchases, on the other, on a sample of consumers aged 18–35 (n = 90). The IBTS, USK, OSO, and ODM instruments were applied. Spearman correlation analysis revealed significant negative associations of general internality (rs = −0.42) and global self-attitude (rs = −0.35) with the IBTS total score, as well as a strong positive association of dispositional materialism (rs = +0.48) with the impulsive tendency. The multiple regression model explains 41% of IBTS variance.

Ключевые слова: импульсивные покупки, субъективный контроль, самооценочная позиция, диспозиционный материализм, потребительское поведение, цифровая среда, регрессионный анализ.

Keywords: impulse buying, locus of control, internality, self-attitude, dispositional materialism, correlation analysis, regression model, IBTS, consumer behavior.

Цифровая трансформация розничной торговли сформировала среду потребительских решений, в которой временной разрыв между покупательским импульсом и его реализацией сокращён до технологического минимума. Доля незапланированных приобретений в онлайн-среде достигает 40–80 % от общего объёма транзакций [6, с. 3]. Особую исследовательскую значимость приобретает количественная оценка вклада личностных детерминант импульсивного потребления, поскольку именно она открывает путь к разработке адресных психокоррекционных вмешательств. [1; 5] Цель исследования – эмпирически верифицировать связь субъективного контроля, восприятия собственного «Я» и диспозиционного материализма с импульсивным покупательским поведением на отечественной молодёжной выборке.

Теоретическую основу исследования составляют концепция локуса контроля Дж. Роттера [7, с. 1] в отечественной адаптации Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной и А.М. Эткинда [2, с. 152]; двухфакторная модель импульсивных покупок Б. Верпланкена и А. Херабади, разграничивающая аффективный и когнитивный компоненты [8, с. 71]; подход В.В. Столина и С.Р. Пантилеева к изучению отношения личности к себе [4, с. 123]; концепция диспозиционного материализма К.В. Карпинского и Н.В. Кисельниковой [3, с. 103].

В соответствии с указанными теоретическими положениями были сформулированы три частные гипотезы:

- уровень субъективного контроля отрицательно связан с выраженностью импульсивного покупательского поведения (H1);
- позитивное восприятие собственного «Я» снижает вероятность спонтанных приобретений (H2);
- диспозиционный материализм положительно связан с импульсивной потребительской тенденцией (H3).

Выборку составили 90 потребителей в возрасте 18–35 лет, регулярно совершающих онлайн-покупки: 57 женщин (63,3 %) и 33 мужчины (36,7 %). Большинство респондентов – 78,9 % – приобретают товары через интернет три и более раз в месяц. Сбор эмпирических данных осуществлялся посредством онлайн-анкетирования. Психодиагностический инструментарий включал четыре стандартизированные методики. Шкала склонности к импульсивным покупкам IBTS Б.

Верпланкена и А. Херабади использовалась для диагностики аффективного и когнитивного компонентов спонтанного потребления; теоретический диапазон методики составляет 20–100 баллов. Опросник уровня субъективного контроля Е.Ф. Бажина с соавторами позволил оценить интернальность по семи шкалам в стенах. Тест-опросник ОСО В.В. Столина и С.Р. Пантилеева применялся для измерения глобальной оценки себя и четырёх дифференциальных параметров. Опросник диспозиционного материализма К.В. Карпинского и Н.В. Кисельниковой включал три субшкалы при общем диапазоне 9–36 баллов.

Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics. Проверка нормальности распределения по критерию Шапиро–Уилка показала, что большинство переменных соответствуют данному условию ($p > 0,05$); исключение составила шкала интернальности неудач ($W = 0,962$; $p = 0,017$). В связи с этим для всех корреляционных расчётов был применён коэффициент Спирмена. Для оценки совокупного вклада предикторов использован множественный линейный регрессионный анализ методом наименьших квадратов. Уровень статистической значимости установлен на отметке $p < 0,05$ для двустороннего критерия.

Средний суммарный балл по шкале IBTS составил $M = 58,3$ ($SD = 12,4$), что свидетельствует о выраженности импульсивных тенденций несколько выше среднего уровня. Аффективная субшкала ($M = 32,6$) вносит больший вклад в общий показатель, чем когнитивная ($M = 25,7$), указывая на преобладание эмоциональных механизмов спонтанного потребления.

Среднее значение общей интернальности составило $M = 5,2$ стена ($SD = 1,8$):

- тенденция к экстернальному типу контроля выявлена у 47 человек (52,2 %),
- интернальная ориентация – у 43 респондентов (47,8 %).

По шкалам ОСО средние значения находились в диапазоне 62,8–70,1 балла, что соответствует умеренно позитивному восприятию собственного «Я». Итоговый показатель диспозиционного материализма составил $M = 24,1$ ($SD = 6,8$). Сводные результаты корреляционного анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1. Коэффициенты корреляции Спирмена ключевых шкал с IBTS (n = 90)

Шкала методики	rs с IBTS итог	rs с IBTS аффект.	rs с IBTS когн.	Уровень знач. p
УСК-Ио (общая интернальность)	−0,42**	−0,39**	−0,37**	< 0,001
УСК-Ин (неудачи)	−0,38**	−0,35**	−0,33**	< 0,001
УСК-Ид (достижения)	−0,29**	−0,27**	−0,26**	0,006
ОСО-S (глобальное самоотн.)	−0,35**	−0,33**	−0,31**	0,001
ОСО-I (самоуважение)	−0,31**	−0,29**	−0,27**	0,003
ОДМ итог	+0,48**	+0,46**	+0,41**	< 0,001
ОДМ: материализм–счастье	+0,44**	+0,42**	+0,38**	< 0,001

Примечание: ** – $p \leq 0,01$.

Источник: составлено авторами

Данные табл. 1 подтверждают все три частные гипотезы. Общая интернальность (УСК-Ио) обнаруживает значимую отрицательную корреляцию с суммарным баллом IBTS ($rs = −0,42$; $p < 0,001$), что соответствует умеренной по силе связи. Связь прослеживается одновременно на уровне аффективной ($rs = −0,39$) и когнитивной ($rs = −0,37$) субшкал.

Среди частных шкал УСК наиболее сильные связи с IBTS обнаружены у Ин ($rs = −0,38$) и Ио ($rs = −0,42$), что подчёркивает особую роль атрибуции неудач: люди, склонные принимать ответственность за негативные события, реже прибегают к компенсаторным покупкам.

Глобальное самоотношение (ОСО-S) значимо и отрицательно коррелирует с IBTS ($rs = −0,35$; $p = 0,001$). Из дифференциальных шкал ОСО наиболее выраженную связь демонстрирует самоуважение ($rs = −0,31$; $p = 0,003$), что согласуется с теоретическими данными о роли сниженной самооценки в провокации компенсаторных покупок [7, с. 15].

Шкала ожидаемого отношения со стороны окружающих не достигла порога статистической значимости ($p = 0,109$), что указывает на преимущественную роль внутренних, а не социально заданных компонентов восприятия собственного «Я» в регуляции потребительского поведения.

Итоговый показатель ОДМ продемонстрировал наиболее сильную среди всех изученных переменных связь с IBTS ($rs = +0,48$; $p < 0,001$).

Все три субшкалы диспозиционного материализма значимо и положительно коррелируют с выраженностью импульсивной покупательской тенденции. Наибольший вклад принадлежит субшкале «материализм–счастье» (rs = +0,44): убеждённость в том, что обладание вещами обеспечивает удовлетворённость жизнью, наиболее прямо переходит в готовность к незапланированным приобретениям. Выявленная закономерность согласуется с механизмом компенсаторного потребления: при дефиците эмоционального равновесия покупка начинает выполнять функцию быстрого достижения субъективного благополучия.

Для оценки совокупного вклада трёх личностных детерминант была построена множественная линейная регрессионная модель. Зависимой переменной выступил суммарный показатель IBTS, предикторами – общая интернальность (УСК-Ио), глобальное восприятие собственного «Я» (ОСО-S) и интегральное значение диспозиционного материализма (ОДМ). Параметры модели представлены в табл. 2.

Таблица 2. Параметры множественной регрессионной модели IBTS (n = 90)

Предиктор	B	SE	β (станд.)	t	p
Константа	89,14	—	—	—	—
УСК-Ио	−2,87	0,64	−0,34	−4,48	< 0,001
ОСО-S	−0,19	0,07	−0,19	−2,71	0,008
ОДМ итог	+0,58	0,13	+0,32	+4,46	< 0,001

Примечание: $R^2 = 0,41$; $R^2adj = 0,39$; $F(3,86) = 19,86$; $p < 0,001$.

Источник: составлено авторами

Уравнение регрессии имеет вид:

$$IBTS = 89,14 − 2,87 × УСК\text{-}Ио − 0,19 × ОСО\text{-}S + 0,58 × ОДМ \quad (1)$$

Модель (1) статистически значима ($F(3,86) = 19,86$; $p < 0,001$) и объясняет 41 % дисперсии показателя IBTS ($R^2 = 0,41$), что соответствует высокому уровню предсказательной силы для психологических исследований потребительского поведения.

Все три предиктора вносят самостоятельный значимый вклад. Наибольшее стандартизованное влияние принадлежит общей интернальности по УСК (β = −0,34; p < 0,001): при её увеличении на 1 стен суммарный показатель IBTS снижается на 2,87 балла при контроле остальных переменных. Диспозиционный материализм занимает второе место по силе воздействия (β = +0,32; p < 0,001). Глобальное восприятие

собственного «Я» также сохраняет статистическую значимость (β = −0,19; p = 0,008), однако его независимый вклад выражен слабее, что может указывать на частичное опосредование данного влияния через субъективный контроль.

Анализ групп, сформированных по уровню общей интернальности, подтвердил выявленную закономерность. Респонденты были разделены на три категории: низкий субъективный контроль (Ио < 4 стена; n = 28), средний уровень (Ио 4–7 стенов; n = 41) и высокий уровень (Ио > 7 стенов; n = 21). Средние значения IBTS последовательно снижаются от M = 68,4 (SD = 10,1) в первой группе до M = 46,2 (SD = 9,8) в третьей.

Критерий Краскала–Уоллиса подтвердил статистическую значимость межгрупповых различий (H = 27,4; df = 2; p <0,001). Возрастной анализ также выявил снижение выраженности импульсивного потребления с возрастом (H = 9,14; p = 0,010) при одновременном росте внутреннего локуса контроля (H = 7,81; p = 0,020), что косвенно подтверждает онтогенетическую динамику субъективного контроля как ресурса потребительской саморегуляции.

На основании полученных результатов разработана психокоррекционная программа **«Сознательный потребитель»**, ориентированная на молодёжную аудиторию 18–35 лет с высоким уровнем импульсивного покупательского поведения (IBTS ≥ 65 баллов), выраженной экстернальной ориентацией или сниженным позитивным восприятием себя.

Программа реализуется в групповом формате, рассчитана на 8–12 участников и включает 15 занятий по 90 минут в течение 8 недель. Её структура объединяет шесть модулей:

1. диагностический;
2. когнитивный, направленный на коррекцию материалистических убеждений;
3. эмоционально-регулятивный;
4. модуль субъективного контроля с техникой «зоны контроля»;
5. блок работы с образом «Я» на основе нарративных техник и REBT;
6. практический модуль, включающий план осознанного потребления и правило 72 часов.

Ожидаемый результат – снижение суммарного показателя IBTS на 8–12 пунктов при умеренном размере эффекта (d ≥ 0,50).

Все три частные гипотезы получили эмпирическое подтверждение.

- Уровень субъективного контроля отрицательно связан с выраженностью импульсивных покупательских тенденций (H1: rs = −0,42; p < 0,001);
- глобальное восприятие собственного «Я» также демонстрирует обратную связь с показателем IBTS (H2: rs = −0,35; p = 0,001);
- диспозиционный материализм, напротив, положительно связан с данной переменной (H3: rs = +0,48; p < 0,001) и выступает наиболее сильным среди изученных факторов.

Множественная регрессионная модель объясняет 41 % дисперсии IBTS, что подтверждает значимость комплексного влияния регулятивных, самооценочных и ценностных характеристик личности на спонтанное потребительское поведение.

К ограничениям исследования следует отнести формирование выборки методом доступности в онлайн-среде, что не позволяет в полной мере экстраполировать результаты на генеральную совокупность.

Кросс-секционный дизайн не даёт оснований для строгих выводов о направлении причинно-следственных связей между переменными. Регрессионная модель оставляет 59 % дисперсии IBTS необъяснённой, что указывает на наличие дополнительных предикторов, не включённых в настоящее исследование.

Перспективными направлениями дальнейшей работы являются проведение лонгитюдного исследования динамики субъективного контроля и потребительской саморегуляции, экспериментальная проверка действенности программы «Сознательный потребитель» с контрольной группой, а также расширение модели за счёт включения ситуативных, эмоциональных и социально-психологических факторов.

Литература:

1. Айрапетян, Д. Р. Роль персонализации в формировании цифрового доверия и импульсивных покупок в электронной коммерции / Д. Р. Айрапетян, С. О. Дарбинян // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2025. – Т. 18, № 2. – С. 120–137.

2. Бажин, Е. Ф. Метод исследования уровня субъективного контроля / Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд // Психологический журнал. – 1984. – Т. 5, № 3. – С. 152–162.

3. Карпинский, К. В. Опросник диспозиционного материализма (ОДМ): концептуальные основы и психометрическая разработка / К. В. Карпинский, Н. В. Кисельникова // Психологический журнал. – 2019. – Т. 40, № 1. – С. 103–118.

4. Столин, В. В. Опросник самоотношения / В. В. Столин, С. Р. Пантилеев // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 123–130.

5. Сучков, Е. Д. К вопросу о психологических факторах склонности личности к необдуманным покупкам / Е. Д. Сучков // Пензенский психологический вестник. – 2023. – № 2 (21). – С. 16–26.

6. Gu, Y. Consumer Impulse Buying Behavior in the Evolving Marketplace / Y. Gu, Q. Zhang, J. Li et al. // Journal of Retailing and Consumer Services. – 2025. – Vol. 86. – Art. 104201.

7. Rotter, J. B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement / J. B. Rotter // Psychological Monographs: General and Applied. – 1966. – Vol. 80, № 1. – P. 1–28. – DOI: 10.1037/h0092976.

8. Verplanken, B. Individual differences in impulse buying tendency: feeling and no thinking / B. Verplanken, A. Herabadi // European Journal of Personality. – 2001. – Vol. 15, S1. – P. S71–S83. – DOI: 10.1002/per.423.

Щербакова Ольга Ивановна
Shcherbakova Olga Ivanovna
доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры политического анализа и социально-психологических процессов
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

Селезнева Ангелина Владимировна
Selezneva Angelina Vladimirovna
магистрант
кафедра политического анализа и социально-психологических процессов
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ИМПУЛЬСИВНОГО ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF IMPULSIVE CONSUMER BEHAVIOR IN THE DIGITAL ECONOMY

Аннотация. В статье систематизированы теоретические основания взаимосвязи субъективного контроля личности потребителя, его самоотношения и диспозиционного материализма со склонностью к импульсивным покупкам. Раскрыта концепция уровня субъективного контроля Дж. Роттера в отечественной адаптации Е.Ф. Бажина с соавторами. Выделены пять механизмов сдерживающего влияния интернальной ориентации на импульсивное потребление. Обоснована синергетическая природа взаимодействия трёх личностных детерминант, формирующих устойчивый психологический профиль импульсивного потребителя в условиях цифровой экономики.

Abstract. The article systematizes the theoretical foundations of the relationship between the consumer's locus of control, self-attitude, and dispositional materialism, on the one hand, and the tendency toward impulsive purchases, on the other. The concept of the level of subjective control originating in Julian Rotter's social learning theory and adapted by the Russian school of E. F. Bazhin and colleagues is examined. Five mechanisms of the inhibiting influence of internal orientation on impulsive consumption are identified. The synergistic nature of the interaction of three personality determinants forming a stable psychological profile of the impulsive consumer in the digital economy is substantiated.

Ключевые слова: субъективный контроль, локус контроля, интернальность, импульсивные покупки, потребительское поведение, самоотношение, диспозиционный материализм, цифровая экономика, саморегуляция.

Keywords: subjective control, locus of control, internality, impulsive purchases, consumer behavior, self-attitude, dispositional materialism, digital economy, self-regulation.

Цифровизация торговых платформ сформировала среду потребительских решений, в которой временной разрыв между покупательским импульсом и его реализацией сокращён до технологического минимума. По данным аналитических

исследований, доля незапланированных покупок в онлайн-среде составляет от 40 до 80 % от общего объёма транзакций [9, с. 3]. Цифровые сервисы целенаправленно эксплуатируют психологические уязвимости пользователя – алгоритмические рекомендации, искусственный дефицит, упрощённые платёжные интерфейсы, – последовательно подавляя рефлексивный контроль над покупательским актом. Психологические ресурсы саморегуляции личности обретают функцию защитного барьера, противостоящего маркетинговому давлению.

Отечественная психология потребительского поведения остаётся недостаточно разработанной в части личностных детерминант импульсивного выбора. Мало изучена роль субъективного контроля как интегральной регулятивной характеристики, его взаимодействия с самоотношением и ценностно-мотивационной направленностью на материальные блага в формировании устойчивого профиля импульсивного потребителя на российских молодёжных выборках [2, с. 14]. Цель статьи – систематизация теоретических оснований взаимосвязи указанных конструктов и обоснование интегральной модели психологических детерминант импульсивного потребительского поведения.

Концепция субъективного контроля восходит к теории социального научения Дж. Роттера, определившего локус контроля как обобщённое ожидание относительно того, контролируются ли подкрепления внутренними факторами – собственным поведением, способностями, усилиями – либо внешними – случаем, судьбой, влиянием других людей [10, с. 1]. Интернальная ориентация ассоциируется с убеждённостью в собственной способности влиять на ход событий, экстернальная – с приписыванием причинности внешним обстоятельствам. Локус контроля задаёт сквозную регулятивную диспозицию, охватывающую когнитивные, аффективные, мотивационные и волевые компоненты личностной организации.

Отечественная адаптация концепции выполнена коллективом Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной и А.М. Эткинда, разработавших методику «Уровень субъективного контроля» (УСК) с дифференциацией интернальности по нескольким относительно автономным сферам [1, с. 152]. Многомерность инструмента отражает существенное теоретическое положение: локус контроля не является монолитной чертой, а варьируется в зависимости от жизненного домена. Дифференциация открывает возможность сферически направленных психодиагностических и психокоррекционных

вмешательств.

Феномен импульсивного потребительского поведения определяется К.Б. Костиным, Л.Э. Мамедовой и В.А. Ленской как «расходы, которые потребитель осуществляет без учёта собственных потребностей и рационализма. Данные покупки осуществляются на основе эмоциональных побуждений» [4, с. 1490]. Дефиниция акцентирует два признака: отсутствие предварительного планирования и аффективно-эмоциональный механизм запуска. Б. Верпланкен и А. Херабади в классической работе предложили двухфакторную модель склонности к импульсивным покупкам, разделив аффективный («чувствование») и когнитивный («отсутствие думания») компоненты [11, с. 71]. Данное разграничение принципиально для теоретической модели:

- первый компонент отражает эмоциональную реактивность на стимулы покупательской ситуации,
- второй – дефицит критической оценки и сопоставления с реальными потребностями.

Р. Баумайстер связал импульсивные покупки с истощением регулятивного ресурса личности: каждый акт волевого торможения уменьшает запас самоконтроля, и в состоянии истощения вероятность срыва на импульсивную покупку возрастает [8, с. 670]. Цифровые платформы, генерирующие непрерывный поток стимулов, систематически эксплуатируют именно состояние истощённого самоконтроля. Личностный профиль импульсивного покупателя устойчиво включает сниженную самооценку, повышенную тревожность и склонность к использованию покупки как компенсаторной копинг-стратегии [7, с. 20].

Самоотношение как теоретический конструкт восходит к работам В.В. Столина и С.Р. Пантилеева, разработавших опросник ОСО, в котором представлены такие компоненты, как глобальная оценка себя, самоуважение, аутосимпатия, ожидаемое отношение со стороны окружающих и самоинтерес [6, с. 123]. При снижении позитивного восприятия собственного «Я» может запускаться механизм компенсаторного потребления: покупка начинает выполнять функцию временного восстановления внутренней устойчивости через демонстративное приобретение социально значимых вещей.

Концепция диспозиционного материализма разработана К.В. Карпинским и Н.В. Кисельниковой как ценностно-смысловая характеристика, отражающая степень

убеждённости личности в том, что обладание вещами обеспечивает счастье и служит маркером успеха [3, с. 103]. Высокая выраженность данной установки формирует мотивационную матрицу, в рамках которой покупательский акт приобретает дополнительные смысловые функции, выходящие за пределы утилитарного удовлетворения потребности.

Связующим звеном между локусом контроля и потребительским поведением выступает конструкт самоконтроля. Э.К. Вьюжанина и Г.Н. Ардашева указывают, что «самоконтроль – это способность контролировать свои эмоции, мысли и поведение. Люди с низким самоконтролем чаще покупают ненужное и влезают в долги» [2, с. 14]. Низкий уровень в данном случае выступает медиатором между экстернальной ориентацией и импульсивными покупками. Систематизация теоретических положений позволяет выделить пять механизмов сдерживающего влияния интернальной ориентации на импульсивное потребительское поведение.

Первый механизм – торможение аффективных реакций через развитый самоконтроль. Такая установка предполагает признание собственной ответственности за поведенческие реакции, что усиливает произвольное торможение доминантных импульсов в момент столкновения со стимулом покупки.

Второй – способность к отсрочке вознаграждения, расширяющая горизонт принятия решений. Способность оценивать текущие действия в проекции долгосрочных последствий ограничивает власть ситуативных стимулов над покупательским выбором. Маркетинговые инструменты искусственного дефицита рассчитаны именно на сжатие временной перспективы, против которого устойчиво ориентированный на будущее интернал сохраняет психологическую дистанцию.

Третий – развитая финансовая самоэффективность, формирующая субъективную ответственность за расходование денежных средств. Интернальная установка предполагает, что финансовое состояние личности есть результат её собственных решений, а не внешних обстоятельств.

Четвёртый – устойчивая эмоциональная регуляция, снижающая компенсаторную функцию покупки. Внутренне ориентированные индивиды располагают более широким репертуаром стратегий совладания, не сводящимся к потребительскому акту. Экстернальная установка сужает копинг-репертуар и повышает вероятность обращения к покупке как универсальному регулятору аффекта.

Пятый – ценностная идентичность, задающая нормативную рамку потребительских выборов. Покупка, противоречащая ценностной идентичности, отвергается на этапе предварительной оценки.

Дефицит субъективного контроля усиливает восприимчивость к каждой из перечисленных групп триггеров. Согласно эмпирическим данным, «финансовые ошибки часто возникают не из-за нехватки знаний, а из-за эмоциональных факторов, таких как страх, тревога, импульсивность и недостаток самоконтроля» [2, с. 16], что разграничивает информационные и регулятивные ресурсы личности. Дефицит самоконтроля и эпизоды импульсивных покупок образуют самоподдерживающийся поведенческий цикл, в котором каждый срыв дополнительно истощает регулятивный ресурс и повышает вероятность следующего срыва [8, с. 673].

А.Г. Маджуга и Н.М. Филиппова указывают: «цифровые платформы способствуют изменению потребительского поведения, увеличивая склонность к импульсивным покупкам. Легкость и скорость онлайн-платежей создают иллюзию меньших затрат, что может привести к снижению контроля за расходами» [5, с. 35]. В данном контексте доверие к алгоритму приводит к частичной передаче функции выбора внешней системе, что по своему психологическому смыслу близко к временному ослаблению внутреннего контроля. Люди, опирающиеся на собственные критерии оценки, сохраняют критическую дистанцию даже по отношению к персонализированным рекомендациям, тогда как субъекты с выраженной зависимостью от внешних ориентиров воспринимают такие подсказки как подтверждение правильности спонтанного покупательского импульса.

Интегральная теоретическая модель предполагает синергетическое взаимодействие трёх личностных детерминант. Низкий субъективный контроль создаёт регулятивную уязвимость; негативное восприятие собственного «Я» формирует потребность в психологической компенсации; высокий диспозиционный материализм задаёт ценностный коридор, направляющий этот поиск в сторону приобретения товаров. Совокупное действие указанных факторов образует устойчивый психологический профиль импульсивного потребителя, особенно уязвимый в цифровой среде, систематически использующей подобную конфигурацию слабых мест.

Литература:

1. Бажин, Е. Ф. Метод исследования уровня субъективного контроля / Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд // Психологический журнал. – 1984. – Т. 5, № 3. – С. 152–162.

2. Вьюжанина, Э. К. Финансовое поведение и личностные характеристики человека / Э. К. Вьюжанина, Г. Н. Ардашева // Universum: психология и образование. – 2025. – № 5 (131). – С. 13–17.

3. Карпинский, К. В. Опросник диспозиционного материализма (ОДМ): концептуальные основы и психометрическая разработка / К. В. Карпинский, Н. В. Кисельникова // Психологический журнал. – 2019. – Т. 40, № 1. – С. 103–118.

4. Костин, К. Б. Влияние рекламы на формирование эмоционального потребительского спроса / К. Б. Костин, Л. Э. Мамедова, В. А. Ленская // Креативная экономика. – 2024. – Т. 18, № 6. – С. 1487–1510. – DOI: 10.18334/ce.18.6.121103.

5. Маджуга, А. Г. Формирование бюджетной культуры личности в реалиях современного общества: экономико-психологический подход / А. Г. Маджуга, Н. М. Филиппова // Human Progress. – 2024. – Т. 10, № 6. – С. 32.

6. Столин, В. В. Опросник самоотношения / В. В. Столин, С. Р. Пантилеев // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 123–130.

7. Сучков, Е. Д. К вопросу о психологических факторах склонности личности к необдуманным покупкам / Е. Д. Сучков // Пензенский психологический вестник. – 2023. – № 2 (21). – С. 16–26.

8. Baumeister, R. F. Yielding to Temptation: Self-Control Failure, Impulsive Purchasing, and Consumer Behavior / R. F. Baumeister // Journal of Consumer Research. – 2002. – Vol. 28, № 4. – P. 670–676. – DOI: 10.1086/338209.

9. Gu, Y. Consumer Impulse Buying Behavior in the Evolving Marketplace / Y. Gu, Q. Zhang, J. Li et al. // Journal of Retailing and Consumer Services. – 2025. – Vol. 86. – Art. 104201.

10. Rotter, J. B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement / J. B. Rotter // Psychological Monographs: General and Applied. – 1966. – Vol. 80, № 1. – P. 1–28. – DOI: 10.1037/h0092976.

11. Verplanken, B. Individual differences in impulse buying tendency: feeling and no thinking / B. Verplanken, A. Herabadi // European Journal of Personality. – 2001. – Vol. 15, S1. – P. S71–S83. – DOI: 10.1002/per.423.

Казарян Артур Арменович
Kazaryan Artur Armenovich
магистрант
кафедра социологии и управления
ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)»
e-mail: kazaryan.a@icloud.com

Ерусланкина Полина Васильевна
Eruslankina Polina Vasilyevna
кандидат педагогических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)»

МЕТОДЫ ЦИФРОВОГО ОБУЧЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВОВЛЕЧЕННОСТЬ СОТРУДНИКОВ

DIGITAL LEARNING METHODS AND THEIR IMPACT ON EMPLOYEE ENGAGEMENT

Аннотация. Статья посвящена исследованию методов цифрового обучения и их влиянию на вовлеченность сотрудников в корпоративной среде. Актуальность темы обусловлена необходимостью адаптации компаний к быстро меняющимся условиям рынка и конкуренции, что требует внедрения инновационных подходов к обучению и развитию персонала. Вовлеченность сотрудников рассматривается как ключевой фактор успеха, связанный с их мотивацией и продуктивностью.

Целью исследования является анализ современных методов цифрового обучения и их влияния на уровень вовлеченности сотрудников. В задачи работы входят классификация методов цифрового обучения и изучение их влияния на вовлеченность. Для достижения цели использованы методы анализа научной и практической литературы, успешных кейсов внедрения, а также сравнительного анализа традиционных и цифровых подходов к обучению.

Результаты исследования демонстрируют, что цифровое обучение способствует повышению вовлеченности сотрудников благодаря персонализации, доступности и интерактивности. Основные методы включают электронные курсы, вебинары, мобильное обучение, геймификацию, VR/AR технологии и микрообучение. Примеры их успешной реализации в корпоративной практике подтверждают повышение эффективности обучения, мотивации и профессионального роста сотрудников.

В заключение подчеркивается, что цифровое обучение становится неотъемлемой частью современной корпоративной культуры, способствуя росту вовлеченности и профессионального развития сотрудников. Выводы акцентируют внимание на важности адаптации цифровых технологий к специфике бизнеса и интеграции их в корпоративную культуру для достижения стратегических целей компании.

Abstract. The article is devoted to the study of digital learning methods and their impact on employee engagement in the corporate environment. The relevance of the topic is due to the need for companies to adapt to rapidly changing market conditions and competition, which requires the introduction of innovative approaches to staff training and development.

Employee engagement is seen as a key success factor related to their motivation and productivity.

The purpose of the study is to analyze modern digital learning methods and their impact on the level of employee engagement. The objectives of the work include the classification of digital learning methods and the study of their impact on engagement. To achieve this goal, methods of analyzing scientific and practical literature, successful implementation cases, as well as comparative analysis of traditional and digital approaches to learning were used.

The results of the study demonstrate that digital learning contributes to increased employee engagement through personalization, accessibility, and interactivity. The main methods include e-courses, webinars, mobile learning, gamification, VR/AR technologies, and micro-learning. Examples of their successful implementation in corporate practice confirm the improvement of the effectiveness of training, motivation and professional growth of employees.

In conclusion, it is emphasized that digital learning is becoming an integral part of modern corporate culture, contributing to the growth of employee engagement and professional development. The conclusions emphasize the importance of adapting digital technologies to the specifics of business and integrating them into the corporate culture in order to achieve the company's strategic goals.

Ключевые слова: цифровое обучение, вовлеченность сотрудников, корпоративное обучение, мотивация, персонализация, электронные курсы, KPI, эффективное обучение.

Keywords: digital learning, employee engagement, corporate training, motivation, personalization, e-courses, KPIs, effective training.

В современном мире цифровизация стала ключевым трендом, затрагивающим практически все сферы деятельности, включая управление персоналом. Внедрение цифровых технологий в обучение сотрудников позволяет не только оптимизировать процесс передачи знаний, но и усиливать вовлеченность сотрудников, что, в свою очередь, способствует повышению эффективности работы всей организации.

Актуальность темы обусловлена необходимостью адаптации компаний к быстро меняющимся условиям рынка и конкуренции, что требует внедрения инновационных подходов в обучение и развитие персонала. Вовлеченность сотрудников становится критическим фактором успеха, так как мотивированные и заинтересованные сотрудники работают продуктивнее и способствуют достижению стратегических целей компании.

Целью данной статьи является исследование методов цифрового обучения и их влияния на уровень вовлеченности сотрудников.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- провести классификацию современных методов цифрового обучения;

- проанализировать влияние использования этих методов на вовлеченность сотрудников.

Методы исследования включают анализ научной и практической литературы, изучение успешных кейсов внедрения цифрового обучения в организациях, а также сравнительный анализ традиционных и цифровых подходов к обучению персонала.

Цифровое обучение (e-learning) — это процесс передачи знаний, навыков и умений с использованием цифровых технологий, таких как онлайн-платформы, мультимедийные материалы, мобильные приложения и другие интернет-ресурсы [1].

Вовлеченность сотрудников — это состояние, которое объединяет физическую, эмоциональную и интеллектуальную приверженность людей своей работе. В таком состоянии сотрудники не только стремятся выполнять задачи максимально эффективно, но и активно участвуют в достижении стратегических целей компании: расширении присутствия на рынках, преодолении сложностей, разработке инновационных продуктов и укреплении конкурентных позиций. Вовлеченность тесно связана с мотивацией, так как мотивированные сотрудники проявляют инициативу, готовы преодолевать трудности и вкладывают дополнительные усилия в развитие компании, что делает их ключевыми участниками успеха организации [2].

Сегодня цифровое обучение становится не просто инструментом для передачи знаний, но и стратегическим подходом к повышению вовлечённости сотрудников, улучшая их мотивацию, лояльность и производительность. Цифровое обучение в корпоративной среде используется для повышения квалификации сотрудников, адаптации новичков и развития навыков, необходимых для выполнения профессиональных задач.

Цифровые методы обучения представляют собой сочетание инновационных технологий, интерактивных подходов и традиционных образовательных принципов. Рассмотрим основные методы цифрового обучения:

1. Электронные курсы. Электронные курсы, реализуемые через LMS (Learning Management Systems) – это обучающие программы, которые создаются и управляются с помощью цифровых платформ. Эти системы организуют процесс обучения, делают его централизованным и доступным для большого количества участников. С помощью таких систем можно размещать разнообразный образовательный контент, включая видеоуроки, текстовые материалы и тесты. Курсы легко назначаются как группам, так

и отдельным пользователям, что обеспечивает гибкость в обучении. LMS также отслеживает прогресс и результаты обучающихся, предоставляя данные об их успехах и вовлеченности. Кроме того, системы позволяют проводить тестирование и собирать аналитические данные для оценки эффективности учебных программ и дальнейшего их совершенствования [3, с. 266-275].

SCORM (Sharable Content Object Reference Model) — это стандарт, который делает электронные курсы совместимыми с различными LMS. Он работает как «универсальный язык» для курсов, обеспечивая их переносимость и корректную работу на любых платформах, поддерживающих SCORM.

2. Виртуальные классы и вебинары создают возможности для взаимодействия участников в режиме реального времени. Этот формат обучения удобен для проведения онлайн-лекций и тренингов, где важна живая дискуссия и мгновенная обратная связь. Инструменты видеоконференций, такие как Zoom и Microsoft Teams, широко используются в образовательных и корпоративных средах.

Например, корпоративный университет ПАО «БИНБАНК» активно использует видеоуроки и лекции для обучения сотрудников работе с банковским программным обеспечением. Это значительно упростило процесс обучения и снизило затраты [4].

3. Мобильное обучение (mobile learning). Мобильные приложения и платформы для обучения позволяют сотрудникам получать знания в удобное для них время, используя смартфоны и планшеты. Это особенно актуально для сотрудников, работающих удаленно или часто находящихся в разъездах.

Пивоваренная компания «Efes Rus» внедрила дистанционное обучение для своих торговых представителей, особенно в отдаленных регионах. С помощью системы дистанционного обучения (СДО) и мобильных устройств сотрудники получили доступ к обучающим материалам, что позволило стандартизировать обучение и повысить его эффективность [5, с. 106-109].

4. Геймификация в обучении. Использование игровых элементов, таких как уровни, награды, соревновательные механики и рейтинги, для повышения вовлеченности и мотивации сотрудников. Этот метод делает процесс обучения более увлекательным и запоминающимся.

«Модульбанк» для сокращения затрат на обучение новых сотрудников банк создал интерактивный онлайн-квест, который помогает новичкам быстро освоиться и

понять основные процессы работы. Это решение ускорило адаптацию и снизило нагрузку на тренеров [6].

5. VR/AR технологии. Виртуальная (VR) и дополненная реальность (AR) используются для создания иммерсивного образовательного опыта. Эти технологии особенно полезны для обучения техническим навыкам, моделирования сложных ситуаций или подготовки к нестандартным задачам. Например, использование VR для обучения сотрудников в корпоративной среде позволяет создавать реалистичные сценарии для практики.

Сеть ресторанов «Своя Компания» с 2019 года использует виртуальную реальность для обучения официантов и улучшения сервиса. Сотрудники тренируются в виртуальной копии ресторана, обслуживая виртуальных гостей. Это позволяет ускорить адаптацию новых сотрудников и повысить качество обслуживания [7].

6. Микрообучение (microlearning). Методика, предполагающая подачу информации в небольших порциях, что упрощает усвоение материала. Например, короткие видео, карточки с заданиями или интерактивные тесты. Это позволяет сотрудникам учиться без необходимости отвлекаться от основной работы на длительный период. Микрообучение становится все более популярным в корпоративном обучении благодаря своей эффективности и удобству [8].

Цифровое обучение и вовлечённость сотрудников тесно связаны, поскольку современные образовательные технологии способны существенно повысить уровень вовлечённости, стимулируя мотивацию, развитие и приверженность сотрудников к работе. Факторы, повышающие вовлеченность через цифровое обучение:

1. Доступность обучения как фактор вовлечённости. Цифровое обучение позволяет сотрудникам получать знания в любое удобное время и из любого места, устраняя ограничения, связанные с графиком или местоположением. Это создает комфортные условия, способствуя удовлетворенности и вовлечённости. Сотрудники ощущают заботу компании о своем развитии, что укрепляет их эмоциональную связь с организацией.

2. Персонализация как стимул к участию. Адаптивные платформы подстраивают обучение под уровень знаний, интересы и профессиональные цели каждого сотрудника. Такой подход позволяет сотрудникам чувствовать индивидуальный подход, что мотивирует их больше вкладываться в образовательный процесс и активнее участвовать

в рабочих задачах.

3. Интерактивные элементы для повышения интереса. Использование мультимедиа, геймификации и VR/AR технологий делает обучение не просто полезным, но и увлекательным. Участие в интерактивных курсах поддерживает интерес сотрудников и усиливает их желание применять новые знания на практике, что повышает общую продуктивность.

4. Автоматизация как инструмент обратной связи. Цифровые платформы предоставляют данные о прогрессе и достижениях сотрудников, что помогает не только отслеживать эффективность обучения, но и мотивировать сотрудников на дальнейшее развитие. Видимые результаты укрепляют уверенность в собственных силах и формируют позитивное отношение к задачам компании.

5. Масштабируемость и культура обучения. Цифровые образовательные платформы позволяют обучать сотрудников на всех уровнях компании, создавая единое образовательное пространство. Это способствует формированию культуры непрерывного обучения и профессионального развития, что укрепляет вовлечённость в долгосрочной перспективе [9, с. 42-47].

Однако цифровое обучение, несмотря на свои очевидные преимущества, не лишено ограничений и рисков, которые могут повлиять на его эффективность. Одной из проблем является то, что при отсутствии должной поддержки со стороны руководства или коллег сотрудники могут почувствовать себя изолированными, что негативно сказывается на их мотивации. Кроме того, использование цифровых платформ требует технической оснащённости и определённых навыков, а сбои в работе оборудования или программного обеспечения могут затруднить процесс обучения. Ещё одной сложностью становится недостаточная адаптация учебных материалов к специфике компании, из-за чего сотрудники могут воспринимать обучение как малоэффективное и не связанное с их реальными задачами.

Для устранения барьеров и рисков цифрового обучения, а также повышения его доступности и эффективности, важно создать систему менторства, где опытные сотрудники смогут помогать новичкам осваивать цифровые платформы и подходы. Регулярная обратная связь станет основой для обсуждения возникающих сложностей и внедрения идей по улучшению процессов. Обучающие тренинги для всех сотрудников помогут повысить их техническую грамотность, а доступ к видеороликам и

инструкциям упростит освоение новых систем.

Ключевым шагом также является обеспечение стабильного интернет-соединения и современного оборудования, особенно для удалённых сотрудников, и внедрение интуитивно понятных платформ, минимизирующих технические ошибки. Учебные материалы должны быть адаптированы к корпоративным ценностям, особенностям бизнес-процессов и реальным задачам, а использование кейсов и примеров, приближённых к профессиональной деятельности, позволит сделать обучение максимально полезным.

Дополнительно можно повысить мотивацию сотрудников за счёт геймификации, включая награды, рейтинги и элементы соревнования. Система поощрений, например, карьерные бонусы или сертификаты, будет способствовать росту вовлечённости. Персонализация образовательного процесса с использованием искусственного интеллекта, позволяющая адаптировать курсы под индивидуальные потребности, а также предоставление выбора форматов обучения — видео, текстов или интерактивных тренажёров, сделают обучение более удобным.

Оценка качества цифрового обучения является ключевым аспектом для понимания его эффективности и влияния на сотрудников. Существует несколько метрик, которые позволяют объективно измерить и интерпретировать результаты электронных курсов [10]:

1. Индекс завершения курса (Completion Rate, COR). Это процент участников, завершивших курс от начала до конца. Расчёт:

$$\text{COR} = \left(\frac{\text{Количество завершивших курс}}{\text{Общее количество участников}}\right) \times 100\%$$

Высокий COR указывает на то, что курс был интересен и полезен для участников. Низкий показатель может свидетельствовать о сложности материала, недостаточной мотивации или несоответствии содержания ожиданиям слушателей.

2. Индекс лояльности участников (Net Promoter Score, NPS). Метрика, отражающая готовность участников рекомендовать курс другим.

Участники оценивают курс по шкале от 0 до 10:

- 0–6: критики (недовольны курсом)
- 7–8: нейтральные
- 9–10: промоутеры (готовы рекомендовать)

NPS рассчитывается как разница между процентом промоутеров и процентом критиков:

$$\text{NPS} = \%\text{Промоутеров} - \%\text{Критиков}$$

Положительный NPS указывает на высокую удовлетворённость курсом и его эффективность. Отрицательный или низкий NPS сигнализирует о необходимости доработки содержания или формата обучения.

3. Индекс удовлетворённости участников (Customer Satisfaction Index, CSI). Данный показатель отражает общее удовлетворение участников качеством и содержанием курса.

Участники отвечают на ряд вопросов, оценивая курс по шкале (например, от 1 до 5).

CSI рассчитывается как среднее арифметическое всех оценок:

$$\text{CSI} = \frac{\sum \text{Оценок участников}}{\text{Количество участников}}$$

Высокий CSI свидетельствует о том, что курс соответствует ожиданиям и потребностям участников. Низкий CSI может указывать на необходимость пересмотра содержания, структуры или методов подачи материала.

4. Модель оценки эффективности обучения Киркпатрика – Филлипса. Эта модель включает пять уровней оценки:

- Реакция: оценка удовлетворённости участников (метрики CSI и NPS).

- Обучение: измерение приобретённых знаний и навыков (например, через тестирование).

- Поведение: анализ изменений в поведении сотрудников на рабочем месте после обучения.

- Результаты: влияние обучения на бизнес-показатели компании.

- Окупаемость инвестиций (ROI): анализ финансовой эффективности обучения. Формула расчёта ROI:

$$\text{ROI} = \frac{\text{Доход от обучения} - \text{Затраты на обучение}}{\text{Затраты на обучение}} \times 100\%$$

где:

- Доход от обучения – финансовый эффект, полученный благодаря обучению (например, увеличение прибыли, снижение затрат, рост производительности);

- Затраты на обучение – все расходы, связанные с разработкой и проведением программы обучения (например, затраты на платформу, разработку контента, оплату преподавателей).

Использование этой модели позволяет получить всестороннюю оценку эффективности программы обучения и определить области для улучшения.

Для оценки влияния цифрового обучения на производительность сотрудников рекомендуется проводить анализ KPI до и после внедрения обучающих программ. Этот подход позволяет объективно измерить, насколько обучение способствует улучшению ключевых показателей. Ключевые показатели эффективности (KPI, от англ. Key Performance Indicators) — это количественные метрики, используемые для оценки степени достижения целей организации или эффективности выполнения определённых задач. Они позволяют измерить результативность работы сотрудников, подразделений или компании в целом, обеспечивая объективную основу для принятия управленческих решений [11].

Шаги для проведения анализа:

1. Идентификация релевантных KPI. Определите, какие показатели наиболее точно отражают цели обучения. Например, для отдела продаж это могут быть объём продаж, количество заключённых сделок или скорость обработки заявок.

2. Сбор данных до обучения: зафиксируйте значения выбранных KPI за определённый период до начала обучения, чтобы установить базовый уровень для сравнения.

3. Проведение обучения: реализуйте программу цифрового обучения, адаптированную под потребности сотрудников и цели компании.

4. Сбор данных после обучения: через установленный период после завершения обучения (например, через 1–3 месяца) соберите данные по тем же KPI.

5. Проведите сравнительный анализ: сопоставьте показатели до и после обучения, чтобы выявить изменения и оценить эффективность программы.

Для повышения эффективности оценки цифрового обучения рекомендуется внедрить систематический подход, включающий регулярный пересмотр ключевых показателей эффективности (KPI), чтобы они оставались актуальными и соответствовали стратегическим целям компании. Оценка результатов должна основываться на сочетании количественных и качественных методов, таких как анализ

данных, опросы и интервью, что позволит получить полное представление о влиянии обучения на сотрудников. На основе собранной информации программы обучения следует корректировать, чтобы они лучше способствовали достижению бизнес-целей. Данный подход обеспечивает объективную оценку эффективности обучения и помогает принимать обоснованные решения для дальнейшего развития персонала.

Подводя итог исследованию, можно сделать вывод, что интеграция цифрового обучения в корпоративную культуру становится необходимым элементом современной бизнес-среды, где постоянное развитие сотрудников и их вовлеченность играют ключевую роль в достижении стратегических целей компании. Создание среды, в которой обучение воспринимается как неотъемлемая часть работы, способствует укреплению корпоративных ценностей, повышению мотивации сотрудников и их профессионального роста.

Цифровое обучение, встроенное в повседневные процессы, открывает новые возможности для персонализации, гибкости и доступности знаний. Оно позволяет адаптировать программы под индивидуальные потребности и цели, поддерживая непрерывное развитие компетенций. Примеры успешной реализации таких подходов в ведущих компаниях показывают, что цифровое обучение не только улучшает результаты сотрудников, но и усиливает их приверженность компании.

В перспективе использование цифрового обучения будет всё активнее способствовать повышению вовлеченности сотрудников. Интерактивные методы, геймификация и аналитические инструменты помогут сделать процесс обучения более увлекательным и результативным. Развитие технологий, таких как искусственный интеллект, виртуальная и дополненная реальность, откроет новые горизонты для создания адаптивных и иммерсивных образовательных программ.

Цифровое обучение становится важным инструментом для формирования вовлечённой, мотивированной и профессионально развитой команды, что неизбежно приведёт к росту конкурентоспособности компании и достижению долгосрочного успеха.

Литература:

1. Вербицкий А.А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы / А.А. Вербицкий // Электронный научно-публицистический журнал «Homo Cyberus». – 2019г.

- №1(6). - [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019 (дата обращения 05.05.2026)

2. Клочков А.Н. Вовлеченность персонала. – 2023г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://happy-job.ru/hr-blog/vovlechennost-personala/ (дата обращения 05.05.2026)

3. Лелюх А. Б., Федорова Е. Н. Гибридный формат корпоративного образования: преимущества и перспективы // Наука и школа. – 2023г. №3. – С. 266-275. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnyy-format-korporativnogo-obrazovaniya-preimuschestva-i-perspektivy (дата обращения 05.05.2026)

4. Фирсова П.С. Система обучения персонала: пример 8 российских компаний. – 2024г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ispring.ru/elearning-insights/kak-obuchayut-i-otsenivayut-personal-v-sovremennykh-organizatsiyakh (дата обращения 05.05.2026)

5. Агырбаш Т. Программы развития персонала // Профессиональные кадры для бизнеса: практика компаний в области образования и обучения. – 2023г. №5. – С. 106-109. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://rspp.ru/upload/uf/18a/c73fe50a9a42f34c7092ec71f30c67cc.pdf (дата обращения 05.05.2026)

6. Нымм И.Н. Цифровое обучение персонала: какими методами пользуются компании в обучении сотрудников. – 2024г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ispring.ru/elearning-insights/cifrovoe-obuchenie-personala (дата обращения 05.05.2026)

7. VR-обучение в российских компаниях. – 2024г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://hrbazaar.ru/articles/vr-obuchenie-v-rossijskih-kompaniyah/ (дата обращения 05.05.2026)

8. Коланьков И.А. ТОП-3 мировых тренда обучения персонала с успешными кейсами внедрения. – 2020г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://hrbazaar.ru/articles/top-3-mirovyh-trenda-obucheniya-personala-s-uspeshnymi-kejsami-vnedreniya/ (дата обращения 05.05.2026)

9. А Э. Верянская, О В. Кашпурова. Цифровая трансформация корпоративной системы обучения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023г. №11-2 (86). – С. 42-47. – [Электронный ресурс] – Режим доступа:

https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-korporativnoy-sistemy-obucheniya-1 (дата обращения 05.05.2026)

10. Метрики качества электронных курсов. – 2023г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.logrusit.com/ru/blog/e-learning-quality/ (дата обращения 05.05.2026)

11. Лепкая М.Ю. KPI покажет: как бизнесу измерить эффективность обучения сотрудников. – 2024г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://mts-link.ru/blog/kak-biznesu-izmerit-effektivnost-obucheniya-sotrudnikov/ (дата обращения 05.05.2026)

Казарян Артур Арменович
Kazaryan Artur Armenovich
магистрант
кафедра социологии и управления
ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)»
e-mail: kazaryan.a@icloud.com

Ерусланкина Полина Васильевна
Eruslankina Polina Vasilyevna
кандидат педагогических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)»

НЕТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ПЕРСОНАЛА СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЫ КОМПАНИИ

NON-TRADITIONAL METHODS OF PERSONNEL TRAINING IN MODERN ORGANIZATIONS AS A TOOL FOR INVOLVEMENT IN COMPANY PROCESSES

Аннотация. Статья посвящена исследованию нетрадиционных методов обучения персонала современных организаций как эффективного инструмента повышения вовлеченности сотрудников в рабочие процессы и формирования инновационной корпоративной культуры. Актуальность темы обусловлена необходимостью адаптации организаций к быстро меняющимся экономическим и технологическим условиям. В статье проанализированы современные подходы к обучению персонала, включая геймификацию, менторство, виртуальную реальность, микролернинг и проектное обучение, как эффективные альтернативы традиционным методам.

Цель исследования заключается в изучении влияния нетрадиционных методов на повышение мотивации и продуктивности сотрудников.

Методы исследования включают анализ и синтез литературных источников, примеров применения инновационных обучающих технологий, а также сравнение традиционных и нетрадиционных подходов к обучению.

Результаты показали, что использование нетрадиционных методов способствует более высокой вовлеченности и лояльности сотрудников, улучшению профессиональных компетенций и созданию инновационной корпоративной культуры. Исследование также выявляет основные барьеры внедрения нетрадиционных методов, такие как культурное сопротивление, технические ограничения и необходимость подготовки квалифицированных тренеров. Для их преодоления предложены рекомендации, включающие анализ потребностей персонала, поддержку руководства, развитие корпоративной культуры и регулярную оценку эффективности образовательных программ.

Abstract. The article is devoted to the study of non-traditional methods of personnel training in modern organizations as an effective tool for increasing employee engagement in work processes and the formation of an innovative corporate culture. The relevance of the

topic is due to the need for organizations to adapt to rapidly changing economic and technological conditions. The article analyzes modern approaches to personnel training, including gamification, mentoring, virtual reality, microlerning and project training, as effective alternatives to traditional methods.

The purpose of the study is to study the impact of non-traditional methods on increasing employee motivation and productivity.

The research methods include the analysis and synthesis of literary sources, examples of the use of innovative learning technologies, as well as a comparison of traditional and non-traditional approaches to learning.

The results showed that the use of non-traditional methods contributes to higher employee engagement and loyalty, improved professional competencies and the creation of an innovative corporate culture. The study also identifies the main barriers to the introduction of non-traditional methods, such as cultural resistance, technical limitations and the need to train qualified trainers. To overcome them, recommendations are proposed, including analysis of staff needs, management support, development of corporate culture and regular evaluation of the effectiveness of educational programs.

Ключевые слова: нетрадиционные методы обучения, вовлеченность сотрудников, геймификация, виртуальная реальность, менторство, микролернинг, обучение персонала, корпоративная культура.

Keywords: non-traditional teaching methods, employee engagement, gamification, virtual reality, mentoring, microlerning, staff training, corporate culture.

Современные организации сталкиваются с постоянными изменениями, что требует гибкости и готовности сотрудников адаптироваться к новым условиям. Одним из ключевых инструментов поддержания конкурентоспособности является эффективное обучение персонала, которое помогает не только повышать профессиональные навыки работников, но и развивать их вовлеченность в процессы компании. В последние годы наблюдается рост интереса к нетрадиционным методам обучения, таким как геймификация, виртуальная реальность, менторство и другие инновационные подходы, которые становятся важной частью стратегий управления персоналом. Эти методы способны не только повысить качество обучения, но и значительно улучшить вовлеченность сотрудников, создавая условия для более тесного взаимодействия с компанией.

Целью данной статьи является исследование роли нетрадиционных методов обучения персонала как инструмента повышения вовлеченности работников в процессы компании.

В статье используется комплексный подход, включающий методы анализа и синтеза, сравнение существующих подходов к обучению персонала, а также эмпирическое исследование в виде анализа кейс-стадии применения нетрадиционных

методов в различных организациях.

Обучение персонала представляет собой процесс систематической передачи знаний, навыков и опыта с целью повышения профессионального уровня работников и оптимизации их труда в рамках организации. Оно включает в себя как традиционные формы (курсы, тренинги, семинары), так и более инновационные методы, такие как онлайн-курсы, коучинг или менторство. Обучение является неотъемлемой частью стратегии развития человеческого капитала компании, поскольку напрямую влияет на повышение производительности труда, улучшение качества выполняемых задач и адаптацию сотрудников к быстро меняющимся условиям бизнеса [1, с. 57-59].

Важнейшей ролью обучения в организации является формирование у сотрудников необходимых компетенций для успешного выполнения своих задач, а также создание устойчивого мотивационного фона для их профессионального роста. Компании, инвестирующие в обучение и развитие персонала, получают стратегическое преимущество, поскольку такие работники более лояльны и склонны к инновационным подходам в своей деятельности [2, с. 483-502].

Вовлеченность сотрудников – это эмоциональная приверженность работника целям и задачам компании, выражающаяся в желании активно участвовать в её развитии и успехах. Вовлеченные сотрудники демонстрируют высокую продуктивность, стремление к саморазвитию и готовы брать на себя дополнительные обязанности. Исследования показывают, что вовлеченность напрямую связана с уровнем удовлетворенности работой, а также с корпоративной культурой, где ценятся не только результаты труда, но и вклад каждого сотрудника в общее дело [3, с. 11-31].

Связь между обучением и вовлечением заключается в том, что обучение способствует как развитию профессиональных навыков, так и укреплению эмоциональной приверженности сотрудников к организации. Эффективные программы обучения не только повышают квалификацию работников, но и создают чувство принадлежности к компании, что повышает их вовлеченность.

Традиционные методы обучения персонала включают курсы, тренинги и семинары, которые являются основными инструментами повышения квалификации сотрудников. Эти методы часто предполагают учебный процесс в форме лекций, практических занятий и групповых обсуждений, что позволяет углубленно освоить теоретический материал и развить практические навыки. Преимущества таких методов

заключаются в структурированности обучения, возможности непосредственного взаимодействия с преподавателем и коллегами, а также в высокой степени контроля за процессом усвоения знаний.

Однако в условиях современной экономики традиционные методы сталкиваются с рядом ограничений. Во-первых, они требуют значительных временных и финансовых затрат, что делает их менее гибкими для организации, которая нуждается в быстром реагировании на изменения. Во-вторых, традиционные методы обучения часто не учитывают индивидуальные особенности сотрудников, такие как их потребности в обучении, темп восприятия материала и стиль обучения. Это может приводить к снижению эффективности обучения и отсутствию мотивации у сотрудников [4, с. 45-56].

В последние годы организации все чаще используют нетрадиционные методы обучения, чтобы соответствовать требованиям быстрого профессионального развития сотрудников в условиях изменений на рынке труда. Эти методы акцентируют внимание на практическом опыте, индивидуальном подходе и инновационных технологиях, что повышает вовлеченность и мотивацию работников:

1. Обучение через игровые технологии (геймификация). Геймификация представляет собой внедрение элементов игры в образовательный процесс, что делает обучение более интерактивным и увлекательным. Этот метод включает использование баллов, уровней, конкурсов и наград, что мотивирует сотрудников к обучению и повышает их вовлеченность. Геймификация помогает развивать навыки командной работы, стратегического мышления и принятия решений в условиях неопределенности [5, с. 13-17].

2. Менторство и коучинг. Менторство и коучинг – это подходы, ориентированные на индивидуальное развитие сотрудников. Ментор предоставляет наставничество и делится опытом, а коуч помогает раскрывать потенциал сотрудника через вопросы и рефлексию. Эти методы эффективны для профессионалов, которые стремятся к глубокой личной трансформации и желают развивать конкретные компетенции с помощью практического руководства. В отличие от формальных обучающих программ, менторство и коучинг фокусируются на потребностях и целях самого сотрудника [6, 199-202].

3. Обучение на практике: проектное и ситуационное обучение. Проектное

обучение предполагает работу над реальными проектами, что дает сотрудникам возможность применять полученные знания в практической среде. Ситуационное обучение основано на разборе реальных или смоделированных ситуаций, в которых необходимо принимать решения и действовать в условиях многозадачности. Эти методы способствуют развитию критического мышления, творческого подхода и навыков решения проблем, что особенно важно в быстро меняющемся рабочем окружении [7, 192-193].

4. Виртуальная реальность и симуляции. Использование виртуальной реальности (VR) и симуляций в обучении позволяет создать полностью иммерсивные обучающие сценарии, где сотрудники могут тренироваться в безопасной среде, имитируя реальные рабочие условия. Это особенно полезно в сложных и опасных профессиях, где ошибки могут иметь серьезные последствия. VR-среды позволяют воспроизвести различные ситуации, требующие быстрого принятия решений, что значительно ускоряет процесс обучения и повышает его эффективность [8].

5. Онлайн-курсы и микролернинг (короткие образовательные блоки). Онлайн-курсы и микролернинг предоставляют возможность обучаться в любое время и в удобном формате. Микролернинг включает короткие, но насыщенные образовательные блоки, которые можно пройти за короткий промежуток времени. Этот подход позволяет сотрудникам быстро осваивать новые знания и навыки, не прерывая своей профессиональной деятельности. Онлайн-курсы, в свою очередь, могут включать различные форматы обучения — от видеолекций до интерактивных тестов и заданий, что делает процесс более гибким и доступным [9].

6. Виртуальные сообщества и социальные сети для обучения. Использование виртуальных сообществ и социальных сетей для обучения создает пространство для обмена опытом и идеями среди сотрудников. В таких сообществах они могут задавать вопросы, делиться знаниями и получать обратную связь от коллег и экспертов, что способствует неформальному обучению и развитию корпоративной культуры. Этот подход особенно эффективен для обмена знаниями и лучшими практиками в рамках организации [10, с. 32-37].

Нетрадиционные методы обучения способствуют созданию более гибкой и инновационной корпоративной культуры. Эти методы создают атмосферу сотрудничества, доверия и открытости, что важно для эффективного командного

взаимодействия. Также такие подходы развивают культуру постоянного обучения, где сотрудники активно делятся знаниями и опытом, создавая таким образом более продуктивную и креативную рабочую среду. Например, в компании «Теле2» разработали игру «Walk the Talk», которая мотивирует сотрудников искать проблемы в работе до того, как с ними столкнутся клиенты. За это они получают очки и соревнуются в рейтинге среди коллег. За год в игре зарегистрировалось 60 % сотрудников компании, а всего ими было создано порядка 15 000 предложений по улучшению в точках продаж [11].

Сбер, крупнейший российский банк, активно внедряет методы менторства и коучинга для развития лидерских качеств среди своих сотрудников. Сотрудники, обладающие большим опытом, помогают менее опытным коллегам в освоении профессиональных навыков и управлении проектами. Эта практика повышает мотивацию и вовлеченность, так как помогает сотрудникам развивать новые навыки и строить карьеру в компании. Коучинг помогает фокусироваться на личностном и профессиональном росте, что способствует большей приверженности корпоративным целям и ценностям [12].

Компания «Азия Дриллинг» (ГК «Нефтьсервисхолдинг») внедрила цифровые тренажеры для обучения сотрудников, что позволяет моделировать производственные объекты и ситуации. Это обеспечивает непрерывный контроль и повышение уровня знаний в области производственной безопасности, снижая вероятность аварийных ситуаций из-за человеческого фактора [13].

Однако процесс внедрения нетрадиционных методов обучения персонала сопряжён с рядом вызовов, которые необходимо учитывать для успешной реализации образовательных инициатив:

1. Культурные и организационные барьеры. Сотрудники и руководство могут проявлять консерватизм, предпочитая привычные методы обучения и работы, что затрудняет принятие инновационных подходов. Без активного участия и поощрения со стороны менеджмента внедрение новых методов обучения может быть воспринято как малозначимое, что снижает мотивацию сотрудников к участию в таких программах. Если организационная культура не ориентирована на инновации и обучение, внедрение нетрадиционных методов может встретить сопротивление или безразличие со стороны персонала.

2. Технические и финансовые ограничения. Разработка и интеграция новых обучающих технологий требуют значительных финансовых вложений, что может быть недоступно для некоторых организаций. Для эффективного использования современных методов обучения необходима соответствующая техническая база, которой может не хватать в организации. Некоторые компании могут испытывать трудности с доступом к современным технологиям и платформам для обучения, что ограничивает возможности внедрения инновационных методов.

3. Необходимость подготовки тренеров. Внедрение новых методов обучения требует наличия тренеров и модераторов с соответствующими навыками и опытом, которых может не хватать на рынке труда. Действующим тренерам и преподавателям может потребоваться переподготовка для освоения и эффективного применения новых методов и технологий в обучении. Некоторые тренеры могут быть не готовы или не желать переходить на новые методы обучения, предпочитая традиционные подходы.

Преодоление этих барьеров требует комплексного подхода, включающего изменение корпоративной культуры, инвестиции в техническую инфраструктуру и подготовку квалифицированных специалистов для реализации нетрадиционных методов обучения.

Успешное внедрение инновационных методов обучения персонала современных организаций требует тщательной подготовки и стратегического подхода. Мною были разработаны рекомендации по их внедрению:

1. Проведите анализ потребностей. Оцените текущие навыки сотрудников и определите области, требующие развития, чтобы выбрать наиболее подходящие методы обучения.

2. Внедрите современные технологии. Рассмотрите использование геймификации, микрообучения и онлайн-платформ для создания интерактивных и увлекательных программ обучения.

3. Обеспечьте поддержку руководства. Активное участие и поощрение со стороны менеджмента подчеркнут значимость обучения и мотивируют сотрудников к участию.

4. Развивайте корпоративную культуру обучения. Создайте среду, где ценится непрерывное развитие и обмен знаниями, чтобы сотрудники ощущали поддержку в своём обучении.

5. Обучите внутренних тренеров. Инвестируйте в подготовку квалифицированных специалистов, способных эффективно применять и адаптировать нетрадиционные методы обучения.

6. Оценивайте эффективность программ. Регулярно анализируйте результаты обучения, собирайте обратную связь от сотрудников и вносите необходимые коррективы для повышения эффективности.

Следуя этим рекомендациям, организации смогут успешно внедрить нетрадиционные методы обучения, способствуя повышению вовлечённости и эффективности своих сотрудников.

Проведённое исследование показывает, что нетрадиционные методы обучения персонала, такие как геймификация, виртуальная реальность, менторство и коучинг, становятся всё более востребованными в современных организациях. Их перспективы в будущем обусловлены несколькими ключевыми тенденциями. Во-первых, технологический прогресс, включая развитие искусственного интеллекта и виртуальной реальности, расширяет возможности для создания интерактивных и персонализированных программ обучения. Во-вторых, традиционные методы уступают место более гибким и адаптивным формам обучения, которые учитывают индивидуальные потребности сотрудников и способствуют их вовлечённости. Кроме того, международная конкуренция требует от компаний постоянного обновления знаний и навыков персонала, что стимулирует внедрение инновационных методов обучения. Наконец, быстро меняющаяся деловая среда обуславливает необходимость постоянного профессионального развития сотрудников, что делает нетрадиционные методы обучения особенно актуальными.

В будущем ожидается дальнейшее распространение и развитие нетрадиционных методов обучения, что позволит организациям более эффективно адаптироваться к изменениям и поддерживать конкурентоспособность на рынке.

Литература:

1. Веселова С. В. Роль обучения персонала в развитии организации // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. – 2020г. №4. – С. 57-59. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obucheniya-personala-v-razvitii-organizatsii (дата обращения 05.05.2026)

2. Ермашкевич Н. С. и соавторы. Развитие профессиональных компетенций в условиях цифровой экономики // Лидерство и менеджмент. – 2021г. – Т. 8, № 4. – С. 483-502. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://1economic.ru/lib/113874 (дата обращения 05.05.2026)

3. Токарева А. А., Баронене С. Г. Методика исследования вовлеченности сотрудников университета // Университетское управление: практика и анализ. – 2019г. №1-2. – С. 11-31. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-issledovaniya-vovlechennosti-sotrudnikov-universiteta (дата обращения 05.05.2026)

4. Колодезникова Ю. Ю. Цифровизация обучения персонала: новые технологии и проблемы их внедрения // Гуманитарный научный журнал. 2023. №1-1 С. 30-39. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obucheniya-personala-novye-tehnologii-i-problemy-ih-vnedreniya. (дата обращения 05.05.2026)

5. Цирулева Л. Д., Щербакова Н. Е. Геймификация в обучении: сущность, содержание, пути реализации технологии // Вестник ПензГУ. – 2023г. №3 (43). – С. 13-17. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-v-obuchenii-suschnost-soderzhanie-puti-realizatsii-tehnologii (дата обращения 05.05.2026)

6. Блатман Г. М. Менторство и коучинг как современный инструмент эффективного управления персоналом // Форум молодых ученых. – 2017г. №6 (10). – С. 199-202. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mentorstvo-i-kouching-kak-sovremennyy-instrument-effektivnogo-upravleniya-personalom (дата обращения 05.05.2026)

7. Носова, В. И. Проектное обучение: плюсы и минусы / В. И. Носова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 49 (496). — С. 192-193. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/496/108737/

8. VR-технологии в обучении персонала. – 2024г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://varwin.com/ru/vr-development/vr-obuchenie-personala/ (дата обращения 05.05.2026)

9. Посохова О.Н. Микролернинг простыми словами и его сильные стороны для процесса обучения. – 2021г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://lessondelivery.com/education/mikrolerning.html (дата обращения 05.05.2026)

10. Исламова С. Х. Применение социальных сетей в образовательном процессе // Мировая наука. 2019. №10 (31) С. 81-83. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-sotsialnyh-setey-v-obrazovatelnom-protsesse. (дата обращения 05.05.2026)

11. Курылев И.А. Tele2 Walk the talk: геймификация бизнеса для повышения клиентского опыта. – 2024г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gamification-now.ru/cases/tele2-walk-the-talk-geymifikaciya-biznesa-dlya-povysheniya-klientskogo-opyta (дата обращения 05.05.2026)

12. Подвальная Е.А. Прививка лидерства. Как менторство внутри компании помогает бизнесу сохранять устойчивость и управлять изменениями. – 2023г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://sber.pro/publication/privivka-liderstva-kak-mentorstvo-vnutri-kompanii-pomogaet-biznesu-sohranyat-ustojchivost-i-upravlyat-izmeneniyami/ (дата обращения 05.05.2026)

13. Опыт внедрения цифровых инструментов для безопасности и обучения. – 2024г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.it-world.ru/news-company/roltcpzmswgcckksogw0k080og04808.html (дата обращения 05.05.2026)

Зубков Дмитрий Владимирович
Zubkov Dmitry Vladimirovich
специалист
Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: okaykillmyvibe@gmail.com

научный руководитель
Шеронов Виктор Викторович
Sheronov Victor Victorovich
кандидат педагогических наук, доцент кафедры физвоспитания
Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: sheronov-5@mail.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE FIELD OF PHYSICAL EDUCATION: PROSPECTS FOR APPLICATION

Аннотация. В статье анализируются возможности и перспективы применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в системе физического воспитания. Особое внимание уделяется проблеме несоответствия между высоким технологическим потенциалом ИИ и практикой его фрагментарного использования в образовательных организациях. Рассматриваются причины ограниченного внедрения искусственного интеллекта в физическое воспитание, а также предлагаются направления его системной педагогической интеграции с целью повышения эффективности, индивидуализации и сохранения воспитательной функции физической культуры.

Abstract. The article analyzes the possibilities and prospects for the application of artificial intelligence technologies in the system of physical education. Special attention is paid to the problem of the mismatch between the high technological potential of AI and the fragmented practice of its use in educational institutions. The reasons for the limited implementation of artificial intelligence in physical education are considered, and directions for its systematic pedagogical integration aimed at increasing efficiency, individualization and preserving the educational function of physical culture are proposed.

Ключевые слова: искусственный интеллект, физическое воспитание, цифровизация образования, педагогическая интеграция, индивидуализация обучения.

Keywords: artificial intelligence, physical education, digitalization of education, pedagogical integration, individualization of learning.

Современная система образования развивается в условиях активной цифровизации, охватывающей все уровни и направления образовательной деятельности. В этом контексте искусственный интеллект рассматривается как один из

ключевых инструментов повышения эффективности обучения и управления образовательным процессом. Однако в сфере физического воспитания внедрение ИИ остаётся ограниченным и носит преимущественно экспериментальный характер, несмотря на его значительный потенциал [1].

Физическое воспитание традиционно ориентировано на развитие физических качеств, формирование двигательных навыков и укрепление здоровья обучающихся. В то же время современная образовательная парадигма требует индивидуального подхода, учета функционального состояния и мотивации каждого обучающегося. Именно здесь технологии искусственного интеллекта способны существенно расширить возможности преподавателя, обеспечив персонализацию нагрузок и объективный анализ физического состояния [2].

Вместе с тем анализ научных публикаций и образовательной практики показывает наличие противоречия между возможностями ИИ и реальной практикой его применения. В большинстве случаев искусственный интеллект используется лишь как технический инструмент для фиксации физиологических показателей или анализа двигательной активности, не будучи интегрированным в педагогическую структуру занятий. Это снижает образовательную и воспитательную ценность применения цифровых технологий в физической культуре.

Одной из ключевых причин данной проблемы является недостаточная цифровая компетентность преподавателей физической культуры. Отсутствие специализированной подготовки и методических рекомендаций затрудняет осмысленное использование ИИ в образовательном процессе. Кроме того, внедрение ИИ требует наличия соответствующей материально-технической базы, что далеко не всегда доступно образовательным организациям, особенно в регионах.

Существенным направлением применения искусственного интеллекта в физическом воспитании является индивидуализация физических нагрузок. Используя данные о физической активности, уровне подготовленности и состоянии здоровья, ИИ-системы способны формировать персонализированные рекомендации, корректировать интенсивность занятий и предупреждать переутомление. Такой подход позволяет повысить безопасность и эффективность тренировочного процесса [3].

Не менее важным является мониторинг физического состояния обучающихся. Современные носимые устройства в сочетании с интеллектуальными алгоритмами

обеспечивают непрерывный сбор и анализ данных, что создает условия для более точного контроля за динамикой физического развития. Это особенно актуально в условиях массового физического воспитания, где преподавателю сложно уделить внимание каждому обучающемуся в индивидуальном порядке [4].

Определенный интерес представляет зарубежный опыт внедрения искусственного интеллекта в сферу физического воспитания. В ряде государств цифровые технологии уже используются для анализа двигательной активности обучающихся, оценки техники выполнения упражнений и формирования индивидуальных рекомендаций по совершенствованию физических навыков. Применение подобных систем позволяет повысить объективность контроля результатов обучения и обеспечить более оперативную обратную связь. Кроме того, использование больших массивов данных создает возможности для прогнозирования динамики физической подготовленности обучающихся и своевременной корректировки образовательного процесса.

Практическая значимость искусственного интеллекта в физическом воспитании проявляется не только в анализе данных, но и в непосредственном сопровождении образовательного процесса. Одним из наиболее перспективных направлений является автоматизированный анализ техники выполнения физических упражнений. Используя технологии компьютерного зрения и машинного обучения, интеллектуальные системы способны выявлять ошибки в движениях обучающихся, предоставлять рекомендации по их исправлению и снижать риск получения травм. Подобный подход особенно актуален при самостоятельных занятиях физической культурой и дистанционных формах обучения.

Кроме того, искусственный интеллект может использоваться для прогнозирования результатов физической подготовки. На основе накопленных данных о посещаемости занятий, уровне двигательной активности и динамике физических показателей алгоритмы способны выявлять тенденции развития обучающихся и предлагать оптимальные стратегии тренировочного воздействия. Это позволяет своевременно корректировать учебный процесс и повышать эффективность достижения образовательных результатов.

Дополнительные возможности связаны с повышением мотивации обучающихся. Современные цифровые платформы, использующие элементы искусственного

интеллекта, способны формировать персонализированные цели, отслеживать прогресс и предоставлять индивидуальную обратную связь. Благодаря этому физическое воспитание становится более ориентированным на потребности конкретного человека, что способствует формированию устойчивого интереса к регулярной двигательной активности и здоровому образу жизни.

Однако при отсутствии системного подхода существует риск формализации процесса физического воспитания. Чрезмерная ориентация на цифровые показатели может привести к снижению значимости личного педагогического взаимодействия, которое играет ключевую роль в формировании ценностного отношения к физической культуре и здоровому образу жизни. В этом контексте искусственный интеллект должен рассматриваться не как замена педагога, а как инструмент поддержки его профессиональной деятельности [5].

Для преодоления выявленной проблемы представляется целесообразным переход к системной педагогической интеграции искусственного интеллекта в физическое воспитание. В первую очередь необходимо разработать методические рекомендации, регламентирующие использование ИИ с учётом возрастных, физических и психологических особенностей обучающихся. Такие рекомендации должны ориентироваться не только на повышение физических показателей, но и на развитие мотивации и ответственности за собственное здоровье.

Важным условием эффективного внедрения ИИ является повышение цифровой компетентности специалистов в области физической культуры. Программы дополнительного профессионального образования должны включать основы работы с интеллектуальными системами, анализ данных физической активности и педагогические аспекты их применения. Это позволит преподавателям использовать технологии осознанно и в соответствии с целями физического воспитания [6].

Отдельного внимания заслуживают вопросы этического и правового регулирования применения искусственного интеллекта в образовательной среде. Поскольку интеллектуальные системы осуществляют обработку данных о состоянии здоровья, уровне физической активности и иных индивидуальных характеристиках обучающихся, возникает необходимость обеспечения конфиденциальности информации и соблюдения требований законодательства о защите персональных данных. Важным условием также является прозрачность алгоритмов принятия

решений, исключающая возможность необоснованных рекомендаций или ошибочной интерпретации полученных результатов. Соблюдение данных принципов способствует формированию доверия к технологиям искусственного интеллекта со стороны участников образовательного процесса.

Перспективным направлением является создание гибридной модели физического воспитания, в которой искусственный интеллект выполняет аналитическую и рекомендательную функции, а педагог сохраняет ключевую роль в организации, мотивации и воспитании обучающихся. Такой подход позволяет объединить технологические преимущества ИИ с гуманистической направленностью физической культуры.

В российской образовательной практике внедрение искусственного интеллекта в физическое воспитание остается ограниченным, несмотря на наличие государственных программ цифрового развития. Это свидетельствует о необходимости комплексного подхода, включающего методическую, кадровую и ресурсную поддержку образовательных организаций [7].

Следует отметить, что эффективность внедрения искусственного интеллекта в физическое воспитание во многом зависит от готовности самих обучающихся к использованию цифровых технологий. Важным условием является формирование у них навыков работы с цифровыми сервисами, способности интерпретировать получаемые данные и использовать рекомендации интеллектуальных систем для организации собственной двигательной активности. Развитие цифровой грамотности обучающихся позволит повысить результативность применения ИИ и будет способствовать более осознанному отношению к вопросам сохранения и укрепления здоровья. Кроме того, использование интеллектуальных технологий способствует развитию навыков самоконтроля и самоорганизации, которые являются важными компонентами современной культуры здоровья личности.

Таким образом, искусственный интеллект обладает значительным потенциалом в системе физического воспитания, однако его эффективное использование возможно лишь при условии системной педагогической интеграции. Решение выявленной проблемы позволит повысить качество физического воспитания, обеспечить индивидуальный подход и сохранить его воспитательную направленность в условиях цифровой трансформации образования. В перспективе развитие технологий

искусственного интеллекта способно создать условия для формирования более гибкой и адаптивной системы физического воспитания, ориентированной на индивидуальные особенности каждого обучающегося. Это будет способствовать не только повышению уровня физической подготовленности, но и укреплению мотивации к ведению здорового образа жизни.

Литература:

1. Петров П.К. Информатизация физкультурного образования: опыт и проблемы // Теория и практика физической культуры. - 2017. - № 1. - С. 6-8.

2. Искусственный интеллект в образовании: изменение темпов обучения. Аналитическая записка ИИТО ЮНЕСКО. - М.: ИИТО ЮНЕСКО, 2019.

3. Петров П.К. Formation and Development of Digital Transformation of Physical Education // European Science. - 2022. - № 8. - DOI: 10.30890/2709-2313.2022-08-04-019.

4. Зенченков И.П. Компетентностный подход к формированию физической культуры будущих учителей в условиях цифровизации образовательной среды // Управление образованием: теория и практика. - 2025. - № 10.

5. Бартош О.В., Бартош А.А., Дубинская М. и др. Процессы цифровизации: конструктивное и деструктивное влияние на физическую культуру // Обзор педагогических исследований. - 2025. - Т. 7. - № 2. - С. 166-171.

6. Померанцев А.А., Уполовнева А.А. Искусственный интеллект в спорте и физической культуре: тренды, угрозы и адаптация к новой реальности // Человек. Спорт. Медицина. - 2024. - Спецвыпуск. - С. 139-145.

7. Петров П.К. Possibilities and Challenges of Applying Artificial Intelligence in the Digital Transformation of Physical Education and Sports // Современные проблемы науки и образования. - 2026. - № 2.

Эльткаева Майя Сергеевна
Eltkaeva Mayya Sergeevna
магистрант
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

научный руководитель
Заднепровская Марина Валентиновна
Zadneprovskaya Marina Valentinovna
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

РОЛЬ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЕТОДА В ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ

THE ROLE OF THE DIALECTICAL METHOD IN LEGAL RESEARCH: FROM ABSTRACT TO CONCRETE

Аннотация. В статье анализируется эвристический потенциал диалектического метода в современной юриспруденции. Автор обосновывает, что диалектика не является устаревшим архаичным наследием, а сохраняет актуальность как фундаментальная методологическая стратегия, особенно в аспекте восхождения от абстрактного к конкретному. На примерах из истории права, современного правотворчества и судебной практики демонстрируется продуктивность диалектического подхода для системного познания правовой реальности, выявления внутренних противоречий и преодоления разрыва между нормой и казусом. Обосновывается необходимость творческого развития диалектического метода, очищенного от идеологических наслоений, как важнейшей предпосылки поступательного развития юридической науки.

Abstract. The article analyzes the heuristic potential of the dialectical method in modern jurisprudence. The author argues that dialectics is not an outdated archaic legacy, but remains relevant as a fundamental methodological strategy, especially in the aspect of the ascent from the abstract to the concrete. Using examples from the history of law, modern law-making, and judicial practice, the article demonstrates the productivity of the dialectical approach for the systemic cognition of legal reality, identifying internal contradictions, and overcoming the gap between norm and case. The necessity of the creative development of the dialectical method, purified from ideological layers, is substantiated as the most important prerequisite for the progressive development of legal science.

Ключевые слова: диалектический метод, правовые исследования, восхождение от абстрактного к конкретному, система права, юридическая методология, общее и особенное, правовая реальность

Keywords: dialectical method, legal research, ascent from abstract to concrete, legal system, legal methodology, general and particular, legal reality.

В современной методологии правовых исследований всё чаще звучат призывы к обновлению инструментария юридической науки, внедрению синергетических, герменевтических и феноменологических подходов. В этой связи диалектический метод, имеющий многовековую историю, нередко воспринимается как архаичный пережиток советской эпохи, доставшийся современной юриспруденции «по наследству» и утративший свою актуальность. Однако, как справедливо отмечает П. Л. Лихтер, «диалектика в качестве философского метода не только не устарела, но и обладает достаточной продуктивностью как для философии, так и для юридического знания» [1, с. 45]. Более того, отказ от научной диалектико-материалистической методологии, по мнению ряда учёных, может привести к «методологическому хаосу, неопределённости и, как следствие этого, к субъективизму, предвзятости, необъективности, произволу, судебно-следственным ошибкам» [2, с. 112]. Цель настоящей статьи — показать, что диалектика сохраняет высокий эвристический потенциал, особенно в рамках ключевого для юриспруденции приёма «восхождения от абстрактного к конкретному», который остаётся одним из наиболее плодотворных способов познания права.

Диалектика как способ мышления, ориентированный на выявление и разрешение внутренних противоречий, была известна ещё античным философам. Понятие «диалектика» происходит от греческого ***dialegomai*** — «вести беседу, спор». Однако именно Гегель в «Философии права» впервые применил диалектику для систематического анализа права, государства и нравственности. Его заслуга заключается в том, что он дал диалектическую трактовку проблем права и связал их с точкой зрения историзма [3, с. 78–80]. К. Маркс, творчески переработав гегелевскую диалектику, придал ей материалистический характер. Философской основой теории государства и права в советский период служил именно диалектический метод. В постсоветской юриспруденции наблюдается двойственная ситуация: с одной стороны, диалектику продолжают упоминать в учебниках как «всеобщий метод», с другой — её реальное применение часто подменяется декларативными ссылками. Тем не менее, как подчёркивает Е. Н. Селютина, «диалектический метод остаётся важнейшим инструментом познания правовой материи, позволяющим рассматривать право в его развитии и взаимосвязи с иными социальными явлениями» [4, с. 112].

В самом общем виде диалектический метод предполагает изучение правовой реальности такой, какова она есть, в её всесторонних связях и постоянном развитии. Принципы диалектики требуют от исследователя объективности (видеть право не таким, каким ему хотелось бы его видеть), всесторонности (учитывать максимально возможное количество связей и зависимостей) и развития (изучать правовую реальность как процесс, а не как застывшую данность). Для этого диалектический метод использует особый понятийный аппарат и законы. В их числе следует назвать прежде всего основные законы диалектики: закон единства и борьбы противоположностей (объясняющий источник развития права через выявление внутренних противоречий, например между правом и законом, формальным равенством и фактическим неравенством), закон перехода количественных изменений в качественные (позволяющий понять момент возникновения нового правового института при накоплении определённых изменений) и закон отрицания (раскрывающий преемственность в развитии правовых систем). Как справедливо замечает Е. А. Куликов, «парные правовые понятия есть способ теоретического отражения диалектики в праве», а «правовая система есть не что иное, как совокупность множества взаимодействующих пар противоположных юридических явлений, характеризующаяся иерархической организованностью» [5, с. 15].

Наиболее ярко эвристический потенциал диалектики раскрывается в логико-гносеологической процедуре «восхождения от абстрактного к конкретному». Суть этого метода заключается в том, что научное познание начинается с простейшего, абстрактного понятия («клеточки»), отражающего исходное противоречие системы, и затем последовательно раскрывает богатство и многообразие её конкретных форм. Как отмечают И. А. Треушников и Е. В. Грязнова, «анализируется общий и универсальный диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному, рассматривается роль логико-гносеологических процедур "абстракция-идеализация", "абстракция-отождествления" и категории "конкретное" в формировании категорий и понятий права» [6, с. 45]. В сфере юриспруденции этот метод приобретает особое звучание. Как пишет Е. А. Куликов, «системность в праве проявляется в процессе восхождения от абстрактного к конкретному — от предельно общих правовых явлений и понятий к единичным правовым явлениям и понятиям. На этом же основана диалектика общего, особенного и единичного» [5, с. 16].

В правовой науке этот процесс разворачивается на нескольких уровнях. На уровне общей теории государства и права движение от отвлечённой правовой нормы как абстрактного правила поведения к её конкретизации в правосознании, правоотношении и актах реализации права представляет собой классический пример диалектического восхождения. При этом «отраслевые понятия должны содержательно укладываться в общетеоретические, принципиально не могут с ними расходиться, иначе не будут соотноситься как общее и особенное» [7, с. 101]. Игнорирование диалектики общего, особенного и единичного может привести к искажённому отражению реальности и дефектам правового регулирования. Показательный пример — эволюция понятия «собственность»: от римского ***dominium*** как абсолютного господства, проходившего стадии ***proprietas*** в классический период, через феодальные ограничения (раздробленная собственность, верховное право сюзерена) к современному конституционному праву собственности. В римском частном праве право собственности уже содержало абстрактное ядро — ***ius utendi, fruendi, abutendi*** (право пользования, извлечения плодов и распоряжения), но конкретное содержание этого права в каждом историческом периоде наполнялось различными ограничениями. Диалектическое отрицание старой формы не отменяло сущности, а обогащало её новыми характеристиками: в современном праве собственность уже не абсолютна, она ограничена публичными интересами и социальной функцией, но при этом правовой инструментарий собственника стал несравненно богаче.

На уровне конкретных отраслей права метод восхождения от абстрактного к конкретному также продуктивен. Исследуя правоотношения несостоятельности (банкротства), учёный движется от абстрактного понятия «несостоятельность», закреплённого в ст. 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», к его конкретным проявлениям в виде различных процедур — наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления и конкурсного производства. Каждая из этих процедур есть конкретизация общего понятия, обогащённая специфическими признаками: так, наблюдение направлено на сохранение имущества должника и анализ его финансового состояния, внешнее управление предполагает восстановление платёжеспособности, а конкурсное производство — соразмерное удовлетворение требований кредиторов. Без диалектического восхождения невозможно построить непротиворечивую систему

институтов банкротства, где каждый последующий элемент (конкретная процедура) одновременно и подчиняется общему понятию (несостоятельность), и содержит новые качества, которые не были заданы изначально.

Наконец, обратная связь в этом процессе проявляется в движении от абстрактного закона к конкретной судебной практике. Конституционный Суд РФ постоянно использует диалектику общего и особенного, когда проверяет конституционность нормы не в абстрактном, а в конкретном деле — именно на стыке абстрактного закона и конкретной жизненной ситуации рождается правовая позиция высшего судебного органа. Например, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16.07.2020 № 37-П по делу о проверке конституционности положений статьи 79 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» Суд не просто истолковал абстрактную норму, а применил её к конкретной ситуации досрочного голосования, выявив скрытые противоречия между формальным равенством избирателей и фактическими возможностями реализации пассивного избирательного права. Без диалектического подхода подобное противоречие осталось бы нераскрытым.

Практическая ценность диалектического метода подтверждается его приложением к конкретным юридическим процессам. М. А. Куликов отмечает, что «эффективность правового регулирования общественных отношений, равно как и совершенствование правотворческого, правореализационного и правоинтерпретационного процессов базируется на всестороннем анализе таких философских категорий, как "цель" и "средство"» [8, с. 100]. Основополагающим здесь выступает диалектический метод, позволивший проанализировать нелинейный характер взаимодействия целей и средств как взаимосвязанных категорий, а также исследовать противоречия сосуществующих интересов личности, общества и государства. Исторический пример: римское право, будучи по своей природе казуистичным и конкретным (каждый иск был привязан к конкретной жизненной ситуации), через деятельность преторов (ius honorarium) и юристов выработало абстрактные формулы исков (actiones in ius conceptae) и общие принципы, которые затем были восприняты и систематизированы в Кодексе Юстиниана. Этот процесс — от конкретных дел к абстрактным нормам, а затем от абстрактных норм к новым конкретным ситуациям — есть чистая диалектика. В более поздней истории

французский Гражданский кодекс 1804 года (Кодекс Наполеона) стал образцом абстрактного законодательного мышления, основанного на достижениях школы естественного права. Однако его применение на протяжении двух столетий выработало богатую судебную практику (jurisprudence constante), которая конкретизировала многие его статьи, а иногда и корректировала их смысл без формального изменения текста. Так, знаменитая ст. 1384 Кодекса (ныне ст. 1242) об ответственности за действия других лиц была воспринята судами как основание для генеральной ответственности за вещь, что не предполагалось самим законодателем. Диалектика абстрактной нормы и конкретного казуса привела к рождению новой правовой конструкции.

Как подчёркивается в современных исследованиях, «диалектика сохраняет значение при формировании объяснительных стратегий сложных систем, объединяющих противоречивые правовые ценности, принципы, цели» [1, с. 50]. В эпоху цифровизации и глобализации, когда правовые системы сталкиваются с новыми вызовами (искусственный интеллект, киберпреступность, трансграничные данные), диалектический подход помогает удерживать единство правовой формы и изменчивость общественных отношений, не впадая ни в правовой догматизм (абсолютизацию старых понятий), ни в юридический нигилизм (отрицание ценности права вообще). Показательна в этом смысле дискуссия о правовом статусе «цифровых активов» (криптовалют, токенов). Здесь диалектическое противоречие между традиционным вещно-правовым мышлением, оперирующим категориями «вещь», «объект гражданских прав», и новой виртуальной реальностью требует не простого отрицания старых категорий, а их диалектического снятия (Aufhebung) — то есть сохранения полезного содержания (функция учёта и оборотоспособности) и преодоления устаревших форм (привязка к материальному носителю). Именно такой подход позволяет сформулировать понятие «цифровое право» как новое качество, возникшее в результате разрешения указанного противоречия.

Однако диалектика имеет и свои границы. Её применение требует высокой квалификации исследователя, чтобы избежать абсолютизации и превращения в абстрактную схему, натягивающую реальность под заранее заданные категории. Как верно замечает В. М. Сырых, вульгаризация диалектики в советский период привела к тому, что многие правоведы использовали её как готовый шаблон, а не как инструмент живого исследования [2, с. 115]. В современном правоведении диалектика не должна

быть единственным методом — она эффективно сочетается с конкретно-социологическим, сравнительно-правовым и формально-юридическим подходами. Именно синтез диалектики с иными методологическими подходами открывает наиболее перспективные пути развития юридической науки. Не случайно сегодня активно развиваются интегративные концепции правопонимания (например, коммуникативная теория права А. В. Полякова, интегративная юриспруденция В. Г. Графского), стремящиеся объединить достоинства естественно-правового и позитивистского подходов, и в основе этого объединения лежит диалектическая логика снятия противоположностей.

Таким образом, диалектический метод не является «архаичным наследием», от которого следует отказаться. Напротив, его эвристический потенциал, особенно в процедуре восхождения от абстрактного к конкретному, остаётся востребованным для системного, всестороннего и развивающего познания сложной правовой реальности. Понимание диалектики общего и особенного служит научной основой для построения непротиворечивой системы права и законодательства, выявления и разрешения внутренних противоречий правового регулирования. Творческое развитие диалектического метода, очищенное от идеологических наслоений и вульгаризаций, является важнейшей предпосылкой поступательного развития современной юриспруденции. Необходимо не отказываться от диалектики, а вернуть ей статус универсальной логики развития — логики, без которой невозможно подлинно научное правоведение, способное адекватно отражать динамику общественных отношений.

Литература:

1. Лихтер П.Л. Диалектика в фундаментальной юриспруденции: античные подходы и тенденции современности // Государство и право. 2024. № 6. С. 44–54.

2. Сырых В.М. История и методология юридической науки: Учебник по программам магистерской ступени образования. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2023. 512 с.

3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: АСТ, 2023. 544 с.

4. Е. Н. Селютина, В. А. Холодов. История и методология юридической науки: учебник и практикум для вузов // — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 203 с.

5. Куликов Е.А. Правосистемность, системность права, системный подход в праве и категории общего, особенного и единичного // Российский – азиатский правовой журнал, 2020. №4. С. 20 – 30.

6. Треушников И.А., Грязнова Е.В. Диалектический метод как основа методологии философии права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 2 (58). С. 43–47.

7. Лазарев В.В., Липень С.В. История и методология юридической науки: университетский курс для магистрантов юридических вузов. М.: Норма, 2023. 496 с.

8. Куликов М.А. Манипулирование целями и средствами в правовом регулировании: сущность, технологии, результаты. М.: Проспект, 2023. 176 с.

Коваль Максим Анатольевич
Koval Maksim Anatolyevich
студент
Институт психологии и педагогики
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

научный руководитель
Бакурова Елена Николаевна
Bakurova Elena Nikolaevna
кандидат педагогических наук, доцент
кафедра восточных и европейских языков, перевода и лингводидактики
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

ПОНЯТИЯ SCHAM И SCHULD В НЕМЕЦКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ: КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

THE CONCEPTS OF SCHAM AND SCHULD IN GERMAN PSYCHOTHERAPY: A CULTURE-SPECIFIC ANALYSIS

Аннотация. Статья посвящена культурно-специфическому анализу моральных эмоций Scham (стыд) и Schuld (вина) в контексте немецкой психотерапевтической традиции. В статье рассматриваются психологические механизмы возникновения этих эмоций, их дифференциально-диагностические критерии и культурные основания, формирующие специфику их переживания в немецком обществе. Особое внимание уделяется различению культур стыда и вины, а также практическим импликациям этого различения для психотерапевтической работы. В заключение предлагается лингводидактический комментарий, облегчающий понимание данных концептов русскоязычными исследователями.

Abstract. This article presents a culture-specific analysis of the moral emotions Scham (shame) and Schuld (guilt) in the context of the German psychotherapeutic tradition. The article examines the psychological mechanisms underlying the emergence of these emotions, their differential diagnostic criteria, and the cultural foundations that shape the specificity of their experience in German society. Particular attention is paid to distinguishing between shame and guilt cultures, as well as the practical implications of this distinction for psychotherapeutic work. A linguodidactic commentary is offered in conclusion, facilitating the understanding of these concepts by Russian-speaking researchers.

Ключевые слова: Scham, Schuld, стыд, вина, моральные эмоции, немецкая психотерапия, культура стыда, культура вины, эмоционально-фокусированная терапия

Keywords: Scham, Schuld, shame, guilt, moral emotions, German psychotherapy, shame culture, guilt culture, emotion-focused therapy

В современной немецкоязычной психотерапевтической традиции наблюдается устойчивый и глубокий интерес к так называемым «моральным эмоциям», среди которых центральное место занимают Scham (стыд) и Schuld (вина). Несмотря на то, что в обыденной речи эти понятия нередко употребляются как синонимичные или взаимозаменяемые, в клинической практике и психологической теории они обнаруживают принципиальные различия, имеющие как диагностическое, так и

терапевтическое значение. К. Цимер в своей работе, посвящённой данной проблематике, справедливо замечает: «Вина лишь изредка становится предметом рассмотрения в психологии» [1, S. 1], указывая тем самым на парадоксальную ситуацию, при которой чувства вины играют колоссальную роль в повседневной жизни и развитии личности, однако сама категория вины часто вытесняется из поля зрения академической психологии.

Настоящая работа ставит своей целью не только провести детальный анализ понятий Scham и Schuld в контексте немецкой психотерапевтической мысли, но и выявить их культурно-специфические черты, обусловленные историческим и социальным развитием немецкоязычного пространства. Опираясь на труды современных немецких исследователей, таких как К. Цимер, Р. Майер, М. Ламмерс, С. Юнкер, У. Грайнер и других, мы рассмотрим психологические механизмы возникновения этих эмоций, их дифференциально-диагностические критерии, а также культурные основания, формирующие специфику их переживания в немецком обществе. Особое внимание будет уделено различению так называемых культур стыда и культур вины, концепту, восходящему к антропологическим работам Р. Бенедикт, но получившему в немецкой психотерапии новое, углублённое психологическое осмысление. Практические импликации этого различения для психотерапевтической работы, особенно в аспекте построения терапевтического альянса и профилактики преждевременного прерывания терапии, также будут находиться в фокусе нашего анализа. Наконец, в работе будет предложен развёрнутый лингводидактический комментарий, призванный облегчить понимание этих сложных культурно-психологических концептов русскоязычным исследователям и практикам, а также способствовать более точному переводу специальной литературы.

Немецкая психология эмоций, во многом следуя традиции, заложенной работами Х. Б. Льюис и Дж. П. Тэнгни, проводит чёткую дифференциацию между Scham и Schuld по целому ряду оснований. Р. Майер в своём фундаментальном исследовании подчёркивает, что «стыд — это чувство потери самоценности в глазах возможных других» [3, S. 8]. Иными словами, стыд представляет собой глобальную негативную оценку собственного «Я», восприятие себя как несостоятельного, неполноценного или ущербного в глазах реального или воображаемого Другого. В отличие от этого, Schuld, согласно формулировке, принятой в современной немецкой клинической психологии, «возникает в результате негативной оценки конкретного собственного поведения» [4, S. 11]. Вина, таким образом, фокусируется на конкретном поступке или действии, а не

на личности в целом, оставляя ядро самости относительно незатронутым. Это различие является ключевым для понимания того, почему Scham часто переживается как более разрушительная и всеобъемлющая эмоция, ведущая к желанию исчезнуть или спрятаться, в то время как Schuld, хотя и вызывает дискомфорт, обычно сопровождается более конструктивными импульсами к исправлению содеянного. К. Цимер в своей работе особо акцентирует внимание на том, что в психологическом контексте речь идёт, прежде всего, о чувстве вины, то есть, о субъективном чувстве вины, а не об объективной виновности в юридическом или моральном смысле. Он пишет: «В психологии речь идёт, в первую очередь, о чувстве вины» [1, S. 1]. Эта оговорка чрезвычайно важна, поскольку чувство вины может возникать и в тех случаях, когда реальной вины нет, формируя феномен так называемой «невротической вины». М. Ламмерс, автор одного из наиболее авторитетных практических руководств по эмоционально-ориентированной психотерапии, уточняет феноменологию этих переживаний: Чувство стыда возникает, когда люди чувствуют себя в ситуациях неуместными или ущербными» [5, S. 121]. Чувство вины «как правило, следует за проступками по отношению к ближним» [5, S. 53]. Эти дефиниции не только проясняют семантическое поле понятий, но и закладывают основу для дифференциальной диагностики и выбора адекватной терапевтической стратегии.

С. Юнкер в своём диссертационном исследовании, посвящённом чувству вины у психотерапевтов, эмпирически подтвердил конструктивную природу вины, показав, что «чувство вины конструктивно и способствует собственной инициативе по поддержанию и восстановлению отношений» [4, S. 13]. В то же время, склонность к переживанию стыда демонстрирует устойчивую положительную корреляцию с психопатологической симптоматикой: «Люди, склонные к стыду, скорее всего переживают сложные ситуации как обременяющие» [4, S. 131]. Эти данные убедительно свидетельствуют о том, что в немецкой психотерапевтической мысли Schuld рассматривается как потенциально адаптивная, просоциальная эмоция, способствующая личностному росту и восстановлению межличностных связей, тогда как Scham, особенно в её хронических и генерализованных формах, выступает фактором уязвимости и предиктором развития различных психических расстройств. Более того, С. Юнкер обнаружил, что у психотерапевтов чувство вины положительно коррелируют с эмпатией, личностным ростом и ощущением самоэффективности, в то

время как Scham связана с эмоциональным выгоранием и снижением терапевтической компетентности [4, S. 142-145]. Это различие имеет прямое отношение к профессиональной подготовке и супервизии психотерапевтов, подчёркивая необходимость развития у них способности к конструктивному переживанию вины и защите от деструктивного влияния стыда. В исследовании С. Юнкера также было показано, что чувство вины чаще возникают в ситуациях, связанных с профессиональной ответственностью и этическими дилеммами, тогда как чувство стыда активируются в ситуациях, угрожающих самооценке и социальному признанию терапевта. Это позволяет говорить о двух принципиально различных эмоциональных векторах: один направлен на восстановление справедливости и отношений (Schuld), другой — на защиту собственного «Я» от угрозы унижения (Scham). Понимание этой динамики необходимо для эффективной супервизии и профилактики профессионального выгорания.

Культурно-специфический анализ был бы неполным без обращения к фундаментальному различению между культурой стыда и культурой вины. Эта дихотомия, введённая в научный оборот антропологами, в немецкой литературе получила глубокую психологическую проработку. В культуре вины оценка поступка осуществляется на основе интернализованных моральных норм, и чувство вины возникает даже в отсутствие внешнего наблюдателя. В культуре стыда, напротив, решающую роль играет взгляд Другого — реальный или воображаемый. Б. Уильямс в интерпретации Р. Майера точно схватывает суть этого переживания: «Базовый опыт стыда состоит в том, что меня видят не те люди в неподобающей и неприятной ситуации, неприятным образом» [3, S. 2]. У. Грайнер в своей работе, посвящённой культурной динамике этих эмоций, выдвигает тезис о том, что современное западное общество, включая немецкоязычный ареал, переживает переход от культуры вины к так называемой культуре неловкости [2, S. 7]. Эта трансформация, по мнению автора, связана с ослаблением как внутренних моральных императивов, так и интенсивности публичного осуждения, что приводит к своего рода эмоциональной «инфляции», когда на смену глубоким переживаниям вины и стыда приходит более поверхностное и ситуативное чувство неловкости или смущения. У. Грайнер иллюстрирует этот процесс примерами из современной медиакультуры и литературы, где публичное обнажение частной жизни и проступки вызывают не столько моральное осуждение, сколько

мимолётную неловкость и даже развлечение. Это, в свою очередь, влияет на психотерапевтическую практику: терапевты всё чаще сталкиваются с пациентами, жалобы которых касаются не глубинного чувства вины или стыда, а хронического ощущения неловкости и страха перед «неправильным» самопредъявлением в социальных сетях и публичном пространстве. Однако для клинической практики более значимым остаётся не столько историко-культурный, сколько психологический аспект этого различения. Для пациента с доминирующим чувством стыда характерна чрезвычайная чувствительность к оценке терапевта, постоянный страх «потерять лицо» и обнаружить свою несостоятельность. Это часто ведёт к избегающему поведению, утаиванию значимой информации и, как следствие, к высокому риску преждевременного разрыва терапевтических отношений. Напротив, пациенты с преобладанием чувства вины, как правило, более ориентированы на конкретный проступок, на осознание причинённого ущерба, на поиск путей возмещения и восстановления нарушенных отношений. Их мотивация к изменениям часто носит более конструктивный и деятельный характер. Интересно, что в немецкой психотерапевтической традиции, уходящей корнями в протестантскую этику с её акцентом на индивидуальную ответственность и внутренний самоконтроль, Schuld традиционно занимала более высокое место в иерархии моральных эмоций, нежели Scham, которая ассоциировалась с внешним контролем и социальной зависимостью. Однако современные исследования показывают, что обе эмоции могут быть как адаптивными, так и дезадаптивными в зависимости от контекста и индивидуальной истории развития личности.

Р. Майер в этой связи указывает, что «чувства стыда и вины всегда являются также выражением конфликтов признания» [3, S. 115], то есть, обе эмоции сигнализируют о нарушениях в сфере признания и подтверждения ценности личности со стороны значимых других. Это понимание открывает новые перспективы для интегративной психотерапевтической работы, направленной на восстановление здорового баланса между автономией и принадлежностью, между самопринятием и ответственностью перед другими. Р. Майер подробно анализирует, как в чувстве вины отражается конфликт между собственными действиями и ожиданиями значимых других, признание которых индивид стремится сохранить. Однако, в случае Scham конфликт разворачивается вокруг самого права на признание: индивид сомневается в

том, достоин ли он вообще быть увиденным и признанным. Эта тонкая дифференциация имеет огромное значение для терапевтической практики, поскольку позволяет точнее определить мишени психотерапевтического воздействия. Работа с Schuld часто предполагает прояснение ценностей, принятие ответственности и планирование конкретных шагов по возмещению ущерба. Работа с Scham, напротив, требует создания безопасного пространства, в котором пациент может рискнуть предъявить себя без страха быть отвергнутым или униженным, и постепенно сформировать более устойчивое и принимающее самоотношение.

Практическая работа с эмоциями Scham и Schuld занимает центральное место в современных интегративных подходах немецкой психотерапии. М. Ламмерс в рамках эмоционально-фокусированной терапии предлагает различать первичные (адаптивные) и вторичные (маладаптивные) формы этих эмоций. Первичная, адаптивная Scham, например, выполняет важную функцию защиты границ интимности и регулирования социальной дистанции. Вторичная Scham нередко выступает в качестве защитного механизма, прикрывающего более глубокие и болезненные первичные эмоции, такие как горе, страх или гнев. В таких случаях терапевтическая работа должна быть направлена не на устранение стыда как такового, а на «распознавание и переработку глубинного эмоционального опыта» [5, S. 333], лежащего в его основе. М. Ламмерс подробно описывает техники работы с «эмоциональными схемами», сформированными в детстве в результате фрустрации базовых потребностей. Например, пациенты, выросшие в условиях эмоциональной депривации или жёсткой критики, часто развивают хроническое чувство стыда, связанное с убеждением в собственной «дефектности». Терапевтическая работа в таких случаях включает эмпатическое отзеркаливание, валидацию переживаний и постепенное создание нового, более принимающего внутреннего образа себя. М. Ламмерс подчёркивает, что ключевым моментом является проживание пациентом опыта принятия в терапевтических отношениях, что создаёт «корректирующий эмоциональный опыт», способный трансформировать старые дезадаптивные схемы. Она также предлагает конкретные упражнения для работы со стыдом, включая ведение дневника самонаблюдения, техники самосострадания и диалоги с «внутренним критиком». Эти методы позволяют пациентам постепенно дистанцироваться от автоматических самообвинений и развить более доброжелательное отношение к себе.

Интересной особенностью немецкого культурного и психотерапевтического дискурса является пристальное внимание к феномену чувства стыда за другого. Это явление, ставшее в последние годы модным словом, на самом деле имеет глубокие психологические корни. У. Грайнер определяет его как «стадию ослабления стыда» [2, S. 11], то есть как ослабленную, редуцированную форму стыда. Анализ стыда за другого человека позволяет лучше понять механизмы эмпатии, социального зеркалирования и проективной идентификации, играющие ключевую роль в терапевтическом процессе. В терапевтическом контексте стыд за другого человека может возникать у терапевта в ответ на особенно неловкое или саморазрушительное поведение пациента, и осознавание этого чувства может стать ценным диагностическим инструментом, указывающим на глубинные стыд и уязвимость пациента. Кроме того, в немецкой психотерапии большое значение придаётся понятию экзистенциальной вины, которое К. Цимер связывает не с конкретным поступком, а с «непрожитой жизнью, нелюбимой жизнью внутри нас» [1, S. 4]. Это чувство вины перед самим собой за нереализованные возможности, за непрожитую жизнь, которое по своей феноменологии близко к русскому концепту «неоправданных надежд» или «тоски по упущенному». Такие культурно-специфические концепты, глубоко укоренённые в немецкой философской и психологической традиции, требуют особого внимания и отдельного разбора, в том числе, в рамках лингвострановедческих и лингводидактических курсов. М. Ламмерс, в свою очередь, интегрирует экзистенциальную вину в свою модель, рассматривая её как следствие длительного игнорирования собственных потребностей и ценностей, что приводит к ощущению внутренней пустоты и утраты смысла. Терапевтическая стратегия в таких случаях направлена на восстановление контакта с собственными желаниями, развитие самосострадания и формирование более аутентичного жизненного стиля [5, S. 278-282].

Для русскоязычного студента или специалиста, изучающего немецкий язык и психологию, принципиально важно усвоить несколько терминологических и концептуальных различий. Во-первых, Scham и Schuld не являются прямыми и полными эквивалентами русских «стыд» и «вина». Немецкое слово Schuld полисемично: оно обозначает и объективную вину (в том числе, юридическую), и субъективное чувство вины, а также денежный долг. Во-вторых, для немецкого психотерапевтического дискурса характерно использование сложных составных слов,

которые позволяют передавать тончайшие нюансы переживаний: Schamerleben (переживание стыда), Schuldbewusstsein (сознание вины), schuldig werden (совершить проступок, провиниться), Beschämung (стыд; смущение; срам), Schamangst (страх стыда), Schuldangst (страх вины). Понимание этих нюансов является залогом адекватного перевода специальной литературы и эффективной межкультурной профессиональной коммуникации. Хотя прямое и всестороннее сравнение с русскоязычными концептами стыда и вины выходит за рамки данной статьи, нельзя не отметить, что в русской культурной традиции стыд часто неразрывно связан с категорией совести и коллективным, «мирским» осуждением (ср. устойчивые выражения «сгореть со стыда», «ни стыда ни совести»), в то время как вина нередко сопряжена с идеей личной ответственности перед Богом или обществом, а также с необходимостью искупления.

Однако, как показывают немецкие исследования, универсальные психологические механизмы стыда и вины — такие как избегание взгляда, желание скрыться или, напротив, стремление к искуплению и восстановлению справедливости — являются общими для представителей разных культур. Культурная специфика проявляется, прежде всего, в конкретных триггерах, интенсивности переживания и социально приемлемых способах регуляции этих эмоций, что делает их изучение на материале немецкой психотерапии особенно ценным для понимания как универсальных, так и уникальных аспектов человеческой психики. В лингводидактическом плане особое внимание следует уделять контекстуальному употреблению лексем Scham и Schuld в психотерапевтических текстах. Например, выражение «Schuld auf sich laden» (брать вину на себя) имеет выраженный морально-этический оттенок, тогда как «sich schämen für etwas» (стыдиться чего-либо) чаще указывает на социальную неловкость или чувство несоответствия ожиданиям. Понимание этих тонкостей необходимо для точной интерпретации как научных работ, так и клинических описаний случаев. Кроме того, в немецкой психотерапевтической литературе активно используется понятие «Schamangst» (страх стыда), которое описывает не столько само переживание стыда, сколько тревожное предвосхищение возможного позора, что является центральным механизмом при социальной фобии и других тревожных расстройствах. Аналогично, «Schuldangst» (страх вины) может лежать в основе обсессивно-компульсивных расстройств и депрессивных состояний.

Знакомство с этими терминами и стоящими за ними клиническими реалиями существенно расширяет профессиональный кругозор и способствует более глубокому пониманию немецкой психотерапевтической традиции.

Подводя итог проведённого анализа, можно сформулировать следующие ключевые выводы. Scham и Schuld представляют собой базовые моральные эмоции, играющие центральную роль в регуляции социального поведения и формировании идентичности. Они фундаментально различаются по объекту оценки (глобальное «Я» против конкретного поступка), по основным триггерам (публичность и угроза социальному «лицу» против нарушения внутренней моральной нормы) и по типичным поведенческим паттернам (избегание и сокрытие против исправления и искупления). В немецкой психотерапии это различие имеет прямое клиническое значение: работа с хроническим чувством стыда требует от терапевта особой осторожности, деликатности и направленности на укрепление самооценки пациента, в то время как умеренные чувства вины могут и должны использоваться как мощный мотивационный ресурс для личностных изменений и развития. Культурно-специфический анализ показывает, что, хотя немецкая психотерапия активно опирается на классическое различение культуры стыда и культуры вины, современное общество демонстрирует тенденцию к движению в сторону «культуры неловкости», в которой интенсивность и тех и других переживаний несколько ослабевает. Тем не менее, для практикующего психотерапевта умение точно дифференцировать эти эмоциональные состояния, понимать их культурную подоплёку и работать с ними адекватными методами остаётся одной из ключевых профессиональных компетенций, обеспечивающих эффективность и глубину терапевтического процесса. Дальнейшие исследования в этой области могли бы быть направлены на кросс-культурную валидизацию немецких диагностических инструментов для оценки склонности к стыду и вине, а также на разработку интегративных терапевтических протоколов, учитывающих культурную специфику переживания этих эмоций у пациентов из разных языковых и культурных сред.

Литература:

1. Greiner U. Scham, Schuld und Peinlichkeit: Über die Neudefinition einer Kultur. Zeitschrift für Kulturwissenschaften. 2014. Nr. 2. S. 7–13.

2. Junker S. Schuldgefühle bei Psychotherapeuten: Querschnittstudie zur Abgrenzung von Schuld und Scham. Heidelberg: Universität Heidelberg, 2011. 229 S.

3. Lammers M. Emotionsbezogene Psychotherapie von Scham und Schuld: Das Praxishandbuch. Stuttgart: Schattauer, 2016. 447 S.

4. Majer R. Scham, Schuld und Anerkennung: Zur Fragwürdigkeit moralischer Gefühle. Berlin: De Gruyter, 2013. 124 S.

5. Ziemer K. Schuld und Schuldgefühle. Psychologie und Seelsorge. 2010. Nr. 1. S. 1–5.

Шевцова Юлия Геннадьевна
Shevtsova Yulia Gennadyevna
студент
Академия архитектуры и искусств Южного федерального университета

Гадзиян Юлия Вячеславовна
Gadziyan Yulia Vyacheslavovna
доцент кафедры дизайна, кандидат технических наук
Академия архитектуры и искусств Южного федерального университета

КОЛЛАЖ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА: ИНТЕГРАЦИЯ ВЕРСТКИ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО РЯДА

COLLAGE AS A WAY TO ORGANIZE TEXT SPACE: INTEGRATION OF LAYOUT AND IMAGERY

Аннотация. В статье рассматривается коллаж не как художественный прием, а как инструмент организации текстового пространства в графическом дизайне. Цель исследования - выявление закономерностей влияния коллажной верстки на параметры восприятия текстовой информации в сравнении с традиционной линейной версткой. Теоретическая часть работы включает анализ исторических предпосылок возникновения коллажа (кубизм, дадаизм, русский конструктивизм), его композиционных принципов (фрагментация, наслоение, конфликт фактур) и когнитивных теорий восприятия

(гештальтпсихология, концепция монтажа С. М. Эйзенштейна). Эмпирическая часть представлена межгрупповым экспериментом (N = 30), в котором сравнивались время поиска целевой информации, точность понимания смысла и эстетическая оценка традиционного и коллажного макетов. Сформулированы практические рекомендации по применению коллажа в различных медиаконтекстах и обозначены перспективы дальнейших исследований (динамические интерфейсы, кросс-культурные и лонгитюдные исследования).

Abstract. This article examines collage not as an artistic technique, but as a tool for organizing textual space in graphic design. The aim of the study is to identify patterns in the influence of collage layout on the parameters of textual information perception in comparison with traditional linear layout. The theoretical part of the work includes an analysis of the historical prerequisites for the emergence of collage (Cubism, Dadaism, Russian Constructivism), its compositional principles (fragmentation, layering, conflict of textures) and cognitive theories of perception (Gestalt psychology, S. M. Eisenstein's concept of montage). The empirical part is represented by a between-group experiment (N = 30), which compared the search time for target information, the accuracy of understanding the meaning, and the aesthetic evaluation of traditional and collage layouts. Practical recommendations for the use of collage in various media contexts are formulated, and prospects for further research (dynamic interfaces, cross- ltural and longitudinal studies) are outlined.

Ключевые слова: коллаж, верстка, типографика, визуальная иерархия, восприятие текста, графический дизайн, монтаж, эксперимент.

Keywords: collage, graphic design, printing, visual communication, evolution of technology, principles of collage.

Введение

Современная медиасреда характеризуется высокой плотностью информации и дефицитом внимания. В ответ на это в графическом дизайне растёт интерес к коллажу как инструменту привлечения внимания и компрессии смысла. Коллажные приёмы активно используются журнальной вёрстке, рекламе, веб-дизайне. Однако вопрос о влиянии коллажной организации на функциональное чтение остаётся открытым. Распространение коллажа опережает научное осмысление его когнитивных эффектов, что создаёт риск интуитивных, а не обоснованных решений.

Цель исследования - выявление закономерностей влияния коллажной организации текстового пространства на параметры восприятия текста в сравнении с традиционной линейной вёрсткой.

Задачи:

1. Провести теоретический анализ коллажа как метода организации текста.

2. Разработать экспериментальную процедуру для сравнения вёрстки по трём параметрам: скорость поиска, точность понимания, эстетическая оценка.

3. Провести эмпирическое исследование и статистическую обработку данных.

4. Сформулировать практические рекомендации.

Гипотезы:

1. Коллажная вёрстка приводит к замедлению поиска конкретных данных, но повышает точность понимания общего смысла (за счёт монтажных эффектов).

2. Коллажная вёрстка оценивается как более визуально привлекательная, даже при снижении функциональной эффективности.

Теоретические основы коллажа как способа организации текстового пространства

1.1. От авангардного жеста к дизайнерскому методу

Коллаж возникает в кубизме (1912, П. Пикассо, Ж. Брак) как введение в живопись инородных фрагментов, что легитимировало фрагментарность как композиционный принцип [1]. В дадаизме (К. Швиттерс, Р. Хаусман, Х. Хёх) коллаж становится инструментом семантического сдвига, формируя «монтажное мышление» - видение мира как набора дискретных, перекомбинируемых фрагментов [2]. Русский конструктивизм (А. Родченко, В. Степанова, Э. Лисицкий) превращает коллаж в средство массовой коммуникации: шрифты разного кегля сталкиваются с

фотографиями, модульные сетки - с диагоналями, текст становится активным композиционным элементом [3].

Именно в конструктивизме коллаж окончательно переходит из эпатажного жеста в дизайнерский метод, направленный на конструирование новых смыслов для массовой аудитории [1].

1.2. Коллаж и визуальная иерархия

Традиционная типографика строит иерархию на незаметных для читателя приемах (кегль, насыщенность, отступы) [4]. Коллаж предлагает иную модель, которая может как усиливать, так и разрушать паттерны чтения. Фрагментация, наложение слоёв и конфликт фактур создают смысловые акценты, глубину и привлекают внимание [2]. Однако избыточность этих приёмов ведёт к дезорганизации: потеря ориентации, снижение читаемости, визуальный шум. Ключевая дилемма коллажной верстки - те же приёмы одновременно организуют и дезорганизуют пространство; их функциональность определяется мерой, контекстом и компетенцией дизайнера.

1.3. Когнитивные теории восприятия коллажа

Релевантны два подхода. Принцип замыкания гештальтпсихологии (М.Вертгеймер, В. Кёлер, К. Коффка) [6] [7]: зрительная система достраивает недостающее до целостной формы [5]. В коллаже мозг стремится восстановить разорванные связи, что требует дополнительных усилий (замедление поиска), но активизирует глубокую обработку содержания. Эффект активного восприятия (С. М. Эйзенштейн) [9]: монтаж

конфликтное сопоставление фрагментов, порождающее новое качество;

2. Материалы и методы эксперимента

2.1. Дизайн эксперимента

Исследование выполнено по схеме межгруппового эксперимента, что исключает эффект научения. Независимая переменная - тип верстки (два уровня: традиционная линейная и коллажная).

Зависимые переменные:

1) время поиска целевой информации (число «1984», фамилия «Морозов») в секундах;

2) точность понимания основного смысла (бинарно: 1 - верно, 0- неверно);

3) эстетическая оценка по 5-балльной шкале Лайкерта (1-минимальная

привлекательность, 5-максимальная).

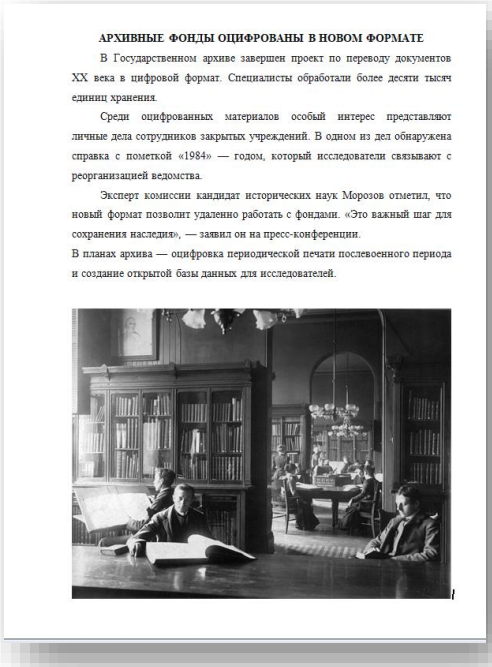
2.2. Стимульный материал

Разработаны два одностраничных макета (А4, вертикальный), идентичных по содержанию (75 слов, заголовок, одна черно-белая иллюстрация), но различающихся композиционно.

Макет А (контроль). Классическая схема «текст - иллюстрация»: текст слева (Times New Roman, 12 кегль, полуторный интерлиньяж), заголовок полужирным 14 кеглем, иллюстрация справа (прямоугольная рамка), фон белый. (Рис.1)

Макет Б (эксперимент). Коллажная верстка с приемами: наложение шрифта на иллюстрацию; обтравка изображения (эффект «вырезанной» формы); смещение текстовых блоков (отсутствие единой колонки); частичное обтекание; слоистость. Текстовое содержание и целевые элементы («1984», «Морозов») полностью совпадают с макетом А. (Рис2)

30 добровольцев (18 женщин, 12 мужчин), средний возраст 21,4 года (SD = 2,1). Критерии включения: студенты направлений «Дизайн» или «Журналистика», возраст 18-25 лет, нормальное/скорректированное зрение, отсутствие нарушений чтения. Все участники дали информированное согласие и не были осведомлены о целях исследования. Методом простой рандомизации сформированы две группы по 15 человек: контрольная (макет А) и экспериментальная (макет Б). Группы сопоставимы по полу и возрасту.



АРХИВНЫЕ ФОНДЫ ОЦИФРОВАНЫ В НОВОМ ФОРМАТЕ

В Государственном архиве завершен проект по переводу документов XX века в цифровой формат. Специалисты обработали более десяти тысяч единиц хранения.

Среди оцифрованных материалов особый интерес представляют личные дела сотрудников закрытых учреждений. В одном из дел обнаружена справка с пометкой «1984» — годом, который исследователи связывают с реорганизацией ведомства.

Эксперт комиссии кандидат исторических наук Морозов отметил, что новый формат позволит удаленно работать с фондами. «Это важный шаг для сохранения наследия», — заявил он на пресс-конференции.

В планах архива — оцифровка периодической печати послевоенного периода и создание открытой базы данных для исследователей.

РИС.1

РИС.2

2.4. Процедура

Индивидуальные сессии в лабораторных условиях (по 5-7 минут). Четыре этапа:

1. Инструктаж и поиск. Инструкция: «Найдите число 1984 и фамилию Морозов, назовите их вслух». Экспериментатор фиксировал время поиска (секундомер, точность 0,1 с).

2. Оценка понимания. Макет удалялся. Участник пересказывал основную мысль текста. Два независимых эксперта бинарно оценивали точность (согласие 100%).

3. Эстетическая оценка. Макет предъявлялся повторно, участник оценивал привлекательность по шкале 1-5.

4. Дебрифинг. Сообщение истинной цели исследования.

Статистическая обработка. Для времени поиска и эстетической оценки использован t-критерий Стьюдента для независимых выборок (предварительная проверка нормальности по Шапиро-Уилку и равенства дисперсий по Ливиню; принарушениях - U-критерий Манна-Уитни). Для бинарного показателя понимания - точный критерий Фишера. Уровень значимости a = 0,05. Обработка в Jamovi и SPSS.

Результаты эксперимента

3.1 Скорость поиска информации

Таблица 1. Время поиска (сек)

Группа	Колличество	Среднее (сек)	Стандартное (сек)	Минимум (сек)	Максимум (сек)
Традиционная верстка	15	2,8	0,9	1,5	4,2
Коллажная верстка	15	5,4	1,3	3,1	7,8

Источник: анализ автора

Скорость поиска информации. Среднее время в группе традиционной верстки составило 2,8 с (SD = 0,9), в группе коллажной верстки - 5,4 с (SD = 1,3), что в 1,9 раза больше. Проверка нормальности (критерий Шапиро Уилка) и гомогенности дисперсий (тест Ливиня) не выявила нарушений, условия применения t-критерия соблюдены. Результат t-критерия Стьюдента для независимых выборок: $t(28) = 6,24$, $p < 0,01$. Размер эффекта Коэна $d = 2,33$ (очень большой). Таким образом, первая часть гипотезы 1 (о замедлении поиска) подтверждена: коллажная верстка статистически значимо увеличивает время поиска конкретной информации**.**

3.2 Точность понимания смысла

Таблица 2. Частота верных пересказов

Группа	Верный пересказ	Неверный пересказ	Доля верных
Традиционная верстка	10	5	67 **%**
Коллажная верстка	13	2	87 **%**

Источник: анализ автора

Точность понимания смысла. В группе традиционной верстки верно передали основную мысль 67% респондентов (10 из 15), в группе коллажной верстки - 87% (13 из 15). Различие составляет 20 процентных пунктов в пользу коллажа. Точный критерий Фишера: $p = 0,09$, что превышает уровень = 0,05. Результат не является статистически значимым на конвенциональном уровне, однако находится в зоне «тенденции» (маргинальной значимости). Учитывая малую выборку ($N = 30$), эффект может существовать, но не достиг значимости из-за недостаточной статистической мощности. Таким образом, вторая часть гипотезы 1 (об углублении понимания) полностью не подтверждена, но выявленная тенденция требует проверки на большей выборке.

3.1 Эстетическая оценка.

Таблица 3. Эстетическая оценка. (сек)

Группа	Колличество	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Тенденция
Традиционная верстка	15	3,1	0,8	3	3
Коллажная верстка	15	4,6	0,5	5	5

Источник: анализ автора

Эстетическая оценка. Средняя оценка традиционной верстки - 3,1 балла (Стандартное отклонение = 0,8), коллажной - 4,6 балла (Стандартное отклонение = 0,5). Ввиду нарушения нормальности в экспериментальной группе (потолочный эффект) и гетерогенности дисперсий использован U-критерий Манна Уитни: $U = 15,0$ $p < 0,001$. Размер эффекта $r = 0,77$ (очень большой). Таким образом, гипотеза 2 (об эстетическом предпочтении) полностью подтверждена: коллажная верстка оценивается как значительно более привлекательная.

3.4. Сводка результатов

Резюме результатов. Коллажная верстка статистически значимо увеличивает время поиска информации (в 1,9 раза, $p < 0,01$, $d = 2,33$), подтверждая первую часть гипотезы 1. Точность понимания выше в группе коллажа (87% против 67%), однако различие не достигает значимости ($p = 0,09$ - тенденция), что даёт частичное подтверждение второй части гипотезы

1. Эстетическая оценка коллажной верстки значимо выше ($p < 0,001$, $r = 0,77$), полностью подтверждая гипотезу 2. Экспериментально подтверждён компромисс: коллаж выигрывает в эстетике и, возможно, в глубине понимания, но проигрывает в скорости поиска.

- Скорость поиска: коллаж проигрывает ($p<0,01$).
- Понимание: тенденция в пользу коллажа ($p=0,09$).
- Эстетика: коллаж выигрывает ($p<0,001$).

Подтверждён компромисс между функциональной эффективностью и эстетической привлекательностью.

4. Обсуждение

4.1. Подтверждение и интерпретация гипотез

Гипотеза о замедлении поиска подтверждена полностью: время поиска в коллажной верстке увеличилось на 93% ($p < 0,01$, $d = 2,33$). Это объясняется

переключением стратегии визуального сканирования с линейного «сканирования» на нелинейное «рассматривание», что согласуется с теорией переключения задач [15]. Гипотеза об эстетическом превосходстве подтверждена: средняя оценка коллажной верстки 4,6 против 3,1 балла ($p < 0,001$, $r = 0,77$). Эффект связан с новизной, визуальной сложностью и положительными семантическими ассоциациями [11].

Гипотеза об углублении понимания [12] получила частичное подтверждение: 87% верных пересказов в коллажной группе против 67% ($p = 0,09$ - тенденция). Отсутствие статистической значимости может объясняться недостаточной мощностью выборки (N=30), грубостью бинарного измерителя и неконтролируемыми индивидуальными различиями.

Для окончательного вывода требуется исследование с большей выборкой и более чувствительными метриками.

4.2. Связь с теорией

Результаты согласуются с концепцией монтажа С. М. Эйзенштейна [9]: коллаж требует активного восприятия, превращая читателя в соавтора, что углубляет смысловую обработку, но увеличивает время. Принцип замыкания гештальтпсихологии [8].объясняет, что достраивание разорванных связей требует ресурсов, но может улучшать запоминание.

4.3. Ограничения исследования

Основные ограничения: малая выборка (N=30), использование только печатного макета (не цифрового), однородность участников (студенты 18-25 лет), отсутствие отсроченного тестирования понимания, искусственность лабораторных условий.

4.4. Практические рекомендации

Коллаж эффективен для постеров, обложек, имиджевых лендингов. рекламы в сфере моды и искусства.

Коллаж нежелателен для интерфейсов срочных сервисов, технической документации, новостных лент, учебных и научных текстов.

Компромиссные решения: коллажный заголовок + линейный основной текст; локальный коллаж в пределах одного модуля; умеренное использование одного-двух приемов; адаптивный дизайн (упрощение на мобильных устройствах).

Направления дальнейших исследований: увеличение выборки, отсроченное тестирование, сравнение разных типов текстов, включение возрастных групп, изучение

цифровых и интерактивных коллажей, применение айтрекинга.

5. Заключение

В исследовании коллаж рассмотрен не как художественный приём, а как инструмент организации текстового пространства. Исходная посылка распространение коллажных приёмов опережает научное осмысление их когнитивных эффектов. Теоретический и эмпирический анализ позволяет сделать следующие выводы.

Коллаж как когнитивная стратегия. Коллаж не сводится к декоративному приёму. Его композиционные принципы (фрагментация, наслоение, конфликт фактур, нелинейная компоновка) систематически влияют на восприятие текста. Коллаж представляет собой когнитивную стратегию, переключающую читателя из пассивного режима («сканирование») в активный («сборка смысла»), в отличие от традиционной линейной верстки, минимизирующей когнитивные усилия.

Эмпирически подтверждённый компромисс. Эксперимент (N=30) показал:

- Замедление поиска: время увеличилось на 93% (с 2,8 до 5,4 с, $p < 0,01$, $d = 2,33$).
- Повышение эстетической оценки: средний балл 4,6 против 3,1 ($p < 0,001$, $r = 0,77$).
- Потенциальное углубление понимания: верные пересказы 87% против 67% ($p = 0,09$ - тенденция, требует проверки на большей выборке).

Центральный результат: коллаж замедляет поиск, но повышает эстетику и потенциально - глубину понимания. Выбор между коллажем и традиционной версткой определяется приоритетами задачи: скорость и функциональность против эстетики и вовлечённости.

Теоретический вклад. В теорию графического дизайна предложена эмпирически обоснованная модель коллажа как когнитивной стратегии. В психологию восприятия - новые данные о влиянии композиционной сложности на чтение, согласующиеся с гештальтпсихологией и теорией монтажа Эйзенштейна. В прикладную коммуникативистику экспериментальная процедура оценки дизайн-решений.

Литература:

1. Салтыкова Г. М. Коллаж: Учебное пособие. - М.: ДПК ПРЕСС, 2021. - 239 с.

2. Овчинникова Р. Ю. Монтаж как средство композиционного коллажирования в графическом дизайне // Манускрипт. - 2018. - Вып. 11-1. - С. 226-228. - DOI 10.30853/manuscript.2018-11-1.32.

3. Лаврентьев А. Н. История дизайна: учебное пособие. - М.: Гардарики, 2007. - 303 с.

4. Феличи Дж. Типографика: шрифт, верстка, дизайн / пер. с англ. С. И. Пономаренко. - СПб.: БХВ-Петербург, 2004. - 470 с.

5. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие / пер. с англ. - М.: Архитектура-С, 2007. - 392 с

6. Wagemans J., Elder J. H., Kubovy M., et al. A century of Gestalt psychology in visual perception: I. Perceptual grouping and figure-ground organization // Psychological Bulletin. - 2012. - Vol.138, No. 6. - P. 1172-1217.

7. Wertheimer M. Laws of organization in perceptual forms // A Source Book of Gestalt Psychology/ ed. by W. D. Ellis. - London: Routledge & Kegan Paul, 1938. - P. 71-88.

8. Arnheim R. Visual Thinking. - 2nd ed. - Berkeley: University of California Press, 2004. - 360 p.

9. Эйзенштейн С. М. Монтаж. - М.: Искусство, 1938.

10. Solso R. L. Cognition and the Visual Arts. - Cambridge, MA: MIT Press, 1994. - 294 p.

11. Berlyne D. E. Aesthetics and Psychobiology. - New York: Appleton-Century-Crofts, 1971. - 336 p.

12. Nadal M. Complexity and Aesthetic Preference for Diverse Visual Stimuli: дис. … д-ра философии. - Universitat de les Illes Balears, 2007. - 210 p.

13. Al-Samarraie H., Eldenfria A., Zaqout F., Price M. L. How reading in single- and multiple-columntypes influence our cognitive load: an EEG study // The Electronic Library. - 2019. - Vol. 37, No. 4. - P. 624-637.

14. Al-Samarraie H., Sarsam S. M., Umar I. N. Visual perception of multi-column-layout text: insight from repeated and non-repeated reading // Behaviour & Information Technology. - 2017. - Vol. 36, No. 6. - P. 575-584.

15. Monsell S. Task switching // Trends in Cognitive Sciences. - 2003. - Vol. 7, No. 3. - P. 134-140.

16. Bojko A. Informative or Misleading? Heatmaps Deconstructed // Proceedings of the 13th International Conference on Human-Computer Interaction. - 2009. - P. 30-39.

17. Kress G., van Leeuwen T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. - 3rd ed. - London: Routledge, 2021. - 312 p.

Гавриченков Александр Николаевич
Gavrichenkov Aleksandr Nikolaevich
доцент кафедры теории языкознания и немецкого языка
ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»
e-mail: pr_nz@mail.ru

Кострюкова Екатерина Сергеевна
Kostryukova Ekaterina Sergeevna
бакалавр
ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»
e-mail: kotya1904@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ПОДКАСТОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР, ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

THE USE OF AUTHENTIC PODCASTS IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING: THEORETICAL REVIEW, PRACTICAL APPLICATION AND METHODOLOGICAL PERSPECTIVES

Аннотация. В статье анализируется дидактический потенциал аутентичных подкастов как средства развития навыков аудирования при обучении немецкому языку. На основе теоретического обзора выделены критерии отбора подкастов, этапы работы с ними и методические условия их эффективного использования. Представлены результаты педагогического эксперимента, проведённого в 6–8 классах основной школы, в ходе которого применялось разработанное учебно-методическое пособие с интеграцией экранных подкастов «Easy German». Количественный и качественный анализ показал, что систематическое использование подкастов позволяет повысить уровень понимания аутентичной речи на 25–35%, сформировать компенсаторные стратегии аудирования и значительно увеличить учебную мотивацию школьников. Доказано, что эффективность обучения аудированию с использованием подкастов выше по сравнению с традиционными аудиоматериалами учебно-методических комплексов.

Abstract. The article examines the didactic potential of authentic podcasts as a means of developing listening skills in teaching German. Based on a theoretical review, criteria for selecting podcasts, stages of working with them, and methodological conditions for their effective use are identified. The results of a pedagogical experiment conducted in grades 6–8 of secondary school are presented, during which a developed teaching aid integrating screen podcasts «Easy German» was used. Quantitative and qualitative analysis showed that the systematic use of podcasts improves the level of understanding of authentic speech by 25–35%, forms compensatory listening strategies, and significantly increases students' learning motivation. It is proved that the effectiveness of teaching listening with podcasts is higher compared to traditional audio materials of educational complexes.

Ключевые слова: аутентичные подкасты, обучение немецкому языку, аудирование, основная школа, эффективность обучения, учебно-методическое пособие.

Keywords: authentic podcasts, teaching German, listening, secondary school, learning effectiveness, teaching aid.

Введение

Интеграция аудиоматериалов в процесс обучения иностранному языку традиционно рассматривается как условие формирования аудитивных навыков. Однако в последние годы источником аутентичного звучащего текста всё чаще становятся не адаптированные учебные записи, а подкасты – цифровые аудиофайлы, доступные для скачивания или потокового воспроизведения. Как отмечают Осипова и Осипов [1], именно подкастинг позволяет обучающемуся взаимодействовать с живой речью носителей языка в её естественном темпе, с характерными паузами, хезитациями и интонационными конструкциями.

Особую актуальность приобретает использование подкастов в основной школе при обучении немецкому языку. Анализ действующих УМК («Horizonte», «Deutsch. Kompetent», «Wir») показывает, что доля упражнений на аудирование составляет лишь 15–16% от общего числа заданий, при этом аутентичные материалы представлены фрагментарно (не более 2–3 заданий на весь курс). Большинство аудиозаписей представляют собой учебные диалоги, озвученные профессиональными дикторами в идеальных акустических условиях, что не готовит учащихся к восприятию спонтанной речи носителей языка. Данное противоречие определило проблему исследования: поиск и обоснование методики, позволяющей эффективно использовать потенциал подкастов для развития навыков аудирования.

Цель статьи – на основе теоретического анализа и экспериментальных данных доказать, что систематическое использование аутентичных подкастов обеспечивает более высокую эффективность обучения аудированию по сравнению с традиционными аудиоматериалами.

Материалы и методы исследования

Аудирование рассматривается в современной методике как активный рецептивный вид речевой деятельности, включающий слуховое восприятие и одновременное понимание звучащей речи [2, с. 5]. Психологическая структура аудирования (по И.А. Зимней) включает мотивационно-побудительный, аналитико-синтетический и контрольно-исполнительный уровни. Ключевыми механизмами являются речевой слух, оперативная и долговременная память, вероятностное прогнозирование и внутреннее артикулирование.

Подкаст определяется как цифровой аудио- или видеофайл (серия файлов), распространяемый через интернет для прослушивания в асинхронном режиме. В контексте обучения немецкому языку особую ценность представляют экранные подкасты (видеоподкасты), в которых визуальный ряд (мимика, жесты, артикуляция) выступает опорой для понимания. С дидактической точки зрения подкасты классифицируются по цели создания (аутентичные / учебные), по тематике, по формату (монолог, диалог), а также по дидактической направленности: фонетические, лексические, на развитие умений понимания основного содержания, детального понимания, социокультурные [3]. Критерии отбора подкастов для учебных целей включают: темп речи (для уровней А2–В1 – 120–140 слов в минуту), длительность (5–15 минут для аудиторной работы, 2–5 минут для 6–8 классов), наличие визуального сопровождения (субтитры, транскрипт), соответствие возрастным интересам и программной тематике [4].

Эффективная работа с подкастами строится на трёх этапах: предтекстовый (прогнозирование, снятие лексических трудностей), текстовый (выполнение заданий на глобальное и детальное понимание) и послетекстовый (дискуссия, творческие проекты). Методическими условиями успешного использования подкастов выступают: систематичность (2–3 раза в неделю), адекватность языковому уровню (не более 15–20% незнакомой лексики), трёхэтапная структура занятия, наличие визуальных опор, интеграция аудирования с говорением и письмом, а также методического пособия по подкастам. На основе теоретических положений было разработано учебно-методическое пособие «Live-Deutsch: понимаем немецкий на слух» для учащихся 8 класса (автор – Е.С. Кострюкова, Калужский государственный университет). Пособие предназначено для работы с УМК «Horizonte» и включает 7 тематических модулей: «Fitness und Sport», «Austausch. Schule in Deutschland», «Unsere Feste», «Berliner Luft», «Welt und Umwelt», «Reisen», «Die Abschiedsparty».

Каждый модуль содержит:

- QR-код для доступа к фрагменту аутентичного подкаста (использованы эпизоды «Easy German» продолжительностью 2–6 минут, уровень А2–В1);

- предтекстовые задания на активизацию лексики, прогнозирование содержания, соотнесение слов с переводом;

- задания на глобальное и детальное понимание (выбор ответа, заполнение таблицы, «Richtig / Falsch»);

- послетекстовые творческие задания (дискуссия, перевод предложений с русского на немецкий, создание мини-подкаста или видеоролика);

- мини-глоссарий и ключи для самопроверки.

Пример задания из модуля «Fitness und Sport»: после прослушивания фрагмента подкаста «How do Germans stay fit?» учащиеся выполняют упражнение на детальное понимание – отмечают активности, прозвучавшие в интервью (езда на велосипеде, бег, йога, калистеника и др.). На послетекстовом этапе предлагается дискуссия о важности регулярного спорта и творческий проект – запись видеодневника «Mein Fitnesstagebuch».

Педагогический эксперимент проводился на базе общеобразовательной школы в 2024/2025 учебном году. В исследовании приняли участие 50 учащихся 6–8 классов, которые были разделены на контрольную (КГ) и экспериментальную (ЭГ) группы с сопоставимым исходным уровнем владения немецким языком. Эксперимент включал три этапа: констатирующий (диагностика начального уровня аудитивных умений), формирующий (12 недель, в ЭГ применялось разработанное пособие, КГ обучалась по традиционной методике с использованием только аудиоматериалов УМК) и контрольный (итоговая диагностика). Результаты констатирующего этапа показали, что 60% учащихся испытывают значительные трудности при восприятии естественной немецкой речи, 72% не владеют эффективными стратегиями аудирования (прогнозирование, догадка по контексту, игнорирование незнакомых слов), а 65% демонстрируют низкий уровень мотивации к работе с аутентичными аудиоматериалами.

Результаты контрольного этапа представлены в таблице 1.

Таблица 1. Динамика уровня сформированности аудитивных умений (в %)

Показатель	Констатирующий срез (ЭГ)	Контрольный срез (ЭГ)	Контрольный срез (КГ)
Высокий уровень	15%	42%	21%
Средний уровень	35%	48%	44%
Низкий уровень	50%	10%	35%

Количественный анализ показал, что в экспериментальной группе понимание общего содержания аутентичных текстов улучшилось на 35%, детальное понимание – на 28%, умение извлекать конкретную информацию – на 32%. В контрольной группе

улучшение составило лишь 8–12%. Статистическая обработка с использованием t-критерия Стьюдента подтвердила достоверность различий ($t = 3,45$ при $p \leq 0,01$).

Качественный анализ выявил следующие изменения в ЭГ:

- Рост мотивации: 85% учащихся отметили, что работа с подкастами им интересна (в КГ – 42%).

- Формирование компенсаторных стратегий: 72% научились использовать контекст для догадки, 68% – игнорировать незнакомую лексику, не влияющую на общее понимание.

- Снижение языковой тревожности с 68% до 23% (по данным анкетирования).

- Повышение учебной автономии: 58% учащихся стали самостоятельно слушать немецкие подкасты дома (до эксперимента – 22%).

Особо следует отметить, что разработанное пособие позволило преодолеть ограничения традиционных УМК: аутентичность материалов, разнообразие голосов и темпа речи, визуальные опоры (субтитры, жесты, мимика) обеспечили более эффективную подготовку к реальной коммуникации.

Обсуждение и выводы

Проведённое исследование подтвердило гипотезу о том, что систематическое использование аутентичных подкастов при соблюдении методических условий (трёхэтапная работа, адекватность уровню, интеграция с другими видами речевой деятельности) значительно повышает эффективность обучения аудированию по сравнению с традиционными аудиоматериалами. Эффективность выражается не только в росте показателей понимания (на 25–35%), но и в развитии компенсаторных стратегий, снижении тревожности и формировании устойчивой мотивации.

Полученные результаты согласуются с выводами зарубежных исследователей [5; 6] о том, что подкасты обеспечивают естественный языковой ввод и способствуют развитию метакогнитивных стратегий аудирования. В отличие от учебных диалогов, подкасты знакомят учащихся с явлениями спонтанной речи (хезитации, повторы, разговорные клише), что критически важно для перехода от учебного аудирования к реальному общению.

Практическая значимость работы заключается в том, что разработанное пособие может быть использовано учителями немецкого языка в основной школе как дополнение к любому УМК. Перспективы дальнейших исследований связаны с

созданием аналогичных комплексов для других возрастных групп и изучением долгосрочного эффекта подкаст-тренинга.

Таким образом, аутентичные подкасты представляют собой ресурс, который не требует кардинальной перестройки занятия, но меняет характер учебного аудирования: из тренировочного упражнения оно превращается в акт реальной коммуникации с носителем языка. Эмпирически доказано, что эффективность использования подкастов выше, чем традиционных аудиоматериалов, что позволяет рекомендовать их к широкому внедрению в практику преподавания немецкого языка в основной школе.

Литература:

1. Осипова Н.В., Осипов Л.А. Возможности применения подкастов для развития навыков аудирования и говорения при обучении китайскому языку // Russian Journal of Education and Psychology. – 2023. – Т. 14. – № 2. – С. 32–48.

2. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. – М.: Просвещение, 1991. – 219 с.

3. Кострюкова Е.С. Live-Deutsch: учебное пособие по немецкому языку для учащихся 8 класса к УМК «Horizonte». – Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2026. – 76 с.

4. Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н. Современные учебные интернет-ресурсы в обучении иностранному языку // Иностранные языки в школе. - 2008. - № 6. - С. 2-9.

5. Rost M. Teaching and Researching Listening. - 2nd ed. - Harlow: Pearson Education, 2011. - 407 p.

6. Rösler D., Würffel N. Lernmaterialien und Medien // Deutsch Lehren Lernen (DLL 5). - München: Klett-Langenscheidt, 2014. - 184 S.

Жуйкова Ольга Николаевна
Zhuykova Olga Nikolaevna
студент магистратуры
Институт истории, международных отношений и социальных технологий
кафедра педагогики, психологии и социальной работы
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

научный руководитель
Голубь Оксана Викторовна
Golub Oksana Viktorovna
кандидат психологических наук, доцент
кафедра педагогики, психологии и социальной работы
Институт истории, международных отношений и социальных технологий
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

ТРАНСФОРМАЦИЯ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТИ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА В ПЕРИОД ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА

TRANSFORMATION OF LIFE-MEANING ORIENTATIONS AND EXISTENTIAL CHARACTERISTICS IN MIDDLE-AGED PERSONALITIES DURING AN EXISTENTIAL CRISIS

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования системы жизненных смыслов у лиц среднего возраста в контексте проживания экзистенциального кризиса. На основе корреляционного и сравнительного анализа выявлено, что кризисные переживания сопряжены с системным снижением осмысленности жизни и дефицитом фундаментальных экзистенциальных мотиваций, при сохранении устойчивости структуры содержательных жизненных ориентаций (семейных, когнитивных, статусных).

Abstract. This article presents the results of an empirical study of the system of life meanings in middle-aged individuals experiencing an existential crisis. Based on correlational and comparative analysis, it is revealed that crisis experiences are associated with a systemic decline in the meaningfulness of life and a deficit in fundamental existential motivations, while maintaining a stable structure of substantive life orientations (family, cognitive, status).

Ключевые слова: экзистенциальный кризис, средний возраст, жизненные смыслы, смысложизненные ориентации, экзистенциальная исполненность.

Keywords: existential crisis, middle age, life meanings, life-meaning orientations, existential fulfillment.

Актуальность данного исследования обусловлена социально-экономическими тенденциями последних десятилетий: возрастание неопределенности и необходимости многократного самоопределения в течение жизни; ускорение темпов технологических изменений, внедрение в повседневные и профессиональные сферы жизни искусственного интеллекта, значительное увеличение информационного поля, которое

создает дополнительное давление на систему ценностей и смыслов современного человека; социально значимые события: пандемия COVID-19, мировой локдаун, специальная военная операция. Вы вышеперечисленное обострло экзистенциальную проблематику, заставив многих людей среднего возраста столкнуться с вопросами конечности жизни, свободы и ответственности за свой выбор.

Введение. Период среднего возраста (30–60 лет) традиционно рассматривается в психологии как этап глубокой смысловой ревизии. Переживание экзистенциального кризиса в этот период связано не только с внешними обстоятельствами, такими как период проживания утрат взрослого поколения, но и с внутренней необходимостью соотнесения достигнутых результатов с субъективными ожиданиями.

Методы и выборка. В качестве участников исследования выступили респонденты, мужчины и женщины в возрасте от 30 до 60 лет. Общий объем выборки составил 90 человек, что позволило получить репрезентативные данные об особенностях проживания экзистенциального кризиса этой категории лиц.

Полный объем данных валиден без пропусков по всем ключевым переменным, что обеспечивает высокую надежность статистических выводов. Возрастной диапазон участников соответствует критериям среднего возраста (30–59 лет), с преобладанием наиболее активных профессиональных и жизненных этапов (30–49 лет).

Гендерная структура выборки

Выборка характеризуется выраженным гендерным дисбалансом: женщины составляют 81,1% , мужчины - 18,9% .

Возрастная структура

Респонденты сосредоточены в наиболее кризисных подгруппах среднего возраста:

- 30–39 лет: 50,0% - пик «кризиса четверти жизни» с переходом к зрелости.

- 40–49 лет: 43,3% - классический «кризис среднего возраста» (середина карьеры, переоценка достижений).

- 50–59 лет: 6,7% - предпенсионный этап с рисками утраты смысла.

Большинство (92,3%) респондентов трудоустроены, с акцентом на совмещение работы и обучения (35,6%), что указывает на мотивацию к профессиональному росту в условиях кризиса.

64,4% респондентов находятся в браке, 24.4 % свободны (Таблица4). Наличие

детей: да - 63,3%, нет - 36,7%.

Таким образом, результаты настоящего исследования будут отражать тенденции для лиц среднего возраста, с высоким интеллектом и социально-экономическим статусом, но ограничена гендерным и возрастным дисбалансом.

Процедура исследования включила в себя комплексную психодиагностику с использованием современных стандартизированных методик:

1. Краткий опросник смысложизненного кризиса (ОСЖК-К). (К.В.Карпинский);

2. Переживание экзистенциального кризиса (Л. В. Сенкевич, В. А. Янышева);

3. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). (Д.А.Леонтьев);

4. Тест экзистенциальных мотиваций (ТЭМ). (В. Б. Шумский, Е. М. Уколова, Е. Н. Осин.

5. Система жизненных смыслов (СЖС) (В.Ю.Котляков).

Результаты и обсуждение.

Корреляционный анализ между смысложизненными ориентациями и смысложизненным кризисом выявил что, все выявленные связи статистически значимы, что подтверждает их надежность для данной выборки. Коэффициенты корреляции варьируются от умеренных до сильных отрицательных значений (от -0,516 до -0,727), что указывает на обратную зависимость: чем выше выраженность смысложизненных ориентаций (ОЖ), тем ниже уровень проявлений смысложизненного кризиса по всем его шкалам (десубъектизация личности, дезинтеграция жизнедеятельности, смысловая дезрегуляция и общий уровень кризиса). Это свидетельствует о защитной роли устойчивых смысловых структур в условиях экзистенциального вакуума среднего возраста, когда индивид сталкивается с переоценкой жизненных приоритетов, потерей ролей и поиском нового смысла.

Интегральный показатель демонстрирует наиболее выраженные связи: максимум с общим уровнем кризиса, затем со смысловой дезрегуляцией и дезинтеграцией. Это подтверждает гипотезу о том, что общая осмысленность жизни является главным фактором, интегрирующим все аспекты кризиса. В исследовании высокий общий ОЖ помогает сдерживать ухудшения, не давая небольшим нарушениям смысла перерасти в полный жизненный кризис.

Проведя корреляционный анализ взаимосвязей Краткого опросника

смысложизненного кризиса (ОСЖ-К) и фундаментальных смыслов (ЭИ) в результатах эмпирического исследования обратили внимание на обратные связи кризиса со смысложизненными ориентациями.

Отрицательные связи (все показатели находятся в диапазоне от - 0,475 до 0,722) показывают важную закономерность: чем сильнее выражен кризис, тем меньше у человека остается смысла и внутренней опоры. Наиболее выраженные связи:

Общий уровень кризиса сильнее всего связан с общим показателем экзистенциальной исполненности: связь обратная r= - 0,722. Это значит, что при росте кризиса уровень ЭИ снижается.

Смысловая дезрегуляция, как ключевой предиктор, сильнее всего связана с общим ЭИ, ценностью жизни и смыслом. Это показывает, что утрата целей и смысловой опоры особенно сильно разрушает базовые жизненные смыслы.

Дезинтеграция жизнедеятельности наиболее тесно связана с общим ЭИ и возможностями бытия. Это означает, что распад привычного способа жизни ослабляет базовое доверие к миру.

Десубъектизация показывает умеренные связи (r= - 0,475… -0,577), а самая высокая из них - с самоценностью. Это говорит о том, что потеря ощущения себя как субъекта жизни в первую очередь отражается на самооценке.

Позитивные связи между шкалами ЭИ (r=0,604 - 0,921) показывают их внутреннюю согласованность. Общий уровень ЭИ сильнее всего связан с ценностью жизни, смыслом и возможностями бытия. Самоценность связана с ними слабее всего (r = 0,604 - 0,814), что может говорить о ее относительной самостоятельности в среднем возрасте. Средняя сила связей подтверждает, что ЭИ можно считать надежным показателем смысловой устойчивости.

В результате сравнения шкал кризиса по силе связи с общим ЭИ, получается следующая картина.

Самая уязвимая - это смысловая дезрегуляция: именно нарушение целеполагания прежде всего разрушает смысловую основу. Далее идет дезинтеграция, которая связана с распадом жизненной организации и снижением доверия к миру. Затем - десубъектизация, которая в большей степени затрагивает самоценность.

Это же видно и по отдельным связям, например, смысловая дезрегуляция особенно тесно связана со смыслом, дезинтеграция - с возможностями бытия, а

десубъектизация - с самоценностью.

В целом результаты показывают, что смысловые дефициты не просто сопровождают кризис, а во многом его формируют. Чем сильнее нарушена смысловая регуляция, тем выраженнее кризис. Это подтверждает, что экзистенциальный кризис у людей среднего возраста связан не с отдельными трудностями, а с ослаблением всей системы смыслов.

Результаты корреляционного анализа между системой жизненных смыслов и переживанием экзистенциального кризиса, Корреляционный анализ между системой жизненных смыслов и переживанием экзистенциального кризиса показывает, что показатели переживания экзистенциального кризиса образуют взаимосвязанное «ядро» негативных переживаний.

Связи показателей кризиса с жизненными смыслами в целом выражены избирательно. Статистически значимые корреляции обнаружены только у «бессмысленности социальных связей» с двумя типами смыслов: отрицательно с «гедонистическими» и со смыслами «самореализации». То есть чем сильнее переживание бессмысленности социальных связей, тем ниже выраженность ориентации на получение удовольствия и на самореализацию. Остальные компоненты переживания кризиса («неудовлетворённость собой», «неудовлетворённость настоящим», «одиночество», «незащищённость», «отчаяние/страдание/вина») статистически значимых связей с альтруистическими, экзистенциальными, статусными, коммуникативными, семейными и когнитивными смыслами в таблице не демонстрируют (все $p>0,05$).

Таким образом, по полученным данным переживание экзистенциального кризиса у лиц среднего возраста характеризуется высокой внутренней согласованностью его негативных компонентов, а его связь с жизненными смыслами проявляется главным образом через социально-смысловой блок: снижение осмысленности социальных связей сопряжено с ослаблением гедонистической направленности и смыслов самореализации.

Следует учитывать, что не все респонденты, как и обычные люди в период среднего возраста находятся в стадии проживания экзистенциального кризиса, в связи с чем, для проверки основной гипотезы мы разделили респондентов на тех у кого имеются выраженные симптомы экзистенциального кризиса и на тех, у кого такие

симптомы не выражены.

Первое на что мы обращаем внимание, это распределение лиц среднего возраста на тех, у кого есть симптомы экзистенциального кризиса и на тех, у кого такие симптомы отсутствуют, только у 47% (у 43 респондентов) наблюдаются симптомы экзистенциального кризиса.

По данным проведенного исследования получилось, что у лиц с признаками экзистенциального кризиса почти все показатели смысложизненной сферы ниже, чем у лиц без симптомов кризиса, и большинство различий статистически значимы.

Прежде всего, у группы без симптомов кризиса выше общий уровень смысложизненного кризиса по всем основным показателям: цели 35,11 против 28,67, процесс 32,30 против 25,77, результат 28,57 против 23,19, локус контроля-Я 23,19 против 18,49, локус контроля-Жизнь 28,11 против 22,49. Это указывает на то, что у людей без кризисных симптомов сильнее выражены целевая направленность, интерес к процессу жизни, удовлетворенность ее результатами и ощущение личного контроля. Различия по всем этим шкалам значимы на уровне p=0,000.

Особенно заметна разница по общему показателю ОЖ: у лиц без симптомов кризиса он составляет 147,28, а у лиц с симптомами кризиса - 118,60. Это говорит о более высоком уровне осмысленности жизни у первой группы.

По шкалам осмысленности пространства жизненного мира также наблюдаются более высокие значения у группы без кризиса: опора 10,66 против 8,86, защищенность 8,72 против 7,12, пространство 9,30 против 7,42, соотнесенность 9,23 против 8,21, время 9,55 против 7,09, близость 10,17 против 8,40. Все различия значимы, кроме показателя заинтересованного внимания, где различий нет p=0,164. Также не выявлены значимые различия по справедливому отношению p=0,104. Это значит, что у обеих групп схожее переживание внимания и справедливости со стороны мира, но в целом лица с кризисом чаще ощущают меньшую опору, защищенность, близость и включенность в жизненное пространство.

По шкалам экзистенциальной исполненности у группы без симптомов кризиса также выше все показатели: 1ФМ - 28,68 против 23,40, 2ФМ - 28,96 против 23,70, 3ФМ - 29,57 против 27,21, 4ФМ - 30,64 против 24,93, общий показатель ЭИ - 117,85 против 99,23. Это показывает, что при наличии экзистенциального кризиса снижается фундаментальное доверие к миру, ценность жизни, самоценность и переживание

смысла.

Если говорить о жизненных ориентациях, то значимых различий между группами не выявлено. По альтруистическим, экзистенциальным, гедонистическим, самореализационным, статусным, коммуникативным, семейным и когнитивным ориентациям значения у двух групп статистически не различаются. Это может означать, что сам набор жизненных ориентаций сохраняется, но различается их смысловая насыщенность и субъективная выраженность.

В целом результаты показывают, что у лиц с признаками экзистенциального кризиса снижены осмысленность жизни, чувство опоры, защищенности, ценности жизни, самоценность и переживание смысла. При этом наиболее выраженные различия касаются именно тех параметров, которые связаны с внутренней организованностью жизни и экзистенциальной устойчивостью.

Результаты сравнения показателей смысложизненных ориентаций и экзистенциальных характеристик в зависимости от общего уровня смысложизненного кризиса по критерию U Манна-Уитни показали, что для части переменных статистически значимых различий не выявлено, а для другой части- обнаружены значимые различия.

Так, нулевая гипотеза была принята для следующих показателей: альтруистические, экзистенциальные, гедонистические, самореализации, статусные, коммуникативные, семейные и когнитивные. Это означает, что по данным шкалам распределение показателей одинаково в группах с разным уровнем общего смысложизненного кризиса, то есть выраженных различий между ними не обнаружено.

В то же время нулевая гипотеза была отклонена для показателей цели, процесса, результата, локуса контроля - Я, локуса контроля - Жизнь, общий показатель ОЖ, а также для всех четырех фундаментальных мотивационных оснований: возможность бытия в мире, ценность жизни, самоценность и смысл. Следовательно, эти компоненты жизненных смыслов статистически значимо различаются в зависимости от уровня смысложизненного кризиса.

Аналогичная закономерность обнаружена и по показателям экзистенциального измерения: общий показатель ЭИ, опора, защищенность, пространство, соотнесенность, время, близость, заинтересованное внимание, признание ценности, возможности для деятельности, включенность во взаимосвязи и ценность в будущем также различаются

в зависимости от уровня смысложизненного кризиса. Исключение составляет показатель справедливое отношение, для которого статистически значимых различий не выявлено.

В целом результаты исследования показывают, что общий уровень смысложизненного кризиса у лиц среднего возраста связан прежде всего с такими характеристиками, как осмысленность жизни, переживание ее целей, процесса и результата, чувство контроля надо собственной жизнью, а также рядом экзистенциальных и фундаментальных оснований смысла. При этом отдельные смысловые ориентации, в частности альтруистические, экзистенциальные, гедонистические, самореализации, статусные, коммуникативные, семейные, когнитивные и справедливое отношение не продемонстрировали статистически значимых различий между группами.

Таким образом, основная гипотеза об утрате смысловых образований у лиц среднего возраста в период проживания экзистенциального кризиса нашла свое потверждение. Также подтвердились и частные гипотезы о существовании взаимосвязи между смысложизненными ориентациями и проявлением смысложизненного кризиса; существовании взаимосвязи между смысложизненным кризисом и фундаментальными смыслами; подтверждена взаимосвязь между системой жизненных смыслов и переживанием экзистенциального кризиса.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что экзистенциальный кризис в среднем возрасте представляет собой сложный, системный процесс, характеризующийся дезинтеграцией ценностно-смысловой сферы и трансформацией жизненных ориентиров. Основной деструктивный эффект кризиса проявляется не столько в распаде внешних форм жизнедеятельности, сколько во внутренних нарушениях: смысловой дезрегуляции, утрате субъектной позиции («авторства» жизни) и снижении фундаментального доверия к миру. Выявлено, что ключевым ресурсом преодоления кризиса является сохранение временной перспективы (ориентация на будущее) и высокого уровня самоценности. При этом смысловая сфера лиц среднего возраста демонстрирует компенсаторный сдвиг: при утрате глубинных экзистенциальных смыслов возрастает значимость внешних, статусных и когнитивных факторов, которые выступают в роли временных опор личности.

Главные выводы по результатам исследования

1. Доминирование внутренней кризисной симптоматики над внешней. Кризис среднего возраста в исследуемой выборке в большей степени проявляется через «смысловую дезрегуляцию» (трудности в согласовании целей и ценностей) и «десубъектизацию» (утрату чувства контроля над жизнью), нежели через дезорганизацию повседневного быта. Это подтверждает, что кризис носит прежде всего глубинный психологический, а не социально-бытовой характер.

2. Тотальность негативных экзистенциальных переживаний. Обнаружена чрезвычайно высокая распространенность симптомов кризиса: большинство респондентов отмечают бессмысленность социальных связей, неудовлетворенность собой и своим настоящим, а также переживают глубокое экзистенциальное одиночество. Это свидетельствует об универсальности и системности кризисного процесса в данный возрастной период.

3. Компенсаторная иерархия жизненных смыслов. В условиях кризиса происходит девальвация экзистенциальных смыслов (высших идеалов, духовности). Личность пытается компенсировать возникший вакуум за счет «статусных» смыслов (социальное признание, успех) и «когнитивных» смыслов (поиск истины, обучение), которые становятся ведущими защитными механизмами, маскирующими внутреннюю дезориентацию.

4. Защитная роль целеполагания и временной перспективы. Несмотря на общую неудовлетворенность прошлым и настоящим, шкала «Цели в жизни» имеет наиболее высокие показатели. Способность планировать будущее и находить в нем ценность выступает главным антикризисным фактором, который статистически значимо снижает интенсивность экзистенциального дистресса.

5. Взаимосвязь осмысленности жизни и экзистенциальной исполненности. Корреляционный анализ доказал, что смысловые дефициты являются предикторами тяжести кризиса. Установлена сильная обратная связь между уровнем общего кризиса и экзистенциальной исполненностью. Утрата способности к целеполаганию (смысловая дезрегуляция) является наиболее разрушительным фактором для психологического благополучия личности.

6. Стабильность набора ценностей при изменении их насыщенности. Сравнительный анализ показал, что у лиц с выраженным кризисом и без него сам набор

жизненных ориентаций (альтруизм, семья, карьера и др.) остается схожим. Различия заключаются в субъективной осмысленности этих сфер: при проживании кризиса человек не меняет приоритеты на формальном уровне, но радикально теряет чувство опоры, защищенности и удовлетворенности внутри этих сфер.

7. Специфика экзистенциального вакуума у лиц среднего возраста. Результаты показывают, что кризис не является простым «отсутствием смысла». Скорее, это состояние смысловой фрагментарности. У респондентов с кризисом сохраняются «инструментальные» смыслы (как действовать, как достигать статуса), но разрушены «бытийные» основания (зачем это делать и ради чего жить). Это подтверждается тем, что показатели заинтересованного внимания и справедливого отношения к себе со стороны мира остаются стабильными: человек по - прежнему ожидает признания от социума, но уже не может опереться на него внутренне.

8. Феномен «Локуса контроля» как зоны риска. Статистически значимые различия по шкалам «Локус контроля - Я» и «Локус контроля - Жизнь» указывают на то, что в период кризиса происходит масштабная делегитимизация собственного влияния. Личность начинает воспринимать свою жизнь как череду обстоятельств, неподвластных воле, что ведет к росту фатализма и снижению жизненной активности. Это делает восстановление чувства субъектности (способности влиять на события) приоритетной задачей психологической помощи.

Литература:

1. Сенкевич, Л.В. Психология экзистенциальных кризисов: монография / Л.В.Сенкевич; под науч. и общ. ред. Д.А.Донцова. - Москва: ФЛИНТА, 2023. -372 с. - ISBN 978-5-9765-5423-8. - Текст непосредственный.

2. Карпинский, К. В. Психология смысложизненного кризиса: монография / К. В. Карпинский. – Гродно: ГрГУ, 2019. – 623 с. ISBN 978-985-582-287-6 - Текст непосредственный.

3. Леонтьев, Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. - М: Смысл. - 2000. -18 с. - Текст: непосредственный.

4. В. Б. Шумский, Е. М. Уколова, Е. Н. Осин, Я. Д. Лупандина. Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста

экзистенциальных мотиваций // Психология. Журнал ВШЭ, 2016. №4. - Текст: непосредственный.

5. Янышева, В. А., Сенкевич Л. В. Опросник «Переживание экзистенциального кризиса»: краткая версия // Системная психология и социология. 2021. № 1 (37). С. 95–108. DOI: 10.25688/2223- 6872.2020.37.1.8. Текст: непосредственный.

6. Котляков, В.Ю. Методика «Система жизненных смыслов». Вестник Кемеровского государственного университета. 2013;(2-1):148-153. - Текст: непосредственный.

7. Жучкова, С. М. Смысложизненные ориентации как субъективные составляющие феномена смысла жизни / С. М. Жучкова // Актуальные вопросы педагогики и психологии: Материалы Международной заочной научно-практической конференции. Часть III (01 августа 2011 г.). -Новосибирск: Изд. «ЭНСКЕ», 2011. - С. 146-150. - Текст непосредственный.

8. Леонтьев, Д. А. Психология смысла природа, строение и динамика смысловой реальности, [монография] / Д. А. Леонтьев. — 5-е изд., испр. и доп. — Москва: Смысл, 2022. — 582, [1] с. табл.; 22. — (Фундаментальная психология); ISBN 978-5-89357-385-5. - Текст непосредственный.

РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Алешин Егор Андреевич
Aleshin Egor Andreevich
преподаватель
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина»

Разумов Константин Александрович
Razumov Konstantin Alexandrovich
студент
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина»

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ МАССОВОГО СПОРТА В СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

MUNICIPAL MECHANISMS FOR MASS SPORTS DEVELOPMENT IN RURAL SETTLEMENTS OF THE KRASNODAR REGION

Аннотация. В статье исследуются муниципальные механизмы развития массового спорта в сельских поселениях Краснодарского края. Рассматриваются организационно-управленческие, инфраструктурные и финансово-стимулирующие инструменты вовлечения сельского населения в систематические занятия физической культурой и спортом. Выявлены основные барьеры и ресурсы развития массового спорта на муниципальном уровне. Предложены рекомендации по совершенствованию управления физкультурно-спортивной деятельностью в сельских поселениях в контексте регионального проекта «Спорт — норма жизни».

Abstract. The article examines municipal mechanisms for mass sports development in rural settlements of the Krasnodar Region. Organisational, infrastructural and financial incentive tools for involving the rural population in systematic physical culture and sports activities are considered. Key barriers to and resources for mass sports development at the municipal level are identified. Recommendations for improving management of physical culture and sports in rural settlements within the regional project "Sport is the Norm of Life" are proposed.

Ключевые слова: массовый спорт, сельские поселения, муниципальное управление, физическая культура, Краснодарский край, спортивная инфраструктура, здоровый образ жизни, ГТО.

Keywords: mass sports, rural settlements, municipal management, physical culture, Krasnodar Region, sports infrastructure, healthy lifestyle, GTO.

Введение

Развитие массового спорта в сельских поселениях является одной из ключевых

задач государственной политики в сфере физической культуры и спорта. Физическая культура и спорт выполняют комплекс функций, выходящих далеко за рамки оздоровительной деятельности: они оказывают непосредственное влияние на здоровье, образование, экономику и социальную сплочённость территорий [1]. В сельской местности эти функции приобретают особое значение, поскольку именно спорт нередко становится основным институтом организации досуга и социализации молодёжи.

По итогам 2025 года Краснодарский край вошёл в число 20 регионов-лидеров федерального рейтинга в сфере спорта, заняв 8-е место [2]. Доля жителей, систематически занимающихся физической культурой и спортом, достигла 67,6% — второй результат в стране, — тогда как среднероссийский показатель составил 60,3% [2]. Вместе с тем значительная часть этих достижений сосредоточена в городских округах, а развитие массового спорта в сельских поселениях по-прежнему сопряжено с серьёзными ограничениями.

Цель исследования — выявить и систематизировать муниципальные механизмы развития массового спорта в сельских поселениях Краснодарского края и обосновать направления их совершенствования.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляют системный и сравнительный анализ, методы статистической обработки данных, а также структурно-функциональный подход к изучению механизмов муниципального управления. Системный анализ позволил рассмотреть муниципальные механизмы развития массового спорта как целостную совокупность взаимосвязанных элементов, функционирующих в рамках единой региональной политики. Сравнительный анализ применялся для сопоставления показателей охвата населения физкультурно-спортивной деятельностью между отдельными муниципальными районами, а также для выявления отклонений от краевых и федеральных целевых ориентиров.

Информационная база исследования включает официальные данные Министерства физической культуры и спорта Краснодарского края, паспорта муниципальных программ развития физической культуры и спорта за 2021–2025 годы, данные мониторинга реализации комплекса ГТО, а также материалы профильных научных публикаций. Для обеспечения репрезентативности выборки в качестве объектов анализа были отобраны 15 сельских муниципальных районов Краснодарского

края с различным уровнем социально-экономического развития, численностью населения и обеспеченностью спортивной инфраструктурой. Критериями отбора послужили: доля сельского населения в общей численности жителей района (не менее 60%), наличие утверждённой муниципальной программы развития физической культуры и спорта, а также доступность статистической отчётности за весь анализируемый период.

В процессе исследования применялась типологизация сельских муниципальных образований по уровню развития инфраструктуры и охвата населения систематическими занятиями спортом. В результате типологизации были выделены три группы районов: с высоким уровнем развития массового спорта (охват свыше 60%), со средним уровнем (45–60%) и с низким уровнем (менее 45%). Такая классификация позволила выявить характерные для каждой группы управленческие практики и барьеры, а также разработать дифференцированные рекомендации. В ходе контент-анализа муниципальных программных документов особое внимание уделялось наличию и качеству целевых показателей, механизмам межведомственного взаимодействия, инструментам финансирования и кадрового обеспечения отрасли [7]. Полученные количественные данные обрабатывались с использованием методов описательной статистики; для сопоставления динамики показателей применялся индексный метод.

Результаты исследования и обсуждение

В Краснодарском крае насчитывается 37 муниципальных районов и 5 городских округов. Несмотря на общую позитивную динамику — общекраевой показатель охвата населения систематическими занятиями спортом вырос с 47,8% в 2021 году до 67,6% в 2025 году, — в сельских районах он стабильно ниже краевого среднего: в Тбилисском районе — 38,2%, в Успенском — 39,6%, в Белоглинском — 41,3%, что существенно отстаёт от планового значения на 2025 год в 69% [3]. Разрыв между городскими и сельскими территориями за период реализации проекта в абсолютном выражении увеличился, что свидетельствует о недостаточной эффективности действующих муниципальных механизмов применительно к сельской местности. Среди факторов, обусловливающих данный разрыв, исследователи выделяют как объективные — транспортную удалённость поселений, рассредоточенность населения, ограниченность местных бюджетов, — так и инфраструктурные: недостаточную доступность

физкультурно-спортивных объектов, являющуюся главным условием вовлечения населения в систематические занятия [8]. Необходимость учёта этих факторов при формировании муниципальной политики подчёркивается и в актуальных отечественных исследованиях по совершенствованию методик оценки деятельности учреждений физической культуры и спорта на региональном уровне [7].

Проведённый анализ позволил выделить три группы муниципальных механизмов.

Первая группа — организационно-управленческие механизмы: разработка муниципальных программ развития физической культуры и спорта, создание межпоселенческих физкультурно-спортивных клубов и координационных советов, проведение сельских спартакиад. Правовую основу для деятельности органов местного самоуправления создаёт Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [4]. Анализ паспортов муниципальных программ показал, что большинство районов формально выполняют требования федерального законодательства: целевые показатели охвата установлены, мероприятия запланированы, отчётность составляется. Однако качество программного управления существенно варьируется: в районах-лидерах программы содержат механизмы межведомственной координации и чёткое распределение ответственности между ведомствами, тогда как в районах с низким охватом программные документы зачастую носят декларативный характер. Результативность этих механизмов нередко ограничена слабой межведомственной координацией: органы управления физической культурой, образованием, культурой и молодёжной политикой действуют разобщённо, что приводит к дублированию мероприятий и распылению ресурсов. Устранение данного барьера предполагает внедрение проектного подхода, при котором достижение целевых показателей охвата становится общей задачей нескольких ведомств, а оценка деятельности подведомственных учреждений строится на основе унифицированных методик, учитывающих отраслевую специфику [7].

Вторая группа — инфраструктурные механизмы. В 2025 году в крае введено в эксплуатацию 42 новых спортивных объекта, в том числе 9 спортивных комплексов, 17 многофункциональных площадок, 4 центра единоборств, 8 площадок для сдачи норм ГТО; суммарно с 2015 года построено и реконструировано свыше 283 объектов, финансирование отрасли превысило 1,5 млрд рублей [5]. Вместе с тем около 65% новых

площадок традиционно концентрируются в городских округах, тогда как сельские поселения получают непропорционально малую долю инфраструктурных инвестиций. Данная диспропорция объясняется как объективными факторами — более высокими удельными затратами на строительство и эксплуатацию объектов при меньшей численности потенциальных пользователей, — так и институциональными: слабой проектной компетентностью муниципальных администраций малых районов и недостаточностью механизмов межмуниципального сотрудничества при создании совместной инфраструктуры. В 2025 году в рамках федерального проекта «Спорт на селе» проведён конкурсный отбор физкультурно-спортивных организаций сельских территорий, открывающий дополнительные возможности для муниципалитетов [5]. Среди перспективных инфраструктурных решений выделяются: строительство модульных физкультурно-оздоровительных комплексов, адаптированных к условиям малых поселений, организация мобильных спортивных выездов в отдалённые сёла, а также создание межпоселенческих спортивных центров на базе опорных населённых пунктов. Перспективным инструментом остаётся государственно-частное партнёрство при строительстве и эксплуатации объектов в малонаселённых поселениях; его применение позволяет привлечь внебюджетные ресурсы и снизить нагрузку на местные бюджеты.

Третья группа — финансово-стимулирующие механизмы. Налоговые вычеты при оплате физкультурно-оздоровительных услуг обладают реальным потенциалом вовлечения сельского населения в занятия спортом, однако их применение ограничено недостаточной информированностью граждан и отсутствием в ряде сельских поселений аккредитованных организаций [6]. С 2025 года механизм расширен: вычет стал доступен участникам, успешно сдавшим нормативы ГТО, что особенно значимо для сельских жителей, где именно ГТО нередко является единственной доступной формой организованной физической активности [6]. Суммарно нормативы ГТО в крае выполнили более 1 млн человек; во втором квартале 2025 года золотые значки получили свыше 9 тыс. кубанцев, в том числе участники краевых фестивалей ГТО среди команд муниципальных районов [3]. Помимо налоговых вычетов, в ряде районов края апробированы субсидии местных бюджетов на приобретение абонементов в спортивные секции для отдельных категорий граждан — детей из малообеспеченных семей, пенсионеров, лиц с ограниченными возможностями здоровья. Опыт пилотных

районов свидетельствует о том, что адресные субсидии при наличии должного информационного сопровождения способны увеличить охват целевых групп на 8–12 процентных пунктов в течение одного года. Тем не менее масштабирование данного инструмента сдерживается дефицитом местных бюджетов и недостаточной доступностью аккредитованной физкультурно-спортивной инфраструктуры в сельских поселениях как ключевого условия вовлечения населения в систематические занятия спортом [8].

Дефицит квалифицированных специалистов по физической культуре и спорту в сельской местности остаётся одним из наиболее острых ограничений. По данным мониторинга, в 11 из 15 обследованных районов вакантность должностей тренеров-преподавателей в сельских учреждениях дополнительного образования физкультурно-спортивной направленности превышает 20%, а в трёх районах достигает 35–40%. Ключевыми причинами являются низкий уровень оплаты труда, ограниченность социальной инфраструктуры для молодых семей и отсутствие жилья. Введение целевых муниципальных стипендий для студентов физкультурных специальностей, заключивших договоры о работе в сельских поселениях, единовременных подъёмных выплат и льгот по найму жилья — необходимое условие устойчивого роста охвата населения физкультурно-спортивной деятельностью. Положительный опыт отдельных районов, внедривших программы наставничества для молодых специалистов и дистанционное повышение квалификации, заслуживает тиражирования на уровне региональной политики.

Заключение

Проведённое исследование показало, что система муниципальных механизмов развития массового спорта в сельских поселениях Краснодарского края включает три взаимосвязанных блока: организационно-управленческий, инфраструктурный и финансово-стимулирующий. По итогам 2025 года край занял 8-е место в общероссийском рейтинге в сфере спорта, достигнув охвата населения в 67,6% [2], однако территориальная дифференциация между городскими и сельскими районами остаётся существенной. Для её преодоления необходимы: внедрение межведомственного проектного подхода, дифференцированные нормативы инфраструктурного обеспечения, расширение практики ГЧП и целевые программы кадрового закрепления специалистов в сельских поселениях. Перспективы дальнейших

исследований связаны с разработкой методики оценки социально-экономической эффективности муниципальных механизмов в контексте национальных проектов до 2030 года.

Литература:

7. Ильин В.В., Кочарьян С.К. Физическая культура и спорт в жизни современного общества // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 104-12. — С. 13–16.

8. Министерство спорта Российской Федерации. Рейтинг субъектов Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта за 2025 год / Минспорт России. — М., 2026. — URL: https://www.minsport.gov.ru (дата обращения: 19.05.2026).

9. Доклад о реализации государственной программы Краснодарского края «Развитие физической культуры и спорта» за 2025 год / Министерство физической культуры и спорта Краснодарского края. — Краснодар, 2026.

10. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 50. — Ст. 6242.

11. Государственная программа Краснодарского края «Развитие физической культуры и спорта»: утверждена постановлением главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 5 октября 2015 г. № 948 (с изменениями на 2025 г.). — URL: https://krasnodar.ru (дата обращения: 19.05.2026).

12. Ильин В.В., Лучилина А.Р. Законодательные аспекты налоговых вычетов при занятиях физической культурой и спортом // В сборнике: Актуальные проблемы физической культуры и спорта в системе высшего образования. — Омск, 2023. — С. 119–121.

13. Аширова М.Н., Черкасская А.Д. Предложения по совершенствованию методики оценки деятельности учреждений, подведомственных министерству по физической культуре и спорту Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2022. — № 4. — С. 19–28. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-4-19-28

14. Скобликова Т.В. Стратегические ресурсы вовлечения населения в занятия физической культурой и спортом — развитие спортивной инфраструктуры // Ученые

записки университета им. П.Ф. Лесгафта. — 2023. — № 1 (215). — С. 470–474. https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.01.p470-474

Илюхина Лариса Алексеевна
Ilyukhina Larisa Alekseevna
кандидат экономических наук,
доцент института маркетинга, логистики и сервиса
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»

Курмамбаева Ангелина Ильшатовна
Kurmambayeva Angelina Ilnatovna
студент
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»

РЕВЕРСИВНОЕ НАСТАВНИЧЕСТВО В СИСТЕМЕ КОРПОРАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ: ПОТЕНЦИАЛ И БАРЬЕРЫ ВНЕДРЕНИЯ

REVERSE MENTORING IN THE CORPORATE TRAINING SYSTEM: POTENTIAL AND BARRIERS TO IMPLEMENTATION

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению понятия реверсивного наставничества как модели корпоративного обучения. Суть заключается в передаче знаний от молодых специалистов к более опытным коллегам. Анализируются причины ограниченного распространения данного метода в российском бизнесе. На основе сопоставления практик делается вывод, что ключевые препятствия носят не культурный, а организационно-психологический характер. Предложены пути адаптации модели с учётом мотивационных, компетентностных и ресурсных барьеров, а также поколенческих особенностей сотрудников.

Abstract. This article explores the concept of reverse mentoring as a model of corporate learning. The essence of the model lies in the transfer of knowledge from young professionals to more experienced colleagues. The authors analyze the reasons for the limited adoption of this method in Russian business. By comparing various practices, the study concludes that the key barriers are not cultural but rather organizational and psychological in nature. The article proposes ways to adapt the model that account for motivational, competency-based, and resource-related barriers, as well as the generational characteristics of employees.

Ключевые слова: реверсивное наставничество, корпоративное обучение, межпоколенческое взаимодействие, поколения X, Y, Z, цифровая трансформация, мотивационные барьеры, компетентностный дефицит.

Keywords: reverse mentoring, corporate training, intergenerational interaction, Generations X, Y, Z, digital transformation, motivational barriers, competency deficit.

Современный рынок труда представляет собой уникальную среду, где одновременно взаимодействуют представители нескольких поколений: X, Y (миллениалы) и Z (зумеры). Каждая из этих групп сформирована под воздействием определённых исторических и технологических условий, что накладывает отпечаток на их профессиональные ценности и ожидания. Зумеры, составляющие все более заметное место в структуре найма, отличаются высоким уровнем цифровой грамотности и

стремлением к самореализации. Согласно исследованию Deloitte Global, 71% молодых специалистов считают приоритетом работу, соответствующую их личным ценностям и позволяющую влиять на результаты [9].

В условиях трансформации рынка и адаптации бизнес-процессов под запросы молодого поколения традиционные модели корпоративного обучения нуждаются в пересмотре с учётом потребностей всех возрастных групп. Например, классическая модель наставничества, выстроенная как однонаправленный процесс передачи опыта от старшего поколения к младшему, не учитывает наличие у молодых специалистов уникальных компетенций — в области цифровых технологий, современных методов коммуникации и анализа актуальных предпочтений и ожиданий потребителей. Данное противоречие послужило основой для пересмотра традиционных ролей в системе передачи знаний и появления модели реверсивного наставничества, которая представляет собой инновационную форму корпоративного обучения, где менее опытный или младший по возрасту сотрудник выступает в роли наставника для более опытного и старшего коллеги. Следует акцентировать, что возраст может не иметь решающего значения — важна принадлежность к разным должностным уровням и наличие уникальных компетенций, которые одна сторона может передать другой.

Описанный подход имеет конкретную точку отсчёта в мировой практике управления. В конце 1990-х годов бывший генеральный директор компании «General Electric» Джек Уэлч обязал 500 топ-менеджеров найти наставников из числа молодых сотрудников для освоения интернет-технологий [2]. Молодые специалисты обучали старших коллег работе с цифровыми инструментами, что позволяло не только восполнять технологические дефициты, но и открывать молодым сотрудникам доступ к взаимодействию с высшим руководством, повышая их уверенность и давая представление о сложностях управления крупной организацией. Спустя четверть века цифровая повестка остаётся одной из главных целей реверсивного наставничества, однако сегодня к ней добавились и другие направления, например, развитие критического мышления и адаптация к изменениям. Несмотря на очевидный потенциал, в российской практике системный опыт внедрения реверсивного наставничества остаётся ограниченным. Тем не менее рассмотрим наиболее известные примеры компаний.

«Элементы реверсивного наставничества применяются в «Северстали» уже

давно», — отмечает Александр Чигарьков, начальник управления по привлечению талантов. Однако практика ограничена преимущественно офисными функциями: молодые специалисты обучают коллег работе с социальными сетями и цифровыми инструментами. Как отмечает представитель компании, выпускники образовательных учреждений на начальном этапе работы не имеют достаточного уровня подготовки в вопросах промышленной безопасности и особенностей производственных процессов. Позиция Александра Чигарькова говорит о том, что применение данной модели зависит не только от корпоративной культуры, но и от сферы деятельности компании [1].

Другой пример внедрения представлен в одной из самых крупных российских компаний — «Сбербанк». Кейс интересен тем, что реверсивное наставничество использовалось для решения задачи цифровой трансформации, что соответствует мировой практике. При этом, как и в случае с «Северсталью», информация ограничена общими сведениями о наличии программы без конкретных данных о её результативности.

Представленные интеграции реверсивного наставничества показывают, что системная практика внедрения в российских компаниях практически отсутствует. Встречаются лишь точечные эксперименты, нацеленные на решение узких задач обучения старшего поколения, преимущественно в области цифровых инструментов, хотя потенциальная сфера применения данного метода значительно шире. Примечательно, что освоение реверсивного наставничества начинает внедряться в сферу образования, где иерархия традиционно сильнее, а средний возраст сотрудников выше, чем в бизнесе. Показательным примером выступает обучающий семинар в Тюменской области, в рамках которого педагоги дополнительного образования освоили теоретические основы реверсивного наставничества, а молодые специалисты делились своими знаниями и навыками с более опытными коллегами [4]. Проведение реверсивного занятия для педагогов показало, что многолетний опыт работы и профессиональный педагогический стаж могут приводить к трудностям в адаптации к изменяющимся образовательным условиям. У более опытных сотрудников открывается возможность взглянуть за пределы сформированных взглядов и имеющегося опыта, понять, что мир и люди в нём меняются. В результате проведенного обучающего семинара межпоколенческое взаимодействие увеличилось, а молодые сотрудники смогли более плавно интегрироваться в рабочие отношения [5]. Таким образом, в сфере

образования к вопросу изучения модели реверсивного наставничества начинают подходить более комплексно, проводятся мероприятия, которые направлены на формирование методологической базы и раннюю адаптацию сотрудников. Бизнес же, напротив, подходит к внедрению фрагментарно, не инвестируя ресурсы в предварительную подготовку и методическое сопровождение, что снижает потенциальный эффект от реализации программы. В этой связи возникает вопрос: почему корпоративный сектор, который отличается инновационностью и гибкостью, не спешит масштабировать и внедрять реверсивное наставничество в корпоративное обучение? Ответ кроется не в неэффективности метода, а в нежелании бизнеса инвестировать в то, что воспринимается как статья труднореализуемых и неокупаемых затрат. На основе данных предпосылок выделяются несколько основных групп барьеров, которые возникают при переносе реверсивного наставничества в корпоративную среду.

1. Мотивационный барьер: отсутствие стимулов для молодых сотрудников.

Исследователи, анализирующие опыт внедрения реверсивного наставничества в образовательных учреждениях, фиксируют важный барьер: нежелание молодых специалистов участвовать в программе на безвозмездной основе [3]. Но в образовательных учреждениях наставническая деятельность нередко встроена в систему профессиональных стандартов и учитывается при распределении нагрузки, что придаёт ей статус официальной обязанности [8]. В бизнес-среде подобная логика отсутствует, так как ключевые показатели эффективности молодых специалистов редко включают в себя задачи по обучению коллег и участие в программах реверсивного наставничества воспринимается как дополнительная нагрузка, не влияющая на материальное вознаграждение. Решением может стать внедрение систем нематериальной мотивации, например, применение игровых механик (геймификации) для отслеживания результатов по итогам проведения наставнической деятельности; это позволит молодым специалистам повысить экспертный статус среди коллег и добиться публичного признания.

2. Компетентностный барьер: недостаток педагогических навыков у молодых сотрудников.

Владение профессиональными знаниями само по себе не гарантирует способность эффективно передавать их другим. Эффективность наставнической

деятельности определяется наличием у наставника специальных компетенций — коммуникативных, методических и управленческих [10]. Для молодых сотрудников, не имеющих педагогического опыта, этот дефицит оказывается ещё более выраженным. Без предварительного обучения взаимодействие может приводить к ролевым конфликтам и дискредитировать саму идею метода. Целесообразным решением может стать поэтапное вовлечение молодых специалистов в наставническую деятельность через использование формата микрообучения — это серия коротких видеоуроков и чек-листов, которые охватывают ключевые наставнические сценарии: от коммуникативных техник до разработки методики адаптации обучающего материала под уровень и запросы наставляемого.

3. Ресурсный барьер: недооценка затрат на подготовку и сопровождение.

Реверсивное наставничество зачастую ошибочно воспринимается как низко затратный инструмент. На практике его реализация требует значительных вложений: разработка учебных материалов, подготовка наставников, временное освобождение сотрудников от основных задач. Даже в образовательной сфере, где подобные программы получают институциональную поддержку, исследователи фиксируют дефицит как финансовых, так и кадровых ресурсов [6]. В коммерческом секторе, особенно в сегменте малого и среднего бизнеса, компании часто не готовы к таким инвестициям при отсутствии гарантированного быстрого эффекта. Экономия на подготовительном этапе, как правило, оборачивается формальным существованием программы и отсутствием значимых результатов.

Таким образом, проведённый анализ барьеров системного внедрения реверсивного наставничества в российском бизнесе позволяет выделить их в три ключевые группы — мотивационная, компетентностная и ресурсная. Преодоление каждого из барьеров требует отдельных подходов к организационно-материальным мероприятиям. Компаниям следует провести анализ по отбору потенциальных кандидатов на реверсивную наставническую деятельность из уже имеющихся сотрудников в штате.

Важным аспектом при анализе будет являться учёт глубинных поколенческих установок, так как восприятие реверсивного наставничества как модели обучения, будет отличаться в зависимости от возрастной группы. Для представителей поколения Z, ориентированного на признание и горизонтальные связи, участие в реверсивном

наставничестве станет значимым драйвером вовлеченности, подтверждая их экспертную значимость. В то же время для миллениалов подобная практика может провоцировать ролевой конфликт, так как позиции наставника и ученика представлены в непривычной форме. Для представителей поколения X практика воспринимается наиболее сложно. Для них подобная интеграция может вызывать ощущение угрозы устоявшемуся статусу, порождая скрытое сопротивление и снижая мотивацию к участию [7]. Решением может стать проведение предварительной работы по снятию психологических барьеров через разъяснение ценностей обмена знаниями и акцентирование на добровольном участии. Без психологической составляющей программа, обеспеченная материальными ресурсами, может остаться формальной инициативой.

Литература:

1. Алтынцева А. Реверсивное наставничество: как младшие специалисты учат старших [Электронный ресурс] // Skillbox Media. — 2022. — 11 ноября. — URL: https://skillbox.ru/media/corptrain/reversivnoe-nastavnichestvo-kak-mladshie-spetsialisty-uchat-starshikh/ (дата обращения: 25.05.2026).

2. Бездудная А. Г., Растова Ю. И., Львин Ю. М. Обратное наставничество как корпоративная социальная инновация: проблемы и возможности [Электронный ресурс] // — С. 101-105. —Методология и инструментарий управления. — 2023. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obratnoe-nastavnichestvo-kak-korporativnaya-sotsialnaya-innovatsiya-problemy-i-vozmozhnosti/viewer (дата обращения: 25.05.2026).

3. Веснинов Я. И. Взаимодействие педагога и выпускника технического колледжа, способствующее приобретению когнитивных знаний [Электронный ресурс] // Репозиторий открытых данных Герценовского университета. — 2024. — URL: https://rep.herzen.spb.ru/publication/18593 (дата обращения: 25.05.2026).

4. В Тюмени прошёл семинар по реверсивному наставничеству [Электронный ресурс] // Национальные проекты РФ. — URL: https://национальныепроекты.рф/news/v-tyumeni-proshel-seminar-po-reversivnomu-nastavnichestvu/ (дата обращения: 25.05.2026).

5. Дорохова Т. С., Галагузова Ю. Н., Матвеева А. И., Кругликова Г. А. Опыт исследования феномена реверсивного наставничества в системе общего образования [Электронный ресурс] // Перспективы науки и образования. — 2023. — № 1 (61). —

URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-issledovaniya-fenomena-reversivnogo-nastavnichestva-v-sisteme-obschego-obrazovaniya (дата обращения: 25.05.2026).

6. Ланина С. Ю., Ланина Л. В. Наставничество в высшем образовании: вызовы и перспективы [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. — 2023. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nastavnichestvo-v-vysshem-obrazovanii-vyzovy-i-perspektivy/viewer (дата обращения: 25.05.2026).

7. Нидергаус Е. О., Кеммет Е. В. Влияние межпоколенческих различий на вовлеченность персонала в деятельность организации [Электронный ресурс] // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. — 2025. — Т. 18, № 5. — С. 200-210. — DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.11. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-mezhpokolencheskih-razlichiy-na-vovlechennost-personala-v-deyatelnost-organizatsii/viewer (дата обращения: 25.05.2026).

8. Стандарт наставничества [Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации Радищевского района. — URL: https://www.admrad.ru/wp-content/uploads/2019/11/Стандарт-Педагог-наставник.pdf (дата обращения: 25.05.2026).

9. Шаповалова О. Поколение Z против завода: куда исчезают рабочие руки и зачем этому поколению нужна другая реальность [Электронный ресурс] // HR-eLearning.ru. — 2025. — 17 октября. — URL: https://hr-elearning.ru/pokolenie-z-protiv-zavoda-kuda-ischezayut-rabochie-ruki/ (дата обращения: 25.05.2026).

10. Щипанова Д. Е., Шевченко В. Я., Самсонова О. Н. Разработка компетентностной модели наставника в контексте активизации профессионального самоопределения обучающихся системы дополнительного образования // ИНСАЙТ. — 2023. — № 1 (13). — С. 56-71. — DOI: 10.17853/2686-8970-2023-1-56-72. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-kompetentnostnoy-modeli-nastavnika-v-kontekste-aktivizatsii-professionalnogo-samoopredeleniya-obuchayuschihsya-sistemy/viewer (дата обращения: 25.05.2026).

Белюсева Анастасия Денисовна
Belyuseva Anastasia Denisovna
бакалавр
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»
e-mail: belusevan@gmail.com

научный руководитель
Илюхина Лариса Алексеевна
Ilyukhina Larisa Alekseevna
кандидат экономических наук,
доцент института маркетинга, логистики и сервиса
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»
e-mail: laresa@inbox.ru

ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ ПОКОЛЕНИЯ Z

EFFECTIVE MANAGEMENT METHODS FOR GENERATION Z

Аннотация. Научная статья посвящена выявлению эффективных методов управления и мотивации поколения Z, вступающих в активную трудовую деятельность. Актуальность данной темы обусловлена наличием разрыва между поколениями: взгляды, приоритеты и потребности поколения Z значительно отличаются от предыдущих поколений. Это порождает новые вызовы работодателям в выстраивании рабочего процесса. В статье на основе анализа психологического профиля «зумеров» выделены конкретные методы управленческого взаимодействия: многозадачность с чёткими дедлайнами, индивидуально-персонализируемый подход, рациональная коммуникация, партисипативное лидерство, автономия принятия решений и обеспечение свободы самовыражения. Обосновано, что адаптация работодателей к ценностям и ожиданиям поколения Z позволяет привлекать и удерживать молодых специалистов, формировать межпоколенческие команды и повышать операционную эффективность организации.

Abstract. The scientific article is devoted to identifying effective management and motivation methods for Generation Z, who are entering active employment. The relevance of this topic is due to the existence of a generation gap: the views, priorities, and needs of Generation Z differ significantly from those of previous generations. This creates new challenges for employers in organizing work processes. Based on an analysis of the psychological profile of «Zoomers», the article identifies specific methods of managerial interaction: multitasking with clear deadlines, an individually personalized approach, rational communication, participative leadership, decision-making autonomy, and ensuring freedom of self-expression. It is substantiated that employers' adaptation to the values and expectations of Generation Z makes it possible to attract and retain young specialists, form intergenerational teams, and improve the operational efficiency of the organization.

Ключевые слова. Поколение Z, зумеры, работодатели, руководители, управление персоналом, эффективность.

Keywords. Generation Z, Zoomers, employers, managers, personnel management, efficiency.

Поколение Z или «зумеры» - это первое «по-настоящему цифровое» поколение те, кто родился с 2000 года по настоящее время, чьи ценностные ориентиры и модели поведения сложились под влиянием интернет среды, экономической нестабильности и пандемии. Именно они начинают занимать рабочие места, задавая свои новые правила и тренды, этому перед работодателями встаёт вопрос: какие методы управления персонала для поколения Z нужно применить, чтобы увеличить эффективность работы [1].

Психологический профиль «зумеров» характеризуется внутренними противоречиями. С одной стороны, его представители отличаются зависимостью от цифровых технологий, социальных сетей и непрерывного информационного потока. Кроме того, им присущи ярко выраженная свобода от внешних ограничений (индивидуализм), скептическое отношение к традициям и устоям, высокая скорость обработки и восприятия информации, а также нежелание подчиняться формальным правилам [2].

Работодателям необходимо учитывать, что представители поколения Z характеризуются выраженными амбициями и ориентацией на личные достижения. Для них значима публичная оценка за вклад и признание со стороны руководителя и коллектива.

Требования, предъявляемые «зумерами» к работодателю: возможность профессионального развития, психологическая безопасность на рабочем месте, соблюдение баланса между трудовой деятельностью и личной жизнью, возможность проявлять себя в творческой, технологической цифровой среде, стремление к достижению более высокого уровня жизни и дохода, то есть постоянного роста, а также значимы возможности наращивания своих компетенций [3].

Особенно важным для поколения Z становится нематериальная мотивация. Как показывают исследования, материальные стимулы уступают по значимости возможности самореализации, гибкому графику и осмысленности работы. Зумеры готовы посвящать время изучению рабочих процессов, если видят, что их энтузиазм ценят. При этом они предпочитают прозрачную систему вознаграждения: например, схему, при которой доход напрямую зависит от результатов. Переменная часть (бонусы, проценты) привлекает из больше, чем фиксированный оклад. Однако ключевым остаётся психологический комфорт: эмоциональная поддержка со стороны

руководства, позитивная обратная связь, избегание излишней строгости, которая может вызвать стресс. Также зумеры ценят современное рабочее пространство с зонами отдыха и качественным оборудованием – это повышает их лояльность к компании и работодателю [8].

Для более полного понимания места поколения Z в современном коллективе стоит кратко охарактеризовать и другие возрастные группы, с которыми им предстоит взаимодействовать. Согласно теории поколений Уильяма Штрауса и Нила Хау, сейчас на рынке труда одновременно присутствуют представители поколений X, Y и Z. Поколение X (1963-1980 гг.) – это опытные профессионалы, ценящие стабильность, обладающие высокой образованностью, но часто испытывающие трудности с адаптацией к новым технологиям. Поколение Y (1981-1999 гг., так называемые миллениалы) – это сотрудники, которые ценят командную работу, социальную ответственность и стабильный баланс между карьерой и личной жизнью. Они, в отличие от зумеров, больше ориентированы на долгосрочные отношения с работодателем, но при этом ожидают гибкости, обратной связи и возможностей для обучения. Миллениалы не сколько «диктуют условия», сколько стремятся к партнёрству и диалогу с руководством. А поколение Z, которым посвящена статья, выросло в эпоху полной цифровизации и имеет свои уникальные запросы [9]. Понимание этих различий помогает руководителю выстраивать синергию команде.

Существует точка зрения, согласно которой представители нового поколения должны адаптироваться под сложившиеся в организации нормам, а не наоборот. Однако кадровый дефицит, наблюдающий на современном рынке труда, объективно вынуждает работодателей пересмотреть свои «устаревшие» позиции и начать адаптироваться под новые, которые выдвигают им «зумеры». Изучение особенностей поколения Z, позволяет руководителям находить решение ключевых задач, таких как: привлечение лучших молодых специалистов, удержание ценных сотрудников, формировать сплочённые межпоколенческие команды, повышать операционную эффективность и выстроить устойчивый HR-бренд, для привлечения молодых специалистов [4].

На основании проведённого выше анализа особенностей поколения Z, выделю методы управленческого взаимодействия:

1.Многозадачность.Представители поколения Z работают в режиме многозадачности, демонстрируя предпочтение к потреблению и когнитивной

переработке информации в виде коротких, ёмких фрагментов. Формулировка задач должна быть простой и лаконично интерпретирована с временными рамками (дедлайнами), а монотонные, однотипные задачи, наоборот препятствуют профессиональной реализации молодых сотрудников и ведут к снижению вовлеченности.

2. Индивидуально-персонализируемый подход. Публичное сравнение с более успешными коллегами, использованное в качестве примера для мотивации других сотрудников, не демонстрирует должной эффективности. «Зумеры» не воспринимают внешние достижения как внутренний стимул, им необходим учёт уникальных личных целей, ценностных ориентаций и мотивационных профилей каждого отдельного работника.

3. Рациональная коммуникация. Коммуникативное взаимодействие должно строиться на принципах ясности («ясно и по делу»)

4. Партисипативное лидерство. Оптимальной моделью руководства над поколением Z, является «общение на равных». Агрессивный, директивный или авторитарный стиль управления способен оказать демотивирующее воздействие, вызывая психологическое напряжение и страх, что свидетельствует препятствию полноценного раскрытия профессионального потенциала.

5. Автономия принятия решений. «Зумеры» склонны полагаться на чужие выводы и опыт. Им необходимо предоставлять временный ресурс для самостоятельного обдумывания и принятия решений.

6. Обеспечение свободы самовыражения. Представляет допустить нестандартное принятие решений, поощрение инициативности и поддержку мнений [1].

Стоит также учесть цифровые аспекты взаимодействия. Поколение Z, предпочитает мгновенную коммуникацию через мессенджеры и социальные сети. Для них важно, чтобы компания имела привлекательный онлайн-образ, активно использовала современные платформы для обучения (короткие видео, интерактивные курсы) и обратной связи. Социальные сети играют ключевую роль в формировании бренда работодателя. Зумеры быстро распознают неискренность – они хотят видеть, как компания на деле отстаивает свои ценности, а не просто говорит о них. При этом внедрение цифровых инструментов должно сопровождаться обеспечением кибербезопасности и сохранением баланса между виртуальным и реальным общением

[7].

Кроме того, полезно применять матрицу коммуникаций для разных поколений. Например, поколение X предпочитает электронную почту и текстовые документы, миллениалы – социальные сети и короткие визуальные сообщения, а поколение Z – интерактивную среду, стримы, чат-боты и геймифицированные форматы (квизы, игры). Мотивация в коммуникации у зумеров – делиться знаниями и получать эмоции, а не просто признание. Учёт этих нюансов помогает избежать недопонимания при постановке задач.

Передовые компании уже адаптируют свои HR- стратегии под новые реалии. Например, Google строит управление на принципах свободы (система «20% времени на свои проекты»), открытости и психологической защищённости. Т-банк активно привлекает школьников и студентов через образовательные программы, кейс-чемпионаты и хакатоны, создавая кадровый резерв из поколения Z. Яндекс декларирует равенство возможностей независимо от возраста и развивает бесплатные IT-курсы для молодёжи. Эти примеры показывают, что инвестиции в понимание зумеров окупаются ростом вовлечённости и снижением текучести [9].

Отдельно стоит выделить геймификацию – внедрение игровых элементов в рабочие процессы. Зумеры выросли на компьютерных играх, и им близки такие механики, как рейтинги, достижения, уровни, внутренняя валюта, визуальные прогресс-бары. Геймификация решает сразу несколько задач: делает рутину интереснее, даёт мгновенную обратную связь и удовлетворяет потребность в публичном признании. Исследования подтверждают, что правильно спроектированная геймификация повышает вовлеченность зумеров на 30-40% [7, 8].

Таким образом, работодателю в управленческой практике стоит учитывать специфику трудового поведения представителей поколения Z, а также выстраивать адресные методы взаимодействия с ними. Чем раньше работодатель адаптируется к новым методам и ценностям нового поколения, тем успешнее будет работать предприятие (организация) с решением стратегических задач.

Литература

1. Дапкюнас Г.А. Проблема взаимодействия с сотрудниками поколения Z // 76-я Научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного

университета. — г. Минск: Белорусский государственный университет, 2019. — С. 96-99.

2. Ключевская И.С., Шилина Т.С. Особенности управления сотрудниками поколения Z // Актуальные проблемы современной россии: психология, педагогика, экономика, управление и право. — Москва: Московский психолого-социальный университет, 2023. — С. 693-700.

3. Анурьев Д.В. Влияние особенностей поколения Z на управление организацией// Сборник статей Международной научно-практической конференции. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. — С. 170-172.

4. Маслова Е.Л. Как управлять поколением Z // БАЗИС. — 2025. — №. 2 (18). — С. 16-20.

5. Работа с поколением Z: как их понимать и мотивировать // saby.ru. URL: https://saby.ru/articles/staff/pokoleniye_z_na_rabote (дата обращения: 24.05.2026).

6. Как управлять поколением Z? 12 советов, как найти общий язык с индивидуалистами, живущими в соцсетях? // hr.superjob.ru. URL: https://hr.superjob.ru/vnutrennie-kommunikacii/kak-upravlyat-pokoleniem-z-12-sovetov-kak-najti-obschij-yazyk-s-individualistami-zhivuschimi-v-socsetyah-1244/ (дата обращения: 24.05.2026).

7. Особенности управления персоналом для поколения Z// na-journal.ru. URL: https://na-journal.ru/1-2024-ekonomika-menedzhment/8113-osobennosti-upravleniya-personalom-dlya-pokoleniya-z (дата обращения: 24.05.2026).

8. Журавлев Б.А. Методы управления и особенности нематериальной мотивации поколения Z // материалы IX Международной научной конференции молодых учёных и студентов. — Донецк: Донецкий государственный университет, 2025. — С. 128-130.

9. Воронюк А.А., Подгорная В.Д., Шевчик Е.В., Ужахова Л.М. Работа с поколениями: Как управлять многообразием возрастных групп в команде // Бренд-менеджмент пространств: вызовы, технологии, устойчивое развитие. Сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции. — Тюмень: ТюмГУ-Press, 2025. — С. 386-397.

Филонова Вероника Алексеевна
Filonova Veronika Alekseevna
студент юридического факультета
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: veronikafilonova06@mail.ru

научный руководитель
Семёнова Светлана Юрьевна
Semyonova Svetlana Yurievna
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

УЧАСТИЕ СУДЕЙ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРЕ СУДЕЙ Г. СТАЛИНГРАДА)

JUDGES' PARTICIPATION IN THE GREAT PATRIOTIC WAR (CASE STUDY OF JUDGES IN STALINGRAD)

Аннотация. Статья посвящена анализу деятельности судебной системы Сталинграда в годы Великой Отечественной Войны. Актуальность исследования обусловлена необходимостью сохранения исторической памяти о вкладе работников правосудия в достижение победы, а также малой изученностью данной темы в юридической науке. Основная цель работы заключается в выявлении особенностей функционирования судебных органов в экстремальных условиях военного времени на примере Сталинградской области. В статье рассматривается автобиографическая повесть А. М. Петрова «Наперекор судьбе», архивные данные о деятельности Сталинградского областного суда и анализ нормативной базы (Указов Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. и др.), раскрываются личные судьбы судей – фронтовиков, проблемы эвакуации, утраты архивов, кадрового дефицита изменения подсудности, а также значение судей в период Великой Отечественной Войны. Методологическую основу исследования составляют историко – правовой и биографический методы. В заключении формулируются выводы о значении судебной системы для поддержания правопорядка в тылу и на фронте, а также о преемственности поколений судейского сообщества.

Abstract. This article analyzes the activities of the Stalingrad judicial system during the Great Patriotic War. The relevance of this study stems from the need to preserve the historical memory of the contribution of justice officials to achieving victory, as well as the paucity of research on this topic in legal scholarship. The primary objective of this work is to identify the specific features of judicial functioning under the extreme conditions of wartime, using the Stalingrad region as an example. This article examines A. M. Petrov's autobiographical novella "Despite Fate," archival data on the activities of the Stalingrad Regional Court, and an analysis of the regulatory framework (Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of

June 22, 1941, etc.). It explores the personal fates of veteran judges, the challenges of evacuation, the loss of archives, personnel shortages, and changes in jurisdiction, as well as the role of judges during the Great Patriotic War. The research methodological framework is based on historical, legal, and biographical methods. The conclusions address the importance of the judicial system in maintaining law and order in the rear and at the front, as well as the continuity of the judicial community between generations.

Ключевые слова: Сталинград, судьи – фронтовики, военные трибуналы, правосудие в годы войны, Великая Отечественная Война, судебная система.

Keywords: Stalingrad, veteran judges, military tribunals, justice during the war, Great Patriotic War, judicial system.

Великая Отечественная Война обрушилась на Советский Союз, став суровой проверкой на прочность для всего государства. Поразительно, что даже в условиях тотальной мобилизации, голода и страха, правосудие не замерло, а народные, областные, краевые, верховные суды республик и Верховный Суд СССР продолжили свою работу. Однако военная обстановка потребовала оперативной адаптации механизмов правосудия к условиям фронта и прифронтовой полосы.

В Сталинграде, ставшем эпицентром глобального сражения, эти процессы проявились наиболее ярко. Город, переживший оккупацию, бомбардировки и уличные бои, стал местом, где судьи действовали на пределе человеческих возможностей, совмещая правовую работу с функциями поддержания порядка и даже участия в боевых действиях.

С началом войны была кардинально перестроена работа судебных органов и военное законодательство [1, с. 29-33]. Базовым документом стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. № 8/160 «О военном положении» [2]. Этот акт определял режим в местностях, объявленных на военном положении, передавая функции органов государственной власти в сфере обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности военным советам фронтов, армий и военных округов.

В развитие этого указа был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. № 9/160 «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» [3]. Согласно этому положению, подсудность дел военным трибуналам осуществлялась по персональному признаку (охватывая не только военнослужащих, но и гражданских лиц, обвиняемых в особо опасных преступлениях против обороны и государственной

безопасности). Процессуальные сроки были максимально сокращены: трибуналам предоставлялось право рассматривать дела по истечении 24 часов после вручения обвинительного заключения. Самым существенным ограничением правосудия стала норма о том, что приговоры военного трибунала кассационному обжалованию не подлежали; они могли быть изменены или отменены лишь в порядке надзора. Право приостанавливать исполнение приговора о высшей мере наказания (расстреле) было предоставлено Военным Советам округов, фронтов и армий.

Для тыловых районов и промышленности особое значение имел Указ Президиума Верховного Суда СССР от 26 декабря 1941 г. № 7/160 «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» [4], который приравнивал самовольный уход к дезертирству, что существенно увеличило нагрузку на народные суды.

В местностях, объявленных на военном положении, продолжали функционировать и территориальные суды, хотя объём их деятельности в связи с расширением компетенции органов военной юстиции сократился. Однако в городах и районах, объявленных на осадном положении (каким стал Сталинград в период уличных боев), территориальные судебно-прокурорские органы фактически преобразовывались в военные или работали в режиме военного времени.

Сталинградская область оказалась в зоне активных боевых действий уже в 1942 году. По мере приближения фронта встал вопрос о сохранении судебных органов. Согласно историческим справкам [5], эвакуация областного суда в село Старая Полтавка началась в конце августа 1942 года. Этот процесс проходил под непрерывными бомбежками. Из-за пожаров и обстрелов погибла значительная часть документов, которые не удалось вывезти. Всего в пожаре сгорело 23 тысячи дел за 1932–1942 годы. Здание областного суда оказалось в месте самых ожесточённых боёв и сильно пострадало. В связи с ухудшением обстановки постановлением облисполкома от 29 декабря 1942 года [6] областной суд был перемещён в город Камышин. Только после окончания Сталинградской битвы, в июле 1943 года, суд был реэвакуирован сначала в Бекетовку (ныне территория Кировского района), а затем в восстановленный город.

В военный период судьи играли ключевую роль в обеспечении правопорядка. В Сталинграде и области работали как народные суды, так и военные трибуналы, каждый

из которых имел свою компетенцию. Народные суды в Сталинградской области реагировали на изменения потребностей государства, работая на укрепление тыла. В начале 1942 года по штатному расписанию значилось 112 судебных участков, из них действовало 107. За первые 6 месяцев 1942 года ими было рассмотрено 19 тысяч уголовных и 29 тысяч гражданских дел [7, с. 23-24]. Среди дел преобладали нарушения правил светомаскировки, воровство социалистической собственности, самовольный уход с предприятий (в соответствии с Указом от 26 декабря 1941 г.) [4] и уклонение от трудовых повинностей.

Большая часть опытных судей ушла на фронт. С освобождением районов от оккупации остро встала проблема подбора кадров. Выдающимся руководителем в этот период был председатель суда Корольков Николай Петрович. Можно лишь представить, сколько испытаний выпало на его долю: ответственность за коллектив и работу в условиях эвакуации, проводы коллег на фронт (многих - навсегда). Николай Петрович был награжден государственными наградами [8], среди которых: медаль «За оборону Сталинграда» и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Медалью «За оборону Сталинграда» также были награждены судьи областного суда Миронов Н. А., Калинин В. Д., а также будущий председатель областного суда (1949–1960 гг.) Мантуров И. В.

Военные трибуналы [9, с. 84-86] в Сталинграде работали в крайне сложных условиях: под бомбёжками, в разрушенных зданиях, с ограниченным доступом к нормативной базе [10, с. 43]. Ярким представителем этой категории является подполковник юстиции Коломийцев Николай Данилович, в 1942 году — член военного трибунала Сталинградского гарнизона. В своих воспоминаниях он отмечал, что в период битвы дел было достаточно много. Как правило, это были дела в отношении военнослужащих, бежавших с передовой, мародёров и грабителей, использовавших тяжёлую обстановку в городе. Порой судьям военных трибуналов приходилось действовать не только как судьям, но и самим ловить преступников и диверсантов.

Связующим звеном между поколением судей-фронтовиков и послевоенным восстановлением правосудия стала судьба Анатолия Михайловича Петрова, подробно рассматривающаяся в автобиографической повести «Наперекор судьбе» [11]. Боец разведки Советской армии, в 1943 году на Курской дуге он потерял кисти обеих рук. Как он сам писал в своей автобиографической повести «Наперекор судьбе» [11], тогда

ему казалось, что он потерял смысл жизни. Но он не сдался и совершил еще один подвиг — трудовой. Окончив Саратовский юридический институт имени Д. И. Курского, Анатолий Петров получил высшее юридическое образование. Сложнейшие хирургические операции, месяцы упорных тренировок — и вот Анатолий не просто пишет, а пишет каллиграфическим почерком. По окончании института, несмотря на действовавшую систему распределения, он попросил направить его на работу в разрушенный войной Сталинград, ему пошли навстречу, и он попал в Центральный районный суд. Затем Петров занял должность областного судьи и честно проработав там более 34 лет, был удостоен почетного звания «Заслуженный юрист РСФСР», получил орден Трудового Красного знамени и медаль «За доблестный труд».

В 1982 году Анатолий Михайлович Петров ушел в почетную отставку, но долгие годы после этого, практически до прекращения существования СССР, был народным заседателем Волгоградского областного суда и всегда оставался в курсе дел судейского сообщества.

Судьба Анатолия Михайловича Петрова, о которой он рассказал в повести «Наперекор судьбе», это пример того, как человек, прошедший войну и ставший инвалидом, не сломался. Он вернулся в разрушенный Сталинград и стал судьей. Его жизнь и жизнь его товарищей показывают, что даже в самые тяжелые времена для тех, кто служит закону, главное – это честь и долг.

Литература:

1. Законодательство военного времени: уроки прошлого и современные вызовы: сборник научных статей. – Москва: РГУП, 2022. – 366 с.

2. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 № 8/160 «О военном положении» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю.И. – Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1956. – С. 103-105.

3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 № 9/160 «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю.И. – Москва: Государственное издательство юридической

литературы, 1956. – С. 160-161.

4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.12.1941 № 7/160 «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю.И. – Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1956. – С. 180.

5. История суда // Центральный районный суд г. Волгограда. – URL: https://zent--vol.sudrf.ru/modules.php?name=info_court&id=2.

6. Перечень распоряжений СНК СССР за 1942 год // Перечни постановлений и распоряжений СНК СССР. 1941-1945 гг. – URL: https://statearchive.ru/snk/pr42.htm.

7. Бутов, С.В. По законам военного времени: историко-правовое исследование уголовной ответственности военнослужащих в период Великой Отечественной войны (часть вторая) / С.В. Бутов // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2025. – № 4. – С. 21-29.

8. 2023 год — год 80-летия Победы в Сталинградской битве // История Сталинграда. – URL: https://rfros.ru/blog/2023_ghod_ghod_80_lietiia_pobiedy_v_stalinghradskoi_bitvie?ysclid=mn3c2e05tu72931696.

9. Военные суды (трибуналы) России в условиях особых правовых режимов: сборник научных статей / под редакцией Н.А. Петухова. – Москва: РГУП, 2024. – 384 с.

10. 75-летие Великой Победы: память, уроки, противодействие фальсификациям: сборник статей участников Международной онлайн-конференции, посвященной празднованию 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под редакцией А.Б. Ананченко [и др.]. – Москва: МПГУ, 2023. – 482 с.

11. Петров, А.М. Наперекор судьбе / А.М. Петров. – 2-е изд. – Волгоград: Российское объединение судей, 2022. – 240 с.

Зиновьев Владимир Игоревич
Zinoviev Vladimir Igorevich
магистрант
кафедра международных отношений и геополитики транспорта
Институт международных транспортных коммуникаций
ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»
e-mail: vladimir.zinovev12@gmail.com

НАПРАВЛЕНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (2022-2025 ГГ.)

DIRECTIONS AND LIMITATIONS OF RUSSIA'S ACTIVITIES IN CENTRAL AMERICA AT THE PRESENT STAGE (2022-2025)

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ эволюции, направлений и ограничений политики Российской Федерации в Центральной Америке в период 2022–2025 гг., протекающей в условиях острой системной конфронтации с коллективным Западом. Цель исследования — выявить ключевые приоритеты, инструментарий и фундаментальные барьеры, определяющие российское присутствие в регионе, исторически считающемся зоной исключительного влияния США. Методологической основой работы служит сравнительный анализ кейсов ключевых стран (Никарагуа, Сальвадор, Гондурас, Панама), что позволяет доказать асимметричный и избирательно-прагматичный характер стратегии Москвы. Исследование аргументирует, что её основная цель заключается не в прямом пересмотре регионального баланса сил, а в создании «точек дипломатического соприкосновения», демонстрации многовекторной политики России, а также в повышении политических и репутационных издержек американской гегемонии. Автор приходит к выводу, что эффективность российских действий жёстко лимитирована сочетанием внешних факторов, таких как превалирующее экономическое и военно-политическое доминирование США в рассматриваемом регионе, и внутренних ограничений, в частности санкционных. Это предопределяет тактическую, ситуативную, а не подлинно стратегическую природу российского присутствия в Центральной Америке на современном этапе.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the evolution, directions and limitations of the Russian Federation's policy in Central America in the period 2022-2025, taking place in the context of an acute systemic confrontation with the collective West. The purpose of the study is to identify the key priorities, tools, and fundamental barriers that define Russia's presence in a region historically considered a zone of exclusive U.S. influence. The methodological basis of the work is a comparative analysis of the cases of key countries (Nicaragua, El Salvador, Honduras, Panama), which makes it possible to prove the asymmetric and selectively pragmatic nature of Moscow's strategy. The study argues that its main goal is not to directly revise the regional balance of power, but to create "points of diplomatic contact", demonstrate Russia's multi-vector policy, as well as increase the political and reputational costs of American hegemony. The author concludes that the effectiveness of Russian actions is severely limited by a combination of external factors, such as the prevailing economic and military-political dominance of the United States in the region under consideration, and internal restrictions, in particular sanctions. This determines the tactical, situational, and not the truly strategic nature of the Russian presence in Central America at the

present stage.
Ключевые слова: внешняя политика России, Центральная Америка, асимметричная стратегия, ограничивающие факторы, российско-американские отношения, геополитическая конкуренция.

Keywords: Russian foreign policy, Central America, asymmetric strategy, limiting factors, Russian-American relations, geopolitical competition.

Актуальность исследования обусловлена углубляющейся мировой трансформацией, в ходе которой регион Центральной Америки становится ареной растущей многополярности и поиска стратегически важных партнеров его странами. На этом фоне активность Российской Федерации, стремящейся преодолеть дипломатическую изоляцию и продемонстрировать статус одного из ведущих акторов, приобретает особое значение для понимания новых векторов развития взаимоотношений в Западном полушарии.

Целью статьи является комплексный анализ ключевых направлений и сдерживающих факторов российской политики в Центральной Америке в обозначенный период. В работе ставится задача не просто описать действия Москвы, а выявить их логику, эффективность и пределы в условиях доминирующего влияния США.

Методологической основой служат сравнительно-политический анализ, системный подход и метод case-study.

Исследование структурировано в соответствии с поставленной целью. Сначала проводится анализ геополитического ландшафта региона с выделением групп стран по степени ориентации на США (от стратегических союзников до «трудных партнёров»). Далее разбираются приоритетные направления деятельности России: углубление взаимоотношений с Никарагуа, установление прагматичного диалога с проводящими суверенный курс Сальвадором и Гондурасом, а также реализация нишевых проектов в сферах кибербезопасности, продовольственной и энергетической безопасности. Отдельно рассматривается символическое и военно-политическое измерение присутствия РФ. В завершающей части систематизируются ключевые ограничения, с которыми сталкивается Москва: внешние (политико-экономическое доминирование США) и внутренние (влияние санкционных ограничений).

Научная новизна отражена в комплексном анализе политики России в Центральной Америке не как набора разрозненных шагов, а как целостной стратегии

«асимметричного ответа», адаптированной к жёстким структурным ограничениям. Автор приходит к выводу, что в условиях 2022-2025 гг. Россия не ставит нереалистичных целей по вытеснению США, а реализует тактику точечного прагматизма, направленную на создание «зон беспокойства» для Вашингтона, поддержку независимых нарративов и прорыв дипломатической изоляции через работу со странами, проявляющими недовольство односторонним давлением.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования её выводов для прогнозирования динамики отношений между Россией и странами Центральной Америки, а также для выработки более сбалансированных внешнеполитических подходов со стороны региональных государств.

Для понимания логики и возможностей российской политики в Центральной Америке в 2022-2025 гг. необходимо рассмотреть эволюцию геополитического ландшафта региона. Исторически сложившаяся парадигма, согласно которой Центральная Америка рассматривается как зона исключительного влияния США (во многом восходящая к доктрине Монро), в последние годы претерпевает заметную трансформацию. Этот процесс не означает радикального разворота стран региона от Вашингтона, но демонстрирует рост их стремления к проведению более самостоятельного внешнеполитического курса и диверсификации международных связей в рамках становящегося многополярного мира. Данная трансформация создала специфические «окна возможностей» для других глобальных акторов, включая Россию, чья стратегия является адаптивной и избирательной, напрямую зависящей от степени открытости каждой конкретной страны. Таким образом, центральноамериканский регион сегодня представляет собой не монолитную зону американского влияния, а дифференцированное пространство, где можно выделить как минимум три ключевые группы государств, различающиеся по своей внешнеполитической ориентации и, как следствие, по потенциалу для диалога с Москвой.

Первая и наиболее немногочисленная группа включает стратегических партнёров России, готовых к углублённому сотрудничеству в политической, экономической и даже военно-технической сферах. Ярчайшим примером здесь выступает Никарагуа, которая, наряду с Венесуэлой и Кубой, традиционно входит в узкий круг ключевых союзников Москвы в Латинской Америке [4]. Правительство Даниэля Ортеги последовательно занимает пророссийскую позицию на международной арене, выступая

против санкций и предоставляя дипломатическую поддержку. Этот союз носит идеологически окрашенный характер и основан на общем видении многополярного мира, что делает Никарагуа платформой для наиболее глубокого и всеобъемлющего присутствия России в регионе, включая символически значимые визиты, двусторонние соглашения и возможное сотрудничество в сфере безопасности. Вторая группа состоит из «трудных партнёров» США — стран, которые под руководством сильных лидеров проводят суверенный и прагматичный курс, открытый для взаимодействия с не-западными центрами силы. К этой категории в рассматриваемый период можно отнести Сальвадор и Гондурас. Сальвадор при президенте Найибе Букеле, сосредоточившемся на решении внутренних проблем безопасности, демонстрирует растущий интерес к сотрудничеству с Россией в таких специфических сферах, как кибербезопасность и информационные технологии, что отвечает его запросу на эффективные инструменты управления [9]. Гондурас при президенте Сиомаре Кастро (до смены власти в 2024 году) также проявлял готовность к диалогу, в частности по вопросам продовольственной и энергетической безопасности. Отношения с этими странами лишены идеологической подоплёки и строятся сугубо на взаимной выгоде, фокусируясь на конкретных нишевых проектах.

Третью и самую обширную группу образуют государства, сохраняющие теснейшие стратегические и экономические связи с Соединёнными Штатами, что жёстко ограничивает пространство для манёвра в отношениях с Россией. Наиболее показателен в этом контексте пример Панамы. Обладая уникальным статусом международного логистического и финансового хаба (благодаря Панамскому каналу и развитой офшорной системе), Панама представляет для России значительный практический интерес как «функциональный партнёр». Москва рассматривает Панаму в качестве инструмента для адаптации к санкционному режиму, потенциального транзитного узла и площадки для работы в специальных экономических зонах, таких как крупнейшая в Западном полушарии зона свободной торговли в Колоне [1]. Однако эта прагматичная повестка наталкивается на фундаментальное ограничение: Панама находится в глубокой зависимости от США, что детерминирует её внешнюю политику. Показательным событием стала массовая «дерегистрация» более 200 судов Панамским морским судоходным регистром в апреле 2025 года, связанных с российскими перевозчиками и попавших под западные санкции. Важно, что Москва

интерпретировала этот шаг не как враждебный акт, а как вынужденную уступку американскому давлению, предпочтя сохранить рабочие каналы взаимодействия, а не идти на эскалацию. Этот кейс наглядно иллюстрирует структурные пределы российского влияния: даже в условиях прагматичного диалога страны, экономически и политически интегрированные с США, вынуждены следовать в фарватере вашингтонской политики, сводя сотрудничество с Москвой к технически полезным, но политически ограниченным форматам.

Таким образом, геополитический ландшафт Центральной Америки на современном этапе представляет собой мозаику из стран с различной степенью свободы от американского влияния. Именно эта дифференциация определяет характер и глубину российской стратегии «асимметричного ответа». Россия не предпринимает попыток тотального вытеснения США из региона, что было бы нереалистично в силу сохраняющегося доминирования Вашингтона. Вместо этого она применяет точечный и прагматичный подход: укрепляет альянс с идеологически близкой Никарагуа, развивает нишевое сотрудничество по конкретным запросам с суверенно настроенными Сальвадором и Гондурасом и поддерживает ограниченные, но технически ценные связи с ключевыми узлами глобальной экономики, такими как Панама, даже в условиях жёсткого внешнего давления. Этот избирательный прагматизм и является сутью российской тактики в Центральной Америке, реализуемой в жёстких рамках, заданных региональным балансом сил.

Воплощение российской стратегии в Центральной Америке в период 2022–2025 гг. наглядно демонстрирует её ситуативный и асимметричный характер, непосредственно вытекающий из политической и экономической дифференциации стран региона. Отсутствие ресурсов для масштабной экономической экспансии или силового противостояния США заставляет Москву применять точечный подход, избирательно комбинируя инструменты влияния. В результате формируются три модели взаимодействия: стратегическое партнёрство с идеологически близким союзником (Никарагуа), нишевое сотрудничество с проводящими суверенный курс лидерами (Сальвадор и Гондурас) и осторожный функциональный диалог со страной, жёстко интегрированной в систему США (Панама) [10]. Эта тактика ориентирована на создание не устойчивых альянсов, а дипломатических «точек опоры», позволяющих России демонстрировать глобальную вовлечённость, прорывать изоляцию и повышать

политические издержки американской гегемонии.

Отношения с Никарагуа представляют собой наиболее полную и стратегическую модель взаимодействия России в регионе. Они уходят корнями в советскую эпоху, когда СССР был ключевым спонсором сандинистского правительства, и были восстановлены после возвращения к власти Даниэля Ортеги [6]. Этот союз носит комплексный характер. На политическом уровне Никарагуа последовательно поддерживает Россию на международной арене: в 2014 году она признала включение Крыма в состав РФ, а в 2022 году была одной из четырёх рассматриваемых стран, не поддержавших резолюцию ООН с осуждением вторжения в Украину [7]. Военно-техническое сотрудничество остаётся одним из важнейших направлений: в 2023 году Ортега разрешил временное развёртывание российских воинских контингентов для учений и «гуманитарных целей», что вызвало серьёзную озабоченность в Вашингтоне [3]. В феврале 2025 года Россия передала Никарагуа в качестве безвозмездной помощи 5 вертолётов Ми-17, 3 военно-транспортных самолёта Ан-26 и 18 зенитных артиллерийских установок ЗУ-23АЭ [8]. Этот жест символизирует стремление России закрепить своё присутствие. Завершением этой логики стало подписание в июне 2025 года соглашения о взаимной защите граждан от «несправедливого международного преследования» [5]. Таким образом, Никарагуа служит для Москвы и полигоном для отработки механизмов взаимодействия в обход санкций, и демонстрационной площадкой военно-политических возможностей.

Взаимодействие с Сальвадором и Гондурасом строится на иной, прагматической основе, отвечая на конкретные запросы их лидеров, проводящих политику в обход традиционных рекомендаций США. Сальвадор при президенте Найибе Букеле, сосредоточенном на борьбе с бандами, представляет для России особый интерес. Москва видит возможность для развития сотрудничества в сферах кибербезопасности и информационных технологий, что соответствует запросу Букеле на современные инструменты контроля и общественной безопасности. Хотя объём торговли невелик, стратегическая ценность диалога заключается в установлении связей с влиятельным региональным лидером, демонстрирующим независимый курс. Аналогичным образом складывалась ситуация в Гондурасе при президенте Сиомаре Кастро. В этот период был активизирован диалог по вопросам продовольственной и энергетической безопасности, потенциально включавший поставки российских удобрений и нефтепродуктов [2].

Однако именно отношения с Гондурасом наглядно иллюстрируют ситуативность и уязвимость такой модели: со сменой правительства в 2024 году активность заметно снизилась. В обоих случаях Россия выступает не как стратегический покровитель, а как ситуативный поставщик решений, заполняя узкие, но политически значимые ниши, образующиеся из-за напряжённых отношений этих стран с традиционными партнёрами.

Влияние президентских выборов в Гондурасе (2025 г.) на геополитический ландшафт Центральной Америки: ограничения и возможности для Российской Федерации. Выборы в Гондурасе, состоявшиеся в конце 2025 года, привлекли международное внимание не только из-за внутриполитической нестабильности, но и вследствие беспрецедентного вмешательства со стороны США. Победа правого кандидата Насри Асфуры, поддержанного избранным на тот момент президентом США Дональдом Трампом, была объявлена с перевесом менее чем в 1% голосов после месяца споров, обвинений в фальсификациях и раскола в избирательном совете. Этот случай служит яркой иллюстрацией современных механизмов сохранения влияния США в регионе и одновременно высвечивает уязвимости, которые могут быть использованы другими глобальными игроками, в частности Россией [9].

В контексте темы «Ограничения и возможности РФ в Центральной Америке» данный кейс можно проанализировать следующим образом. События в Гондурасе подтверждают, что Центральная Америка остается зоной привилегированных интересов США, которые готовы защищать их открыто и жестко, что формирует серьезные ограничения для России. Прямое давление как инструмент проявилось в заявлениях Дональда Трампа о том, что США будут сотрудничать только с правительством Асфуры, а его оппонентов он называл «коммунистами» и союзниками Мадуро — это не просто риторика, а четкий сигнал элитам страны. Такая позиция создает практически непреодолимый барьер для входа России, поскольку местные политики, опасаясь санкций или потери доступа к американским рынкам и помощи, будут ориентироваться на Вашингтон. Кроме того, мы наблюдаем криминализацию политического пространства: помилование Дональдом Трампом бывшего президента Гондураса Хуана Орландо Эрнандеса, осужденного в США за наркотрафик, демонстрирует циничный, но эффективный подход, показывая, что США могут не только наказывать, но и «прощать» лояльных игроков, фактически легитимизируя их возвращение в большую политику через поддерживаемого преемника. Для России

конкурировать с таким инструментарием «кнута и пряника» крайне сложно. Наконец, происходит сужение пространства для маневра: победа прозападного кандидата даже в условиях сомнительного подсчета голосов означает, что правительство Асфуры, скорее всего, будет проводить политику, синхронизированную с США, что автоматически ограничивает возможности для развития отношений с Россией, например, в военно-технической сфере или энергетике [9].

Однако, несмотря на, казалось бы, неблагоприятный исход выборов, сама ситуация создает для России ряд стратегических возможностей, основанных на углублении внутриполитического кризиса и росте антиамериканских настроений. Во-первых, открывается возможность для альтернативного канала коммуникации с оппозицией: отказ признать победу Асфуры со стороны его основного соперника Сальвадора Насраллы и, что еще важнее, главы Конгресса Луиса Редондо из левой правящей партии говорит о глубоком расколе в обществе и элитах. Россия может выстраивать диалог с этими политическими силами, которые сейчас находятся в оппозиции к новому провашингтонскому правительству и могут быть заинтересованы в диверсификации внешних связей. Во-вторых, появляется поле для информационной и экспертной поддержки: ситуация с подсчетом голосов, которую наблюдатели от ОАГ назвали сомнительной, дает повод для критики «двойных стандартов» Запада. Российские экспертные круги и СМИ могут акцентировать внимание на том, как США манипулируют демократическими процедурами в регионе, укрепляя образ России как страны, выступающей за невмешательство и уважение к национальному суверенитету, что повышает привлекательность российской модели «многополярного мира» для части местных элит. В-третьих, существует потенциал для сотрудничества с третьими силами: в статье подчеркивается, что оба основных кандидата имеют ближневосточные корни (палестинские и ливанские). Это открывает возможность для многосторонней дипломатии, поскольку Россия, имеющая давние связи на Ближнем Востоке (в том числе с Палестиной и Ливаном), могла бы использовать этот фактор для налаживания неформальных контактов или предложения экономических проектов, которые были бы интересны диаспорам, влияющим на политику в Гондурасе [9].

Таким образом, выборы в Гондурасе 2025 года стали стресс-тестом для политической системы страны и подтверждением способности США жестко отстаивать свои интересы в «заднем дворе». Для России это означает, что прямые

межправительственные контакты с новой администрацией Асфуры будут крайне затруднены, что является ограничением. Однако сама острота политического кризиса, непризнание итогов выборов значительной частью элит и явное вмешательство извне создают окно возможностей для мягкой силы РФ, работы с оппозицией и укрепления своего имиджа как альтернативного центра силы, что в долгосрочной перспективе может способствовать диверсификации внешней политики стран региона.

Подход к Панаме является образцом прагматизма, предельно ограниченного внешними факторами. Будучи ключевым стратегическим союзником США и узлом глобальной логистики (благодаря Панамскому каналу), Панама не рассматривается Москвой как объект для политического сближения. Фокус смещён на использование её уникального функционала для решения конкретных, преимущественно экономических задач в условиях санкций. Россию интересует Панама как транзитный хаб и финансовый центр, чьи инструменты (судоходный регистр, свободные экономические зоны) теоретически могут быть использованы для оптимизации логистики и финансовых операций. Однако даже эти ограниченные возможности находятся под постоянным давлением. Ярким примером стало решение Панамского морского регистра в 2025 году о массовом выводе судов, связанных с российскими операторами, что было прямым следствием санкционного давления США. Эта модель взаимодействия с Панамой демонстрирует структурный предел возможностей России: даже при наличии взаимного прагматичного интереса страны, глубоко интегрированные в американскую экономическую и политическую систему, вынуждены в решающий момент действовать в соответствии с директивами Вашингтона, сводя сотрудничество с Москвой к минимальному, нестабильному и техническому уровню.

Несмотря на тактическую активность и определённые успехи в установлении диалога, эффективность и перспективы российской стратегии в Центральной Америке жёстко ограничены комплексом внешних и внутренних факторов. Эти структурные ограничения предопределяют тактический, ситуативный и преимущественно символический характер российского присутствия, не позволяя ему перерасти в подлинно стратегическое влияние, способное пересмотреть баланс сил в регионе, исторически считающемся зоной жизненных интересов США.

Внешние факторы: влияние США

Ключевым и непреодолимым барьером является всепроникающее экономическое, политическое и военное доминирование Соединённых Штатов в Центральной Америке. Для всех четырёх рассматриваемых стран США остаются главным торговым партнёром, источником инвестиций, ключевым союзником в сфере безопасности и основным направлением миграции. Эта зависимость делает любые попытки стран региона к диверсификации внешней политики крайне уязвимыми перед прямым давлением со стороны Вашингтона. Наглядный пример — ситуация с Панамой. В апреле 2025 года панамские власти, подчиняясь американскому санкционному режиму, исключили из своего судового реестра более 200 судов, связанных с российскими перевозчиками, о чем мы писали ранее. Москва, осознавая реальный баланс сил, предпочла интерпретировать этот шаг не как политическую враждебность, а как вынужденную уступку внешнему давлению и воздержалась от ответных мер, чтобы сохранить функциональные каналы взаимодействия. Этот кейс иллюстрирует фундаментальное ограничение: даже при наличии взаимного прагматического интереса (использование Панамы как логистического хаба) суверенитет стран региона в вопросах, затрагивающих интересы США, является условным. Более того, США последовательно усиливают вовлечённость в Западное полушарие, что ужесточает рамки для манёвра любых внешних игроков.

Внутренние ограничения: влияние санкций

Не менее значимы внутренние ограничения, связанные с санкционным давлением и смещением стратегических приоритетов России. Жёсткие финансовые и торговые ограничения, введённые после 2022 года, резко сократили возможности Москвы по финансированию крупных инфраструктурных или инвестиционных проектов в Центральной Америке. Санкции также осложнили логистику, платежи и доступ к международным финансовым системам, что делает любое экономическое взаимодействие технически сложным и рискованным для местных партнёров. Всё это сводит российский «пакет предложений» для региона к значительно более скромному набору инструментов по сравнению с американским или китайским. Ресурсы Москвы в регионе не безграничны и концентрируются на приоритетных направлениях: поддержке стратегических партнёров в рамках СНГ, развитии отношений с Азией и Ближним Востоком. Центральная Америка, несмотря на свою символическую важность, остаётся периферийным театром для российской внешней политики, что ограничивает

готовность идти на существенные затраты. Кроме того, российское присутствие сильно зависит от внутренней политической динамики в странах-партнёрах. Отношения с Гондурасом заметно потеряли активность после ухода с поста президента Сиомары Кастро, что доказывает неустойчивость связей, основанных на личных отношениях с конкретным лидером, а не на глубокой институциональной или общественной поддержке.

В результате, российская стратегия оказывается в ловушке структурных ограничений. Доминирование США выступает как внешний потолок, санкции и ресурсные ограничения — как внутренняя слабость. Это предопределяет ситуативный и демонстрационный характер большинства инициатив: дипломатическая поддержка Никарагуа, прагматический диалог с Сальвадором по кибербезопасности, использование возможностей Панамы для обхода санкций. Эти действия эффективны для создания «точек беспокойства» для Вашингтона и демонстрации глобальной вовлечённости России, но они неспособны изменить фундаментальную архитектуру региональных отношений. Таким образом, российское присутствие в Центральной Америке на современном этапе представляет собой тактику управляемого, ограниченного вовлечения, нацеленную не на вытеснение США, а на повышение политической цены американской гегемонии и поддержание статуса России как одного из центров силы в формирующемся многополярном мире.

Литература:

1. Russia Maintains Pragmatic Partnership With Panama // Jamestown. URL: https://jamestown.org/russia-maintains-pragmatic-partnership-with-panama/ (дата обращения: 10.02.2025).

2. Russia's strategy for Latin America: Strengthening ties in the light of the 16th BRICS Summit in Kazan (Russia) // Think Tank. European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2024)762473 (дата обращения: 11.02.2025).

3. Russian state TV calls on army to take up offer to set up forces in Nicaragua // Newshub.
URL: https://web.archive.org/web/20220624110926/https://www.newshub.co.nz/home/worl

d/2022/06/russian-state-tv-calls-on-army-to-take-up-offer-to-set-up-forces-in-nicaragua.html (дата обращения: 11.02.2025).

4. Sukhankin S. Russia Maintains Pragmatic Partnership With Panama // The Jamestown Foundation. 2026. URL: https://jamestown.substack.com/p/russia-maintains-pragmatic-partnership (дата обращения: 10.02.2026).

5. The Russia-Nicaragua agreement on mutual protection of citizens from unjust international prosecution has been ratified // President of Russia. URL: http://en.kremlin.ru/acts/news/79067 (дата обращения: 11.02.2025).

6. The Sandinistas // webhelper.brown.edu. URL: https://webhelper.brown.edu/cheit/Understanding_the_Iran_Contra_Affair/n-sandinistas.php (дата обращения: 10.02.2025).

7. Ukraine war: UN General Assembly condemns Russia annexation // BBC. URL: https://web.archive.org/web/20221013115459/https://www.bbc.com/news/world-63237669 (дата обращения: 11.02.2025).

8. ВВС Никарагуа получили 5 Ми-17, 3 Ан-26 и 18 ЗУ-23АЭ* // Новости ВПК. URL: https://vpk.name/news/974018_vvs_nikaragua_poluchili_5_mi-17_3_an-26_i_18_zu-23ae.html (дата обращения: 11.02.2025).

9. Понеслось: еще в одной стране президентом стал поддержанный Трампом кандидат // MKRU URL: https://www.mk.ru/politics/2025/12/25/poneslos-eshhe-v-odnoy-strane-prezidentom-stal-podderzhannyy-trampom-kandidat.html (дата обращения: 16.02.2025).

10. Россия – Сальвадор: общие цели объединяют бизнес-сообщества двух стран // Официальный сайт Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. URL: https://video.tpprf.ru/broadcast/news/549/ (дата обращения: 10.02.2026).

11. СМИ: Стратегия России в Никарагуа стала неожиданной для США // Парламентская газета. 2023. URL: https://www.pnp.ru/politics/smi-strategiya-rossii-v-nikaragua-stala-neozhidannoy-dlya-ssha.html (дата обращения: 10.02.2026).

Дорцев Арсений Дмитриевич
Dortsev Arsenii Dmitrievich
студент
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
e-mail: arseny.dortsev@gmail.com

ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН: ФОРМИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОЙ МОДЕЛИ ТЕОКРАТИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN: FORMATION OF A STABLE MODEL OF THEOCRATIC STATEHOOD

Аннотация. В статье рассматривается формирование государственно-правовых институтов Ирана после Исламской революции 1979 года. Раскрываются историко-политические предпосылки падения шахской монархии, роль шиитской религиозной традиции и значение революционной идеологии в формировании новой модели власти. Особое внимание уделяется Конституции Исламской Республики Иран, закрепившей принцип велаят-е факих, статус Верховного лидера, систему выборных органов и механизмы религиозно-конституционного контроля. Анализируется соотношение республиканских, теократических и силовых элементов в политико-правовой системе Ирана. Показано, что устойчивость исламской республики обеспечивается не только авторитетом религиозного лидера, но и взаимодействием Меджлиса, президента, судебной власти, Совета стражей Конституции, Совета экспертов и Корпуса стражей Исламской революции. Обосновывается, что революция 1979 года привела не к разрушению государственности, а к ее институциональной переконфигурации на основе синтеза исламской правовой традиции и республиканских процедур, что позволило сформировать устойчивую модель гибридного правопорядка.

Abstract. The article examines the formation of Iran's state and legal institutions after the Islamic Revolution of 1979. The study reveals the historical and political prerequisites for the fall of the Shah's monarchy, the role of the Shiite religious tradition and the significance of revolutionary ideology in the formation of a new model of power. Particular attention is paid to the Constitution of the Islamic Republic of Iran, which established the principle of velayat-e faqih, the status of the Supreme Leader, the system of elected bodies and mechanisms of religious and constitutional control. The article analyzes the correlation between republican, theocratic and security elements in Iran's political and legal system. It is shown that the stability of the Islamic Republic is ensured not only by the authority of the religious leader, but also by the interaction of the Majlis, the president, the judiciary, the Guardian Council, the Assembly of Experts and the Islamic Revolutionary Guard Corps. The article argues that the 1979 Revolution did not destroy Iranian statehood, but rather institutionally restructured it through a synthesis of Islamic legal tradition and republican procedures, thereby creating a sustainable model of hybrid legal order.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, Исламская революция, государственно-правовые институты, институциональная устойчивость, велаят-е факих, Конституция Ирана, Верховный лидер, КСИР.

Keywords: Islamic Republic of Iran, Islamic Revolution, state and legal institutions, institutional stability, velayat-e faqih, Constitution of Iran, Supreme Leader, IRGC.

Введение

Исламская революция 1979 г. стала переломным событием в истории иранской государственности, поскольку привела к демонтажу шахской монархии и формированию Исламской Республики Иран. Новая политико-правовая модель соединила республиканские институты, исламскую правовую традицию и принцип велаят-е факих, предполагающий руководство государством со стороны исламского правоведа [15]. Конституция Исламской Республики Иран закрепила исламский характер государства, статус Верховного лидера, систему выборных органов власти и механизмы религиозно-конституционного контроля [12].

Актуальность исследования обусловлена тем, что в политико-правовой литературе иранская модель нередко интерпретируется преимущественно через категорию персоналистской теократии. Между тем государственная система Ирана включает сложную совокупность институтов: Верховного лидера, президента, Меджлис, судебную власть, Совет стражей Конституции, Совет экспертов и силовые структуры. В российской научной литературе рассматриваются вопросы политического развития Исламской Республики Иран, однако институциональная природа иранской государственности требует дальнейшего анализа [4].

Цель исследования: рассмотреть трансформацию государственно-правовых институтов Ирана после революции 1979 г. и определить механизмы устойчивости теократической республики. Для достижения цели необходимо:

– охарактеризовать предпосылки революции;

– проанализировать конституционную модель Исламской Республики;

– раскрыть структуру основных органов власти;

– определить роль религиозных, контрольных и силовых институтов в воспроизводстве политического режима.

Методология

Методологическую основу исследования составили историко-правовой, институциональный, сравнительно-правовой и системный методы. Источниковую базу исследования составляют Конституция Исламской Республики Иран, материалы официальных интернет-ресурсов, а также научные работы по истории, политическому развитию и внешней политике Ирана. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1979 г. по 2026 г.

Результаты исследования

Трансформация государственно-правовых институтов Ирана после революции 1979 г. была связана не только с политическим кризисом шахского режима, но и с более глубокими историческими и религиозными предпосылками. Иранская государственность развивалась как одна из наиболее устойчивых цивилизационных традиций Ближнего Востока, для которой были характерны сильная центральная власть, развитая административная система и представление о государстве как о самостоятельном носителе политического порядка. Историческая преемственность персидской государственности сохраняла значение и в XX в., когда модернизация страны происходила в условиях авторитарного укрепления монархии и усиления зависимости от внешнеполитических факторов [8, с. 281].

Особое значение для политической идентичности Ирана имел шиитский фактор. Шиизм, закрепившийся в Иране как важнейшая основа религиозной и национальной самоидентификации, сформировал особую роль духовенства в общественной жизни. В отличие от суннитской традиции, где религиозная власть чаще была тесно связана с уже существующими политическими институтами, шиитская традиция сохраняла значительный потенциал оппозиционности к светской власти. Духовенство обладало самостоятельным авторитетом, социальной инфраструктурой и возможностью политической мобилизации, что стало одним из условий превращения религиозного протеста в революционное движение. В дореволюционный период шиитская идеология соединялась с социальными мотивами, антизападной риторикой и критикой неравенства, в результате чего религиозная повестка трансформировалась в форму политической мобилизации и средство легитимации альтернативной модели государственности [5].

Политическая система шахской монархии во второй половине XX в. сочетала модернизационные реформы с жёсткой централизацией власти. Приход Мохаммеда Резы Пехлеви к власти был связан с событиями Второй мировой войны и вводом союзных войск на территорию Ирана в 1941 г. в рамках англо-советской операции, направленной на обеспечение безопасности нефтяных месторождений и функционирования «персидского коридора» поставок по ленд-лизу в СССР. После отречения Резы-шаха Пехлеви новый монарх получил поддержку со стороны государств антигитлеровской коалиции, что способствовало сохранению устойчивости

иранской государственности в условиях глобального военного конфликта. Вместе с тем в последующие десятилетия политический курс шахского режима всё более ориентировался на тесное сотрудничество с западными государствами, прежде всего с США. Особенно заметное усиление шахской власти произошло после политического кризиса 1953 г. и смещения правительства Мохаммеда Моссадыка при участии западных государств, что способствовало дальнейшей централизации политической системы, расширению полномочий монархии и укреплению проамериканского внешнеполитического курса Ирана. При Мохаммеде Резе Пехлеви государство активно развивало нефтяную промышленность, проводило реформы в экономике и ориентировалось на сотрудничество с западными странами. Однако модернизация не сопровождалась расширением политического участия, а укрепление монархической власти опиралось на ограничение оппозиции, деятельность спецслужбы САВАК и подавление независимых политических сил. В результате социально-экономические изменения усиливали ожидания общества, но политическая система не создавала легальных механизмов выражения недовольства [6, с. 382]. Одновременно существенно сократились перспективы развития парламентско-демократических институтов, а в общественно-политической сфере постепенно нарастали предпосылки для радикализации протестных настроений. События Исламской революции в Иране во многом стали исторически отсроченной реакцией на разрушение национально ориентированной модели политического развития середины XX века.

Кризис шахского режима был обусловлен соединением нескольких факторов: авторитарного характера монархии, неравномерности модернизации, недовольства религиозных кругов секуляризацией, роста социальной напряженности и восприятия шахской власти как зависимой от внешней поддержки. Существенную роль сыграли политические движения, выступавшие против монархии, включая «Движение за свободу Ирана», которое участвовало в формировании широкой антишахской коалиции и отражало стремление части общества соединить исламские ценности с идеями политического представительства [11].

Исламская революция 1978–1979 гг. стала итогом накопленного конфликта между модернизированной, но авторитарной монархией и обществом, в котором религиозные, социальные и политические требования объединились вокруг идеи радикального изменения власти. Рухолла Хомейни придал протесту целостную

идеологическую форму, представив исламское правление как альтернативу шахскому авторитаризму и западной модели развития. После падения монархии революция привела к созданию нового государства, где религиозная легитимация была включена в конституционную структуру, а политическая власть получила форму теократической республики. Тем самым революция 1979 г. изменила не только правящий режим, но и саму основу государственно-правовой организации Ирана.

После победы Исламской революции ключевым этапом государственно-правовой трансформации стало принятие Конституции Исламской Республики Иран, закрепившей новую модель власти, в которой республиканские институты были соединены с исламской правовой традицией и религиозным контролем. Конституция определила Иран как исламскую республику, установила систему органов государственной власти и придала принципу велаят-е факих нормативное значение [12]. В результате революционная идеология была переведена в правовую форму, а религиозная легитимация получила институциональное выражение.

Конституция Исламской Республики Иран включает преамбулу, раскрывающую идеологические основания исламской революции, и систему глав, посвященных общим принципам, правам народа, органам власти, судебной системе, внешней политике и порядку пересмотра Основного закона. Юридическое значение Конституции состоит в том, что она закрепляет принцип велаят-е факих как основу верховного религиозно-политического руководства: статья 5 связывает управление обществом с властью исламского правоведа, а статья 110 определяет ключевые полномочия Верховного лидера, включая определение общей политики государства, контроль над вооруженными силами и назначение ряда высших должностных лиц. Президент при этом выступает главой исполнительной власти, но его полномочия ограничены верховной компетенцией лидера, тогда как Совет стражей Конституции осуществляет религиозно-конституционный контроль за законодательством и участвует в фильтрации избирательного процесса. Тем самым Конституция Исламской Республики Иран сформировала особую модель ограниченного республиканизма, в которой выборные институты интегрированы в систему религиозно-правового надзора и функционируют в пределах особого конституционного порядка. Юридически это означает, что конституционная легитимность в Иране имеет двойную природу: формально-правовую (выборы, разделение властей) и материально-религиозную

(соответствие исламским нормам, контролируемое Советом стражей).

Центральное место в политико-правовой системе занимает Верховный лидер, статус которого выходит за пределы классического разделения властей, поскольку он выступает высшим религиозно-политическим арбитром и обладает полномочиями, связанными с определением общего курса государства, контролем над вооруженными силами, назначением ряда высших должностных лиц и влиянием на ключевые институты безопасности. Конституционная роль Верховного лидера показывает, что иранская модель строится не как обычная президентская или парламентская республика, а как система, в которой выборные органы действуют в пределах религиозно-конституционного контура [13]. Законодательная власть представлена Меджлисом, который принимает законы, утверждает бюджет и осуществляет контроль за исполнительной властью, однако парламентская деятельность в Иране ограничена системой религиозно-правового контроля: принятые законы проверяются Советом стражей Конституции на соответствие Конституции и исламским нормам. Описанный механизм отражает двойственную природу иранской государственности, в рамках которой законодательная процедура сохраняет республиканскую форму, но окончательная допустимость правовых решений зависит от религиозно-конституционной экспертизы.

Исполнительная власть возглавляется президентом, избираемым населением. Президент формирует правительство, руководит текущей государственной политикой и отвечает за реализацию социально-экономического курса, при этом его полномочия не являются верховными в политической системе, поскольку стратегические направления развития государства, оборонная политика и значительная часть вопросов безопасности связаны с компетенцией Верховного лидера и зависимых от него структур (президентский институт в Иране сочетает признаки выборной исполнительной власти с ограничением со стороны религиозно-политического центра).

Судебная власть также включена в общую систему исламской государственности, организована за счет сочетания конституционных норм и исламского права, что проявляется в характере правоприменения, статусе судебного руководства и связи суда с религиозно-правовой доктриной. В отличие от светской модели разделения властей, судебная система Ирана функционирует внутри идеологически заданного правового пространства – исламские нормы выступают одним из оснований правовой

легитимности.

Конституционная архитектура Исламской Республики Иран показывает, что после 1979 г. государственно-правовые институты не были устранены, а получили новую структуру и иное основание легитимности. Монархический принцип был заменен сочетанием выборности, исламского контроля и верховной религиозно-политической власти. В результате сформировалась модель, в которой республиканские органы обеспечивают процедурную сторону управления, а религиозно-контрольные институты задают пределы политического процесса и правотворчества.

Институциональная устойчивость Исламской Республики Иран обеспечивается не только конституционным оформлением власти, но и системой специальных контрольных, силовых и идеологических механизмов. После революции 1979 г. государство сформировало особый контур защиты политического режима, в котором важное место заняли Корпус стражей Исламской революции (далее – КСИР), органы национальной безопасности, Совет стражей Конституции, Совет экспертов и религиозные образовательные центры, взаимодействие которых позволило закрепить новую модель власти и обеспечить ее воспроизводство в условиях внутренних кризисов, санкционного давления и внешнеполитического противостояния.

Ключевую роль в этой системе играет КСИР, изначально созданный как структура, предназначенная для защиты завоеваний революции, однако со временем превратился в один из центральных институтов государственного управления. КСИР выполняет военные, политические, идеологические и экономические функции, участвует в обеспечении внутренней безопасности, влияет на внешнеполитические решения и сохраняет особое значение в защите исламского режима. В научной литературе подчеркивается, что КСИР занимает самостоятельное место в системе государственного управления Ирана и не сводится к обычной военной организации [2, с. 187–188]. Особенно заметное усиление КСИР произошло после ирано-иракской войны 1980–1988 гг., когда он закрепил за собой статус не только военной, но и идеологической структуры, связанной с защитой революционного порядка. В период правления Али Хаменеи КСИР постепенно превратился в параллельный центр силы, аккумулирующий функции, выходящие далеко за рамки собственно военных задач. В этом смысле КСИР выступает институциональным гарантом исламской республики, поскольку обеспечивает внутреннюю стабильность, сдерживает протестную активность

и поддерживает мобилизационный потенциал режима в условиях внешнего давления. Данная структура функционирует не только как силовая организация, но и как самостоятельный институт защиты конституционного строя, сложившегося после 1979 года.

Механизм воспроизводства политической элиты в Иране связан с сочетанием выборных процедур, религиозного контроля и институционального отбора. Совет экспертов избирается населением, однако кандидаты в его состав проходят предварительную проверку Советом стражей Конституции, что ограничивает участие политических и религиозных фигур рамками, приемлемыми для исламской республики. Именно Совет экспертов обладает полномочиями по избранию Верховного лидера, а также формально может осуществлять контроль за соответствием лидера установленным требованиям и поставить вопрос о прекращении его полномочий в случае утраты необходимых качеств [12]. Совет стражей Конституции, в свою очередь, играет ключевую роль в фильтрации политической конкуренции: он проверяет кандидатов на президентских, парламентских выборах и выборах в Совет экспертов, тем самым определяя допустимые границы участия в политическом процессе. Важным неформальным элементом воспроизводства элит выступают религиозные образовательные центры, прежде всего Кум, где формируется значительная часть духовной и политической элиты. Через религиозное образование, идеологическую подготовку и включение духовенства в государственные институты обеспечивается связь между шиитской доктриной и практикой государственного управления, что отличает иранскую модель от светских республик, где политическая элита воспроизводится преимущественно через партийные, бюрократические или военные каналы.

Экономическая основа иранской государственности также повлияла на функционирование политико-правовых институтов. В частности, нефтяная отрасль сохраняет значение одного из важнейших ресурсов государства, однако санкционное давление ограничивает возможности экономического развития и усиливает роль институтов, способных действовать в условиях внешних ограничений, в силу чего КСИР и связанные с ним структуры приобретают дополнительное значение, поскольку участвуют не только в сфере безопасности, но и в экономике, инфраструктурных проектах и мобилизационном управлении.

В 2020–2026 гг. значение этих механизмов усилилось под воздействием санкционного давления, региональных конфликтов и общей эскалации вокруг Ирана. Ограничения против нефтяного, финансового и военно-технологического секторов усилили зависимость государства от мобилизационных институтов, способных действовать в условиях внешней изоляции и кризисного управления. Одновременно противостояние с США и Израилем, обострение региональных конфликтов и сохранение иранской прокси-системы повысили роль силовых структур, прежде всего КСИР, в обеспечении внутренней стабильности и внешнеполитической устойчивости режима. В результате институты Исламской Республики не только сохраняют прежнюю конституционную конфигурацию, но и адаптируются к кризисам через усиление контрольных, силовых и идеологических механизмов [1; 3].

Внешнеполитический фактор после революции стал частью внутренней институциональной логики Исламской Республики. Революция изменила международное положение Ирана, поскольку государство отказалось от прежней прозападной ориентации шахского периода и стало выстраивать политику на основе антиимпериалистической, исламской и региональной повестки [1]. Особое место в этой системе занимает противостояние с США и Израилем, которое в 2020-е гг. приобрело характер региональной конфронтации высокой интенсивности, связанной с санкциями, ядерной проблематикой, военным давлением и борьбой за влияние на Ближнем Востоке. Одним из инструментов иранского влияния стала прокси-система, включающая поддержку союзных военно-политических сил и движений, среди которых обычно выделяются «Хезболла» в Ливане, ХАМАС в палестинском контексте и хуситы в Йемене. Наряду с этим Иран сохраняет влияние в Ираке, опираясь на поддержку части шиитского населения и связанных с ним политико-военных структур. Такая региональная стратегия усиливает значение КСИР и связанных с ним подразделений, поскольку именно силовой контур участвует в координации внешнеполитического влияния, поддержании союзных сетей и обеспечении безопасности режима в условиях конфронтации с США и Израилем [3].

Так, устойчивость Исламской Республики Иран опирается на несколько взаимосвязанных механизмов: силовой контур в лице КСИР и органов безопасности, религиозно-контрольные институты, систему воспроизводства духовно-политической элиты, нефтяную экономику и внешнеполитическую мобилизацию. За счет названных

элементов иранская модель сохраняет управляемость даже в условиях протестов, санкций и международного давления. После 1979 г. в Иране сложилась не персоналистская система, зависящая исключительно от фигуры Верховного лидера, а институциональная теократическая республика, устойчивость власти которой обеспечивается взаимодействием религиозных, государственных и силовых структур.

Обсуждение результатов исследования

Проведенный анализ показывает, что политико-правовая система Ирана, сформировавшаяся после революции 1979 г., не может быть сведена к простой модели персоналистской теократии. Верховный лидер занимает центральное место в системе власти, однако устойчивость Исламской Республики обеспечивается более сложной институциональной конструкцией. В систему входят конституционно закрепленные органы государственной власти, религиозно-контрольные структуры, механизмы отбора политической элиты, силовые институты и экономические ресурсы государства.

Иранская модель отличается от классической светской республики тем, что народное представительство и выборные процедуры действуют в пределах религиозно-правового контроля. Меджлис, президент и иные выборные институты сохраняют значение для функционирования государства, но их деятельность ограничена принципом исламского характера власти и контролем со стороны Совета стражей Конституции. Поэтому республиканские элементы в Иране не отменяют теократическую природу режима, а образуют с ней единую систему. Вместе с тем институциональная устойчивость Исламской Республики не исключает внутренних противоречий. Одним из ключевых конфликтов является напряжение между президентом как выборным главой исполнительной власти и Верховным лидером, который определяет стратегический курс государства и контролирует силовой контур. Другое противоречие возникает между Меджлисом и Советом стражей Конституции: парламент выражает республиканский элемент системы, тогда как Совет стражей ограничивает законодательную инициативу через проверку законов на соответствие Конституции и исламским нормам. В период правления Али Хаменеи ключевое значение приобрел КСИР, который консолидировался как самостоятельный центр влияния, выйдя за рамки сугубо военной организации. Поэтому иранская модель сохраняет устойчивость не за счет отсутствия конфликтов, а за счет их институционального ограничения и подчинения верховной религиозно-политической

власти.

В сравнительном отношении Исламская Республика Иран отличается от теократической монархии Саудовской Аравии и религиозной модели Ватикана. Саудовская политическая система основана на династическом принципе и союзе монархической власти с религиозной традицией, тогда как иранская модель возникла в результате революции и закрепила выборные институты в рамках исламской государственности. Ватикан представляет собой особую форму церковного государства, где религиозная власть не соединяется с массовыми республиканскими процедурами. Иран, напротив, сочетает религиозное верховенство, конституционную организацию власти, парламент, институт президентства и регулярные выборы.

Важным результатом революции стала замена шахской монархии не хаотичной революционной властью, а новой системой институтов. Государственное управление было перестроено вокруг принципа велаят-е факих, однако данный принцип получил не только идеологическое, но и правовое оформление. Через Конституцию, Совет стражей, Совет экспертов, судебную власть и КСИР революционная идеология была встроена в устойчивую систему управления. Это проявилось в нескольких кризисных ситуациях: в 1981 г. система выдержала импичмент первого президента Абольхасана Банисадра, в 1989 г. обеспечила передачу верховной власти после смерти Рухоллы Хомейни, а в 2009 и 2019 гг. сохранила управляемость в условиях массовых протестов. В современный период, включая протестную активность и внешнеполитическую эскалацию 2025–2026 гг., устойчивость режима также обеспечивается сочетанием религиозно-контрольных институтов, силового ресурса и способности государства адаптировать механизмы управления к кризисной среде. Причем особое место в этой системе занимает силовой контур: КСИР выполняет функции защиты политического режима, участвует в обеспечении национальной безопасности и влияет на экономическую и внешнеполитическую сферу. Представляется, что институциональная устойчивость Ирана основана не только на конституционных процедурах, но и на способности государства мобилизовать силовые и идеологические ресурсы в кризисных условиях. Тем самым Исламская Республика Иран представляет собой устойчивую институциональную теократическую республику, специфика которой состоит в соединении религиозной легитимации, республиканских институтов и силового механизма защиты режима. Именно подобное сочетание объясняет долговечность

политической системы, возникшей после революции 1979 г., и позволяет рассматривать Иран как самостоятельный тип государственно-правовой организации, не совпадающий ни с классической теократией, ни с обычной авторитарной республикой.

Заключение

Исламская революция 1979 г. привела к радикальной трансформации государственно-правовых институтов Ирана. Шахская монархия была заменена Исламской Республикой, в которой республиканские процедуры, исламская правовая традиция и религиозно-политическое руководство образовали единую систему власти. Конституционное закрепление принципа велаят-е факих изменило саму основу легитимации государства, поскольку верховная власть стала связываться не с монархическим наследованием, а с религиозным авторитетом исламского правоведа.

Проведенный анализ показывает, что устойчивость иранской модели обеспечивается взаимодействием нескольких аспектов: конституционного, религиозно-контрольного, силового и идеологического. Меджлис, президент, судебная власть, Совет стражей Конституции, Совет экспертов и КСИР выполняют разные функции, но вместе поддерживают воспроизводство политической системы, сложившейся после революции.

Трансформация иранской государственности выразилась в переходе от светской авторитарной модернизационной монархии к институциональной теократической республике. Выборные органы власти сохранили значение для текущего управления, однако их деятельность встроена в систему исламского контроля и ограничена полномочиями Верховного лидера. Силовые структуры (прежде всего КСИР) стали одним из ключевых механизмов защиты режима и обеспечения национальной безопасности.

В целом Исламская Республика Иран представляет собой особую модель государственно-правовой организации, сочетающую религиозную легитимацию, конституционные институты и силовой механизм поддержания политической устойчивости. Таким образом, революция 1979 г. не уничтожила институциональную основу иранской государственности, а переформатировала ее правовую природу, идеологическое содержание и механизмы воспроизводства власти, породив устойчивую гибридную модель, не сводимую ни к классической теократии, ни к светской республике.

Литература:

1. Абдуллаев С. Р. Внешняя политика Ирана в период Исламской революции // Запад, Восток и Россия: вопросы всеобщей истории. 2024. № 27. С. 25–35.

2. Беликов Т. В. Корпус стражей Исламской революции в системе государственного управления Ирана // Журналистика. Педагогика. Политология. Философия: материалы 61-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 2023. С. 187–188.

3. Вилько И. Е., Ляшенко Е. А. Влияние Исламской революции на внешнюю политику Ирана и геополитическую ситуацию в регионе: противостояние с Израилем и Саудовской Аравией // Путь в науку: материалы X Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Ростов-на-Дону — Таганрог, 2024. С. 43–46.

4. Дунаева Е. В. Российская историография по вопросам политического развития Исламской Республики Иран // Восточная аналитика. 2024. Т. 15, № 4. С. 91–102.

5. Кириченко В. П. Синтез шиизма и социализма в политической жизни Ирана до и после Исламской революции 1979 г. // Россия и мусульманский мир. 2022. № 4 (326). С. 112–126.

6. Марьясов А. Г. Иран 1979 года: командировка в революцию // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Т. 23, № 4 (64). С. 381–416.

7. Пантин В. И. Глобальная история, циклы и мировая динамика: цивилизации, центры силы, Россия. М.: РОССПЭН, 2025. 318 с.

8. Потапов Г. В. Персидская империя: Иран с древнейших времен до наших дней. М.: Родина, 2022. 350 с.

9. Савин М. И. Образы модернизации в работах идеологов Исламской революции // Международный аспект. 2023. Т. 4, № 4 (14). С. 29–46.

10. Стратиневская А. Ю., Куриленко У. Е. Легитимация власти в Иране в период первых десяти лет после Исламской революции 1979 года // Наукосфера. 2023. № 5-2. С. 156–162.

11. Хатунцев Е. В. Роль «Движения за свободу Ирана» в Исламской революции 1978–1979 гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2024. № 5. С. 162–176.

12. Constitution of the Islamic Republic of Iran (full text) [Электронный ресурс] // Guardian Council. URL: https://www.shora-gc.ir/en/news/87/constitution-of-the-islamic-republic-of-iran-full-text (дата обращения: 28.04.2026).

13. Leadership in the Constitution of the Islamic Republic of Iran [Электронный ресурс] // The Office of the Supreme Leader. URL: https://www.leader.ir/en/content/14132/Leadership-in-the-Constitution-of-the-Islamic-Republic-of-Iran (дата обращения: 28.04.2026).

14. Constitution of Iran, 1979, with amendments through 1989 [Электронный ресурс] // Constitute Project. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Iran_1989 (дата обращения: 28.04.2026).

15. Velayat-e faqih [Электронный ресурс] // Encyclopaedia Britannica. URL: https://www.britannica.com/topic/velayat-e-faqih (дата обращения: 28.04.2026).

научный руководитель
Джылкычиева Жылдыза Токтобековна
Dzhylkychyeva Zhyldyza Toktobekovna
кандидат экономических наук, доцент
Кыргызский Национальный Университет имени Жусупа Баласагына

научный руководитель
Чупина Жанна Сергеевна
Chupina Zhanna Sergeevna
доктор экономических наук, доцент
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Джолдошев Азимбек
Dzholdoshev Azimbek
студент магистратуры
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ОБОСНОВАНИЕ РОЛИ ЦИФРОВОЙ СТРАТЕГИИ В РАЗВИТИИ БИЗНЕСА НА ПРИМЕРЕ КОМПАНИИ «ПАО ВЫМПЕЛКОМ»

JUSTIFICATION OF THE ROLE OF DIGITAL STRATEGY IN BUSINESS DEVELOPMENT

Аннотация. В статье рассматривается возрастающее значение цифровых стратегий в современных бизнес-моделях. На основе анализа теоретических подходов к стратегическому управлению и практики цифровой трансформации показано, что цифровизация перестала быть вспомогательным инструментом и превратилась в ключевой фактор конкурентоспособности. Особое внимание уделяется организационным барьерам, снижающим эффективность цифровых инвестиций, а также необходимости гибридного сочетания долгосрочного планирования и адаптивных механизмов.

Abstract. The article examines the growing importance of digital strategies in modern business models. Based on an analysis of theoretical approaches to strategic management and the practice of digital transformation, it is shown that digitalization has ceased to be an auxiliary tool and has become a key factor of competitiveness. Special attention is paid to organizational barriers that reduce the effectiveness of digital investments, as well as to the need for a hybrid combination of long-term planning and adaptive mechanisms.

Ключевые слова: цифровая стратегия, цифровая трансформация, стратегическое управление, конкурентоспособность, организационная инерция, цифровые технологии.

Keywords: digital strategy, digital transformation, strategic management, competitiveness, organizational inertia, digital technologies.

Современный бизнес развивается в условиях, когда технологические сдвиги происходят быстрее, чем циклы традиционного стратегического планирования.

Многие компании, особенно в высокотехнологичных отраслях, сталкиваются с

двойственным вызовом: нужно одновременно поддерживать стабильность базовых операций и постоянно обновлять продуктовую линейку под влиянием искусственного интеллекта, облачных платформ и новых каналов коммуникации.

Цифровизация давно вышла за рамки автоматизации отдельных процессов. Сегодня речь идёт о глубокой перестройке бизнес-моделей, о том, как данные превращаются в актив, а скорость реакции на изменения рынка становится главным источником преимущества.

Однако практика показывает, что значительные инвестиции в технологии не всегда дают ожидаемую отдачу. Причина часто кроется не в самих технологиях, а в том, насколько организация готова к изменениям — насколько гибка её структура, распределены компетенции и выстроены механизмы координации.

Цель данной статьи — обосновать, почему цифровая стратегия занимает центральное место в развитии современного бизнеса, и выделить факторы, определяющие её успешность.

Задачами выступают: уточнение понятия цифровой стратегии, анализ её связи с общим стратегическим управлением, а также выявление типичных барьеров, с которыми сталкиваются компании при цифровой трансформации.

Теоретические основы стратегического управления в цифровую эпоху

Классические работы по стратегическому менеджменту заложили фундамент, без которого невозможно понять современные процессы. И. Ансофф, Г. Минцберг, М. Портер и другие авторы рассматривали стратегию как многомерное явление — план, позицию, паттерн поведения, набор правил. Г. Минцберг в своей известной работе «Стратегическое сафари» подчёркивал, что единого рецепта не существует, и каждая из десяти школ стратегического процесса вносит свой вклад [13].

Особого внимания заслуживает школа обучения, где стратегия понимается не как раз и навсегда заданный документ, а как постоянно корректируемый паттерн, возникающий в ответ на изменения среды.

Эта идея становится особенно актуальной в условиях цифровой экономики. Если обратиться к определению, которое даёт А. Чандлер, стратегия — это определение долгосрочных целей и задач [11]. Л. Е. Басовский подчёркивает связь стратегии с миссией [2].

Российские учёные, такие как В. С. Катькало, А. П. Градов, акцентируют

способность компании к изменениям под влиянием внешних факторов. В. С. Катькало также рассматривает стратегическое управление как процесс, а не только как статичный план [8].

И. Ансофф же видел в стратегии набор правил для принятия решений [1]. Всё это показывает, что понятие стратегии ёмкое и многогранное.

Таблица 1. Факторы, формирующие стратегию организации

Внешние факторы	Внутренние факторы
Экономические (доходы потребителей, уровень цен, инфляция, валютный курс, динамика ВВП, инвестиционный климат)	Объём собственного капитала, способность привлекать инвестиции
Социально-политические (политика государства, указы, требования министерств)	Уровень квалификации персонала, готовность к обучению, ценности, корпоративная культура
Технологические (искусственный интеллект, облачные технологии, программные продукты, кибербезопасность)	Способность системы управления к изменениям и перестройке под новые тренды
Рыночные и конкурентные (появление новых конкурентов, изменение глобальных стандартов)	Состояние материально-технической базы, уровень цифровизации и технологической оснащённости

В современной практике стратегическое управление включает пять функций: планирование, организацию, координацию, мотивацию и контроль.

А. Т. Зуб предлагает рассматривать стратегическое управление с позиции анализа окружения, цели и средств, а также деятельного подхода [7].

Классический процесс — от анализа среды до оценки эффективности — сохраняет своё значение, но наполняется новым содержанием.

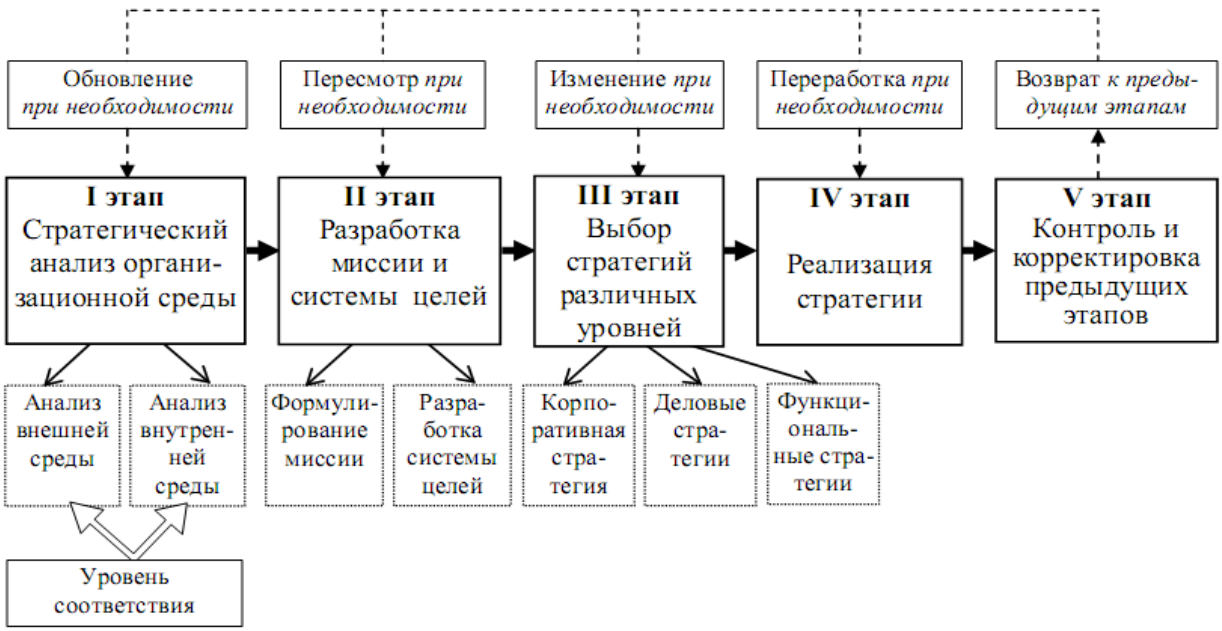


Рисунок 1. Процесс стратегического управления

Сегодня внешняя среда меняется так быстро, что традиционные долгосрочные планы рискуют устареть ещё до их утверждения.

Поэтому на первый план выходит принцип способность к адаптации, а также экономической целесообразности любых организационных изменений.

Как отмечает И. Н. Маврина, стратегическое управление базируется на принципах долгосрочности, исполнимости, контролируемости и комплексности, что особенно важно при цифровой трансформации [12].

Цифровая стратегия: от вспомогательной функции к ядру бизнес-модели

Цифровизация стала ключевым фактором трансформации бизнеса во всех отраслях. Как отмечают Э. В. Биктагирова и другие, цифровые платформы и экосистемные модели представляют собой инструмент оптимизации экономических отношений [3]. Т. С. Колмыкова добавляет, что цифровизация формирует принципиально новые условия для ведения бизнеса, направляя компании к созданию сетевых структур и инновационных экосистем [9].

В телекоммуникационном секторе, который и служит в данной статье отраслевым контекстом, потребность в цифровых преобразованиях особенно высока. Операторы вынуждены внедрять цифровые технологии на всех этапах — от внутренних процессов до взаимодействия с клиентами [4]. Однако эти выводы справедливы и для многих других сфер: финансов, розничной торговли, логистики.

Четыре аспекта определяют современную цифровую трансформацию.

Во-первых, технологический прогресс сам по себе не гарантирует успеха — важна методология внедрения и подготовка персонала.

Во-вторых, прорывные инновации (интернет, мобильная связь, социальные сети) кардинально меняют рыночную среду.

В-третьих, потребительское поведение трансформируется: люди ожидают простоты, персонализации и мгновенного отклика.

В-четвёртых, внешние шоки, такие как пандемия COVID-19, ускоряют переход на облачные и удалённые форматы [5].

Показателен пример с динамикой индекса S&P 500: если в середине XX века компании оставались лидерами в среднем 60 лет, то сегодня этот срок сократился до 18 лет.

Это наглядно демонстрирует, что прежние механизмы накопления конкурентных преимуществ перестают работать. На смену снижению издержек приходит инновационный потенциал и способность быстро перестраиваться.

Таким образом, цифровая стратегия — это не изолированный план автоматизации. Это сквозная логика, связывающая долгосрочное видение с конкретными возможностями, которые дают облачные технологии, искусственный интеллект, большие данные и платформенные решения.

Без такой интеграции даже самые современные инвестиции могут остаться невостребованными.

Инструменты и технологии цифровизации: что реально работает

Переход к цифровому бизнесу предполагает комплексное преобразование деятельности — бизнес-процессов, компетенций, моделей взаимодействия с клиентами.

Инструментарий сегодня обширен: облачные сервисы, системы искусственного интеллекта и машинного обучения, платформы аналитики больших данных, средства кибербезопасности, BPM-системы, блокчейн.

Однако ключевой вывод, который следует из практики, заключается в следующем: эффективность цифровой трансформации определяется не столько самим набором технологий, сколько готовностью организации их осваивать.

Сопротивление персонала, дефицит квалифицированных кадров, отсутствие инновационной культуры способны свести на нет любые вложения в «железо» и

софт [6].

Н. Н. Трофимова подчёркивает, что формирование цифровой корпоративной культуры, включающей готовность к постоянному обучению и переоценке компетенций, становится необходимым условием успешной цифровой трансформации [14].

Именно поэтому компании, которые уделяют внимание развитию цифровой грамотности сотрудников и формированию команд лидеров изменений, оказываются в выигрыше.

Цифровые платформы предоставляют инфраструктуру для взаимодействия участников рынка с целью создания новой ценности [10]. Искусственный интеллект в телекоммуникационных сетях позволяет улучшать управление качеством услуг и прогнозировать сбои.

Облачные технологии дают гибкость и масштабируемость. Кибербезопасность становится неотъемлемым слоем любой цифровой архитектуры.

Ограничения тоже очевидны: значительные первоначальные затраты, нехватка специалистов, сопротивление части коллектива. Тем не менее, без движения в этом направлении компания рискует потерять рыночные позиции.

Внутренние барьеры как главный ограничитель цифровой трансформации

Практика показывает, что даже при наличии ресурсов и формально утверждённой цифровой стратегии многие инициативы буксуют.

Причина — организационная инерция, функциональная разобщённость подразделений, неравномерное распределение ИТ-компетенций между центральным офисом и филиалами. Особенно остро эти проблемы проявляются в компаниях с разветвлённой территориальной структурой, где любой сквозной цифровой сервис требует синхронизации десятков подразделений.

Анализ крупных операторов связи подтверждает: зачастую скорость вывода новых цифровых продуктов ограничена не технологическими возможностями, а тем, насколько быстро разные функциональные блоки согласуют решения и как оперативно региональные подразделения получают необходимые компетенции.

Кадровая асимметрия — когда основная масса IT-специалистов сосредоточена в головном офисе, а в регионах их доля ниже — создаёт разрыв между замыслом и исполнением.

Кроме того, внешние макроэкономические факторы, такие как стоимость заёмного капитала, становятся самостоятельным ограничителем. В периоды высокой ключевой ставки даже рентабельные операционные проекты могут не давать желаемой чистой прибыли из-за роста процентных расходов.

Это заставляет более жёстко оценивать окупаемость цифровых инициатив и отказываться от экстенсивного наращивания инвестиций в пользу точечных, быстро окупаемых решений.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что цифровая стратегия сегодня занимает центральное место в системе стратегического управления любой компании, претендующей на устойчивые рыночные позиции.

При этом её роль выходит далеко за рамки простого перечня технологических инициатив или плана автоматизации отдельных процессов.

Цифровая стратегия становится тем механизмом, который связывает долгосрочные цели с операционной повседневностью, а инвестиции в технологии — с измеримыми изменениями в эффективности и клиентском опыте.

Однако, как показывает практика (в том числе на примере крупных телекоммуникационных операторов, чей опыт обобщён в данной статье), наличие формально утверждённой стратегии и даже значительных финансовых вложений ещё не гарантирует успеха.

Ключевым ограничителем выступают не столько технологические возможности, сколько внутренняя готовность организации к изменениям.

Организационная инерция, функциональная разобщённость подразделений, неравномерное распределение ИТ-компетенций между центром и периферией — всё это способно свести на нет эффект от самых современных решений. Кроме того, внешняя макроэкономическая среда вносит свои коррективы.

Высокая стоимость заёмного капитала, волатильность курсов, регуляторные изменения заставляют компании пересматривать инвестиционные приоритеты.

Экстенсивное наращивание цифровых проектов уступает место точечным, быстро окупаемым инициативам, которые дают отдачу в сжатые сроки. Это, в свою очередь, требует более зрелого подхода к управлению портфелем цифровых продуктов — с чёткими критериями и готовностью отказываться от того, что не приносит результата.

Таким образом, обоснование роли цифровой стратегии в развитии бизнеса сегодня строится вокруг трёх взаимосвязанных тезисов.

Дальнейшие исследования в этой области могли бы быть направлены на разработку методик количественной оценки «цифровой готовности» организаций, а также на сравнительный анализ моделей децентрализации ИТ-компетенций в компаниях с разветвлённой филиальной структурой.

Практическая значимость таких изысканий очевидна: они помогут бизнесу не только формулировать цифровые стратегии, но и реально их реализовывать, избегая типичных ловушек, описанных в этой статье.

Литература:

1. Ансофф И. Стратегическое управление / И. Ансофф; пер. с англ. — М.: Экономика, 1989. — 519 с.

2. Басовский Л. Е. Менеджмент: учебник / Л. Е. Басовский. — М.: Инфра-М, 2007. — 240 с.

3. Биктагирова Э. В., Свеженцева К. И., Коцюрко Е. П. Цифровая стратегия развития компании в современных условиях // Индустриальная экономика. — 2023. — № 3. — С. 86–89.

4. Галимова А., Валиахметова Э. Разработка концепции стратегии цифровой трансформации телекоммуникационной организации // Экономика и управление: научно-практический журнал. — 2023. — № 6 (174). — С. 115–118.

5. Джабраилова Н. Д. Значение и роль цифровизации в развитии бизнеса // Журнал прикладных исследований. — 2022. — № 11. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-i-rol-tsifrovizatsii-v-razvitii-biznesa (дата обращения: 12.06.2025).

6. Долганова О. И., Деева Е. А. Готовность компании к цифровым преобразованиям: проблемы и диагностика // Бизнес и информатика. — 2019. — Т. 13, № 1. — С. 60–68.

7. Зуб А. Т. Стратегический менеджмент: Теория и практика / А. Т. Зуб. — 2-е изд., доп. — М.: Аспект Пресс, 2004. — 415 с.

8. Катькало В. С. Эволюция теории стратегического управления / В. С. Катькало. — 2-е изд. — СПб.: Изд-во «Высшая школа менеджмента»; Издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2008. — 548 с.

9. Колмыкова Т. С., Щербаков В. Н., Третьякова И. Н., Сергеева В. Ю. Анализ, моделирование и оптимизация процессов и систем // Регион: системы, экономика, управление. — 2020. — № 3 (50). — С. 122–127.

10. Коптева Л. А., Шабалина Л. В. Цифровые платформы как инструмент цифровой трансформации промышленных предприятий // Вестник евразийской науки. — 2023. — Т. 15, № 2. — URL: https://esj.today/PDF/03ECVN223.pdf (дата обращения: 25.05.2025).

11. Кэмпбел Д., Стоунхаус Дж., Хьюстон Б. Стратегический менеджмент: учебник / пер. с англ. Н. И. Алмазовой. — М.: Проспект, 2003. — 337 с.

12. Маврина И. Н. Стратегический менеджмент: учебное пособие / И. Н. Маврина. — Екатеринбург: УрФУ, 2014. — 132 с.

13. Минцберг Г., Альстранд Б., Лампель Ж. Стратегическое сафари: Экскурсия по дебрям стратегического менеджмента / пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2013. — 367 с.

14. Трофимова Н. Н. Цифровая корпоративная культура как элемент цифровой трансформации организации // Этносоциум. — 2023. — № 2 (176). — С. 107–112.

Портнова Алена Андреевна
Portonova Alena Andreevna
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»

Серафимов Федор Александрович
Serafimov Fyodor Alexandrovich
студент юридического факультета
Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ

APPLICATION OF INFORMATION TECHNOLOGY AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE TO AUTOMATE THE DETECTION AND INVESTIGATION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE CUSTOMS SPHERE

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы внедрения информационных технологий и систем искусственного интеллекта в деятельность таможенных органов в контексте автоматизации процессов выявления и расследования административных правонарушений. Отмечается, что цифровая трансформация государственного управления диктует необходимость перехода к интеллектуальной модели таможенного администрирования, способной оперативно обрабатывать растущие массивы данных и минимизировать влияние человеческого фактора.

На основе анализа нормативно-правовых актов и доктринальных источников раскрывается легальное содержание понятий «информационные технологии» и «искусственный интеллект», подчеркивается преобладание на практике «слабого» искусственного интеллекта, ориентированного на решение узкоспециализированных задач. Приводится обзор применяемых в таможенной сфере программных решений – электронного декларирования, автоматического выпуска товаров, системы «Каскад», перспективной автоматизированной системы «Витязь», а также специализированных комплексов «Постконтроль», «Малахит», «Аналитика-2000» и других.

Выявлено, что большинство действующих информационных систем функционируют преимущественно как хранилища данных, а не как полноценные аналитические инструменты, и не обладают способностью к самостоятельному отбору объектов контроля на основе экономических критериев. Констатируется наличие информационного дефицита, коррупционных рисков и недостаточной автоматизации в сфере защиты интеллектуальной собственности. Делается вывод о том, что системное применение технологий искусственного интеллекта для целей выявления и расследования таможенных правонарушений все еще находится на этапе становления и требует дальнейшего совершенствования как технической, так и нормативно-правовой базы.

Abstract. This article examines current issues related to the implementation of

information technology and artificial intelligence systems in customs authorities' activities in the context of automating the detection and investigation of administrative offenses. It is noted that the digital transformation of public administration necessitates a transition to an intelligent model of customs administration capable of quickly processing growing data sets and minimizing the influence of the human factor.

Based on an analysis of regulatory acts and doctrinal sources, the legal content of the concepts of "information technology" and "artificial intelligence" is revealed, emphasizing the prevalence in practice of "weak" artificial intelligence, which is focused on solving highly specialized problems. This article provides an overview of software solutions used in the customs sphere, including electronic declaration, automatic goods release, the Kaskad system, the promising automated Vityaz system, as well as specialized systems such as Postcontrol, Malakhit, Analitika-2000, and others.

It is revealed that most existing information systems function primarily as data warehouses rather than as fully-fledged analytical tools and lack the ability to independently select control objects based on economic criteria. Information deficits, corruption risks, and insufficient automation in intellectual property protection are noted. It is concluded that the systematic use of artificial intelligence technologies for the detection and investigation of customs violations is still in its infancy and requires further improvement of both the technical and regulatory frameworks.
Ключевые слова: информационные технологии, искусственный интеллект, автоматизация, выявление и расследование административных правонарушений, таможенные органы, цифровизация, система управления рисками, «слабый искусственный интеллект», программные продукты, информационная безопасность.

Keywords: information technology, artificial intelligence, automation, detection and investigation of administrative offenses, customs authorities, digitalization, risk management system, “weak artificial intelligence”, software products, information security.

Современный этап развития российской государственности характеризуется масштабной цифровой трансформацией органов публичной власти, обусловленной как вызовами глобализации, так и необходимостью повышения эффективности правоприменительной деятельности. Таможенные органы, занимая ключевое место в системе обеспечения экономической безопасности государства и регулирования внешнеэкономической деятельности, объективно нуждаются во внедрении передовых технологических решений. Усложнение логистических схем и появление новых форм трансграничного взаимодействия создают предпосылки для увеличения числа административных правонарушений в таможенной сфере, что, в свою очередь, требует совершенствования инструментария их выявления и расследования.

Здесь особенно важны информационные технологии (ИТ) и системы искусственного интеллекта (ИИ). Барило Н.В. прямо называет ИИ одной из самых востребованных технологий для автоматизации рутины, обработки больших баз данных

и, говоря шире, для оптимизации работы таможни и повышения ее эффективности[1]. Получается, что алгоритмы машинного обучения и анализ больших данных открывают совершенно новые горизонты: можно автоматизировать повторяющиеся операции, научиться прогнозировать риски правонарушений, сделать доказательственную базу более качественной. И все это – без увеличения штата инспекторов.

Применение алгоритмов машинного обучения, систем анализа больших данных, интеллектуальных систем поддержки принятия решений способно: повысить скорость обработки информации, снизить вероятность ошибок, связанных с человеческим фактором, обеспечить непрерывный мониторинг таможенных операций, выявить скрытые закономерности и аномалии, указывающие на возможные правонарушения. Таким образом, исследование возможностей ИТ и ИИ в контексте автоматизации процессов выявления и расследования административных правонарушений в таможенной сфере представляет собой актуальную научную и практическую задачу.

Однако, несмотря на очевидный технологический прогресс, процесс внедрения указанных инструментов в деятельность таможенных органов сопряжен с рядом проблем как правового, так и организационного характера. Отсутствие четкой нормативной дефиниции искусственного интеллекта как средства доказывания, вопросы ответственности за принимаемые алгоритмами решения, а также сложности интеграции новых цифровых платформ в существующую правоприменительную практику обусловливают необходимость глубокого научного осмысления данной проблематики.

Определение понятия «информационные технологии» закреплено в Федеральном законе от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» 2 . Согласно ст. 2 данного нормативно-правового документа «информационные технологии – процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов». Однако Троянская М. А. и Еременков А. А. рассматривают в статье взаимосвязь информационных технологий и государственное управление и вычленяют следующее определение: «совокупность новейших методов и

[1] Барило Н. В. Применение искусственного интеллекта в таможенном деле // Океанский менеджмент. 2023. №3 (21). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-iskusstvennogo-intellekta-v-tamozhennom-dele (дата обращения 28.05.2026).
[2] Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3448.

информационных инструментов сбора, хранения, систематизации, передачи данных, которые применяются в области разработки и принятия управленческих решений»[3].

Один из видов информационных технологий основывается на искусственном интеллекте, в связи с этим следует разобраться в этой теме более подробно. Согласно ст. 2 Федерального закона от 24.04.2020 «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»[4], искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

В связи с построением новой «умной» таможенной системы, ФТС России поставило перед собой цель использовать искусственный интеллект в качестве полноценного и неотъемлемого инструмента работы всей системы в целом: от фактического контроля до помощи в принятии стратегически важных управленческих решений. Процесс анализа данных, как важное направление деятельности ФТС России, в том числе должен подвергнуться инновационным изменениям в рамках модернизации системы[5].

В настоящее время таможенные службы все активнее интегрируют в свою работу современные информационные системы и технологии, основанные на искусственном интеллекте: электронное декларирование; автоматическая регистрация таможенных деклараций; автоматический выпуск товаров; навигационные пломбы; «Одно окно».

Информационное обеспечение играет ключевую роль в аналитической работе

[3] Троянская М. А., Еременков А. А. Информационные технологии в государственном управлении: понятие, виды, задачи и направления регулирования // Вестник Академии знаний. 2022. №3 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-gosudarstvennom-upravlenii-ponyatie-vidy-zadachi-i-napravleniya-regulirovaniya (дата обращения: 28.05.2026).

[4] Федеральный закон от 24.04.2020 N 123-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // «Собрание законодательства РФ», 27.04.2020, N 17, ст. 2701.

[5] Галеев Д. М. Перспективы применения таможенными органами РФ искусственного интеллекта как инструмента работы с анализом данных // Гуманитарный научный вестник. 2024. №11. URL: https://naukavestnik.ru/doc/2024/11/Galeev.pdf (дата обращения: 28.04.2026).

таможенных органов, поскольку решения, касающиеся рисков административных правонарушений, требуют повышенной ответственности, тщательного обоснования и взвешенного подхода.

При анализе доступных инструментов для обработки больших объемов данных в рамках аналитической деятельности, можно выделить следующие: Информационно-справочная система контроля деятельности таможенных органов «Малахит»; Автоматизированная система анализа данных и поддержки принятия решений «Аналитика-2000»; Программа для работы с таблицами «Microsoft Excel»; Программа для работы с базами данных «Microsoft Access».

Для информационного обеспечения таможенного контроля используются специализированные программные продукты, такие как АИС «АИСТ-М», АИС «Правоохрана», КПС «Постконтроль» и ИАС «Тарифы-1» и другие, которые также направлены на предупреждения правонарушений. При этом, ни одна из существующих систем не обладает возможностью самостоятельного отбора участников внешнеэкономической деятельности для проверки или автоматизированного анализа их деятельности на основе экономических показателей.

Искусственный интеллект, согласно действующему законодательству, представляет собой комплекс технологических решений, имитирующих когнитивные функции человека, включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма. При этом доктринальное толкование дополняет легальное определение такими признаками, как автономность и стремление к саморазвитию. Многообразие существующих классификаций ИИ (по сферам применения, по функциональности, по уровню развития) свидетельствует о теоретической незрелости данной области, что создает сложности для формирования непротиворечивой правовой базы. В настоящее время практическое применение находит главным образом «слабый искусственный интеллект», выступающий в качестве инструмента решения конкретных задач.

Применительно к таможенной сфере информационные технологии и ИИ уже используются в таких направлениях, как электронное декларирование, автоматическая регистрация и выпуск товаров, внедрение навигационных пломб и системы «одно окно». Одной из самых используемых технологий система «Каскад», ФТС совместно с Минтрансом России разрабатывает новую архитектуру таможенного контроля, основанную на принципе единовременного проведения всех необходимых

инспекционно-досмотровых мероприятий при одной остановке транспортного средства. Такой подход минимизирует задержки грузовиков и одновременно обеспечивает полноту контроля.

Легальное определение информационных технологий, данное в ФЗ №149-ФЗ, довольно широкое – это процессы и методы работы с информацией. Однако для практики государственного управления больше подходит уточнение Троянской и Еременкова, которые делают акцент на использовании ИТ для сбора, систематизации данных и поддержки управленческих решений. Что касается искусственного интеллекта, здесь законодательство определяет его как комплекс решений, имитирующих когнитивные функции человека, включая самообучение. Но на деле, как показывают классификации, ИИ бывает разным: от примитивных реактивных машин до сильного ИИ. Пока что в таможне применяется именно «слабый» ИИ – узкоспециализированный инструмент для конкретных задач, а не универсальный интеллект.

Если смотреть на практику, то таможенные органы уже довольно активно используют автоматизацию: электронное декларирование, автоматический выпуск товаров, система «Каскад» с элементами машинного обучения для сортировки грузовых потоков, а также специализированные системы вроде АС «Витязь» для выявления и расследования правонарушений. Последняя, кстати, интересна тем, что позволяет не только находить скрытые связи, но и визуализировать результаты расследования – это серьезный шаг вперед по сравнению с простыми базами данных.

Существующие программные продукты, такие как КПС «Постконтроль» или «Малахит», по сути, являются скорее информационными хранилищами, а не аналитическими инструментами. Они не умеют самостоятельно отбирать участников ВЭД для проверки, многие поля в них остаются пустыми, что порождает информационный дефицит и даже коррупционные риски. Особенно остро это чувствуется в такой сложной области, как защита интеллектуальной собственности, где без специальных знаний и без помощи ИИ инспектору трудно определить, есть ли нарушение.

Резюмируя выше сказанное, можно констатировать, что категория «информационные технологии» в легальном поле трактуется через призму процессов и приемов оперирования данными. Однако применительно к сфере публичного

администрирования более точной представляется дефиниция, предложенная Троянской М. А. и Еременкова А. А., где акцент смещается на использование ИТ для накопления, упорядочивания и передачи массивов информации в целях выработки управленческих решений.

Что касается искусственного интеллекта, то нормативные акты определяют его как совокупность технологических средств, способных воспроизводить познавательные способности человека, включая самообучаемость и нахождение решений вне жестких алгоритмов. В доктринальных источниках этот перечень дополняется свойствами автономности и саморазвития. Существующие классификации ИИ (по функционалу, уровню сложности, сферам применения) демонстрируют отсутствие унифицированного подхода, что осложняет выработку непротиворечивого правового поля. Практически востребованным пока остается «слабый» искусственный интеллект, ориентированный на выполнение ограниченного круга узкоспециализированных операций.

Следует отметить, что автоматизация уже охватила такие направления, как электронное декларирование, автоматическую фиксацию и выпуск товарных партий, внедрение навигационных пломб и механизм «единого окна». Особого внимания заслуживает система «Каскад» – на ее примере видно, как алгоритмы машинного обучения осуществляют первичную фильтрацию грузовых потоков, разделяя их на безрисковые, требующие углубленного анализа и потенциально опасные.

Экспериментальная эксплуатация данной модели на пункте пропуска Тагиркент-Казмаляр в 2025 году подтвердила значительный рост пропускной способности без потери качества контроля. Помимо этого, таможенными органами применяются инспекционно-досмотровые комплексы, а также системы «Взгляд» и «Ватсон» для обследования скрытых полостей и труднодоступных мест. Разрабатываемая АС «Витязь» призвана не только фиксировать признаки противоправных деяний и скрытые корреляции, но и визуализировать логику расследования, что является качественным шагом вперед по сравнению с обычными базами данных.

Вместе с тем анализ существующего инструментария (КПС «Постконтроль», «Малахит», «Аналитика-2000», «АИСТ-М») обнаруживает их функционирование преимущественно в качестве информационных хранилищ, а не аналитических

комплексов. Большинство из них не способны самостоятельно отбирать участников внешнеэкономической деятельности для проверочных мероприятий на основе экономических индикаторов; многие поля остаются незаполненными, что порождает дефицит релевантных данных и, как следствие, создает коррупциогенные риски, что противоречит стандартам Всемирной таможенной организации.

Наиболее остро недостаток автоматизированной поддержки ощущается в сфере охраны интеллектуальной собственности, где выявление признаков контрафакта или схожести до степени смешения требует от должностного лица специальных познаний – именно здесь внедрение «сильного» аналитического инструментария остается нереализованной потребностью. Таким образом, при наличии отдельных успешных технологических решений, системное применение ИИ и информационных технологий в целях автоматизации выявления и расследования таможенных правонарушений все еще находится на стадии становления, что подтверждает актуальность дальнейшего совершенствования как технической, так и правовой составляющих.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3448.

2. Федеральный закон от 24.04.2020 N 123-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // «Собрание законодательства РФ», 27.04.2020, N 17, ст. 2701.

3. Абрамов А. С. Автоматизация временного ввоза транспортных средств как инструмент оптимизации таможенных операций в пунктах пропуска // Вестник Российской таможенной академии. 2022. № 4. С. 30–40.

4. Андреев А.А. Технологии искусственного интеллекта в системе таможенного администрирования: возможности, барьеры и перспективы цифровой трансформации

[Электронный ресурс] / А.А. Андреев // Научный журнал «NXT». – 2026. – URL: https://www.nxtjournal.ru/jour/article/view/747 (дата обращения: 28.05.2026).

5. Афонин П.Н. Искусственный интеллект в таможенном контроле: технологические драйверы реализации стратегии национальной безопасности // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2024. – № 4(92). – С. 21-26.

6. Афонин П.Н., Лебедева А.Ю. Интеллектуальные пункты пропуска как инструмент развития сферы услуг экономики регионов. – Санкт-Петербург: ООО «Издательский центр «Интермедия», 2024. – 175 с.

7. Барило Н. В. Применение искусственного интеллекта в таможенном деле // Океанский менеджмент. 2023. №3 (21). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-iskusstvennogo-intellekta-v-tamozhennom-dele (дата обращения: 28.05.2026).

8. Бессарабов В.О. О задачах и ключевых функциях электронной таможни как факторе экономической безопасности предпринимательской деятельности в условиях новых вызовов / В. О. Бессарабов // Таможенное дело и экспертная деятельность: современное состояние и перспективы: Материалы Международной научно-практической интернет-конференции, посвященной 160-летию со дня рождения Михаила Ивановича Туган-Барановского, Донецк, 28 марта 2024 года. – Донецк: Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, 2024. – С. 14–17.

9. Галеев Д. М. Перспективы применения таможенными органами РФ искусственного интеллекта как инструмента работы с анализом данных // Гуманитарный научный вестник. 2024. №11. URL: https://naukavestnik.ru/doc/2024/11/Galeev.pdf (дата обращения: 28.04.2026).

10. Троянская М. А., Еременков А. А. Информационные технологии в государственном управлении: понятие, виды, задачи и направления регулирования // Вестник Академии знаний. 2022. №3 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-gosudarstvennom-upravlenii-ponyatie-vidy-zadachi-i-napravleniya-regulirovaniya (дата обращения: 28.03.2026).

Рыбалко Карина Андреевна
Rybalko Karina Andreevna
магистрант кафедры экономики предприятий
ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»

ИНТЕРЕСЫ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ СТОРОН В ОЦЕНКЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

INTERESTS OF STAKEHOLDER PARTIES IN ASSESSING THE PERFORMANCE OF INDUSTRIAL ENTERPRISE ACTIVITIES

Аннотация. В статье рассматривается роль интересов заинтересованных сторон (стейкхолдеров) при оценке результативности деятельности промышленного предприятия. На примере АО «Среднеуральский медеплавильный завод» (СУМЗ) проведён анализ структуры групп влияния, природы их интересов и силы воздействия на организацию. Обосновывается необходимость интеграции стейкхолдерского подхода в системы оценки результативности, поскольку традиционные финансовые и производственные критерии не отражают в полной мере экологические, социальные и регуляторные ожидания.

Abstract. The article examines the role of the interests of interested parties (stakeholders) in assessing the performance of an industrial enterprise. Using the example of Sredneuralsk Copper Smelter JSC (SUMZ), an analysis of the structure of influence groups, the nature of their interests and the power of influence on the organization was carried out. The need to integrate the stakeholder approach into performance assessment systems is substantiated, since traditional financial and production criteria do not fully reflect environmental, social and regulatory expectations.

Ключевые слова: заинтересованные стороны, результативность организации, стейкхолдерский подход, интересы групп влияния, цветная металлургия, СУМЗ, устойчивое развитие.

Keywords: stakeholders, organizational performance, stakeholder approach, interests of pressure groups, non-ferrous metallurgy, SUMZ, sustainable development.

Введение

В современном управлении оценка результативности деятельности организации не ограничивается достижением финансовых или производственных показателей. Всё более значимым становится учёт ожиданий различных групп, которые могут влиять на деятельность предприятия или сами испытывают на себе её последствия. Особенно это актуально для крупных промышленных компаний – градообразующих предприятий, где пересекаются интересы собственников, работников, местных сообществ, государства и экологических организаций. Также актуальность данной темы заключается в том, что она затрагивает взаимосвязь между различными группами стейкхолдеров и их влияние на оценку эффективности предприятия. В промышленной

сфере это особенно важно из-за сложности производственных процессов, высокой капиталоёмкости и воздействия на окружающую среду.

Цель настоящей статьи – на основе анализа заинтересованных сторон конкретного промышленного предприятия (АО «СУМЗ») показать, почему их интересы должны быть неотъемлемой частью оценки результативности организации. Эмпирическую базу составила аналитическая справка, подготовленная в ходе ознакомительной практики, включающая характеристику предприятия, идентификацию групп влияния и анализ природы их интересов.

Под результативностью в менеджменте понимается степень достижения целей организации, в отличие от эффективности, которая измеряет соотношение затрат и результатов. Классические системы сбалансированных показателей (BSC) уже включают клиентскую, внутреннюю и инновационную перспективы, однако часто недооценивают роль внешних нефинансовых стейкхолдеров – местных сообществ, экологов, регуляторов [5].

Стейкхолдерский подход (Р. Фримен, И. Ансофф) утверждает, что успешная организация должна учитывать интересы всех групп, которые могут повлиять на её деятельность или зависят от неё [4]. Игнорирование интересов ключевых групп ведёт к репутационным потерям, конфликтам, санкциям со стороны государства или общества, что в конечном счёте снижает результативность даже при высоких производственных показателях.

Таким образом, оценка результативности должна включать не только «жёсткие» показатели (объём выпуска, прибыль, производительность), но и «мягкие» – уровень удовлетворённости работников, соблюдение экологических норм, доверие местного сообщества, выполнение социальных обязательств. Подход, основанный на учёте интересов всех заинтересованных сторон (стейкхолдеров), позволяет обеспечить устойчивое развитие предприятия: снижаются репутационные риски, укрепляются отношения с местными властями и населением, повышается лояльность сотрудников и клиентов. Например, инвестиции в охрану труда и экологию могут поначалу увеличивать издержки, но в долгосрочной перспективе сокращают штрафы, страховые выплаты и затраты на ликвидацию аварий, а значит, положительно влияют на итоговую рентабельность. Кроме того, современные системы оценки, такие как сбалансированная система показателей (BSC) и стандарты ESG, уже встраивают эти «мягкие» метрики в

управленческий учёт: они привязывают социальные и экологические KPI к стратегическим целям и системе мотивации менеджмента. Как итог, интеграция жёстких и мягких показателей создаёт более объективную картину результативности: она отражает не только сиюминутную прибыль, но и способность компании сохранять конкурентные позиции и ресурсную базу в будущем.

АО «Среднеуральский медеплавильный завод» – градообразующее предприятие г. Ревда (Свердловская область), входит в структуру Уральской горно-металлургической компании (УГМК). Основная продукция: черновая медь (до 150 тыс. тонн в год), серная кислота. Численность персонала – около 3,5 тыс. человек. Завод оказывает существенное влияние на экономику, экологию и социальную сферу региона [1].

На основе открытых источников (официальный сайт, региональные СМИ, системы раскрытия информации) выделены внутренние и внешние заинтересованные стороны:

Внутренние - сотрудники, руководство завода.

Внешние - УГМК (собственник), поставщики, покупатели, государство (федеральные, региональные, местные органы), местное сообщество, экологические организации, финансовые институты, СМИ, образовательные учреждения.

Каждая группа имеет свои интересы и характер влияния на деятельность завода. В таблице 1 обобщены ключевые параметры.

Таблица 1. Природа влияния и интересы ключевых групп стейкхолдеров АО «СУМЗ» [1,2,3,6]

Группа	Природа влияния	Ключевые интересы	Сила влияния на организацию
Сотрудники	Прямое (производственный процесс)	Зарплата, условия труда, соцпакет	Очень сильное (5/5)
УГМК (собственники)	Прямое (стратегия, инвестиции)	Прибыль, капитализация, устойчивость	Очень сильное (5/4)
Государство (федеральный уровень)	Прямое регулирование	Налоги, соблюдение законов, госпрограммы	Очень сильное (5/3)
Местное сообщество	Опосредованное, общественное мнение	Экобезопасность, рабочие места, социнфраструктура	Среднее / Сильное (3/4)
Экологические организации	Опосредованное (проверки, СМИ)	Снижение выбросов, «зелёные» технологии	Среднее (3/3)

Важно отметить, что даже группы со «средней» силой влияния (экологи, местное сообщество) способны через публичное давление и судебные иски существенно изменить условия работы предприятия.

Традиционная оценка результативности СУМЗ, вероятно, базируется на производственных показателях: объём выплавки меди (до 150 тыс. тонн), выполнение планов УГМК, рентабельность, налоговые отчисления [1]. Однако анализ интересов групп показывает, что такой подход неполон.

Сотрудники заинтересованы в безопасности труда и соцпакете. Если эти интересы игнорировать, растёт текучесть, снижается мотивация, что прямо ведёт к падению производительности – то есть к снижению результативности.

Местное сообщество и экологические организации требуют сокращения выбросов. Невыполнение этих требований грозит протестами, блокировкой работы, штрафами, репутационными потерями. Даже при высоком выпуске меди завод может считаться малорезультативным с точки зрения социальной лицензии на деятельность.

Государство через Росприроднадзор и налоговые органы может принудительно ограничивать производство. Соблюдение экологических норм становится не просто «интересом», а условием выживания.

УГМК как собственник ориентирована на прибыль, но долгосрочная прибыль невозможна без социальной и экологической устойчивости. Следовательно, для оценки результативности перед акционером необходимо включать не только финансовые KPI, но и показатели экологической и социальной ответственности.

На основе анализа можно предложить следующие дополнительные индикаторы, которые отражают степень удовлетворения интересов ключевых групп (таблица 2).

Таблица 2. Индикаторы, которые отражают степень удовлетворения интересов ключевых групп

Группа интересов	Показатель результативности
Сотрудники	Уровень текучести кадров, количество несчастных случаев, выполнение коллективного договора
Местное сообщество	Объём выбросов (в динамике), участие в социальных проектах города, количество жалоб от жителей

Экологические организации	Наличие экологической сертификации (ISO 14001), публичная отчётность о выбросах, инвестиции в природоохранные технологии
Государство	Своевременность уплаты налогов, отсутствие административных штрафов, выполнение предписаний надзора
Покупатели	Доля рекламаций, соблюдение сроков поставок

Для СУМЗ, где экологическая тема имеет высокую чувствительность (город Ревда находится в зоне влияния металлургического производства), такие индикаторы не менее важны, чем тонны выплавленной меди.

Проведённый анализ заинтересованных сторон АО «СУМЗ» показывает, что оценка результативности деятельности организации не может ограничиваться производственными или финансовыми показателями. Интересы групп влияния – особенно сотрудников, государства, местного сообщества и экологических организаций – напрямую воздействуют на долгосрочную устойчивость и репутацию предприятия.

Наибольшей силой влияния на СУМЗ обладают собственник (УГМК), государственные органы и работники. Однако экологические и социальные группы, имея среднюю формальную силу, способны через общественное давление снижать результативность.

Для комплексной оценки результативности необходимо включить нефинансовые критерии, отражающие степень удовлетворения ключевых интересов – безопасность, экологичность, социальная отзывчивость.

Рекомендуется внедрить систему сбалансированных показателей, адаптированную для металлургического предприятия, где перспектива «Общество и окружающая среда» будет иметь вес, сопоставимый с финансовой [5].

Практическая значимость статьи заключается в том, что предложенный подход может быть использован как для внутреннего мониторинга результативности на СУМЗ, так и для других градообразующих предприятий цветной металлургии.

Для АО «СУМЗ» критически важно выстраивать сбалансированные отношения со всеми группами влияния. Наибольшее воздействие на деятельность предприятия оказывают:

- УГМК — как собственник, определяющий стратегию;
- государственные органы — через регулирование и контроль;

- местное сообщество и экологические организации — из-за высокой чувствительности темы экологии в регионе.

Эффективное управление интересами этих групп позволит обеспечить устойчивое развитие завода, минимизировать риски (экологические, социальные, финансовые) и укрепить его позиции как ключевого предприятия цветной металлургии в Свердловской области.

Литература:

1. Официальный сайт АО «СУМЗ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sumz.umn.ru/ru/ (дата обращения 05.05.2026)

2. Центр раскрытия корпоративной информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://e-disclosure.ru/portal/company.aspx?id=124 (дата обращения 05.05.2026)

3. Портал «Чекко»: АО «Среднеуральский медеплавильный завод» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://checko.ru/company/sasmz-1026601641791 (дата обращения 05.05.2026)

4. Freeman R.E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. – Boston: Pitman, 1984. – 276 p.

5. Каплан Р.С., Нортон Д.П. Сбалансированная система показателей. – М.: Олимп-Бизнес, 2003. – 304 с.

6. Интернет-энциклопедия «Рувики»: СУМЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Среднеуральский_медеплавильный_завод (дата обращения 05.05.2026)

Черняев Александр Сергеевич
Chernyaev Alexander Sergeevich
магистрант кафедры юриспруденции
Смоленский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: al.cherniaev2017@yandex.ru

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОФИЛАКТИКЕ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА

PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF LEGISLATION ON THE PREVENTION OF NEGLECT AND SOCIAL ORPHANHOOD

Аннотация. В статье анализируются актуальные вопросы прокурорского надзора за правоприменением в сфере защиты интересов несовершеннолетних и детей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Приоритетное выделение прокуратурой надзора за защитой прав несовершеннолетних обусловлено задачей строгого контроля исполнения нормативно-правовых актов, регулирующих данные сферы. В предмет надзорной деятельности прокуратуры входит контроль за исполнением нормативных актов, касающихся профилактики безнадзорности и социального сиротства. Немаловажное значение имеет изучение законодательных норм, на которых базируется профилактика данных вопросов, в том числе выявление недостатков в действующей нормативной базе. Общественные отношения, связанные с соблюдением законодательства и защиты интересов несовершеннолетних невозможны без исследования теоретических вопросов прокурорского реагирования и контроля в данной области.

Abstract. The article analyzes current issues of prosecutorial supervision of law enforcement in the field of protecting the interests of minors and children in difficult situations. The Prosecutor's Office's priority allocation of supervision over the protection of minors' rights is due to the task of strict control over the implementation of regulatory legal acts regulating these areas. The subject of the Prosecutor's Office's supervisory activities includes monitoring the implementation of regulations related to the prevention of neglect and social orphan hood. It is of great importance to study the legislative norms on which the prevention of these issues is based, including the identification of deficiencies in the current regulatory framework. Public relations related to the observance of legislation and the protection of the interests of minors are impossible without exploring the theoretical issues of prosecutorial response and control in this area.

Ключевые слова: прокурорский надзор, профилактика безнадзорности, права несовершеннолетних, защита прав, социальное сиротство.

Keywords: prosecutor's supervision, prevention of neglect, rights of minors, protection of rights, social orphan hood.

Президент В. В. Путин подчеркнул, что главной задачей прокуратуры является защита прав детей, несовершеннолетних, формирование эффективной системы противодействия угрозам, посягательствам и нарушениям в отношении

несовершеннолетних [1]. Служба надзора обеспечивает достижение обозначенной задачи путем реализации охраны прав несовершеннолетних и обеспечения их безопасности. Охрана прав ребенка и формирование молодого поколения в России включены в перечень ключевых государственных задач, где результативность каждой ступени в системе предупреждения беспризорности и правонарушений несовершеннолетних существенно влияет на обеспечение безопасности и благополучия юных граждан, системы предупреждения беспризорности и правонарушений в стране в целом. Эффективность принимаемых мер определяется тем, как выстроена соответствующая система, насколько разработано правовое обеспечение, с какой степенью действенности осуществляется прокурорский надзор в обозначенной сфере.

Проблематика, связанная с предметом прокурорского надзора, неизменно занимала ведущее место в научных дискуссиях правоведов как советского периода, так и современной эпохи. В современном правовом поле доминирующей является концепция, которая делит предмет прокурорского надзора на две ключевые части: законность мероприятий, осуществляемых компетентными органами и должностными лицами, и законность их правовых актов [2].

В работе прокуратуры особая роль отводится организации прокурорского надзора за соблюдением законодательства в сфере профилактики беспризорности и правонарушений несовершеннолетних.

В ходе рабочих совещаний на межведомственных советах, возглавляемых заместителями Генерального прокурора, подчеркивалось, что среди применяемых методов борьбы с подростковой преступностью существуют определенные недостатки, которые требуют уточнения в деятельности уполномоченных государственных структур [3]. Что касается правового воспитания несовершеннолетних граждан, то стоит отметить, что основной проблемой является отсутствие эффективной системы правового воспитания в образовательных организациях. «Для того, чтобы глубже понять проблему и выработать меры профилактики правонарушений, следует наметить решение таких задач, как изучение преступности среди подростков; выявление причин и условий, которые приводят к увеличению преступности молодежи; изучение специфики применения санкций в отношении несовершеннолетних; разработка эффективных мер профилактики по борьбе с преступностью в молодежной среде» [4, с.439].

Учитывая, что прокурорский надзор в области обеспечения законности в профилактике беспризорности и предотвращении противоправных действий несовершеннолетних представляет собой разновидность деятельности органов прокуратуры, направленную на проверку исполнения в этой сфере законодательных требований, относящихся к компетенции соответствующих учреждений, правильным будет рассматривать правовое регулирование прокурорского надзора в части соблюдения мер профилактики беспризорности и правонарушений среди несовершеннолетних как установленную законом сущность прокурорского надзора и определенный вариант реализации надзорных функций в указанной области.

Из-за сложности осуществления надзора в данной сфере, прокурорам приходится использовать т.н. «межотраслевые принципы, затрагивающие смежные отрасли права» [5, с.52], что является довольно частой практикой надзорных органов.

К базовому классу правовых актов относятся документы, устанавливающие структуру и порядок реализации надзорных полномочий прокуратуры, в особенности связанные с исполнением законодательства в части профилактики беспризорности и правонарушений несовершеннолетних.

Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 закрепляет прокурорский надзор и правовую основу организации деятельности прокуратуры в сфере реализации надзорной функции, определяет и регламентирует порядок и содержание надзорных действий, осуществляемого прокуратурой контроля за соблюдением законности [6].

Ведомственная компетенция прокуратуры в рассматриваемом направлении определяется нормативными актами, которые регулируют деятельность ведомств, выполняющих контрольные и профилактические задачи в сфере безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, причем среди таких нормативных актов выделяется Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах профилактических мероприятий по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [7].

Генеральный прокурор РФ в приказе от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, обеспечением защиты их прав и интересов» требует «ответственным должностным лицам органов профилактики добиваться неукоснительного исполнения законодательства по выявлению беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних, а

также социально опасных семей с последующим направлением сведений в компетентные органы для обеспечения восстановления и защиты прав детей» [8].

На сегодняшний день в российском законодательстве отсутствует единый нормативный акт Генерального прокурора, системно регламентирующий функции прокуратуры по предупреждению детской беспризорности и несовершеннолетней преступности. Действующие приказы прокурора лишь отчасти регулируют нормы прокурорского надзора, что обосновывает необходимость разработки и утверждения специализированного ведомственного указания Генпрокурора «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о профилактике преступлений несовершеннолетних и предупреждении беспризорности». В предлагаемых изменениях должно быть закреплено, что прокурорам необходимо осуществлять регулярный системный анализ причин невыполнения или ненадлежащего исполнения предусмотренных законодательством обязательств органами и должностными лицами, выявлять нарушения и применять меры ответственности вплоть до снятия с должности.

В Федеральном законе от 24.07.1998 № 124-ФЗ закреплены приоритетные права детей, реализуемые безусловно и без ограничений субъектами профилактики. В приоритете отстоять права ребенка – это главное при формировании эффективной системы профилактики [9].

В целях предупреждения противоправных действий со стороны несовершеннолетних и пресечения самовольных поступков, сотрудники правоохранительных органов уполномочены реализовывать меры, закрепленные в пункте 4 части 1 статьи 12 ФЗ от 07.02.2011 № 6-ФЗ. Так полномочия государственных органов, занимающихся делами несовершеннолетних и защищающих интересы детей, определяются в установленном порядке Правительством РФ от 06.11.2013 № 995 «Об утверждении типового положения комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав» [10], и в региональных правовых актах, что приводит к отсутствию единообразного подхода к применению норм права и неполному обеспечению правовой защиты детства в целом. В связи с изложенным представляется целесообразным создание и утверждение федерального законодательного акта, который обеспечит единую систему формирования комиссий по делам несовершеннолетних и определения полномочий, включающих координацию профилактической деятельности и

рассмотрение дел административного характера с участием прокурорских работников на всех стадиях.

Современный правовой механизм регулирования деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и охране их законных интересов недостаточно эффективен, что ухудшает показатели их работы, о чем свидетельствуют результаты проверок прокуратуры и частые типичные нарушения исполнения комиссионных функций.

Проведенный анализ выявил, что законодательная база содержит значимые пробелы относительно регулирования функций органов профилактики, осуществляющих контрольную деятельность. Не отлажен механизм взаимодействия с органами опеки, семьи. Важно, чтобы государство, образовательные учреждения и семья работали вместе для обеспечения эффективности правового воспитания и построения законопослушного общества [11, с. 87-88].

Ряд пробелов обнаружился в нормативных актах на федеральном и региональном уровнях. Среди них – нормативные правовые акты субъектов Федерации. В ряде субъектов они являются на практике основополагающими. В качестве примера можно привести Постановление Администрации Смоленской области от 27.06.2022 № 430 «Об утверждении региональной программы «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на территории Смоленской области в период 2022 - 2026 годов» [12]. Также на территории Смоленской области приняты нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, которые определяют их полномочия, компетенцию и организационные принципы их работы. Таким образом, в сфере прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних, несмотря на наличие ряда позитивных тенденций, накоплен значительный пласт проблем и противоречий, как законодательного, так и правоприменительного характера, существенно снижающих эффективность защиты прав и законных интересов несовершеннолетних оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Уместным является использование опыта, накопленного еще в советское время, связанного усилением «профилактической работы по предупреждению преступлений, укреплению связей с общественностью» [13, с. 63]. Необходимо учитывать и проблемы, связанные с вопросами «повышения качества прокурорского надзора выдвигающими задачу кадрового обеспечения правовой реформы» [14, с.4].

Литература:

1. Путин В.В. отметил важность охраны прав несовершеннолетних. – URL: https://ria.ru/20200317/1568725229.html (дата обращения 07.05.2026).

2. Прокурорский надзор: учебник / О. А. Кожевников, В. С. Балакшин, С. Л. Дегтярев [и др.]; под ред. О. А. Кожевникова. – М.: Юстиция, 2024. – 153 с.

3. «Прокурор информирует». – URL: https://pervmo.rk.gov.ru/structure

4. Федоскин, Н. Н. Влияние правового образования и воспитания на профилактику социально-негативных явлений в молодежной среде / Н. Н. Федоскин, Е. О. Буженко // Молодежная инициатива - 2025: сборник статей городской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 08 февраля – 09 февраля 2025 года. – Ростов-на-Дону: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", 2025. – С. 438-441. – EDN FAXGGD.

5. Куликова, О. Н. Межотраслевые принципы уголовно-исполнительного права в уголовном судопроизводстве / О. Н. Куликова, Н. Н. Федоскин // Юридическая наука. – 2020. – № 1. – С. 52-54. – EDN NHOGAT.

6. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-I (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 20.11.1995, N 47, ст. 4472.

7. Федеральный закон от 24.06.1999 N 120-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // «Собрание законодательства РФ», 28.06.1999, N 26 ст. 3177.

8. Приказ Генпрокуратуры России от 13.12.2021 N 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» // СПС «Консультант Плюс».

9. Федеральный закон от 24.07.1998 N 124-ФЗ (ред. от 04.11.2025) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 03.08.1998, N 31, ст. 3802.

10. Постановление Правительства РФ от 06.11.2013 N 995 (ред. от 10.02.2020) «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» // «Собрание законодательства РФ», 11.11.2013, N 45. ст. 5829.

11. Комиссарова, Е. А. Правосознание и правовое воспитание как составные части правовой культуры / Е. А. Комиссарова, Н. Н. Федоскин // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 3-1(90). – С. 87-90. – DOI 10.24412/2500-1000-2024-3-1-87-90. – EDN ZHZBIC.

12. Постановление Администрации Смоленской области от 27.06.2022 N 430 «Об утверждении региональной программы «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на территории Смоленской области» на 2022 - 2026 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 01.07.2022.

13. О состоянии борьбы с хулиганством в Советском Союзе 1960-гг. на примере Смоленской области / А. М. Иванов, А. Е. Ковалева, Э. А. Котова [и др.] // Исторический бюллетень. – 2023. – Т. 6, № 4. – С. 62-65. – EDN GAPQAT.

14. Федоскин, Н. Н. Формирование системы гуманистических ценностей у сотрудников правоохранительных органов: специальность 13.00.08 "Теория и методика профессионального образования": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Федоскин Николай Николаевич. – Москва, 2005. – 26 с. – EDN NJVBHX.

Сатвалдиев Кайрат Ильясович
Satvaldiev Kairat Ilyasovich
студент
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОЖАРАМИ И ПОДЖОГАМИ

CHARACTERISTICS OF INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO FIRES AND ARSONING

Аннотация. В статье рассматриваются криминалистические особенности расследования преступлений, связанных с пожарами и поджогами. Обосновывается, что расследование таких преступлений отличается высокой сложностью из-за разрушительного характера огня, изменения обстановки в ходе тушения, необходимости специальных знаний, многообразия возможных причин возгорания и сложности разграничения умысла, неосторожности и несчастного случая. Особое внимание уделяется первоначальному осмотру места пожара, построению следственных версий, допросу очевидцев, участию специалистов, назначению пожарно-технической экспертизы.

Abstract. This article examines the forensic aspects of investigating crimes involving fires and arson. It is argued that investigating such crimes is highly complex due to the destructive nature of the fire, the changing circumstances during firefighting, the need for specialized knowledge, the variety of possible causes of fire, and the difficulty of distinguishing between intent, negligence, and accident. Particular attention is paid to the initial inspection of the fire scene, developing investigative leads, interviewing eyewitnesses, involving specialists, and commissioning a fire-technical examination.

Ключевые слова: криминалистика, расследование пожаров, поджог, пожарно-техническая экспертиза, осмотр места происшествия, следственные версии, пожарная безопасность.

Keywords: forensics, fire investigation, arson, fire-technical examination, crime scene inspection, investigative leads, fire safety.

Пожары и поджоги занимают особое место в криминалистике, поскольку огонь одновременно является разрушительным фактором, средством преступления, источником следов и причиной их уничтожения. В обычном преступлении следователь часто работает с относительно устойчивой обстановкой: предметы, следы, документы, положение объектов могут сохраняться до осмотра. При пожаре сама обстановка события быстро изменяется: горение уничтожает предметы, деформирует конструкции, изменяет цвет и структуру материалов, перемещает продукты горения, а действия пожарно-спасательных подразделений, необходимые для спасения людей и тушения,

дополнительно меняют место происшествия. Поэтому расследование пожара требует особой скорости, осторожности и участия специалистов. Ошибка на первоначальном этапе может привести к утрате возможности установить очаг, причину, механизм распространения огня и форму вины.

Актуальность темы подтверждается масштабом пожарной обстановки. По анализу МЧС России за 12 месяцев 2025 года, в Российской Федерации произошло 347 210 пожаров, на которых погибло 7 545 человек, в том числе 378 несовершеннолетних; травмы получили 8 341 человек, а прямой материальный ущерб составил более 19 млрд рублей. Эти данные показывают, что пожары являются не только бытовой или технической проблемой, но и значимым объектом криминалистического, уголовно-правового и профилактического внимания [4].

Пленум Верховного Суда РФ разъяснял, что умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом по части 2 статьи 167 УК РФ [1] требует реального причинения потерпевшему значительного ущерба; если последствия не наступили по независящим от виновного причинам, содеянное при наличии умысла может рассматриваться как покушение. Верховный Суд также обращал внимание на разграничение статей, связанных с пожаром, и на то, что нарушение требований пожарной безопасности по статье 219 УК РФ не обязательно связано с самим фактом возникновения пожара, если наступили предусмотренные законом последствия. Эти разъяснения имеют криминалистическое значение, потому что следователь должен устанавливать не только техническую причину горения, но и юридически значимые последствия, способ, умысел, неосторожность, обязанность соблюдать правила и причинную связь [3].

Первоначальный этап расследования пожара начинается с обеспечения безопасности и сохранности места происшествия. До осмотра необходимо учитывать угрозу обрушения конструкций, повторного возгорания, задымления, наличия электрического напряжения, газа, химических веществ и иных опасных факторов. Но одновременно нельзя допустить бесконтрольного перемещения предметов, вывоза мусора, разборки конструкций, уничтожения остатков проводки, отопительных устройств, емкостей, документов, видеорегистраторов и иных потенциальных источников информации. Место пожара должно рассматриваться не как разрушенный объект, а как сложная система следов, где положение обгоревших предметов,

направление распространения огня, степень термического повреждения, состояние конструкций и следы тушения могут иметь доказательственное значение.

Осмотр места пожара является центральным следственным действием. УПК РФ [2] предусматривает осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов в целях обнаружения следов преступления и выяснения обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела; осмотр места происшествия, документов и предметов может производиться до возбуждения уголовного дела. Для пожара эта возможность особенно важна, потому что промедление может привести к потере следов. Осмотр должен проводиться с участием специалиста пожарно-технического профиля, а при необходимости — электрика, строителя, взрывотехника, криминалиста, судебного медика, специалиста по газовому оборудованию или цифровым системам. Следователь не должен подменять специалиста, но обязан организовать осмотр так, чтобы были зафиксированы обстоятельства, важные для последующей экспертизы.

Главная криминалистическая задача осмотра — установить зону наибольших термических повреждений, предполагаемый очаг пожара, направление распространения горения, возможный источник зажигания, условия развития пожара и признаки, указывающие на случайный, неосторожный или умышленный характер события [5, с. 110]. При этом важно избегать преждевременных выводов. Очаг пожара не всегда совпадает с местом наиболее сильных разрушений, потому что интенсивность горения зависит от материалов, вентиляции, конструкции помещения, действий по тушению, обрушения перекрытий и других факторов.

При расследовании поджога особое значение имеет построение версий. Первичная версия о поджоге может возникнуть при наличии данных о конфликте, угрозах, страховании имущества, попытке скрыть другое преступление, нескольких очагах горения, необычном времени возникновения пожара, признаках проникновения, отключении сигнализации, исчезновении ценного имущества, предшествующих спорах или иных обстоятельствах. Но такие признаки не должны восприниматься механически. Например, страхование объекта само по себе не доказывает инсценировку, а конфликт с потерпевшим не доказывает умысел на поджог. Версия должна проверяться через совокупность фактических данных: технические выводы, показания очевидцев, видеозаписи, телефонные соединения, финансовые обстоятельства, следы

проникновения, алиби, поведение после пожара и состояние объекта до происшествия [6, с. 225].

Допрос очевидцев и участников тушения имеет особое значение, потому что часть признаков пожара исчезает уже до прибытия следственно-оперативной группы. Очевидцы могут сообщить, откуда первоначально шел дым, какого цвета было пламя, были ли хлопки, запахи, вспышки, открыты ли окна и двери, кто находился рядом с объектом, какие звуки предшествовали пожару, как вел себя собственник или иное заинтересованное лицо. Пожарные и спасатели могут дать сведения о состоянии дверей, окон, запоров, обстановке внутри помещения до активного разбора конструкций, очагах горения, особенностях распространения огня, наличии препятствий для тушения и состоянии инженерных систем. Эти показания особенно ценны, если они получены вскоре после события, пока память не искажена обсуждениями и предположениями.

Пожарно-техническая экспертиза играет ключевую роль в расследовании. Ее предметом является исследование закономерностей возникновения, развития и следообразования пожара. В типичных случаях экспертиза решает вопросы о месте расположения очага, направлениях распространения огня, технической причине возникновения пожара, наличии признаков использования интенсификаторов горения, состоянии электрических, отопительных, газовых или иных систем, а также о соответствии действий и условий требованиям пожарной безопасности. Экспертное исследование не должно подменять правовую оценку: эксперт устанавливает техническую причину и механизм, а вопрос о виновности, умысле и квалификации решается следствием и судом.

Одна из типичных ошибок расследования пожаров состоит в смешении технической причины и юридической причины. Техническая причина отвечает на вопрос, какой источник зажигания, какой материал и при каких условиях вступили во взаимодействие, приведшее к горению. Юридическая причина отвечает на вопрос, чьи действия или бездействие создали эти условия и являются ли они уголовно значимыми. В формулировке непосредственной технической причины по возможности должны быть названы источник зажигания, загоревшееся вещество или материал и процесс их взаимодействия, без правовых оценок вроде «неосторожное обращение с огнем».

Пожарно-техническое исследование требует правильного изъятия объектов. Остатки проводов, электрических приборов, защитных устройств, фрагменты

отделочных материалов, обгоревшие емкости, элементы запорных устройств, образцы грунта или материалов, документы, электронные регистраторы, блоки сигнализации и видеонаблюдения должны изыматься с указанием точного места обнаружения, состояния, упаковки и связи с общей схемой осмотра. Если объект изъят без привязки к месту, его экспертное значение снижается. При пожаре особенно важны фото- и видеосъемка, планы, схемы, ориентация по сторонам света, указание уровней, помещений, зон повреждения и путей распространения огня.

В заключении отметим, что расследование пожаров является весьма специфичным и сложным процессом, требующим применение специальных знаний в области пожарной безопасности. Именно на результатах следственных действий и экспертиз строится основная доказательственная база по уголовному делу.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 N 14 (ред. от 18.10.2012) "О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем" // "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 8, 2002.

4. Анализ обстановки с пожарами и их последствиями на территории Российской Федерации за 12 месяцев 2025 г. URL: https://vdpo64.ru/uploadedFiles/files/Analiz_obstanovki_s_pozharami_RF_za_2025.pdf?ysclid=mpo764dx62767253546 (дата обращения: 27.05.2026).

5. Базоров, Н. П. Особенности расследования и раскрытия дел, связанных с пожарами и поджогами / Н. П. Базоров, И. Д. Коновалов // Правовая позиция. – 2025. – № 7(68). – С. 107-114.

6. Максимов, Д. Ю. Методика расследования пожаров, возникших в результате поджога / Д. Ю. Максимов, Д. А. Бесперстов // Актуальные проблемы организации повседневной деятельности в РСЧС и гражданской обороне. 2026. – С. 223-226.

Крючкова Влада Александровна
Kryuchkova Vlada Alexandrovna
студент
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики»

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ИСТОРИКО ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

DISCIPLINARY LIABILITY OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES: HISTORICAL LEGAL ASPECT

Аннотация. В данной статье рассматриваются историко-правовые аспекты становления и развития дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел. Также, проводится анализ правовых норм, регулировавших служебную дисциплину в различные хронологические периоды, выявляются характерные черты и тенденции эволюции данного института. Особое внимание уделяется сопоставлению исторических моделей дисциплинарного воздействия и их влиянию на современную систему дисциплинарной ответственности, особенностям дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД, обусловленным спецификой их служебной деятельности.

Abstract. The article discusses the historical and legal aspects of the formation and development of disciplinary responsibility of employees of the internal affairs bodies. An analysis of the legal norms governing official discipline in various historical periods is carried out, characteristic features and trends in the evolution of this institution are revealed. Particular attention is paid to the comparison of historical models of disciplinary impact and their impact on the modern system of disciplinary responsibility, the peculiarities of disciplinary responsibility of ATS employees due to the specifics of their performance.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, органы внутренних дел, служебная дисциплина, история права, правовой статус сотрудника, дисциплинарные взыскания.

Keywords: disciplinary liability, internal affairs bodies, official discipline, legal history, legal status of the employee, disciplinary sanctions.

Общее историческое становление и развитие института дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел (здесь и далее – ОВД) неразрывно связано с историей формирования самого государства, его правоохранительной системы и системы взысканий. На протяжении прошедших веков, начиная с зарождения первых форм организации исполнительной власти, вопросы поддержания правопорядка и дисциплины в рядах служащих, выполнявших функции осуществления охраны правопорядка, находили своё отражение в законодательных актах и ведомственных уставах разного времени.

Отметим тот факт, что историческая ретроспектива дисциплинарной

ответственности сотрудников органов внутренних дел раскрывает её эволюцию от разрозненных предписаний к системному механизму.

Как утверждает в своем труде Т. А. Малыхина, в период царской России, где зарождались профессиональные полицейские структуры, «…дисциплина часто опиралась на палочную систему и личную инициативу командиров, что порождало произвол и коррупцию. В советский период, с формированием милиции, дисциплинарная ответственность стала неотъемлемой частью идеологической мотивации и строгой централизации, отражая общую линию партии. Однако и в этот период, несмотря на формальные нормы, практические аспекты зачастую приводили к снижению эффективности и нарушению прав граждан» [4, 9].

Следует отметить также, что зарождение основ дисциплинарной ответственности в России, как отмечает в своем диссертационном исследовании В. Н. Опарин, «…можно проследить ещё со времен формирования приказов и стрелецких подразделений. Уже тогда существовали нормы, предписывающие порядок несения службы, устанавливающие наказания за его нарушение. Однако, по-настоящему системный характер, дисциплинарная ответственность приобретает только с образованием регулярной армии и полиции. При Петре I, с введением Воинских уставов, где подробно регламентировались обязанности военнослужащих и меры воздействия за их несоблюдение, закладывались основы для будущих уставов, применимых и к службам, связанным с охраной правопорядка» [6, 9].

В XIX веке, в период создания первой профессиональной полиции, как указано в монографии Т. А. Малыхиной, формирование дисциплинарной ответственности приобретает уже более комплексный характер. Появляются многочисленные уставы и инструкции, регламентирующие служебную деятельность, порядок подчинения, а также виды дисциплинарных взысканий. Также, существенным является то обстоятельство, что в этот период дисциплинарная ответственность зачастую носила более репрессивный характер, не всегда уделяя должное внимание индивидуальным особенностям сотрудника, его заслугам и объективности оценки его действий [4, 45].

Также, исследователь В. Н. Опарин отмечает, что «…формирование института дисциплинарной ответственности в органах внутренних дел началось после Октябрьской революции 1917 года. Первым значимым нормативным актом дисциплинарного взыскания стал Дисциплинарный устав для служащих Советской

Рабоче-Крестьянской милиции, утверждённый 22 августа 1919 года. В нём понятие «дисциплина» рассматривалось как выполнение служебных обязанностей в интересах РСФСР» [6, 10].

Е. А. Шурупова указывает на то обстоятельство, что основные черты дисциплинарного производства советского периода (от начала становления Устава 1919 года) были выстроены относительно следующего порядка [7, 30]:

– персональный подход к выбору взыскания с учётом степени вины, стажа службы и обстоятельств проступка;

– полномочия начальников по наложению дисциплинарных взысканий;

– выделение стадий дисциплинарного производства: расследование проступка, наложение взыскания, исполнение (в т.ч. смещение с должности и увольнение), обжалование [7].

Также, Е. А. Шурупова отмечает, что в 1923 году был принят новый Дисциплинарный устав Рабоче-Крестьянской Красной милиции, который [7, 39]:

– ввёл понятия «революционной милицейской дисциплины» и «проступка против милицейской дисциплины»;

– сохранил дифференциацию взысканий для разных категорий сотрудников (рядовой, младший, средний, старший и высший начальствующий состав);

– детально регламентировал порядок наложения и обжалования взысканий;

– различал неоднократное, существенное нарушение дисциплины и проступок вне службы.

Ряд исследователей (такие как: С. А. Власова [1], В. И. Ковшевацкий [3], В. Н. Опарин [6] и другие) отмечают, что советский период принёс уже существенные изменения в законодательство, регулирующее деятельность правоохранительных органов. Так, по ходу развития социалистического государства и его идеологии, по мнению С. А. Власовой, дисциплинарная ответственность сотрудников милиции (предшественницы современных ОВД) была направлена на обеспечение лояльности к власти, высокую эффективность выполнения поставленных задач и безупречное соблюдение законности. Введение трудовых кодексов и других нормативных актов, хотя и не напрямую, но всё же оказало влияние на формирование и регудирование дисциплинарной практики, внося элементы как жёсткости, так и определённой процессуальности в данной сфере [1, 42-43].

В работе А. Н. Корниенко находят подтверждение факты о том, что с образованием Российской Федерации и принятием нового законодательства, в том числе Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», весь институт дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД, получил дальнейшее новое развитие. Так, уже современное законодательство нацелено на сочетание строгости и справедливости, обеспечивая защиту прав сотрудников, но при этом гарантируя строгое соблюдение служебной дисциплины [2, 216].

Согласно исследованиям Н. П. Маюрова, можно заключить, что по ходу своего исторического развития, особую значимость в системе дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД приобретают такие черты, как [5]:

– Законность исполнения – привлечение к ответственности осуществляется исключительно на основании закона, с соблюдением установленной процедуры.

– Целесообразность взыскания – дисциплинарное взыскание должно соответствовать тяжести проступка, обстоятельствам его совершения и личности сотрудника.

– Неотвратимость наказания – за совершённый проступок следует наступление дисциплинарной ответственности, независимо от положения сотрудника.

– Оперативность расследования – решения о привлечении к ответственности должны приниматься своевременно, чтобы сохранить эффективность дисциплинарных мер.

– Индивидуализация рассмотрения дел – учитываются все нюансы, связанные с личностью сотрудника, его служебным положением, предыдущим поведением.

Стоит отметить, что несмотря на прогресс в правовом регулировании за последние десятилетия, на наш взгляд, остаются нерешёнными ряд проблем:

– неоднозначность толкования «аморальных проступков», порочащих честь сотрудника;

– длительность проведения служебных проверок;

– сложности обжалования взысканий в административном порядке.

Однако, можно отметить также следующие перспективные направлениями развития:

– внедрение цифровых технологий для учёта взысканий и автоматизации

дисциплинарного производства;

– уточнение критериев соразмерности взыскания и проступка в ведомственных актах;

– усиление профилактической работы по предупреждению нарушений служебной дисциплины.

В ходе анализа вышесказанного отметим, что изучение исторического опыта позволяет не только глубже понять природу дисциплинарного производства, но и использовать накопленные знания для его дальнейшего совершенствования в условиях современных вызовов.

Подводя итог заметим, что на данном этапе исторического развития, современная дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел в Российской Федерации, представляет собой сложную комплексную составляющую правовых норм, направленных на обеспечение законности, порядка и профессионализма. Она регулируется Федеральным законом «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и соответствующими ведомственными приказами. Ключевым аспектом является четкое определение видов дисциплинарных взысканий, от замечания до увольнения, а также процедура их наложения.

Важнейшим нюансом, по мнению ряда ученых-исследователей в области права, является баланс между строгостью дисциплинарного воздействия и соблюдением прав сотрудника. Следовательно, процедура проведения служебной проверки должна быть максимально объективной и прозрачной, исключая предвзятость и необоснованные обвинения. Важно, чтобы сотрудник имел возможность ознакомиться с материалами проверки, представить свои возражения и доказательства, а также получить правовую помощь. Несомненно, анализ исторического пути дисциплинарной ответственности сотрудников правоохранительных органов выявляет закономерности, а также особенности дисциплинарной эволюции, актуальные для современных реформ. Напротив, факты безнаказанности или, тем более, избирательного применения мер дисциплинарного воздействия подрывают авторитет ОВД и создают предпосылки для роста социальной напряженности.

В свете вышесказанного становится понятно, что совершенствование системы дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел – это

непрерывный процесс. Такой процесс требует постоянного исторического анализа правоприменительной практики, учета мнения как самих сотрудников, так и общественности. Только такой комплексный подход позволит обеспечить подлинную законность, порядок и профессионализм в деятельности органов внутренних дел на современном этапе развития, что является залогом стабильности и безопасности общества.

Таким образом, историко-правовой аспект дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД демонстрирует непрерывный процесс её эволюции и до нынешнего времени, направленный на совершенствование механизмов поддержания служебной дисциплины, укрепление законности и обеспечение высокого уровня доверия со стороны общества к правоохранительным органам.

Литература:

1. Власова С. А. Предупредительные меры в административно-правовой деятельности / С. А. Власова // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. –2009. – № 7. – С. 41-45.

2. Корниенко А. Н. Понятие дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел / А. Н. Корниенко // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. – 2016. – № 1 (1). – С. 214-223.

3. Кошевацкий В. И. К вопросу о сущности и правовой природе административного принуждения / В. И. Кошевацкий // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 6. – С. 101-103.

4. Малыхина Т. А. Дисциплинарное производство в органах внутренних дел Российской Федерации / Т. А. Малыхина. – Москва, 2017. – 236 с.

5. Маюров Н. П., Бялт В. С. Дисциплинарный устав органов внутренних дел: теория и практика / Н. П. Маюров, В. В. Бялт // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 1. – С. 44-49.

6. Опарин В. Н. Правовое регулирование и применение мер непосредственного принуждения должностными лицами правоохранительных органов Российской Федерации: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. / В. Н. Опарин. – Москва, 2010. – 140 с.

7. Шурупова Е. А. Дисциплинарное производство в органах внутренних дел Российской Федерации: административно-правовой аспект.: авто-реф.дис. ... канд

юрид. наук: 12.00.14 / Е. А. Шурупова. - Челябинск, 2015. - 25 с.

Крючкова Влада Александровна
Kryuchkova Vlada Alexandrovna
студент
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики»

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

CHARACTERISTICS OF DISCIPLINARY LIABILITY FOR EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Аннотация. В статье рассматриваются специфические черты дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел (здесь и далее – ОВД) Российской Федерации. В работе анализируется нормативно-правовая база, регулирующая дисциплинарные правоотношения в системе ОВД, выявляются и описываются ключевые отличия от общегражданской дисциплинарной ответственности, раскрываются особенности субъектов, объектов и санкций дисциплинарного воздействия. Также, особое внимание уделено порядку наложения и обжалования дисциплинарных взысканий, а также роли служебной дисциплины в обеспечении эффективной деятельности правоохранительных органов. На основе проведённого в ходе написания статьи исследования, сформулированы предложения по совершенствованию дисциплинарного производства в ОВД.

Abstract. The article examines the specific features of disciplinary liability of employees of the Internal Affairs bodies (here and further – IA) of the Russian Federation. The work analyzes the legal and regulatory framework governing disciplinary relations in the IA system, highlights the key differences from general civil disciplinary liability, and reveals the specifics of the subjects, objects, and sanctions of disciplinary influence. Special attention is paid to the procedure for imposing and appealing disciplinary penalties, as well as the role of service discipline in ensuring the effective functioning of law enforcement agencies. Based on the research conducted during the writing of this article, proposals have been formulated for improving disciplinary proceedings in law enforcement agencies.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, органы внутренних дел, служебная дисциплина, дисциплинарный проступок, дисциплинарное взыскание, служебная проверка, правовое регулирование, закон.

Keywords: disciplinary responsibility, internal affairs bodies, official discipline, disciplinary offense, disciplinary punishment, official inspection, legal regulation, law.

Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел представляет собой неотъемлемый элемент правового статуса служащего, направленный на поддержание высокого уровня служебной дисциплины, укрепление законности и правопорядка. Также, дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел определяет особый правовой институт, обусловленный спецификой правоохранительной службы [1].

Поэтому, особенность дисциплинарной ответственности заключается в

специфике самой службы, связанной с применением мер государственного принуждения, необходимостью строжайшего соблюдения прав и свобод граждан, а также повышенными рисками и ответственностью. Особенности ее функционирования и эффективного применения предопределены повышенными требованиями к поведению сотрудников, наделённых властными полномочиями и выполняющих функции по охране правопорядка.

Цель данной статьи – выявить и систематизировать основные характерные черты дисциплинарной ответственности в системе ОВД РФ.

Социальную значимость современного этапа развития дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел трудно переоценить, потому она является краеугольным камнем доверия общества к правоохранительным органам. Кроме того, исследователи отмечают, что без должной дисциплины и безупречной репутации сотрудников невозможно обеспечить эффективную борьбу с преступностью и поддержание общественного порядка. Поэтому совершенствование механизмов дисциплинарной ответственности, её правовая и практическая реализация – это на сегодняшний день, – постоянный процесс, требующий внимания как со стороны законодателей, так и руководства самих органов.

Теоретическое исследование нормативной практики при определении ответственности сотрудников органов внутренних дел показало, что правовое регулирование дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД осуществляется комплексом следующий нормативных актов (В. И. Ковшевацкий) [4]:

– Федеральным законом от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

– Дисциплинарным уставом органов внутренних дел;

– Ведомственными приказами МВД России;

– Трудовым законодательством (в субсидиарном порядке) [4].

По мнению исследователя в области административного права И. В. Гончарова, «…сущность дисциплинарной ответственности в ОВД заключается в особых правоотношениях, возникающих между сотрудником и государством в лице руководства органа» [2, 14]. Эти отношения характеризуются подчиненностью, выполнением приказов и распоряжений, а также обязательством добросовестно

исполнять свои служебные обязанности. Нарушение установленных законодателем норм и дисциплинарных правил, служебных инструкций, а также норм этического поведения может повлечь за собой применение дисциплинарных взысканий.

Законодатель отмечает, что ключевое отличие от общегражданской дисциплины заключается в том, что дисциплинарная ответственность ОВД регулируется преимущественно административным и служебным правом, а не трудовым. Согласно заключению Е. Г. Беляевой, известной своими научными трудами, «…дисциплинарная ответственность неотделима от принципов подчинения, следования указаниям руководства и добросовестного выполнения профессиональных обязанностей. Несоблюдение установленных регламентов, служебных директив или этических норм влечет за собой возможность применения мер дисциплинарного воздействия» [1, 63].

А. Н. Корниенко указывает, что дисциплинарная ответственность, по своей сути, также предполагает наличие четкой иерархии и системы контроля. Предполагается, что руководство, как носитель влстных полномочий, имеет право устанавливать правила, а подчиненные – обязанность их соблюдать. Такое иерархическое положение не просто формальность, а фундаментальный аспект функционирования любой организованной структуры, так как отсутствие дисциплины неизбежно ведет к хаосу, снижению эффективности и, в конечном итоге, к деградации системы [3, 214].

Соответственно, применение мер дисциплинарного воздействия является завершающим звеном в цепи формирования и поддержания дисциплины. Ответственность возникает в момент совершения дисциплинарного проступка, который определяется как неисполнение или ненадлежащее исполнение работником своих трудовых обязанностей по вине. Здесь ключевым является фактор вины, исключающий ответственность при наличии объективных причин, таких как форс-мажорные обстоятельства или отсутствие вины работника.

Характерные черты дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД, описываются в научном труде Т. А. Малыхиной [5, 161]:

1. К ответственности привлекаются исключительно лица рядового и начальствующего состава, зачисленные в кадровый состав ОВД. Гражданский персонал органов внутренних дел подлежит дисциплинарной ответственности на основании Трудового кодекса РФ.

2. Объектом нарушения выступает служебная дисциплина – соблюдение порядка

и правил выполнения служебных обязанностей, установленных законодательством, присягой, контрактом, приказами и распоряжениями руководителей. Дисциплинарный проступок может быть связан не только с исполнением служебных обязанностей, но и с поведением вне службы, если оно порочит честь сотрудника ОВД.

3. Дисциплинарная ответственность в ОВД обладает строго индивидуализированным характером, при этом учитываются все обстоятельства и особенности совершения проступка, личность сотрудника, его прошлые заслуги и предыдущее поведение.

Существенным обстоятельством является также процедура привлечения к дисциплинарной ответственности. Она должна быть прозрачной, четко регламентированной и гарантировать работнику право на защиту. Работодатель обязан собрать доказательства вины, получить объяснения от работника и принять обоснованное решение о мере воздействия. Такая процедура обеспечивает справедливость и предотвращает злоупотребления со стороны руководства.

Важно подчеркнуть, что эти меры не должны быть произвольными или карательными. Они призваны служить предупреждением, исправлением и, в крайних случаях, защитой от деструктивного поведения, которое может нанести вред всей организации. К таким мерам, согласно нормам трудового права и корпоративной этики, могут относиться замечание, выговор, а также более существенные санкции, вплоть до увольнения.

В отличие от ст. 192 ТК РФ, к сотрудникам ОВД применяются дополнительные меры воздействия (ч. 1 ст. 50 ФЗ № 342-ФЗ) [6; 4]:

– замечание;

– выговор;

– строгий выговор;

– предупреждение о неполном служебном соответствии;

– перевод на нижестоящую должность в органах внутренних дел;

– увольнение со службы в органах внутренних дел.

Процедура взыскания дисциплинарной ответственности, включает обязательную служебную проверку, в ходе которой устанавливаются:

– факт совершения проступка;

– вина сотрудника;

– обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность;

– причины и условия, способствовавшие совершению проступка.

При этом, сотрудник ОВД вправе обжаловать наложенное взыскание вышестоящему руководителю или в суд. Также, следует отметить, что подача жалобы не приостанавливает исполнение взыскания, если иное не решено уполномоченным лицом. Дисциплинарное взыскание всегда носит персональный характер и применяется только к физическому лицу. Поскольку сотрудники ОВД состоят на государственной службе, дисциплинарное воздействие носит публично-правовой характер и направлено на обеспечение законности и служебной дисциплины в правоохранительной системе. Следует обратить внимание на тот факт, что меры дисциплинарного воздействия не только наказывают за совершённый проступок, но и предупреждают возможные нарушения как со стороны виновного, так и других сотрудников.

Служебная дисциплина в ОВД базируется на осознании сотрудниками своих обязанностей и верности Присяге. Её укрепление достигается через:

– чёткое определение обязанностей и прав сотрудников;

– систематический контроль за исполнением приказов и распоряжений;

– обоснованное применение мер поощрения и взыскания;

– воспитание высоких моральных качеств и профессиональной этики.

Вместе с тем, следует заметить, что практика применения дисциплинарной ответственности выявляет ряд проблем:

– неоднозначность толкования «аморальных проступков», порочащих честь сотрудника;

– недостаточная детализация критериев соразмерности взыскания и проступка;

– длительные сроки проведения служебных проверок;

– сложности обжалования взысканий в административном порядке.

Для повышения эффективности дисциплинарного производства целесообразно:

– уточнить в ведомственных актах критерии оценки тяжести дисциплинарных проступков;

– внедрить электронные системы учёта дисциплинарных взысканий и поощрений;

– сократить сроки проведения служебных проверок без ущерба для их объективности;

– усилить профилактическую работу по предупреждению нарушений служебной дисциплины.

Соглашаясь с исследованиями Т. А. Малыхиной, отметим то обстоятельство, что роль в обеспечении надлежащего проведения дисциплинарного производства играют прокурорский надзор и судебный контроль. При этом прокуратура осуществляет надзор за соблюдением законности на всех этапах производства, а суд в случае обжалования сотрудником наложенного взыскания может проверить обоснованность и законность принятого решения. Такой порядок создает дополнительный механизм гарантии прав и законных интересов сотрудников ОВД.

Следовательно, уточним, что права и обязанности каждого участника дисциплинарного производства в ОВД, представляют собой не простой набор инструкций, а части и неотъемлемые элементы системы, призванной обеспечить общую как служебную дисциплину, так и справедливость по отношению к каждому сотруднику. Такое четкое понимание и точное исполнение законодательных норм, являются залогом доверия к правоохранительной системе и ее авторитета в обществе.

Таким образом можно заключить, что системное применение дисциплинарных мер способствует формированию у сотрудников осознанного отношения к своим обязанностям, повышению профессионализма и укреплению доверия общества к сотрудникам ОВД. Неукоснительное соблюдение дисциплины и неотвратимость наказания за её нарушение являются краеугольным камнем служебной деятельности, обеспечивая эффективность всей системы правоохранительных органов.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что дисциплинарная ответственность сотрудников ОВД обладает рядом характерных черт, обусловленных спецификой правоохранительной деятельности. Её особенности проявляются в субъектном составе, видах взысканий, порядке привлечения к ответственности и целях применения мер воздействия.

Совершенствование основ нормативно-правового регулирования и практики дисциплинарного производства будет способствовать укреплению служебной дисциплины, повышению авторитета органов внутренних дел, четкому соблюдению норм правопорядка и обеспечению законности в их деятельности.

Литература:

1. Беляева Е. Г. Правовой статус участников дисциплинарного производства органов внутренних дел. / Е. Г. Беляева // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – №2(44). – С.63-67.

2. Гончаров И. В. Юридическая ответственность сотрудников органов внутренних дел в Российской Федерации / И. В. Гончаров // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 1. – С. 14-19.

3. Корниенко А. Н. Понятие дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел / А. Н. Корниенко // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. – 2016. – № 1 (1). – С. 214-223.

4. Кошевацкий В. И. К вопросу о сущности и правовой природе административного принуждения / В. И. Кошевацкий // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 6. – С. 101-103.

5. Малыхина Т. А. Дисциплинарное производство в органах внутренних дел Российской Федерации / Т. А. Малыхина. – Москва, 2017. – 236 с.

6. Маюров Н. П., Бялт В. С. Дисциплинарный устав органов внутренних дел: теория и практика / Н. П. Маюров, В. С. Бялт // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 1. – С. 44-49.

Шестакова Елена Васильевна
Shestakova Elena Vasilievna
директор ГАУ «Областной центр реабилитации инвалидов
e-mail: shestakova.ev68@yandex.ru

Любушкина Татьяна Леонидовна
Lyubushkina Tatyana Leonidovna
начальник отдела по делам инвалидов Министерства социальной политики Свердловской области
e-mail: t.lyubushkina@egov66.ru

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ РЕКОМЕНДАЦИЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ КОМАНДЫ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ (ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ) ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ ПОСЛЕ ПРОХОЖДЕНИЯ КУРСА РЕАБИЛИТАЦИИ ПО КОМПЛЕКСНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ И АБИЛИТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ГАУ «ОБЛАСТНОЙ ЦЕНТР РЕАБИЛИТАЦИИ ИНВАЛИДОВ», Г. ЕКАТЕРИНБУРГ)

STRUCTURAL AND SUBSTANTIVE MODEL OF RECOMMENDATIONS FOR AN INTERDISCIPLINARY TEAM TO FORM CONSULTATIONS FOR PARENTS (LEGAL REPRESENTATIVES) OF CHILDREN WITH DISABILITIES AFTER COMPLETING A COURSE OF REHABILITATION IN COMPREHENSIVE REHABILITATION AND HABILITATION (USING THE EXAMPLE OF THE STATE AUTONOMOUS INSTITUTION "REGIONAL CENTER FOR REHABILITATION OF DISABLED PEOPLE", YEKATERINBURG)

Аннотация. В Свердловской области с 2022 года реализуется пилотный проект по оказанию услуг по комплексной реабилитации и абилитации детей-инвалидов. Одним из ключевых, но наименее обеспеченных с нормативно-правовой точки зрения элементов процесса являются рекомендации, выдаваемые родителям специалистами междисциплинарной команды реабилитационной организации по итогу курса оказания услуг. Отсутствие законодательно закрепленного определения понятия «реабилитационные рекомендации», их структуры и требований к содержанию снижает эффективность преемственности реабилитационного процесса между учреждением и семьей в вопросах продолжения реабилитации ребенка в домашних условиях. Целью работы является теоретическое обоснование и представление структурно-содержательной модели реабилитационных рекомендаций для родителей детей-инвалидов, разрабатываемой специалистами междисциплинарной команды. Исследование выполнено с использованием методов теоретического анализа нормативно-правовых актов, научной литературы и моделирования. Теоретическую базу составили: Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ), теория поэтапного формирования умственных действий (П.Я. Гальперин), теория экологических систем (У. Бронфенбреннер), теория самодетерминации (Э. Деси, Р. Райан) и теория привязанности (М. Эйнсворт). В статье систематизированы сущностные характеристики реабилитационных рекомендаций, отличающие их от «советов специалистов» (индивидуализация, императивность, измеримость, обучающий характер). Выделены целевые категории родителей,

нуждающихся в особых подходах к коммуникации. Предложена и детально описана пятикомпонентная структура рекомендаций (целевой, содержательный, организационный, психолого-педагогический, контрольно-оценочный компоненты), интегрирующая все аспекты комплексной реабилитации и абилитации детей-инвалидов. Внедрение предложенной модели позволит повысить компетентность родителей и обеспечить непрерывность коррекционно-развивающей работы в межреабилитационный период.

Abstract. A pilot project for the comprehensive rehabilitation and habilitation of children with disabilities has been implemented in the Sverdlovsk Region since 2022. One of the key, yet least legally supported, elements of the process are recommendations provided to parents by specialists from the interdisciplinary team of a rehabilitation organization. The lack of a legally established definition of "rehabilitation recommendations," their structure, and content requirements reduces the effectiveness of the continuity of the rehabilitation process between the institution and the family when it comes to continuing the child's rehabilitation at home. The aim of this work is to theoretically substantiate and present a structural and substantive model of rehabilitation recommendations for parents of children with disabilities, developed by specialists from an interdisciplinary team. The study was conducted using methods of theoretical analysis of regulatory and legal acts, scientific literature, and modeling. The theoretical framework was based on concepts from the International Classification of Functioning (ICF), the theory of stage-by-stage development of mental actions (P. Ya. Galperin), ecological systems theory (W. Bronfenbrenner), self-determination theory (E. Deci, R. Ryan), and attachment theory (M. Ainsworth). This article systematizes the essential characteristics of rehabilitation recommendations that distinguish them from "advice" (individualization, imperativeness, measurability, and instructional nature). Target categories of parents requiring specific communication approaches are identified. A five-component structure of recommendations (target, content, organizational, psychological and pedagogical, and monitoring and evaluation components) is proposed and described in detail, integrating all aspects of the comprehensive rehabilitation of children with disabilities. Implementation of the proposed model will standardize the process of documentation of rehabilitation, improve parental competence, and ensure the continuity of correctional and developmental work between rehabilitation sessions.

Ключевые слова: дети-инвалиды, реабилитационные рекомендации, междисциплинарная команда специалистов, родители или законные представители, преемственность реабилитации.

Keywords: children with disabilities, rehabilitation recommendations, interdisciplinary team, parents or legal representatives, continuity of rehabilitation.

Введение

Актуальность исследования обусловлена реализацией пилотного проекта по оказанию услуг по комплексной реабилитации и абилитации детей-инвалидов в организациях социального обслуживания Свердловской области с 2022 года в соответствии с постановлением Правительства РФ от 17.12.2021 № 2339 «О реализации пилотного проекта по оказанию услуг по комплексной реабилитации и абилитации детей-инвалидов» [8]. Приказ Минтруда России от 06.02.2024 № 46н «Об утверждении

форм документов для организации и приобретения комплексной реабилитации и абилитации в пользу детей-инвалидов и порядка их формирования» [6] в разделе VII «Рекомендации междисциплинарной реабилитационной команды организации, оказывающей услуги по комплексной реабилитации и абилитации детей-инвалидов, для родителей (иных законных представителей) ребенка-инвалида» предусматривает обязанность формулировать рекомендации для родителей (законных представителей) по дальнейшей организации процесса реабилитации в домашних условиях. Однако анализ действующей нормативно-правовой базы выявляет существенный пробел: отсутствует нормативно-закрепленное определение термина «реабилитационные рекомендации», не утверждена форма документа и не конкретизировано содержание, позволяющее квалифицировать выдаваемый документ именно как рекомендации, а не как общие советы специалистов. Данная ситуация создает риски формального подхода, снижения преемственности между этапами реабилитации и, как следствие, снижения эффективности всего процесса.

Методология

Исследование выполнено с использованием методов теоретического анализа нормативно-правовых актов (постановление Правительства РФ № 2339, приказ Минтруда № 46н, Федеральный закон № 181-ФЗ), научной литературы по специальной психологии и социальной работе, а также метода моделирования. Теоретическую базу составили: Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ) [1]; теория поэтапного формирования умственных действий (П.Я. Гальперин) [3]; теория экологических систем (У. Бронфенбреннер) [15]; теория самодетерминации (Э. Деси, Р. Райан) [16]; теория привязанности (М. Эйнсворт) [13], а также культурно-историческая теория развития высших психических функций (Л.С. Выготский) [2].Типология родителей выделена индуктивным методом на основе анализа типичных обращений и поведения законных представителей детей-инвалидов, проходивших реабилитацию в ГАУ «Областной центр реабилитации инвалидов» г. Екатеринбурга проанализировано 136 обращений за 2022–2025 гг. Модель пятикомпонентной структуры рекомендаций построена путем синтеза биопсихосоциального подхода, принципов SMART [17] и требований к документальному сопровождению реабилитации, обозначенных в нормативно-правовых документах, утвержденных Минтрудом РФ.

Результаты

Целеполагание и определение реабилитационных рекомендаций

Целью данной работы является теоретическое обоснование и разработка методологических оснований и структурно-содержательной модели реабилитационных рекомендаций для родителей (законных представителей) детей-инвалидов, которые могут быть использованы в практике работы междисциплинарных команд.

Обобщая практический опыт работы специалистов ГАУ «Областной центр реабилитации инвалидов» г. Екатеринбурга и требования к эффективности услуг, обозначенные в стандартах предоставления услуг по комплексной реабилитации и абилитации детей-инвалидов, целесообразно рассмотреть следующее определение: реабилитационные рекомендации родителям детей-инвалидов – это структурированный, научно обоснованный и индивидуализированный перечень действий, правил, упражнений и условий, разработанный междисциплинарной командой специалистов для реализации в домашних условиях с целью закрепления и развития реабилитационного результата и улучшения качества жизни ребенка и семьи.

Данный документ принципиально отличается от неструктурированных рекомендаций или общих советов специалистов перечнем сущностных характеристик:

1. **Индивидуальность:** разработка под конкретного ребенка с учетом его целевой реабилитационной группы, возраста, ограничений жизнедеятельности и бытовых условий семьи [15].

2. **Преемственность:** выступают связующим звеном между реабилитационным этапом в организации и реабилитацией в домашних условиях, логически продолжая стратегию специалистов.

3. **Обязательность исполнения (императивность):** в контексте реабилитации – это предписание специалистов (например, по позиционированию), невыполнение которого ведет к ухудшению состояния ребенка. Это не совет, а необходимое условие восстановления и (или) коррекции.

4. **Измеримость и конкретность:** соответствие критериям SMART (конкретность, измеримость, достижимость, релевантность, ограниченность во времени) [17].

5. **Обучающий характер:** специалист при выдаче документа убеждается в том, что родитель понял технику, цель и смысл каждого действия.

Типология родителей, требующих особых коммуникативных стратегий

Эффективность реализации рекомендаций напрямую зависит от психосоциального статуса семьи. На основе анализа типичных ситуаций можно выделить категории родителей, требующих особого внимания и специфических коммуникативных стратегий [10,9]:

а) родители в фазе острого эмоционального переживания (при первичном установлении статуса ребенок-инвалид). Характерны дезориентация и информационный дефицит [4];

б) родители с признаками эмоционального выгорания. Длительная нагрузка истощает компенсаторные ресурсы, что требует включения в рекомендации элементов поддержки самого родителя;

в) родители в трудной жизненной ситуации (включая низкий доход). Хронический стресс снижает доступность развивающей среды [11], что требует особого внимания к материально-техническому компоненту рекомендаций и использованию подручных средств;

г) родители с неадекватными паттернами воспитания (отрицание проблем либо гиперопека). В первом случае требуется работа по принятию ситуации, во втором – по развитию самостоятельности ребенка [3];

д) родители, одиноко воспитывающие детей. Избыточная нагрузка на одного родителя создает риск перенапряжения и требует реалистичных, выполнимых рекомендаций в сложившихся условиях.

Адресация рекомендаций именно родителям, а не самому ребенку (особенно в возрасте 4–17 лет), имеет под собой практические основания.

1. **Непрерывный характер взаимодействия:** родители осуществляют уход на постоянной основе, что позволяет интегрировать занятия в естественный режим дня ребенка [15].

2. **Отсутствие у ребенка способности к самоорганизации:** дети с нарушениями развития находятся в физической и психологической зависимости от взрослого и не могут самостоятельно инициировать и контролировать выполнение упражнений.

3. **Значимость эмоционального контакта:** усвоение навыков наиболее эффективно в условиях эмоционального комфорта и безопасности, которые

обеспечивает родитель. Передача рекомендаций напрямую подростку может быть воспринята как дополнительная нагрузка и вызвать отторжение. Родитель выступает «безопасной базой» [13], адаптируя любую задачу в форму, принимаемую ребенком.

Предлагаемая модель базируется на интеграции биопсихосоциального подхода (МКФ) [1], теории деятельности и возрастной психологии. Она включает пять взаимосвязанных компонентов.

1. Целевой компонент Системообразующую роль играет целевой компонент. В соответствии с принципами SMART [17], цель предполагает конкретную формулировку, измеримый результат, четкие действия по её реализации и измеримые критерии проверки (верификации) достижения.

- Иерархия целей: дифференциация на краткосрочные (до 1 месяца), среднесрочные (до полугода) и долгосрочные (от полугода) цели соответствует принципам поэтапного формирования навыков [15] и учитывает нейропластичность мозга [5].
- Функциональная направленность: ориентация на развитие навыков, значимых в повседневной жизни (самообслуживание, мобильность, коммуникация), что соответствует доменам МКФ [1] и теории экологической валидности [15].

2. Содержательный компонент (инструментальный) Детализированное описание конкретных действий:

- Конкретизация упражнений: описание в форме четкого алгоритма (исходное положение, количество повторений, темп), что базируется на теории двигательного научения [18].
- Игровой контекст: трансформация реабилитационной задачи в игру, что обосновано теорией ведущей деятельности [12] и концепцией сенсорной интеграции [14].
- Материально-технические ресурсы: указание конкретных моделей ТСР, адаптивного оборудования и дидактических материалов, доступных для использования на дому.
- Организация времени: учет хронобиологических принципов (утро – для интенсивных нагрузок, вечер – для отдыха).

3. Организационный компонент (средовой) Обеспечивает интеграцию реабилитации в жизнь семьи:

- Пространственно-предметное окружение: рекомендации по зонированию, организации «развивающей среды», обеспечению безопасности и эргономики.
- Режим дня: построение на основе циклов «нагрузка–восстановление» с обязательным учетом текущего состояния ребенка. Ведение дневника наблюдений.
- Распределение ролей в семье: распределение обязанностей для предотвращения выгорания одного из родителей и обеспечения системности.
- Согласование с внешними активностями: координация с образовательными учреждениями для генерализации (закрепления) навыка.

4. Психолого-педагогический компонент Направлен на создание поддерживающей среды и формирование мотивации:

- Поддержание мотивации: опора на принцип интереса, техники позитивного подкрепления (конкретная похвала за усилие), использование системы внешних поощрений на начальных этапах, что соответствует теории самодетерминации [16].
- Стиль общения: требование к эмоциональной стабильности взрослого, использование позитивных инструкций, уважение к темпу ребенка.
- Вовлечение членов семьи: создание комфортной психологической обстановки для здоровых детей (сиблингов), включение их в процесс в качестве помощников для усиления мотивации ребенка с инвалидностью.

5. Контрольно-оценочный компонент. Позволяет родителю отслеживать динамику, которая не всегда очевидна при ежедневном контакте:

- Критерии прогресса: описание маркеров прогресса в двигательной, коммуникативной, эмоциональной сферах и сфере самообслуживания.
- Дневник наблюдений: инструмент фиксации успехов и трудностей, который служит не только мотивационным компонентом для родителей, но и основой для обратной связи специалистам и коррекции программы.
- Регулярность обратной связи: указание рекомендуемой периодичности повторных реабилитационных курсов и консультаций.

В системе социальной защиты рекомендации должны являться логическим продолжением индивидуальной программы реабилитации и абилитации ребенка-инвалида (ИПРА) [7]. Если в ИПРА указана цель, например, частичное восстановление способности к передвижению, то рекомендации специалиста расписывают конкретные шаги в рамках достижения этой цели в домашних условиях.

Ключевым элементом, повышающим самостоятельность семьи, является включение в рекомендации информационной составляющей – проверенных информационных ресурсов (официальные порталы, специализированная литература) и юридической информации о возможности внесения изменений в ИПРА.

Обсуждение

Представленная в статье модель реабилитационных рекомендаций базируется на научных принципах: биопсихосоциальной модели МКФ, теории поэтапного формирования навыков, теории экологических систем и теории мотивации. Выделение целевого, содержательного, организационного, психолого-педагогического и контрольно-оценочного компонентов позволяет превратить формальный документ из перечня действий в «дорожную карту» для семьи. Ключевым критерием качества является ориентация на функциональность и обеспечение генерализации навыков – переноса достигнутых результатов в течение курса реабилитации в реабилитационном центре в повседневную жизнь ребенка и его семьи.

Заключение

Внедрение данной модели позволит включить родителей (законных представителей) в реабилитационный процесс как основных субъектов, повысить их компетентность и снизить тревожность, создаст условия для непрерывности процесса, где семья выступает главной движущей силой развития ребенка.

Предлагаемая модель носит теоретический характер и не прошла эмпирической апробации на репрезентативной выборке семей с детьми-инвалидами. Типология родителей основана на наблюдениях в рамках одного учреждения и может не охватывать всего многообразия семейных ситуаций. Данные ограничения будут сняты в ходе последующих эмпирических исследований.

Перспективой дальнейших исследований является разработка методических рекомендаций по обучению специалистов междисциплинарной команды технологии составления таких рекомендаций по форме, представленной в приложении 1, а также эмпирическая проверка эффективности предложенной модели на базе 3–5 реабилитационных центров Свердловской области с использованием количественных и качественных методов.

Приложение 1

МИНИСТЕРСТВО СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГАУ «Областной центр реабилитации инвалидов»

Рекомендации междисциплинарной команды специалистов для родителей (законных представителей) детей-инвалидов после прохождения курса реабилитации по комплексной реабилитации и абилитации

Дата выдачи: «_» _____ 202__ г.

Ф.И.О. ребенка: _____

Возраст: _____

Целевая реабилитационная группа: _____

Ф.И.О. родителя (законного представителя): _____

Период действия рекомендаций: [1 месяц] / [6 месяцев]

Направление	Содержание занятий (Что делать?)	Частота/длительность/периодичность (Сколько делать?)	Контроль (На что обращать внимание?)
Цели (что необходимо восстанавливать/развивать/корректировать):			

Как организовать процесс (распорядок дня):

Рекомендации по организации пространства:

Как общаться с ребенком:

Психологическая поддержка и подкрепление:

1. Хвалите ребенка за усилие, а не только за результат.
2. Используйте заранее оговоренную систему поощрений.
3. Сохраняйте спокойный, ровный тон голоса.

Как фиксировать прогресс? Рекомендуем вести тетрадь или заметки в телефоне:

1. Что получилось?
2. Что вызвало трудности?
3. Какое настроение было у ребенка во время занятий?

Куда обращаться?

Полезные ресурсы:

Уважаемый(ая) _____!

Помните: если нет настроения или сил, пропустите занятие. Ваша любовь к ребенку важнее любых упражнений.

Вы можете получить консультацию по оформлению индивидуальной программы

получателя социальных услуг (ИППСУ) и получению социально-педагогических, социально-психологических услуг у специалистов _____ по месту жительства.

Подпись уполномоченного лица организации: _____ / _____

Литература:

1. Всемирная организация здравоохранения. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ). – Женева: ВОЗ, 2001. – 342 с.

2. Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. – М.: Просвещение, 1995. – 527 с.

3. Гальперин П.Я. Лекции по психологии: учебное пособие. – М.: КДУ, 2005. – 400 с.

4. Добряков И.В. Перинатальная психология. – СПб.: Питер, 2010. – 272 с.

5. Дойдж Н. Пластичность мозга. – М.: Эксмо, 2011.

6. Российская Федерация. Министерство труда и социальной защиты. Об утверждении форм документов для организации и приобретения комплексной реабилитации и абилитации в пользу детей-инвалидов и порядка их формирования: Приказ от 6 февраля 2024 г. № 46н // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.03.2026).

7. Российская Федерация. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон № 181-ФЗ: [принят Гос. Думой 20 июля 1995 г.] // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 48. – Ст. 4563. (с изм. и доп.).

8. Российская Федерация. Правительство. О реализации пилотного проекта по оказанию услуг по комплексной реабилитации и абилитации детей-инвалидов: Постановление от 17 декабря 2021 г. № 2339 (вместе с «Правилами реализации пилотного проекта по оказанию услуг по комплексной реабилитации и абилитации детей-инвалидов») // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 52 (ч. V). – Ст. 9561.

9. Селигман М., Дарлинг Р. Обычные семьи, особые дети / пер. с англ. – М.: Теревинф, 2017. – 368 с.

10. Ткачева В.В. Психокоррекционная работа с семьями детей с отклонениями в развитии. – М.: Генезис, 2014. – 320 с.

11. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. – СПб.: Речь, 2006. – 352 с.

12. Эльконин Д.Б. Психология игры. – 2-е изд. – М.: Владос, 1999. – 360 с.

13. Ainsworth M.D.S., Blehar M.C., Waters E., Wall S. Patterns of Attachment: A Psychological Study of the Strange Situation. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1978. – 408 p.

14. Ayres A.J. Sensory Integration and the Child: Understanding Hidden Sensory Challenges. – Los Angeles: Western Psychological Services, 2005. – 211 p. (первое издание – 1979).

15. Bronfenbrenner U. The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. – 352 p.

16. Deci E.L., Ryan R.M. Self-Determination Theory: A Macrotheory of Human Motivation, Development, and Health // Canadian Psychology. – 2008. – Vol. 49, № 3. – P. 182-185.

17. Doran G.T. There's a S.M.A.R.T. Way to Write Management's Goals and Objectives // Management Review. – 1981. – Vol. 70, № 11. – P. 35-36.

18. Schmidt R.A., Lee T.D. Motor Control and Learning: A Behavioral Emphasis. – 6th ed. – Champaign, IL: Human Kinetics, 2019. – 552 p.

Ризаев Алексей Николаевич
Rizaev Aleksey Nikolaevich
слушатель
ФГКОУ ВО «Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»

ВЕДОМСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ ЗАКУПОК: ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ПРОВЕРОК СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И ИНЫХ НОРМАТИВНЫЙ ПРАВОВЫХ АКТОВ РФ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ДЛЯ НУЖД ОТДЕЛА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

DEPARTMENTAL CONTROL IN THE FIELD OF PURCHASES: ORGANIZATION AND CONDUCT OF CHECKS OF COMPLIANCE WITH LEGISLATIVE AND OTHER REGULATORY ACTS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF PURCHASES FOR POLICE NEEDS

Аннотация. Исследование посвящено комплексному изучению механизмов ведомственного контроля закупок для нужд Министерства внутренних дел Российской Федерации. В работе проведён углублённый анализ нормативно-правовой базы, регламентирующей проверочные мероприятия, детально раскрыты функции контролирующих органов и специфика их взаимодействия на различных уровнях системы МВД РФ.

Особое внимание уделено структурированию и характеристике процедур плановых и внеплановых проверок: описаны их ключевые этапы, типовые задачи и применяемые методики контроля. В рамках исследования детально проанализированы критически важные аспекты надзорной деятельности, в том числе:

оценка обоснованности закупочных процедур;

мониторинг ценообразования и выявление отклонений от рыночных показателей;

соблюдение норм нормирования закупок;

контроль финансовой дисциплины и целевого расходования бюджетных средств.

В заключительной части работы рассмотрены перспективные направления развития ведомственного контроля, включая внедрение цифровых инструментов мониторинга, автоматизацию проверочных процедур и смещение акцента с карательных мер на профилактику нарушений. Сделаны выводы о влиянии цифровизации на эффективность контрольной деятельности и предложены ориентиры для дальнейшего совершенствования системы надзора.

Abstract. The study provides a comprehensive examination of departmental procurement control mechanisms for the needs of the Ministry of Internal Affairs (MIA) of the Russian Federation. The paper offers an in-depth analysis of the regulatory framework governing inspection activities, elaborates on the functions of controlling bodies, and reveals the specifics of their interaction across various levels of the MIA system.

Particular emphasis is placed on structuring and characterising scheduled and unscheduled inspection procedures: their key stages, typical objectives, and applied control methodologies are described in detail. The research thoroughly analyses critical aspects of oversight activities, including:

assessment of procurement procedure justification;

pricing monitoring and identification of deviations from market indicators;

compliance with procurement rationing standards;

oversight of financial discipline and targeted use of budget funds.

The final section explores promising development directions for departmental control, encompassing the introduction of digital monitoring tools, automation of inspection procedures, and a shift in focus from punitive measures to violation prevention. Conclusions are drawn regarding the impact of digitalisation on oversight efficiency, and guidelines for further improvement of the control system are proposed.

Ключевые слова: ведомственный контроль, закупки МВД РФ, контрактная система, нормативно-правовое регулирование, контрольно-ревизионная деятельность, профилактика нарушений, цифровизация контрольных процедур, финансовая дисциплина, нормирование закупок, мониторинг ценообразования.

Keywords: departmental control, procurement for the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, contract system, regulatory framework, control and audit activities, violation prevention, control digitalisation, financial discipline, procurement rationing, pricing monitoring.

Введение

Ведомственный контроль в сфере закупок — это многоуровневая система внутреннего надзора, реализуемая вышестоящими структурами в отношении подведомственных заказчиков. Её ключевая задача состоит в обеспечении строгого соблюдения норм контрактной системы, прежде всего положений Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Согласно ст. 100 указанного закона, полномочиями по осуществлению ведомственного контроля наделены следующие субъекты:

государственные органы;

госкорпорации (включая «Росатом» и «Роскосмос»);

органы управления государственными внебюджетными фондами;

муниципальные органы.

Система ведомственного контроля призвана не только выявлять нарушения, но и предупреждать их возникновение, обеспечивая прозрачность закупочных процедур, эффективное расходование бюджетных средств и соответствие закупок реальным потребностям ведомства.

Нормативно-правовая база ведомственного контроля

Правовую основу ведомственного контроля в сфере закупок для нужд МВД РФ формирует Приказ МВД России от 16 мая 2016 года № 247. Этот документ утверждает Регламент проведения ведомственного контроля и определяет порядок надзора за

соблюдением законодательства о контрактной системе при закупках товаров, работ и услуг для нужд ведомства.

Дополняют и уточняют регламент следующие нормативные акты:

Приказ МВД России от 8 ноября 2021 года № 853 — вносит изменения в регламент, вводит пункт о проверке соответствия идентификационных кодов закупок и объёмов финансового обеспечения. Это позволяет повысить прозрачность расходования средств и минимизировать риски нецелевого использования бюджета.

Приказ МВД России от 21 июля 2018 года № 460 — устанавливает требования к закупаемым товарам, работам, услугам (в т. ч. предельные цены). Документ был актуализирован в 2025 году с учётом изменений рыночной конъюнктуры и потребностей ведомства.

Приказ МВД России от 10 января 2019 года № 4 — утверждает Регламент ведомственного контроля за соблюдением требований Федерального закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» и иных нормативных актов РФ. Документ расширяет сферу контроля на закупки, осуществляемые отдельными подведомственными структурами.

Существенное влияние на систему ведомственного контроля оказывает также Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Он регулирует закупочные процедуры отдельных категорий организаций, в т. ч. некоторых подведомственных МВД структур, и задаёт дополнительные требования к прозрачности и обоснованности закупок.

Органы, ответственные за ведомственный контроль

За организацию и проведение контрольных мероприятий отвечают следующие структуры:

Контрольно-ревизионное управление (КРУ) МВД России — центральный орган ведомственного контроля. Осуществляет надзорные функции на федеральном уровне, формирует ежегодный график проверок и координирует деятельность территориальных подразделений.

Территориальные органы МВД на окружном, межрегиональном и региональном уровнях — проводят проверки подведомственных заказчиков в соответствии с утверждённым планом и по внеплановым основаниям.

До 1 февраля каждого года руководители профильных подразделений (КРУ, ДТ,

ДИТСиЗИ, ГУСБ, ГУОБДД, ГУРЛС МВД России, а также начальники территориальных органов и окружных управлений материально-технического снабжения) утверждают персональный состав должностных лиц, наделённых полномочиями по осуществлению ведомственного контроля.

Ключевое требование к сотрудникам, участвующим в контрольных мероприятиях, — наличие:

высшего образования в области экономики, юриспруденции или государственного управления;

дополнительного профессионального образования в сфере закупок (по программам повышения квалификации или профессиональной переподготовки).

Это обеспечивает компетентность проверяющих и повышает качество ведомственного контроля, позволяя своевременно выявлять и устранять нарушения в закупочной деятельности.

Предмет и направления ведомственного контроля

Ведомственный контроль в системе МВД РФ выступает ключевым инструментом обеспечения законности и эффективности закупочной деятельности. Его основная задача — проверка соблюдения подразделениями ведомства требований контрактного законодательства, а также предотвращение финансовых нарушений и злоупотреблений при расходовании бюджетных средств.

Под действие контроля подпадают:

контрактные службы;

контрактные управляющие;

комиссии по осуществлению закупок;

должностные лица, ответственные за планирование и исполнение закупочных процедур.

Ключевые направления контрольных мероприятий

В рамках ведомственного контроля особое внимание уделяется следующим аспектам:

Соблюдение законодательных ограничений и запретов, предусмотренных контрактной системой, включая антикоррупционные требования.

Обоснованность закупок: анализ потребности в закупаемых товарах, работах, услугах, соответствие планируемых объёмов реальным потребностям подразделений

МВД.

Выполнение требований по нормированию закупок, в т.ч. соблюдение предельных цен и типовых характеристик закупаемой продукции.

Корректность определения начальной (максимальной) цены контракта (НМЦК): проверка методик расчёта, обоснованности применяемых коэффициентов и индексов.

Соответствие данных об идентификационных кодах закупок и объёмах финансового обеспечения информации, размещённой в планах-графиках, протоколах определения поставщиков и сопутствующей документации.

Соблюдение требований к размещению информации в Единой информационной системе (ЕИС) в сфере закупок: полнота, достоверность и актуальность публикуемых сведений.

Обоснованность выбора способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя) с учётом специфики закупки и требований законодательства.

Соблюдение установленных сроков размещения информации и документов в ЕИС.

Законность заключения контрактов, включая проверку полномочий лиц, подписывающих документы, и соответствие условий контракта требованиям законодательства и документации о закупке.

Контроль исполнения контрактов: мониторинг этапов исполнения, приёмка товаров (работ, услуг), оплата по контрактам.

Дополнительные аспекты проверки

Помимо основных направлений, ведомственный контроль охватывает:

эффективность расходования бюджетных средств: анализ соотношения цены и качества закупаемой продукции, выявление случаев переплат;

обоснованность внесения изменений в условия контрактов, включая продление сроков и корректировку объёмов;

полноту и достоверность отчётности по закупкам, включая внутреннюю ведомственную отчётность;

соответствие закупочных процедур утверждённым ведомственным регламентам и внутренним стандартам МВД;

соблюдение требований к хранению закупочной документации и обеспечению её доступности для контрольных органов.

Порядок проведения проверок

Ведомственный контроль реализуется через два основных формата проверок, каждый из которых имеет свои особенности:

Выездная проверка:

проводится непосредственно на территории заказчика;

включает осмотр помещений, оборудования, материально-технических ресурсов;

предполагает изучение оригиналов документов, сопоставление их с электронными копиями;

предусматривает опрос сотрудников, ответственных за закупочные процедуры.

Документарная проверка:

осуществляется по месту нахождения контролирующего органа;

базируется на анализе представленных заказчиком документов и информации;

может включать запрос дополнительных сведений и пояснений.

Сроки проведения

Продолжительность каждой проверки не должна превышать 15 календарных дней. При необходимости должностное лицо, назначившее проверку, вправе однократно продлить этот срок, но не более чем на 15 дней.

Уведомление о проверке

О предстоящей проверке заказчика уведомляют заблаговременно:

для плановой проверки — не позднее чем за 7 календарных дней;

для внеплановой проверки — не позднее чем за 3 дня.

Основания для внеплановой проверки

Решение о внеплановой проверке принимается либо Министром внутренних дел РФ, либо начальником соответствующего территориального органа МВД России. Основаниями могут служить:

поступление информации о нарушениях в сфере закупок (в т.ч. от граждан, организаций, СМИ);

истечение срока исполнения ранее выданного предписания об устранении нарушений;

поручение вышестоящих органов (в т.ч. Президента РФ, Правительства РФ);

результаты мониторинга закупок, выявившие отклонения от плановых показателей;

жалобы участников закупок на действия заказчика;

выявление отклонений при анализе данных ЕИС (аномальные цены, повторяющиеся нарушения);

сигналы от других контрольных органов (Счётной палаты, прокуратуры, ФАС).

Этапы проведения проверки

Подготовка:

формирование комиссии с указанием председателя и членов;

составление программы проверки с перечнем вопросов и объектов контроля;

изучение предварительных данных о проверяемом объекте (отчётность, жалобы, результаты предыдущих проверок).

Сбор информации:

запрос документов у заказчика (планы-графики, протоколы, контракты, акты приёмки);

анализ данных в ЕИС, включая историю закупок и изменения в документации;

изучение ведомственной отчётности и внутренних регламентов.

Проведение контрольных мероприятий:

выезд на объект (при выездной проверке) или работа с документами (при документарной);

осмотр объектов, проверка наличия закупленного имущества;

опрос должностных лиц, экспертов, участников закупок;

проведение встречных проверок при необходимости.

Анализ полученных данных:

выявление нарушений и отклонений от требований законодательства;

оценка последствий нарушений для бюджета и деятельности МВД;

установление причин и условий, способствовавших нарушениям.

Оформление результатов проверки:

подготовка акта с описанием выявленных нарушений;

разработка рекомендаций по устранению недостатков и предотвращению нарушений в будущем;

согласование выводов с членами комиссии.

Оформление результатов проверки

По завершении проверки составляется акт о соблюдении законодательства РФ в

сфере контрактной системы закупок, который подписывает председатель проверочной комиссии. В документе фиксируются:

выявленные нарушения — с указанием их сути, причин и ссылок на конкретные нормативные акты, которые были нарушены;

доказательства нарушений (выдержки из документов, скриншоты из ЕИС, результаты опросов);

предложения по устранению нарушений и сроки их исполнения.

К акту прилагаются заверенные копии документов, подтверждающих установленные факты.

Распределение экземпляров акта

Акт проверки оформляется в нескольких экземплярах:

первый экземпляр направляется в Контрольно-ревизионное управление (КРУ) МВД России для учёта и контроля;

второй вручается объекту проверки под подпись;

третий направляется в Главное управление собственной безопасности (ГУСБ) МВД России для возможного проведения служебных проверок;

четвёртый передаётся в профильное подразделение МВД России (например, в Департамент тылового обеспечения) для координации дальнейших действий.

На основании акта проверки разрабатывается план мероприятий по устранению выявленных нарушений. Этот план:

утверждается Министром внутренних дел;

направляется руководителю проверенного подразделения для исполнения;

содержит конкретные мероприятия, сроки их реализации и ответственных лиц;

подлежит контролю со стороны КРУ МВД России.

Срок исполнения мероприятий строго регламентирован и может варьироваться от 10 до 60 дней в зависимости от сложности задач.

Современные тенденции развития ведомственного контроля

В последние годы система ведомственного контроля закупок МВД РФ претерпевает значительные изменения, обусловленные технологическим прогрессом и изменением подходов к управлению рисками. Ключевые тенденции:

Цифровизация закупочных процедур:

внедрение электронных площадок для проведения закупок;

автоматизация процессов формирования и размещения документов;

использование систем электронного документооборота (СЭД);

интеграция с ЕИС и другими государственными информационными системами.

Усиление требований к квалификации проверяющих:

обязательное повышение квалификации специалистов в сфере закупок и контроля;

обучение работе с новыми цифровыми инструментами;

сертификация сотрудников контрольных подразделений.

Расширение предмета контроля:

включение в проверки анализа больших данных (Big Data);

мониторинг соответствия идентификационных кодов и объёмов финансирования в режиме реального времени.

Интеграция ведомственного контроля с другими видами контроля:

взаимодействие с органами государственного финансового контроля;

обмен информацией с прокуратурой и антимонопольными органами;

создание единой системы контроля в сфере закупок на межведомственном уровне

Акцент на профилактику нарушений:

консультирование заказчиков по вопросам контрактного законодательства;

проведение обучающих семинаров и вебинаров;

разработка методических рекомендаций и чек-листов.

Внедрение риск-ориентированного подхода:

распределение ресурсов контроля с учётом степени риска нарушений в различных подразделениях;

приоритизация проверок на основе анализа индикаторов риска.

Автоматизация мониторинга закупок:

использование программных комплексов для анализа данных ЕИС;

выявление подозрительных схем и аномалий с помощью алгоритмов машинного обучения;

автоматическое формирование отчётов и предупреждений.

Стандартизация контрольных процедур:

разработка типовых методик проверок для разных категорий закупок;

унификация чек-листов и форм отчётности;

создание базы типовых нарушений и способов их устранения.

Повышение прозрачности контроля:

публикация обобщённых результатов проверок (без раскрытия персональных данных);

размещение рекомендаций по профилактике нарушений на ведомственном портале.

Заключение

Ведомственный контроль закупок для нужд органов внутренних дел — это динамичная и многоуровневая система, обеспечивающая соблюдение контрактного законодательства и рациональное расходование бюджетных средств. Чёткая регламентация порядка проведения плановых и внеплановых проверок — с фиксированными сроками, установленными формами и требованиями к проверяющим — создаёт правовую основу для объективной оценки выполнения заказчиками своих обязательств.

Современные тенденции, такие как цифровизация, профилактика нарушений и риск-ориентированный подход, позволяют повысить эффективность контроля, снизить административную нагрузку на заказчиков и минимизировать риски финансовых злоупотреблений.

Литература:

1. Закупки Министерства внутренних дел России [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ, правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/zakupki_mvd/ (дата обращения: 10.05.2026).

2. Миронова, Ю. В. Ведомственный контроль в сфере закупок: правовые и организационные аспекты / Ю. В. Миронова // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти д-ра юрид. наук, проф., засл. деятеля науки РФ В. Д. Сорокина в связи со 100-летием со дня рождения, Санкт-Петербург, 29 марта 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел России, 2024. – С. 183–188.

3. О внесении изменений в приказ Министерства внутренних дел России от 16 мая 2016 г. № 247 «Об утверждении Регламента проведения Министерством внутренних дел

Российской Федерации ведомственного контроля в сфере закупок для обеспечения федеральных нужд»: приказ Министерства внутренних дел России от 08.11.2021 № 853.

4. Об определении требований к закупаемым подразделениями и организациями МВД России отдельным видам товаров, работ, услуг (в том числе предельных цен товаров, работ, услуг): приказ Министерства внутренних дел России от 21.07.2018 № 460.

5. Об утверждении Регламента осуществления ведомственного контроля за соблюдением требований Федерального закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» и иных принятых в соответствии с ним нормативных правовых актов Российской Федерации: приказ Министерства внутренних дел России от 10.01.2019 № 4.

6. Об утверждении Регламента проведения Министерством внутренних дел Российской Федерации ведомственного контроля в сфере закупок для обеспечения федеральных нужд: приказ Министерства внутренних дел России от 16.05.2016 № 247 (ред. от 28.09.2023).

7. Толкачева, О. П. Ведомственный контроль в сфере закупок и оценка его эффективности / О. П. Толкачева // Закупки товаров, работ и услуг для нужд правоохранительных органов Российской Федерации: проблемы организации, контроля, учета и право применения: материалы III ежегодной межведомственной науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23 мая 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел России, 2025. – С. 120–125.

8. Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" от 05.04.2013 N 44-ФЗ (последняя редакция)

Морозов Никита Алексеевич
Morozov Nikita Alekseevich
студент
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: jambayt2006@gmail.com

научный руководитель
Шевчук Ирина Викторовна
Shevchuk Irina Viktorovna
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ПОНЯТОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

PROCEDURAL STATUS OF A WITNESS IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

Аннотация. В статье анализируется правовое положение понятого как участника уголовного судопроизводства, обеспечивающего достоверность фиксации следственных действий. Рассматриваются эволюция института понятых в российском процессе, действующие требования к их личности (ст. 60 УПК РФ), соотношение видеозаписи и участия понятых, а также процессуальная уязвимость данного статуса. Автором выявляются коллизии между нормативными предписаниями и правоприменительной практикой, предлагаются пути совершенствования законодательства.

Abstract. The article analyzes the legal status of the person understood as a participant in criminal proceedings, ensuring the reliability of the recording of investigative actions. The evolution of the institution of the understood in the Russian process, the current requirements for their personality are considered (Art. 60 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), the ratio of video recording and participation of understood, as well as the procedural vulnerability of this status. The author identifies conflicts between regulatory requirements and law enforcement practice, suggests ways to improve legislation.

Ключевые слова: понятой, уголовный процесс, следственные действия, процессуальный статус, УПК РФ, видеозапись, допустимость доказательств, заинтересованность.

Keywords: understood, criminal proceedings, investigative actions, procedural status, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, video recording, admissibility of evidence, interest.

Одной из особенностей российского уголовного судопроизводства является то,

что при производстве некоторых следственных действий Уголовно-процессуальный кодекс РФ требует обязательное участие понятых. Институт понятых известен Российскому законодательству уже более четырехсот лет, в течении которых он постоянно развивается и совершенствуется. Впервые об участии понятых упоминается в Соборном Уложении 1649 г. с целью противодействия злоупотреблениям должностных лиц. Институт понятых является одним из самых стабильных и консервативных институтов отечественного судопроизводства [1, с. 79]. Институт понятых традиционно рассматривается в доктрине уголовного процесса как одна из ключевых гарантий публичности и достоверности предварительного расследования. Однако в условиях цифровизации уголовного судопроизводства, особенно после введения в 2013 году возможности замены понятых видеозаписью, значение этой процессуальной фигуры подвергается серьезному переосмыслению. Как показывает судебная практика, нарушения, связанные с порядком привлечения понятых, по-прежнему входят в число наиболее частых оснований для признания протоколов следственных действий недопустимыми доказательствами в соответствии с пунктом 3 части 2 статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса РФ [2]. В связи с этим комплексный анализ процессуального статуса понятого, выявление проблемных аспектов его правового регулирования и разработка предложений по совершенствованию законодательства представляются чрезвычайно актуальными.

Согласно части 1 статьи 60 УПК РФ, понятой определяется как не заинтересованное в исходе дела лицо, привлекаемое следователем или дознавателем для удостоверения факта производства следственного действия, его хода и результатов [2]. Отличительной чертой понятого от иных участников процесса, например от свидетеля или специалиста, является его процессуальная нейтральность и искусственность введения в процесс: в отличие от свидетеля, он не обладает никакой информацией об обстоятельствах дела до начала следственного действия. Понятой наделен правом:

1) участвовать в следственном действии и делать по поводу него заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол,

2) ознакомиться с протоколом следственного действия, в производстве которого он участвовал;

3) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя,

следователя и прокурора, ограничивающие его права.

Это лишь те права, которые нашли отражение в ст. 60 УПК РФ. Кодекс содержит и другие права понятого как участника следственных действий [2]:

- право на уведомление о применении технических средств лицом, проводящим следственное действие, либо специалистом;
- право на ознакомление с протоколами следственных действий, в которых понятой принимал участие;
- право на подачу замечаний, дополнений и уточнений к этим протоколам;
- право на принесение жалоб в отношении действий (бездействия), решений, принимаемых дознавателем, следователем и прокурором, ограничивающим права понятого;
- право на возмещение понесенных расходов в связи с явкой для производства следственных или процессуальных действий с участием понятого.

Однако обращает на себя внимание отсутствие у понятого целого ряда важных правомочий. В частности, понятой не вправе отказаться от участия в следственном действии, за исключением случаев, когда он сам обнаруживает, что подпадает под запреты, перечисленные в части 2 статьи 60. Он не может требовать прекращения заведомо незаконного следственного действия, даже если видит грубые нарушения закона. Ему не предоставлено право приглашать переводчика, хотя этот пробел частично восполняется общими нормами статьи 18 УПК РФ о языке судопроизводства [2]. Обязанности понятого, напротив, сформулированы императивно: он обязан явиться по вызову, удостоверить своим присутствием факт, содержание и результаты следственного действия, а также не разглашать данные предварительного расследования, если он был об этом предупрежден под подписку. За нарушение последней запрета предусмотрена уголовная ответственность по статье 310 УК РФ, что, по мнению ряда процессуалистов, является избыточно строгим наказанием для лица, не обладающего реальной процессуальной самостоятельностью и властными полномочиями.

Законодатель устанавливает достаточно жесткие требования к личности понятого. Часть 2 статьи 60 УПК РФ содержит исчерпывающий перечень лиц, которые ни при каких условиях не могут быть привлечены в этом качестве [2]. К ним относятся несовершеннолетние, участники уголовного судопроизводства по данному делу (судьи,

прокуроры, следователи, адвокаты, эксперты, специалисты, секретари судебного заседания), лица с физическими или психическими недостатками, лишающими их возможности полноценно воспринимать информацию о ходе следственного действия, а также близкие родственники и родственники любого из участников процесса. Однако наиболее сложным для правоприменения является оценочное понятие «не заинтересованность», которое закон не раскрывает. Верховный Суд РФ в пункте 7 своего Постановления Пленума № 23 от 19 декабря 2017 года разъяснил, что заинтересованность может быть не только юридической, выражающейся в родстве или служебной подчиненности, но и фактической, то есть основанной на личных отношениях, дружбе, вражде или долговых обязательствах [3]. Проблема заключается в том, что механизма проверки фактической заинтересованности на стадии привлечения понятого уголовно-процессуальный закон не предусматривает. На практике это приводит к тому, что следователи формально задают вопрос: «Знаком ли вам кто-либо из участников?», и отрицательный ответ считается достаточным даже в ситуациях, когда очевидные конфликты интересов существуют, но не афишируются.

Наиболее дискуссионным вопросом последнего десятилетия стало соотношение института понятых и видеозаписи как альтернативного способа фиксации хода и результатов следственного действия. Федеральный закон от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ дополнил УПК РФ правилом, согласно которому в труднодоступной местности, при отсутствии понятых или в случаях, если следственное действие проводится в условиях, опасных для их жизни и здоровья, допускается применение видеозаписи. Однако судебная практика пошла по пути расширительного толкования этой нормы. В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1 за 2017 год прямо указано, что видеозапись не является безусловной и автоматической заменой понятых [4]. Суд в каждом конкретном случае обязан оценить, была ли у следователя реальная возможность пригласить понятых, и не привела ли замена их видеозаписью к нарушению прав участников уголовного судопроизводства. Эмпирические данные подтверждают актуальность этой проблемы. Согласно отчетам Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в период с 2022 по 2024 год около двенадцати процентов протоколов обысков, произведенных без понятых с использованием только видеозаписи, были признаны судами недопустимыми доказательствами именно по мотиву отсутствия объективных причин для необеспечения участия понятых. При этом

суды особенно критично относятся к замене понятых видеозаписью при производстве таких следственных действий, как обыск в жилище, выемка документов, содержащих государственную тайну, и опознание, поскольку именно эти действия наиболее подвержены риску фальсификации [5].

Отказ от участия понятых при производстве следственных действий должен рассматриваться как исключительная мера, допустимая лишь в тех случаях, когда проведение следственного действия объективно сопряжено с реальной опасностью для жизни и здоровья его участников. К таким ситуациям можно отнести, например, производство обыска в зоне активных боевых действий, осмотр места происшествия в условиях техногенной аварии с угрозой обрушения конструкций или химического заражения, а также следственные действия в районах стихийных бедствий. При этом даже при наличии указанных обстоятельств законодатель не должен ограничиваться простой констатацией невозможности привлечь понятых. В подобных исключительных условиях обязательным процессуальным требованием становится участие в следственном действии квалифицированного специалиста, обладающего техническими знаниями и навыками обращения со средствами фиксации, а также полная, непрерывная и синхронизированная по времени видеозапись всего хода следственного действия от начала и до конца. Только такая совокупность гарантий — специалист плюс видеозапись — может в определенной мере компенсировать отсутствие понятых, хотя, как справедливо отмечают многие процессуалисты, видеокамера не способна воспринимать запахи, ощущать атмосферу психологического давления или фиксировать невербальные сигналы, которые очевидны для живого наблюдателя.

Несмотря на четко выраженную в настоящее время тенденцию законодателя, направленную на уменьшение участия понятых в проведении следственных действий, что нашло свое закрепление в Федеральном законе от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ и последующих изменениях в статью 170 УПК РФ, представляется неверным и необдуманным полный отказ от участия понятых [2]. Более того, анализ правоприменительной практики последних лет свидетельствует о том, что расширение оснований для замены понятых видеозаписью не привело к ожидаемому повышению эффективности расследования, но породило новую волну судебных споров о допустимости доказательств, полученных без участия незаинтересованных лиц. При том уровне недоверия населения к правоохранительным органам, который фиксируется

социологическими исследованиями на протяжении последних двух десятилетий, участие незаинтересованного лица, не имеющего никаких личных потребностей, служебной заинтересованности или эмоциональной вовлеченности в исход дела, позволяет в какой-то мере обеспечить соблюдение прав и законных интересов всех участников процесса. Понятой в данном случае выполняет не только удостоверительную функцию, но и важную социально-психологическую роль — он является живым свидетелем законности действий следователя изнутри, что для гражданина, в отношении которого проводятся следственные действия, часто важнее, чем формально правильный протокол. Кроме того, присутствие понятых дисциплинирует самого следователя, снижая вероятность злоупотреблений и процессуальных нарушений, которые в отсутствие свидетелей могут остаться незамеченными даже при наличии видеозаписи, поскольку камера всегда находится под контролем того же самого следователя или оперативного сотрудника.

Главная проблема процессуального статуса понятого заключается в глубоком дисбалансе между возлагаемой на него ответственностью и предоставленными полномочиями. Понятой может быть привлечен к уголовной ответственности за разглашение данных следствия или подвергнут денежному взысканию за неявку, но при этом он не имеет реальных рычагов воздействия на следователя в момент нарушения закона. Единственное, что он может сделать, — это после завершения следственного действия внести замечания в протокол, что никак не предотвращает само нарушение, а лишь создает возможность для последующего оспаривания доказательства в суде. Учитывая выявленные недостатки, в научной литературе, в частности в работе Р. М. Шевцова, А. В. Максименко, предлагается несколько направлений реформирования института понятых [6; с. 35]. Первое предложение заключается в закреплении в статье 60 УПК РФ права понятого на заявление непосредственного отвода в ходе следственного действия, что должно влечь за собой обязательную остановку действия до разрешения заявления следователем по аналогии с отводом переводчика. Второе предложение касается введения института так называемого независимого понятого, который привлекался бы не по усмотрению следователя, а по решению суда для наиболее значимых следственных действий, таких как обыск в жилище, выемка документов или опознание. Третье предложение состоит в том, чтобы видеозапись могла заменять понятых только при наличии письменного согласия всех участников

следственного действия, за исключением случаев, прямо предусмотренных частью 3 статьи 170 УПК РФ, когда следственное действие проводится в условиях, реально опасных для жизни и здоровья людей [2].

Таким образом, процессуальный статус понятого в современном российском уголовном процессе представляет собой противоречивое правовое образование. С одной стороны, этот институт сохраняет важную функцию общественного контроля за предварительным следствием, являясь живым напоминанием о публичности уголовного судопроизводства. С другой стороны, реальные права понятого явно недостаточны и неадекватны той ответственности, которую он несет. Пока законодатель не устранит дисбаланс между формальным присутствием понятого и его возможностью активно влиять на законность процедуры, институт понятых будет оставаться слабым звеном в системе уголовно-процессуальных гарантий, что неизбежно будет порождать новые судебные споры о допустимости доказательств.

Литература:

1. Хитрова, О. В. Участие понятых в российском уголовном судопроизводстве / О. В. Хитрова. — М.: Спарк, 1998. — 80 с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 23 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. — 2017.

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2017. — № 5.

5. Отчет Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции за 2023 год (статистическая форма № 1) // URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 28.03.2026).

6. Шевцов Р. М., Максименко А. В. Понятые в уголовном судопроизводстве / Р. М. Шевцов. — ППД. — 2013. — №1. — с. 33-37.

Зенин Денис Александрович
Zenin Denis Aleksandrovich
магистрант
Сибирский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ВЫСТРАИВАНИЯ МЕЖПАРЛАМЕНТСКОГО ДИАЛОГА В ФЕДЕРАТИВНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

FOREIGN AND DOMESTIC EXPERIENCE IN BUILDING INTERPARLIAMENTARY DIALOGUE IN FEDERAL STATES

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ взаимодействия между законодательными органами различных уровней в различных федеративных государствах. Изучение зарубежного опыта организации взаимодействия между законодательными органами различных уровней в федеративных государствах позволяет выявить успешные практики и модели межпарламентского диалога, которые могут быть адаптированы к условиям Российской Федерации с учетом специфики конституционного устройства и правовой системы.

Abstract. The article provides a comparative analysis of the interaction between legislative bodies at various levels in various federal states. The study of foreign experience in organizing interaction between legislative bodies of various levels in federal states makes it possible to identify successful practices and models of interparliamentary dialogue that can be adapted to the conditions of the Russian Federation, taking into account the specifics of the constitutional structure and legal system.

Ключевые слова: законодательные органы, местное самоуправление, взаимодействие органов власти.

Keywords: legislative bodies, local self-government, government cooperation.

Федеративные государства характеризуются многообразием моделей разграничения полномочий между центром и регионами, различными механизмами участия субъектов федерации в федеральном законодательном процессе, разной степенью самостоятельности региональных и местных органов власти. Германия представляет собой пример кооперативного федерализма с развитой системой институционального взаимодействия между федеральным, земельным и коммунальным уровнями власти. Бундесрат как орган представительства земель в федеральном законодательном процессе обеспечивает учет интересов регионов при принятии федеральных законов, причем по вопросам, затрагивающим полномочия земель, требуется обязательное одобрение Бундесрата. Ландтаги земель Германии осуществляют законодательное регулирование вопросов организации местного

самоуправления и активно взаимодействуют с коммунальными представительными органами через различные консультативные механизмы, включая коммунальные советы при земельных парламентах, регулярные консультации с ассоциациями муниципалитетов, участие представителей коммун в работе парламентских комитетов по вопросам местного самоуправления [5].

Опыт Федеративной Республики Германия демонстрирует эффективность институционализации участия муниципального уровня в региональном законодательном процессе через создание обязательных процедур согласования законопроектов, затрагивающих вопросы местного самоуправления, с ассоциациями муниципалитетов. Германские земли законодательно закрепляют право муниципальных ассоциаций на представление позиции по всем законопроектам, касающимся организации и деятельности коммун, и обязывают земельные правительства и парламенты учитывать мнение муниципалитетов при принятии окончательных решений. Конституционные суды земель неоднократно подтверждали, что игнорирование позиции муниципальных ассоциаций при принятии законов, существенно затрагивающих интересы местного самоуправления, может служить основанием для признания таких законов неконституционными [8]. Данный механизм создает реальные стимулы для земельных законодателей вступать в содержательный диалог с муниципальным уровнем и искать компромиссные решения, учитывающие интересы коммун. Практика проведения регулярных конференций председателей земельных парламентов с участием представителей муниципальных ассоциаций обеспечивает обмен информацией о проблемах законодательного регулирования местного самоуправления и выработку согласованных подходов к их решению. Немецкий опыт показывает важность не только институциональных механизмов взаимодействия, но и развитой правовой культуры федерализма, предполагающей уважение автономии различных уровней власти и стремление к консенсусу при решении спорных вопросов.

Соединенные Штаты Америки представляют модель дуалистического федерализма с четким разграничением полномочий между федеральным правительством и штатами, где законодательные органы штатов обладают широкой дискрецией в регулировании вопросов организации местного самоуправления. Легислатуры штатов определяют структуру местных органов власти, их полномочия,

порядок формирования и функционирования, при этом степень самостоятельности местного уровня существенно различается в разных штатах. В большинстве штатов отсутствуют постоянно действующие институциональные механизмы взаимодействия между законодательными органами штатов и представительными органами местных сообществ, однако активную роль играют ассоциации муниципалитетов, осуществляющие лоббирование интересов местного уровня в легислатурах штатов. Национальная лига городов, ассоциации графств, муниципальные лиги штатов представляют позиции местных властей при обсуждении законопроектов, организуют кампании по продвижению необходимых изменений законодательства, осуществляют мониторинг законодательной деятельности штатов [6]. Американский опыт демонстрирует возможность эффективного представительства интересов местного уровня через неправительственные организации и профессиональные ассоциации при отсутствии формальных институциональных механизмов взаимодействия в законодательном процессе.

Канадский опыт организации межуровневого взаимодействия характеризуется значительным разнообразием моделей в различных провинциях при общей тенденции к усилению координации между провинциальными и муниципальными органами власти. Законодательные собрания провинций Канады обладают исключительной компетенцией по регулированию вопросов местного самоуправления, и муниципалитеты рассматриваются как создания провинций, не обладающие конституционно гарантированной автономией. Однако на практике в большинстве провинций сложились устойчивые механизмы консультаций с муниципальными властями при подготовке законодательных решений, затрагивающих вопросы местного самоуправления. Провинция Онтарио создала Ассоциацию муниципалитетов Онтарио, которая на регулярной основе взаимодействует с провинциальным парламентом, представляя согласованную позицию муниципалитетов по законопроектам и инициируя изменения законодательства в интересах местного уровня [9]. Провинция Квебек развивает модель партнерства между провинциальным правительством и муниципалитетами через механизм соглашений о разграничении полномочий и финансовых обязательств, предполагающий обязательные консультации при внесении изменений в законодательство, затрагивающее условия таких соглашений [10]. Канадский опыт показывает, что даже при отсутствии конституционных гарантий

автономии местного самоуправления возможно развитие эффективных механизмов межуровневого взаимодействия на основе политической культуры диалога и поиска консенсуса.

Швейцарская модель федерализма отличается высокой степенью децентрализации и развитыми институтами прямой демократии, обеспечивающими участие граждан в принятии решений на всех уровнях власти. Кантоны Швейцарии обладают широкой автономией в регулировании вопросов местного самоуправления и используют разнообразные механизмы взаимодействия с коммунами. Парламенты кантонов при рассмотрении законопроектов, затрагивающих вопросы организации коммунального уровня, направляют их на консультации в коммуны, которые представляют свои замечания и предложения. В некоторых кантонах законодательно закреплена обязательность проведения референдумов по вопросам существенного изменения полномочий коммун, что обеспечивает прямое участие населения в решении вопросов организации местного самоуправления. Конференции коммун кантонов выступают площадками для обсуждения проблем законодательного регулирования местного уровня и выработки согласованных предложений по его совершенствованию [11]. Швейцарский опыт демонстрирует эффективность сочетания представительной и прямой демократии в обеспечении учета интересов местных сообществ при принятии решений на кантональном уровне и важность развития культуры политического диалога между различными уровнями власти.

Отечественный опыт выстраивания межпарламентского диалога между законодательными органами субъектов Российской Федерации и представительными органами муниципальных образований демонстрирует значительное разнообразие моделей и практик в различных регионах страны. Анализ опыта российских регионов позволяет выявить наиболее эффективные механизмы координации и определить направления совершенствования взаимодействия. Законодательное Собрание Санкт-Петербурга развивает систему постоянного взаимодействия с муниципальными советами внутригородских муниципальных образований через регулярные совместные заседания комитетов парламента с участием муниципальных депутатов, проведение парламентских слушаний по вопросам местного самоуправления, создание рабочих групп по подготовке законопроектов с включением представителей муниципалитетов. Совет муниципальных образований Санкт-Петербурга выступает институциональным

партнером Законодательного Собрания в вопросах согласования интересов городского и муниципального уровней, представляя согласованную позицию муниципалитетов по законопроектам и инициируя изменения законодательства [3]. Практика Санкт-Петербурга показывает эффективность создания постоянно действующих площадок диалога между региональным парламентом и муниципальным уровнем, обеспечивающих регулярный обмен информацией и согласование позиций.

Татарстан демонстрирует опыт создания Совета муниципальных образований Республики Татарстан как эффективного института взаимодействия Государственного Совета Республики с муниципальным уровнем, объединяющего представителей всех муниципальных образований республики и осуществляющего систематическую работу по согласованию законодательных инициатив, подготовке заключений на законопроекты, мониторингу эффективности применения республиканского законодательства на местном уровне [2].

Свердловская область развивает практику проведения ежегодных форумов муниципальных депутатов с участием депутатов Законодательного Собрания области, представителей областного правительства, экспертного сообщества, на которых обсуждаются актуальные проблемы местного самоуправления и вырабатываются предложения по совершенствованию законодательства [4]. Данный формат обеспечивает широкое представительство муниципального сообщества, возможность обмена опытом между муниципальными образованиями, публичное обсуждение законодательных инициатив и формирование консолидированной позиции по ключевым вопросам развития местного самоуправления.

Законодательное Собрание Курской области создало Консультативный совет по вопросам местного самоуправления при председателе Законодательного Собрания, включающий представителей муниципальных образований всех типов и обеспечивающий регулярное обсуждение законопроектов, затрагивающих интересы местного самоуправления, подготовку рекомендаций по совершенствованию регионального законодательства, координацию законодательных инициатив муниципалитетов [7]. Практика Курской области показывает важность обеспечения репрезентативности состава консультативных органов, включающих представителей различных типов муниципальных образований с учетом их специфики и различий в условиях функционирования.

Республика Башкортостан реализует модель координации законодательной деятельности через систему отраслевых советов при комитетах Государственного Собрания - Курултая Республики Башкортостан, включающих представителей муниципальных образований и обсуждающих законопроекты по вопросам, относящимся к компетенции соответствующих комитетов [1]. Данный подход обеспечивает специализацию взаимодействия по тематическим направлениям и позволяет привлекать к обсуждению законопроектов муниципальных депутатов, обладающих экспертизой в соответствующих сферах. Практика формирования тематических рабочих групп с участием представителей муниципалитетов по приоритетным направлениям законодательной деятельности обеспечивает углубленную проработку законопроектов и учет специфики их реализации на местном уровне.

Ростовская область развивает практику проведения выездных заседаний комитетов Законодательного Собрания в муниципальных образованиях, позволяющих депутатам областного парламента непосредственно ознакомиться с проблемами применения областного законодательства на местах, услышать позицию муниципальных депутатов и населения, принять более обоснованные законодательные решения. Выездные заседания сочетаются с проведением встреч с жителями, посещением социальных объектов, изучением практики работы органов местного самоуправления, что обеспечивает комплексное понимание ситуации в муниципальных образованиях.

Обобщение зарубежного и отечественного опыта выстраивания межпарламентского диалога позволяет выделить ключевые факторы эффективности взаимодействия законодательных органов различных уровней. К числу таких факторов относятся институционализация механизмов взаимодействия через создание постоянно действующих консультативных органов с участием представителей муниципального уровня; обязательность проведения консультаций с представительными органами муниципальных образований по законопроектам, существенно затрагивающим вопросы местного самоуправления; наличие эффективных механизмов представительства интересов местного уровня через муниципальные ассоциации и союзы; развитие разнообразных форм диалога, включающих парламентские слушания, рабочие группы, форумы, выездные заседания; обеспечение открытости и прозрачности законодательного процесса для участия представителей муниципалитетов; наличие

правовой культуры федерализма и местного самоуправления, предполагающей уважение автономии различных уровней власти и стремление к консенсусу; развитие компетенций муниципальных депутатов в области законодательной деятельности через обучение и обмен опытом.

Анализ лучших практик показывает, что наиболее эффективные модели взаимодействия сочетают институциональные механизмы с неформальными каналами коммуникации, обеспечивают регулярность и системность координации, создают реальные стимулы для учета позиции муниципального уровня при принятии региональных законодательных решений.

Литература:

1. Закон Республики Башкортостан №448-з от 30.12.2002 г. (в ред. от 23.12.2020г.) «О государственном собрании – Курултае Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bashkortostan.izbirkom.ru/upload/iblock/759/Закон%20о%20Гос_%20Собрании%20РБ.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

2. Ассоциация «Совет муниципальных образований Республики Татарстан» [Электронный ресурс]. – URL: https://sovmo.tatarstan.ru/index.htm/news/2479121.htm (дата обращения: 11.03.2026).

3. Беликов, В. Законодательное Собрание Петербурга и Совет муниципальных образований намерены укрепить сотрудничество / В. Беликов [Электронный ресурс]. – URL: https://www.assembly.spb.ru/news/munitsipalnye-obrazovaniya/zakonodatelnoe-sobranie-peterburga-i-sovet-munitsipalnykh-obrazovaniy-namereny-ukrepit-sotrudnichest/ (дата обращения: 11.03.2026).

4. В Свердловской области прошел форум муниципальных депутатов [Электронный ресурс]. – URL: https://sverdlovsk.er.ru/activity/news/v-sverdlovskoj-oblasti-proshel-forum-municipalnyh-deputatov (дата обращения: 11.03.2026).

5. Локшина, К.Н. Коммунальное (местное) самоуправление в Германии: исторические основы и особенности современного конституционного регулирования / К.Н. Локшина // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. №3. С.120-133

6. Колесников, В.А. Местное и муниципальное управление в развитых странах: учебное пособие / В.А. Колесников; Волгоградский институт управления – филиал

ФГБОУ ВО РАНХиГС. – Волгоград: Издательство Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.vlgr.ranepa.ru/podr/ipc/elizd/Колесников_%28Верстка%29_2016.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

7. Консультативный Совет представительных органов местного самоуправления при Курской областной Думе [Электронный ресурс]. – URL: https://kurskduma.ru/menu/activity/ekspertno-analiticheskaya-deyatelnost/konsultativnyy-sovet-predstavitelnykh-organov-mestnogo-samoupravleniya-pri-kurskoy-oblastnoy-dume/ (дата обращения: 11.03.2026).

8. Маркварт, Э. Организация местного самоуправления в Германии и применимость немецкого опыта к российским реалиям / Э. Маркварт [Электронный ресурс]. – URL: https://www.hse.ru/data/2010/12/31/1208182882/61-73_Markvart.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

9. Association of Municipalities of Ontario: Memorandum of understanding [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ontario.ca/page/association-municipalities-ontario-memorandum-understanding (дата обращения: 11.03.2026).

10. Quebec signs new partnership with municipalities [Электронный ресурс]. – URL: https/globalnews.ca/news/3110591/quebec-signs-new-partnership-with-municipalities/ (дата обращения: 11.03.2026).

11. Switzerland's political system [Электронный ресурс]. – URL: https://www.admin.ch/gov/en/start/federal-council/political-system-of-switzerland.html (дата обращения: 11.03.2026).

Семенуха Татьяна Борисовна
Semenukha Tatyana Borisovna
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» (Севастопольский филиал),
доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
e-mail: tatiana_semenukha@mail.ru

ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ СВОБОДА ДОГОВОРА И ВОЗНИКАЕТ ОБЯЗАННОСТЬ ПО ЗАКЛЮЧЕНИЮ ДОГОВОРА?

WHERE DOES FREEDOM OF CONTRACT END AND THE OBLIGATION TO CONCLUDE A CONTRACT ARISE?

Аннотация. Статья посвящена системному анализу предусмотренных гражданским законодательством Российской Федерации случаев, при которых на одну из сторон возлагается одностороннее обязательство по заключению договора вне зависимости от её волеизъявления. На основе классификации соответствующих правоотношений по пяти группам (публичный договор, заключение договора на торгах, принудительная лицензия, ограничения для субъектов доминирующего положения на рынке, реализация преимущественного права) автор исследует механизм ограничения принципа свободы договора и правовую природу каждого из рассматриваемых институтов. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам: кругу лиц, признаваемых потребителями по публичному договору; правовой квалификации подачи заявки на торгах; статусу преимущественного права (секундарное или абсолютное правоотношение). Автор формулирует ряд критических замечаний в отношении действующего законодательного регулирования и предлагает пути совершенствования соответствующих норм.

Abstract. The article is devoted to a systematic analysis of the cases provided for by the civil legislation of the Russian Federation, in which one of the parties is obliged to conclude an agreement regardless of its expression of will. Based on the classification of relevant legal relations into five groups (public contract, conclusion of a contract at auction, compulsory license, restrictions for dominant market entities, exercise of a pre-emptive right), the author examines the mechanism of restricting the principle of freedom of contract and the legal nature of each of the institutions under consideration. Special attention is paid to debatable issues: the range of persons recognized as consumers under a public contract; the legal qualification of filing an application for a tender; the status of the pre-emptive right (secondary versus absolute legal relationship). The author formulates a number of critical remarks regarding the current legislative regulation and suggests ways to improve the relevant rules.

Ключевые слова: принцип свободы договора; ограничение свободы договора; публичный договор; заключение договора на торгах; принудительная лицензия; доминирующее положение на рынке; преимущественное право; одностороннее обязательство по заключению договора; понуждение к заключению договора; перевод прав и обязанностей по договору; секундарные права.

Keywords: principle of freedom of contract; restriction of freedom of contract; public contract; conclusion of a contract at auction; compulsory license; dominant market position;

pre-emptive right; unilateral obligation to conclude a contract; compulsion to conclude a contract; transfer of rights and obligations under a contract; secondary rights.

Экономические реформы начала 1990-х годов ознаменовали переход Российской Федерации к рыночной модели хозяйствования, предполагающей свободное обращение товаров и услуг, а также самостоятельное планирование деятельности субъектами рынка. Конституция РФ [1] закрепила данный принцип, провозгласив свободу экономической деятельности, и раскрыв её через право использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещённой законом деятельности. Тем самым Конституция предоставляет субъектам экономических отношений свободу выбора поведения, что последовательно развивается в гражданском законодательстве. В частности, Гражданский кодекс РФ [2] в качестве основных начал устанавливает свободу договора, свободу граждан и юридических лиц в определении прав и обязанностей на основе договора, а также свободу в формулировании любых не противоречащих закону условий договора.

Целью настоящей статьи является систематизация случаев возникновения одностороннего обязательства по заключению договора, предусмотренных действующим гражданским законодательством РФ, анализ правовой природы соответствующих правоотношений и их классификация по видовым признакам.

Нами будут исследованы предусмотренные законом случаи, при которых возможно возникновение относительного правоотношения (одностороннего обязательства по заключению договора), т.е. возникновения у одной из сторон договора обязанности по его заключению, независимо от её волеизъявления на вступление в конкретные договорные отношения.

Виды договорных правоотношений, предполагающих одностороннее обязательство по заключению договора

Помимо провозглашения свободы граждан и юридических лиц в заключении договора, закреплённой в ст. 421 ГК РФ, в этой же статье закреплена норма, позволяющая эту свободу в определённых случаях ограничивать.

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 30.05.2026).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 30.05.2026).

Иными словами, государство, закрепляя в законодательстве диспозитивные нормы договора, обязательно сопровождает их императивными, которые служат цели создания рамок возможного поведения участников гражданского оборота, что следует признать благом даже для таких правоотношений, как договорные, которые по своей сути основаны на принципе свободы договора.

Подтверждение этих выводов находим у Брагинского М.И., который допускал, что «свобода договоров могла бы стать абсолютной только при условии, если бы сам Кодекс и все изданные в соответствии с ним правовые акты состояли исключительно из диспозитивных и факультативных норм. Но нетрудно предвидеть, что такой путь повлёк бы за собой немедленную гибель экономики страны, её социальных и иных программ, а с ними вместе поверг в хаос само общество. Неслучайно законодательство ни одной из существовавших в истории стран не пошло по этому пути».[3]

Действующее гражданское законодательство предусматривает большой перечень случаев, когда одна из сторон обязана в силу характера своей деятельности заключать договор, независимо от наличия волеизъявления на такое заключение с конкретным лицом.

Чтобы легче было характеризовать эти законодательно предусмотренные случаи, их следует разделить на группы по видам правоотношений.

1. Публичный договор

Большую группу случаев составляют правоотношения по заключению публичных договоров (ст. 426 ГК РФ). В данных правоотношениях одна из сторон договора – профессиональный участник гражданских правоотношений – в силу своей профессиональной деятельности и в соответствии с положениями ГК РФ и законов обязана заключить договор с каждым, кто к ней обратится с офертой. При этом профессиональный участник рынка публично оглашает условия, на которых возможно заключение договора, и предпринимает усилия в виде рекламирования деятельности с целью привлечь максимальное количество потенциальных участников данных правоотношений.

К таким обязательствам вступить в гражданские правоотношения с любым участником гражданского оборота можно отнести все обязательства профессиональных

[3]Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. Книга 1. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. С. 89–90. Документ предоставлен КонсультантПлюс, www.consultant.ru

участников рынка: продавцов по договорам о розничной купле-продаже (ст. 492 ГК РФ)[4]; перевозчиков по договорам перевозки общественным транспортом (ст. 789 ГК РФ); арендодателей по договорам проката (ст. 626 ГК РФ); фрахтовщиков (арендодателей) легкового такси (ст. 31 Федерального закона от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта»[5]); исполнителей по договорам о возмездном оказании услуг (ст. 779 ГК РФ); подрядчиков по договорам бытового подряда (ст. 730 ГК РФ); поставщиков энергии по договорам энергоснабжения (ст. 539 ГК РФ); банков по договору банковского счёта с клиентами (п. 2 ст. 846 ГК РФ); страховщиков по договору обязательного страхования ответственности владельцев транспортных средств (абзац восьмой статьи 1 Федерального закона от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»[6]) и др.

По всем вышеуказанным договорам в силу законодательной нормы на профессиональном участнике правоотношений лежит обязанность заключить договор с каждым обратившимся к нему с офертой. С каждым – значит и с физическим, и с юридическим лицом.

В соответствии с п. 3 ст. 426 ГК РФ отказ лица, осуществляющего предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, от заключения публичного договора при наличии возможности предоставить потребителю соответствующие товары, услуги, выполнить для него соответствующие работы не допускается.

Имеет ли в виду законодатель в данном случае под понятием потребителя только граждан в понимании Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»[7] либо распространяет данное понятие на всех обратившихся за товаром или услугой, в том числе и на юридических лиц?

Ответ на этот вопрос дан в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14ФЗ/ (дата обращения: 30.05.2026).

[5] Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72388/ (дата обращения: 30.05.2026).

[6] Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36528/ (дата обращения: 30.05.2026).

[7] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025) «О защите прав потребителей» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 30.05.2026).

25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»[8], где разъяснено, что для целей применения статьи 426 ГК РФ потребителями признаются физические лица, на которых распространяется действие законодательства о защите прав потребителей, а также индивидуальные предприниматели, юридические лица различных организационно-правовых форм; например, потребителями по договору оказания услуг универсальной связи являются как физические, так и юридические лица (подпункт 30 статьи 2, статья 44 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи»[9]).

В качестве подтверждения к такому выводу Пленума Верховного Суда РФ можно также привести в качестве примера договор перевозки транспортом общего пользования (ст. 789 ГК РФ), который отнесён к публичным договорам. В вышеуказанной норме закона текстуально закреплено, что коммерческая организация, осуществляющая перевозки транспортом общего пользования, обязана осуществлять перевозки грузов, пассажиров и багажа по обращению любого гражданина или юридического лица.

При этом даже из разъяснений Верховного суда не становится ясным, имеет ли значение для применения конструкции односторонней обязанности заключить договор то, что юридическое лицо обращается с офертой заключить публичный договор также в целях предпринимательской деятельности, или этот компонент является несовместимым с понятием потребителя.

Данный вопрос дискуссионен. Тем не менее представляется, что следует подчиниться воле законодателя, который прямо установил в ст. 426 ГК РФ обязанность лица, осуществляющего предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, заключить договор с каждым, кто к нему обратится. Формулировка закона «с каждым» вполне однозначна – она не ограничена целями заключения договора, а потому обязанность по заключению публичных договоров должна распространяться и на договора, заключаемые с предпринимательской целью также и

[8]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/ (дата обращения: 30.05.2026).

[9] Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О связи» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения: 30.05.2026).

со стороны покупателя/заказчика.

В случае нарушения обязанности по заключению публичного договора для стороны – профессионального участника – законом предусмотрены последствия в виде возмещения убытков, вызванных необоснованным уклонением, а также возможность понуждения профессионального участника к заключению договора в судебном порядке (п. 4 ст. 445 ГК РФ).

2. Заключение договора на торгах

Большую группу договоров составляют договоры, которые заключаются с лицом, выигравшим торги (ст. 447 ГК РФ), публичные торги (ст. 449.1 ГК РФ). К таким видам договоров можно отнести в том числе государственные и муниципальные контракты (ст. 526, 527 ГК РФ), а также государственный контракт на поставку продукции для федеральных государственных нужд (ФЗ от 13 декабря 1994 г. № 60-ФЗ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» [10]), хотя в последнем виде договора предусмотрена возможность обязательного заключения контракта не только со стороны государственного заказчика, но и со стороны поставщика (п. 5 ст. 529 ГК РФ).

Торги представляют собой один из способов заключения договоров, который тесно связан с основными законами свободного рынка и выражает их наиболее последовательно. Это, в частности, проявляется в присущей торгам конкуренции. Такая конкуренция может охватывать самую широкую область. Например, при государственных поставках и подрядах происходит конкуренция между теми, кто адресует организатору торгов свои предложения по поставке товаров, выполнению работ или оказанию услуг. И всё же такие же торги могут быть связаны с конкуренцией между теми, кто выступает с предложениями приобрести выставленное на продажу имущество (вещи или права).

В форме торгов реализуется право на приобретение государственного или муниципального имущества, в том числе земельных участков; продажа драгоценных металлов и драгоценных камней; реализация имущества в ходе процедуры банкротства; реализация заложенного имущества; торги по предоставлению в пользование природных ресурсов. Эти виды торгов предусмотрены действующим

[10] Федеральный закон от 13.12.1994 № 60-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5205/ (дата обращения: 30.05.2026).

законодательством, устанавливающим обязательность конкурентного порядка выбора контрагента.

Особенностью договоров, заключаемых на торгах, является организация заказчиком/покупателем/продавцом аукциона, конкурса и т.п. на заключение с ним договора. При этом условия договора, которые имеют значение для стороны – инициатора торгов, заблаговременно (не позднее чем за 30 дней) публикуются (п. 3 ст. 448 ГК РФ). Участники торгов предлагают свои условия заключения договора, из которых инициатор выбирает по заранее установленным критериям наиболее подходящего.

Как указывал О.А. Беляев, «проведение торгов является особой формализованной процедурой ведения переговоров по заключению договора».[11]

Президиум Верховного Суда Российской Федерации в п. 12 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», утверждённого 16.05.2018[12], указал, что «подача участником заявки для участия в конкурсе свидетельствует о принятии им условий его проведения, содержащихся в конкурсной документации, и, соответственно, о заключении заказчиком и участником соглашения, которое может быть квалифицировано как соглашение о ведении переговоров (пункты 1, 2 статьи 434, пункт 1 статьи 433, статья 435, пункт 3 статьи 438 ГК РФ)».

Вместе с тем данная позиция представляется небесспорной. Вступление в переговоры само по себе не порождает ни для одной из сторон обязанности по заключению договора, чем бы эти переговоры ни закончились. Тогда как организация торгов порождает для инициатора торгов одностороннюю обязанность по заключению договора с победителем (п. 6 ст. 448 ГК РФ).

Таким образом, нельзя согласиться с тем, что подача заявки на участие в конкурсе является соглашением о ведении переговоров; более точно её можно было бы определить как встречную оферту, которую уже и будет рассматривать организатор

[11] Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации. 2-е изд., доп. / под ред. А.Г. Карапетова. М.: М-Логос, 2020. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса). Комментарий О.А. Беляева к ст. 447.

[12] Обзор судебной практики по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», утверждённый Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16.05.2018 // URL: http://www.vsrf.ru/documents/thematics/26757/ (дата обращения: 30.05.2026).

торгов.

3. Заключение договора по правилам принудительной лицензии

Возможность обязать одну из сторон заключить договор может возникнуть и в случаях, когда одна из сторон не предпринимает никаких действий, никаким образом не вступает в гражданский оборот, и как раз это обстоятельство является причиной, по которой договор с ней можно заключить в принудительном порядке.

Речь идёт о правилах принудительной лицензии на использование изобретения, полезной модели, промышленного образца или селекционного достижения (ст. 1362, 1423 ГК РФ).

Суть этого правила заключается как раз в необходимости вовлечь в гражданский оборот новые достижения науки, даже вопреки воле автора либо иного правообладателя исключительного права. В этом случае ограничение принципа свободы договора обосновывается общим благом, интересами экономики, для которой новейшие достижения науки и техники безусловно являются катализаторами развития.

Следует отметить, что законодатель при формулировании вышеуказанных норм закона использовал большое количество оценочных понятий («недостаточное использование»; «недостаточное предложение»; «установившаяся практика»; «уважительные причины»; «маловероятно»; «важное достижение»; «существенные преимущества»). Всё это даёт суду большие полномочия при рассмотрении таких споров и значительную неопределённость сторонам данных правоотношений, поскольку оценка всех этих понятий будет производиться судом на основании внутреннего убеждения судьи. Неопределенность столь широкой трактовки даже стала предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который пояснил, что недостаточное использование может проявляться различными способами, в том числе и установлением чрезвычайно высоких цен, препятствующих доступу граждан к жизненно важным препаратам (дело о выдачи принудительной лицензии на мед.препарат «Трикафта»).[13]

4. Заключение договора с субъектом, занимающим монопольное положение на товарном рынке

[13] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2026 г. № 13-П "По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1362 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами акционерного общества "Санофи Россия" и компании "Вертекс Фармасьютикалз Инкорпорейтед" // https://arbitr.garant.ru/#/document/413830856/paragraph/1:3 (дата обращения: 30.05.2026)

Обязанность одностороннего характера по заключению договора формируется и тогда, когда субъект, чьё положение на товарном рынке признаётся доминирующим, необоснованно отказывается от заключения договора (подп. 5 п. 1 ст. 10 Федерального закона «О защите конкуренции» [14]). В данном случае очевидно, что ограничение свободы договора вызвано необходимостью установить баланс между монополистом и более слабой стороной в данных правоотношениях, а также для обеспечения равных возможностей для всех участников рынка пользоваться природными, научными, техническими ресурсами. В данных случаях реализация принципа свободы договора монополистом может негативно отразиться на иных участниках рынка, поскольку в отсутствие конкуренции законы рынка, предусматривающие баланс спроса и предложения, не работают в силу крайне ограниченного предложения. Таким образом, необоснованное уклонение от заключения договора со стороны монополиста рассматривается законодательством как злоупотребление правами на заключение договора, выбор контрагента и определение условий договора, а потому напрямую запрещено в подп. 5 п. 1 ст. 10 Федерального закона «О защите конкуренции».

Норма закона содержит оценочное понятие (экономически или технологически не обоснованные отказ либо уклонение от заключения договора), хотя следует признать, что в этом случае формулировка более удачная, чем в ст. 1362 и ст. 1423 ГК РФ, поскольку ограничены критерии оценки необоснованности отказа (экономические или технические), что достаточно чётко можно определить экспертными заключениями.

5. Заключение договора в силу реализации преимущественного права

К следующей группе правоотношений можно отнести те, которые вытекают из реализации преимущественного права одной из сторон на заключение договора и корреспондирующей обязанности заключить договор с обладателем преимущественного права.

Прежде всего следует охарактеризовать преимущественные права как многогранное правовое явление, структурно сложное, состоящее из правовых связей разных форм регулирования.

Профессор Белов В.А. характеризовал преимущественные права как

[14] Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О защите конкуренции» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 30.05.2026).

относительные, а более конкретно – как секундарные права,[15] мотивируя это тем, что правообладатель преимущественных прав обладает правами на односторонние действия. Указанное мнение уважаемого учёного следует признать спорным.

Секундарные права по своей сути не направлены на какого-либо субъекта; они, как выразился Карнушин В.Е., являются «простым осознанием некоторой управомоченности, в противоположность полному правоотношению, которое всегда предполагает управомоченность по отношению к кому-то другому».[16]

Из-за своей простоты секундарные права даже не нуждаются в судебной защите, чего нельзя сказать про преимущественное право, для которого даже предусмотрен особый способ защиты – перевод прав и обязанностей по договору.

По мнению профессора Ротаня В.Г., в отличие от профессора Белова В.А., «преимущественное право является абсолютным и входит в содержание абсолютного правоотношения между субъектами этого права и всеми третьими лицами».[17]

По мнению автора настоящей статьи, преимущественное право имеет ещё более сложную структуру, которую следует расчленить на более простые правоотношения. Так, одно из проявлений преимущественного права – это право на вытеснение любого третьего лица из спорного правоотношения, и направлено оно к неопределённому кругу лиц, а потому в этой части его следует признать абсолютным правоотношением; а в случае непосредственной реализации преимущественного права это правоотношение трансформируется в относительное правоотношение, направленное на конкретных участников договора или переговоров по заключению договора, а потому в этой части оно уже приобретает характер относительного правоотношения.

Именно с этой особенностью и многогранностью реализации преимущественного права и связаны столь различные взгляды учёных на эти правоотношения.

В связи с изложенным, хотя реализация преимущественного права и зависит исключительно от воли его обладателя (что характерно для секундарного права), только одно это обстоятельство не позволяет отнести его к секундарному праву.

Кроме того, преимущественное право должно быть специально оговорено в

[15]Белов В.А. Гражданское право: в 4 т. Т. 4. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. С. 894.
[16]Карнушин В.Е. Секундарные права в гражданском праве Российской Федерации: общие вопросы теории, секундарные права в Гражданском кодексе РФ / под ред. В.П. Камышанского. М.: Статут, 2016. С. 18.
[17]Ротань В.Г. Система гражданских правоотношений и их структура // Власть Закона. 2019. № 4 (40). С. 70.

законе, поскольку отступление от принципа равенства сторон возможно только по указанию закона. Исходя из этого, нельзя согласиться с А.П. Сергеевым, который допускал установление преимущественных прав соглашением сторон.[18] Какой смысл в таких «преимущественных» правах, которые нельзя реализовать в отношении неопределённого круга лиц – ведь соглашение на третьих лиц распространяться не будет. А.П. Сергеев данный вопрос не раскрывает. Обладатель таких «преимущественных» прав в лучшем случае может рассчитывать на возмещение убытков и неустойку от контрагента, а воспользоваться специальным способом защиты не сможет.

Тезис о том, что преимущественные права могут возникать только в случаях, предусмотренных законом, находим и у других учёных,[19] с которыми автор статьи безусловно солидарен.

К числу преимущественных прав, закреплённых в Гражданском кодексе РФ, относятся: право арендатора, надлежащим образом исполнявшего свои обязанности, на заключение договора аренды на новый срок (ст. 621); право нанимателя жилого помещения на возобновление договора найма (ст. 684); а также преимущественное право участников долевой собственности на приобретение доли при её продаже (ст. 250). Указанные правовые конструкции предусматривают обязанность собственника к заключению договора именно с конкретными лицами (арендатором, нанимателем или сособственниками), ограничивая таким образом его свободу по выбору контрагентов.

При этом законодатель в п. 1 ст. 621 ГК РФ логично закрепил диспозитивную норму, позволяющую сторонам договора аренды отменять преимущественное право на заключение договора, предусмотренное законом. Если же стороны в договоре этого не предусмотрели либо в ином специальном законе это правило не отменено, арендатор имеет возможность воспользоваться своим преимущественным правом перед третьими лицами на заключение договора аренды на новый срок, а право арендодателя на выбор контрагента будет ограничено.

Правило о преимущественной покупке доли в общей собственности имеет императивный характер.

[18]Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. М.: РГ-Пресс, 2011. С. 134.
[19]Гражданское право: учебник / под ред. Е.А. Суханова. 3-е изд. Т. 1. Общая часть. М., 2004. С. 135.

В данных случаях ограничение свободы договора направлено на защиту субъекта, в пользовании которого данное имущество уже находилось, субъекта, обладающего преимущественными правами, что безусловно способствует стабильности гражданских правоотношений.

При этом законодатель в качестве защиты преимущественного права предложил способ защиты, предусматривающий перевод на владельца преимущественного права, прав и обязанностей по новому договору, заключённому в нарушение/обход данного преимущества (п. 1 ст. 621 ГК РФ, п. 3 ст. 250 ГК РФ). Это и понятно, поскольку в данной правовой конструкции ограничивается не свобода вступать в договорные отношения, а свобода на выбор стороны договора.

Вышеуказанные нормы закона имеют общие цели, однако процедуры защиты права несколько разнятся.

Так, при намерении продать свою долю в общем имуществе, сособственник обязан письменно уведомить об этом других сособственников, указав условия заключения договора. Аналогичной обязанности у арендодателя законом не предусмотрено, а потому остаётся неясным, каким образом арендатор должен узнавать о намерении арендодателя вновь сдать своё имущество в аренду. А ведь преимущественное право у арендатора сохраняется в течение года с момента прекращения договора аренды.

Кроме того, положениями о праве преимущественной покупки предусмотрен сокращённый срок исковой давности (3 месяца), в течение которого сособственник может заявить требование о переводе на себя прав и обязанностей по договору купли-продажи (п. 3 ст. 250 ГК РФ).

В положениях ст. 621 ГК РФ сокращённый срок на требования о переводе прав и обязанностей по договору аренды не предусмотрен; таким образом, следует исходить из того, что на эти требования распространяется общий срок исковой давности (три года), что, конечно, создаёт длительную угрозу лишения права аренды для нового арендатора, который никаким образом не имеет возможности проверить наличие предыдущего арендатора, обладающего преимущественным перед ним правом на заключение договора аренды.

При этом в Федеральном законе от 22.07.2008 № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения движимого и недвижимого имущества, находящегося в государственной

или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства»[20] законодатель не забыл установить срок давности обращения в суд продолжительностью 2 месяца (ст. 6 ФЗ).

Рассмотренные нами случаи заключения договоров подтверждают высказанное Карапетовым А.Г. мнение, что иногда рыночная модель, не снижая экономического благосостояния, порождает явную несправедливость в отношениях сторон, когда в силу неравенства переговорных возможностей взаимный выигрыш от сотрудничества сторон распределяется крайне несимметрично, или когда колоссальный разрыв в субъективной ценности благ и согласованная в связи с этим необычно низкая или высокая цена обусловлены чрезвычайными обстоятельствами, в которые попала одна из сторон.[21]

Проведя исследование групп договоров, по которым одна из сторон несёт обязанность по заключению договора, следует согласиться с мнением о том, что договорные правоотношения совершенно справедливо не могут быть абсолютно свободны. Стороны, вступающие в правоотношения, зачастую экономически не равны между собой; освободив их от любых законодательных ограничений и обязательств, мы неизбежно получили бы ситуацию экономического подавления более сильной стороной своих контрагентов, что в свою очередь нарушает базовый принцип права в целом и гражданского в частности – принцип равенства участников регулируемых отношений.

В связи с вышеизложенным следует заключить, что законодательство достаточно подробно регулирует правоотношения, где одна из сторон обременена обязанностью по заключению договора, однако общественные отношения всё время развиваются, а потому и законодательные нормы подлежат совершенствованию сообразно изменяющимся условиям и уровню развития общественных отношений.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата

[20]Федеральный закон от 22.07.2008 № 159-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «Об особенностях отчуждения движимого и недвижимого имущества, находящегося в государственной или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78582/ (дата обращения: 30.05.2026).

[21] Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации. 2-е изд., доп. / под ред. А.Г. Карапетова. М.: М-Логос, 2020. С. 83. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса.)

обращения: 30.05.2026).

12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 30.05.2026).

13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14ФЗ/ (дата обращения: 30.05.2026).

14. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О защите конкуренции» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 30.05.2026).

15. Федеральный закон от 13.12.1994 № 60-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5205/ (дата обращения: 30.05.2026).

16. Федеральный закон от 22.07.2008 № 159-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «Об особенностях отчуждения движимого и недвижимого имущества, находящегося в государственной или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78582/ (дата обращения: 30.05.2026).

17. Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72388/ (дата обращения: 30.05.2026).

18. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36528/ (дата обращения: 30.05.2026).

19. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025) «О защите прав потребителей» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 30.05.2026).

20. Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О связи» //

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения: 30.05.2026).

21. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2026 г. № 13-П "По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1362 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами акционерного общества "Санофи Россия" и компании "Вертекс Фармасьютикалз Инкорпорейтед" // https://arbitr.garant.ru/#/document/413830856/paragraph/1:3 (дата обращения: 30.05.2026)

22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/ (дата обращения: 30.05.2026).

23. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», утверждённый Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16.05.2018 // URL: http://www.vsrf.ru/documents/thematics/26757/ (дата обращения: 30.05.2026).

24. Белов В.А. Гражданское право: в 4 т. Т. 4. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013.

25. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. Книга 1. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001.

26. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации. 2-е изд., доп. / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса.)

27. Карнушин В.Е. Секундарные права в гражданском праве Российской Федерации: общие вопросы теории, секундарные права в Гражданском кодексе РФ / под ред. В.П. Камышанского. М.: Статут, 2016.

28. Ротань В.Г. Система гражданских правоотношений и их структура // Власть Закона. 2019. № 4 (40). С. 70.

29. Гражданское право: учебник / под ред. Е.А. Суханова. 3-е изд. Т. 1. Общая часть. М., 2004.

30. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. М.: РГ-Пресс, 2011.

Шуканова Диана Романовна
Diana Romanovna Shukanova
магистрант
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Шевчук Ирина Викторовна
Irina Viktorovna Shevchuk
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ЗНАЧЕНИИ СУДЕБНОГО ШТРАФА КАК ИНОЙ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

ON THE CONCEPT AND MEANING OF A JUDICIAL FINE AS ANOTHER CRIMINAL MEASURE

Аннотация. В данной статье исследуется институт судебного штрафа как мера уголовного-правового характера, применяемая к лицу в случае прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 25.1 УПК РФ.

Abstract. This article examines the institution of a judicial fine as a criminal measure applied to an individual in the event of the dismissal of a criminal case on the grounds provided for in Article 25.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: судебный штраф, мера уголовно-правового характера, прекращение уголовного дела.

Keywords: judicial fine, criminal measure, dismissal of a criminal case.

Институт судебного штрафа, закрепленный в ст. 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ), функционирует как механизм досудебного разрешения уголовного дела и соответствует конституционно закрепленному принципу гуманизации ответственности (ч. 2 ст. 2, ч. 1 ст. 55 Конституции РФ). Введенный в 2018 году, он реализует политику дифференциации уголовно-правового воздействия в зависимости от степени общественной опасности деяния: за преступления небольшой и средней тяжести законодатель допускает возможность освобождения лица от квалифицирующего признака судимости при условии возмещения причиненного вреда.

Социально-правовая значимость данного института обусловлена не столько альтернативностью самого уголовного преследования, сколько превентивной функцией

в отношении последствий факта осуждения. Судимость как правовое состояние порождает ограничения, регламентированные федеральными законами (например, в сфере служебной деятельности, управления юридическими лицами, участия в выборах), что объективно затрудняет реинтеграцию гражданина в общество. Минимизация этого контингента за счет механизма судебного штрафа, по сути, представляет собой инструмент снижения криминогенной нагрузки, связанной со стигматизацией, при этом сохраняя элемент удовлетворительности за счет взыскания денежных средств в доход государства, эффективность института в значительной степени зависит от критериев отнесения деяния к категории «небольшой или средней тяжести» и от реальной способности лица произвести выплату - отсутствие последней автоматически исключает применение данной меры, что создает проблему доступности института для различных социальных слоев. Кроме того, судебный штраф, как мера уголовно-правового характера, позволяет не только гарантировать право потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением, но и пополнить государственный бюджет.

Согласно ст. 104.4 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ), судебный штраф квалифицируется как «иная мера уголовно-правового характера», представляющая собой денежное взыскание, назначаемое судом в порядке, установленном ст. 76.2 УК РФ, при освобождении лица от уголовной ответственности, введение данной нормы потребовало переосмысления доктринального содержания категории «иные меры», которая, в отличие от классического наказания, не носит карательного характера, а направлена на предупреждение преступлений и устранение их причин.

В научной среде нет единого подхода к систематизации этих мер. А.И. Плотникова, например, акцентирует внимание на их превентивной функции, выделяя судебный штраф наряду с принудительными мерами медицинского характера и конфискацией имущества как инструменты государственного принуждения, не влекущие судимости [1]. В то же время В.И. Горобцов рассматривает иные меры (в том числе судебный штраф) не как самостоятельную категорию, а как формы реализации уголовной ответственности наряду с наказанием и принудительными мерами воспитательного воздействия [3]. Особый интерес представляет позиция М.Ф. Гареева, который предлагает расширенную трактовку, включающую в систему «иных мер»

такие институты, как условное осуждение, отсрочка отбывания наказания и освобождение от наказания с возложением обязанностей [4], это порождает теоретическую коллизию - если Горобцов сужает понятие до мер, применяемых вместо наказания, то Гареев расширяет его до всех механизмов, связанных с изменением ответственности или освобождением от нее.

Представленные позиции демонстрируют фундаментальные расхождения в понимании природы судебного штрафа. Если следовать логике Плотниковой, то штраф - это альтернатива ответственности, что соответствует его процессуальному статусу (прекращение дела), однако подход Горобцова, приравнивающий штраф к формам реализации ответственности, более точно отражает фактическое положение дел: лицо все же привлекается к ответственности, но в облегченной форме. Расширительная трактовка Гареева, включающая условное осуждение в понятие «иных мер», представляется спорной, поскольку условное осуждение является видом наказания, а не альтернативой ему.

Таким образом, доктринальная неопределенность требует четкого законодательного разграничения: судебный штраф - это мера, применяемая до признания вины (в рамках прекращения дела), в то время как иные институты (условное осуждение) - это меры, применяемые после вынесения обвинительного приговора.

Следует признать, что иные меры уголовно-правового характера обладают самостоятельным механизмом правового регулирования, который принципиально отличается от карательной сущности уголовного наказания, этот механизм направлен на устранение факторов, способствующих совершению преступления, а также на решение иных задач, не связанных с возмездием виновному. В частности, применительно к судебному штрафу к таким задачам можно отнести восстановление нарушенных экономических отношений, возникших в результате совершения преступления. Таким образом, данная мера направлена не только на минимизацию криминогенных факторов, но и на возмещение ущерба, причиненного преступлением [5].

Норма ч. 2 ст. 104.4 УК РФ устанавливает, что неуплата судебного штрафа в назначенный срок влечет за собой его отмену и привлечение лица к уголовной ответственности по соответствующей статье УК РФ [1]. Это положение не создает безусловной обязанности по уплате штрафа, а формирует для правонарушителя

диспозитивную правовую конструкцию - либо добровольно исполнить решение суда, либо подвергнуться стандартной процедуре уголовного преследования. Эта особенность позволяет выделить судебный штраф среди иных мер уголовно-правового характера по признаку отсутствия принудительного исполнения на первоначальном этапе, государственное принуждение применяется только в случае уклонения от добровольного исполнения наказания, что отличает его, например, от конфискации имущества, которое обращается в доход государства в принудительном порядке независимо от воли осужденного.

Ключевым отличием судебного штрафа является также его процессуальная природа. Он не назначается обвинительным приговором, поскольку его применение означает прекращение уголовного дела (или уголовного преследования) и, следовательно, отсутствие факта осуждения (ст. 76.2 УК РФ), соответствующее решение суда оформляется не приговором, а постановлением о назначении судебного штрафа, что подчёркивает его досудебный, альтернативный характер.

Кроме того, судебный штраф обладает свойством альтернативности и исключительности. Он применяется судом по своему усмотрению (дискреционно) и не может сочетаться с наказанием, поскольку является основанием для освобождения от уголовной ответственности. В отличие от судебного штрафа, принудительные меры медицинского характера или конфискация имущества могут применяться как самостоятельно, так и в сочетании с наказанием, выполняя при этом вспомогательную или компенсационную функцию.

Правовая конструкция, при которой неуплата штрафа автоматически приводит к возобновлению уголовного преследования, порождает вопрос о правовой природе первоначального решения, фактически постановление о назначении судебного штрафа носит условный характер, ставя освобождение от ответственности в зависимость от дальнейшего поведения лица, это сближает его с институтом отсрочки исполнения наказания, однако ключевое отличие сохраняется - при назначении судебного штрафа лицо формально не признается виновным, в то время как при отсрочке выносится обвинительный приговор.

Таким образом, судебный штраф действительно занимает уникальное положение, сочетая в себе черты альтернативы ответственности и инструмента восстановительного правосудия, но его эффективность напрямую зависит от экономического положения

правонарушителя, способного единовременно погасить значительную сумму.

Таким образом, следует четко разграничивать понятия «судебный штраф» как мера уголовно-правового характера и «штраф» как вид уголовного наказания. Как известно, принципиальное отличие их правовой природы заключается в том, что судебный штраф, в отличие от штрафа как наказания, не преследует цели восстановления социальной справедливости путем возложения на виновное лицо тягот и лишений, соразмерных тяжести совершенного преступления, судебный штраф характеризуется преимущественно восстановительной функцией, направленной на компенсацию причиненного вреда, в то время как штраф как мера наказания сохраняет карательную природу, свойственную уголовной ответственности. [6]. Прежде всего такое различие исходит из того, что судебный штраф применяется к лицу, в отношении которого уголовное дело прекращено постановлением суда в соответствии с положениями ст. 25.1 УПК РФ и не влечет за собой наличие у лица судимости, а штраф как основное или дополнительное наказание применяется к лицам осужденным приговором суда за совершение преступлений. Разница в статусе субъектов напрямую определяет разность правовой природы этих двух институтов. Кроме того, разница между штрафом как наказание и судебным штрафом прослеживается в их размерах. В частности, штраф как наказание, назначаемое в виде денежной суммы, определен законодателем в размере от 5000 до 5000000 рублей. Размеры судебного штрафа в разы меньше. При отсутствии штрафа в санкции всего до 250000 рублей, а при наличии ½ от размера штрафа, предусмотренного в санкции [7]. Это позволяет нам сделать вывод о том, что судебный штраф не относится к категории «наказания» в виду их несоразмерности.

Статья 104.5 УК РФ устанавливает критерии определения размера судебного штрафа. Согласно норме, его верхний предел ограничивается половиной максимального размера штрафа как вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ - если санкция статьи не предусматривает штраф, максимальная сумма судебного штрафа составляет двести пятьдесят тысяч рублей [1].

Такой механизм расчета вызывает теоретическую коллизию - законодатель, увязывая размер альтернативной меры с тяжестью потенциального наказания, фактически признает общественную опасность деяния, что противоречит логике

прекращения уголовного дела за малозначительностью или примирением сторон (ст. 25.1 УПК РФ), однако с практической точки зрения такой подход обеспечивает единообразие судебной практики и принцип соразмерности: размер финансовой нагрузки коррелирует с категорией преступления (небольшой или средней тяжести), что способствует дифференциации ответственности.

Существенным процессуальным отличием является также режим исполнения. В отличие от штрафа как вида наказания, в отношении которого ч. 2 ст. 46 УК РФ прямо предусматривает возможность рассрочки выплаты на срок до пяти лет, законодатель не закрепил аналогичный механизм для судебного штрафа. Это создает дисбаланс, ведь лицо, осужденное по приговору суда, получает более гибкие условия для исполнения финансового обязательства, чем лицо, освобожденное от уголовной ответственности.

Отсутствие института рассрочки при назначении судебного штрафа существенно ограничивает его доступность и потенциал восстановительного правосудия, требование единовременной выплаты значительной суммы может сделать этот институт неприменимым для лиц с нестабильным финансовым положением, что вынуждает суд возобновлять уголовное преследование даже в тех случаях, когда цели гуманизации и восстановительного правосудия могли бы быть достигнуты. Этот пробел в законодательстве ставит эффективность института в прямую зависимость от платежеспособности правонарушителя, что требует внесения соответствующих изменений в ст. 104.5 УК РФ для введения возможности рассрочки или отсрочки платежа по решению суда.

Помимо различий, судебный штраф и штраф как вид наказания имеют ряд процессуальных сходств, обусловленных их общей финансовой природой. Ключевым объединяющим признаком является процедура исполнения: взыскание денежных средств в доход государства в обоих случаях осуществляется в рамках исполнительного производства, отнесенного к компетенции Федеральной службы судебных приставов. Кроме того, для обоих институтов предусмотрены негативные правовые последствия в случае злостного уклонения от исполнения судебного решения. Однако характер этих последствий различен, что отражает их разную правовую природу: неуплата судебного штрафа влечет его отмену и возобновление уголовного преследования по правилам ч. 2 ст. 104.4 УК РФ, в то время как уклонение от уплаты штрафа в качестве наказания может привести к его замене на более строгий вид наказания в соответствии со ст. 46 УК РФ.

Таким образом, неисполнение судебного решения в любом случае ухудшает положение лица.

Правовая природа судебного штрафа наиболее четко раскрывается через его функцию как условия освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.2 УК РФ). Освобождение от уголовной ответственности зависит от ряда критериев: совершение преступления небольшой или средней тяжести впервые, полное возмещение причиненного ущерба или заглаживание вреда иным способом. Как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, освобождение от уголовной ответственности представляет собой отказ государства от осуждения и наказания лица [9]. При этом ч. 2 ст. 76.2 УК РФ устанавливает, что такое освобождение носит условный характер: его окончательность зависит от исполнения лицом предписаний суда, в частности от уплаты назначенной суммы. Невыполнение этого условия приводит к отмене постановления и привлечению к ответственности на общих основаниях.

Условный характер освобождения от наказания, при котором неуплата штрафа аннулирует весь правовой результат, сближает судебный штраф с институтом отсрочки отбывания наказания. Это ставит под сомнение декларируемую в постановлении Пленума Верховного суда РФ идею полного «отказа» государства от реализации ответственности. Фактически государство не отказывается от нее, а приостанавливает ее применение, ставя прекращение дела в зависимость от выполнения финансового обязательства. Такой подход может свести на нет восстановительный потенциал института, превратив его из инструмента гуманизации в механизм предоставления «отсрочки» от уголовного преследования для платежеспособных лиц.

Согласно сводным статистическим сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей, представленных на официальном сайте Судебного департамента при Верховном суде РФ, количество уголовных дел, прекращенных с назначением судебного штрафа по ходатайствам о прекращении с назначением судебного штрафа в 2017 году - 8583 уголовных дел из поступивших 915 781 (0,94%), в 2019 – 30678 из поступивших 820 349 (3,74%), в 2021 – 15 648 из поступивших 782354 (2%), в 2023 году – 2783 из поступивших 720583 (0,39%), в 2024 году – 2092 из поступивших 651301 (0,32%). Такие показатели позволяют нам сделать вывод о том, что несмотря на уменьшение количества уголовных дел, поступивших для рассмотрения в суды общей юрисдикции и мировым судьям, востребованность такого

правового института как судебный штраф снижается с каждым годом. Это может означать несовершенство законодательства и необходимость внесения изменений или издания дополнительных разъяснений о применении положений ст. 25.1 УПК РФ.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наличие такого альтернативного инструмента уголовно-правового воздействия на нарушителей закона как судебный штраф, отвечает интересам общества и государства. Реализация принципов гуманизма, экономия процессуального времени, ресурсов, затрачиваемых на делопроизводство в органах предварительного расследования и в судах, пополнение государственного бюджета, гарантия соблюдения права потерпевшего на возмещение вреда, шанс на исправление и возможность не оказаться в местах лишения свободы, а также не получить судимость, которые дает государство, назначая такую меру правового-характера как судебный штраф, не могут не найти отклика в социуме. В то же время, различные мнения ученых и судебная статистика позволяют нам говорить о том, что институт судебного штрафа вызывает некоторые вопросы, которые требуют изучения и проработки для дальнейшего его применения на практике.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025)/ Собрание законодательства Российской Федерации. – Текст: электронный // КонсультантПлюс. ВерсияПроф.

2. Плотников, А.И. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / А. И. Плотников. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. – с. 430. – ISBN 978-5-4417-0659-9. Текст: электронный

3. Горобцов, В. И. О понятии и целевых установках уголовно-правового принуждения // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск, 2001. — 35-36 с. – Текст: электронный.

4. Гареев М. Ф. Цели иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения по российскому уголовному праву: 12.00.08: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гареев Марат Фаизович. — Казань 2005. — 23 с. – Текст: электронный.

5. Д.А. Безбородов, Иные меры уголовно-правового характера: понятие, признаки

и виды. Учебное пособие / Д.А. Безбородов, А.В. Зарубин. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. — 80 с. – Текст: электронный.

6. Луценко, Н.С. Судебный штраф: Проблемы теории и правоприменения: 12.00.08: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Хабаровск, 2019. - – 237 с.– Текст: электронный.

7. Ермакова, О. В. Регламентация штрафа как уголовного наказания и его отличие от судебного штрафа: дискуссионные аспекты / О. В. Ермакова, С. В. Ермаков // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: Материалы XXII Всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 19–20 октября 2022 года / Отв. редактор А.Г. Чириков. – Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 89-91. – EDN LMKTQS.

8. Катинский, В. Г. Судебный штраф как дифференцированная форма досудебного и судебного производства в уголовном процессе / В. Г. Катинский, В. А. Ефанова // Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия Великой Судебной реформы : Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 155-летию Судебных Уставов 1864 г., приуроченной к 55-летию Юго-Западного государственного университета, Курск, 14–15 ноября 2019 года. – Курск: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2019. – С. 167-171. – EDN YXFFJA.

9. Российская Федерация. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 19 (ред. от 29.11.2016) "О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности"– Текст: электронный // КонсультантПлюс. ВерсияПроф.

Хизенко А.Д.
Khizenko A D.
студент юридического факультета
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

научный руководитель
Кузьмина А.И.
Kuzmina A.I.
ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОХРАНЫ ТРУДА РАБОТНИКОВ

CONTEMPORARY PROBLEMS OF ENSURING EMPLOYEE OCCUPATIONAL SAFETY

Аннотация. В статье рассматривается действующее правовое регулирование института охраны труда, а также исследуются современные проблемы обеспечения охраны труда работников и возможные пути их решения. Несовершенство системы ответственности работодателя, недостаточная эффективность контрольно-надзорной деятельности, недостаточное финансирование – все это оказывает отрицательное влияние на обеспечение охраны труда работника. Разрешение вопросов охраны труда и минимизация негативных последствий являются важными элементами всей социально-трудовой сферы, поскольку работоспособность и здоровье каждого работника влияют на производительность предприятия.

Abstract. This article examines the current legal regulation of occupational safety and health, and explores current challenges in ensuring employee occupational safety and health and possible solutions. The imperfections of the employer's liability system, the ineffectiveness of enforcement and oversight activities, and inadequate funding all negatively impact employee occupational safety and health. Resolving occupational safety issues and minimizing negative consequences are important elements of the entire social and labor sphere, as the performance and health of each employee impacts enterprise productivity.

Ключевые слова: охрана труда, трудовое законодательство, работник, работодатель, правовое регулирование, безопасность

Keywords: occupational safety, labor legislation, employee, employer, legal regulation, safety

Появление новых технологий, высокий уровень автоматизации производства, использование сложных систем – все это требует совершенствования правового регулирования в области охраны труда в целях достижения максимально эффективных

результатов трудовой деятельности. В настоящее время существует множество нормативных правовых актов, которые регулируют институт охраны труда. Трудовое законодательство составляют такие акты как:

1) Конституция РФ;

2) Трудовой кодекс РФ;

3) Федеральные законы (например, ФЗ №125 от 24.07.1998 «Об обязательном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», ФЗ №10 от 12.01.1996 «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», ФЗ №426 от 28.12.2013 «О специальной оценке условий труда»);

4) Постановления Правительства РФ (например, Постановление Правительства РФ № 2464 от 24.12.2021 «О порядке обучения по охране труда и проверки знания требований охраны труда», Постановление Правительства РФ №537 от 25.04.2024 «О внесении изменений в постановление Правительства РФ от 16.12.2021 №2332»);

5) Приказы министерств (например, Приказ Минтруда России от 29.10.2021 № 776н «Об утверждении Примерного положения о системе управления охраной труда», Приказ Минтруда России от 24.04.2025 №287н «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства труда и социальной защиты РФ по вопросам охраны труда») и др.

Ключевым правовым актом регулирования охраны труда является Трудовой кодекс РФ. Он устанавливает принципы охраны труда, основные направления государственной политики в области охраны труда, права и обязанности работника и работодателя, а также систему управления охраной труда. Под охраной труда понимается система сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающая в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия [1]. Трудовым кодексом РФ установлены основные направления государственной политики в области охраны труда. Например, принятие и реализация нормативных правовых актов, государственная экспертиза условий труда, финансирование государством мероприятий по охране труда. Формирование института охраны труда связано предупреждением и уменьшением

негативных последствий, с которыми может столкнуться каждый работник при исполнении своих трудовых обязанностей [2].

Законодательством четко установлены границы прав и обязанностей сторон трудовых правоотношений, которые направлены на осуществление работником «безопасного» труда. Широкий круг обязанностей по обеспечению безопасных условий труда возлагается на работодателя. Некоторыми из таких обязанностей являются:

1) соответствие каждого рабочего места государственным нормативным требованиям охраны труда;

2) обеспечение безопасности работников при эксплуатации зданий, сооружений, оборудования, осуществлении технологических процессов, а также эксплуатации применяемых в производстве инструментов, сырья и материалов;

3) создание и функционирование системы управления охраной труда;

4) систематическое выявление опасностей и профессиональных рисков, их регулярный анализ и оценка;

5) обеспечение режима труда и отдыха работников;

6) оснащение средствами коллективной защиты;

7) проведение специальной оценки условий труда;

8) разработка мер, направленных на обеспечение безопасных условий и охраны труда, оценка уровня профессиональных рисков перед вводом в эксплуатацию производственных объектов, вновь организованных рабочих мест и др.

Одной из проблем обеспечения охраны труда является несовершенство системы ответственности работодателя. Работодатель может быть привлечен и к гражданско-правовой ответственности, и к административной, и к уголовной. Сама система ответственности должна быть построена на принципе пропорциональности, то есть применяемые меры воздействия должны соответствовать тяжести последствий нарушения. Однако, существующие штрафы для работодателя оказываются меньше тех затрат, которые необходимы для обеспечения работников средствами индивидуальной защиты. При этом последствия для здоровья работника могут быть очень негативными. Согласно п.4 ст. 5.27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) необеспечение работников средствами индивидуальной защиты влечет наложение административного штрафа. Для должностных лиц и лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического

лица, размер штрафа составляет от 20 до 30 тыс. руб., для юридических лиц – от 130 до 150 тыс. руб. [3]. При этом следует обратить внимание на сами средства индивидуальной защиты. СИЗ используются непосредственно для предотвращения или уменьшения воздействия на работника вредных/опасных производственных факторов, особых температурных условий, а также для защиты от загрязнения. Рассматриваемая норма устанавливает размер штрафов за необеспечение средствами защиты второго класса, которые защищают человека от необратимого вреда здоровью. Например, при воздействии вредных химических веществ оплата штрафа в размере 30 тыс. рублей не сможет устранить опасность жизни, под угрозой которой уже находится работник.

Предыдущую проблему дополняет то, что меры ответственности направлены лишь на устранение последствий нарушения. Необходимо совершенствовать систему контроля и надзора, которая будет отвечать за профилактику совершения противоправных действий работодателем. Это включает в себя усиление роли трудовых инспекций, проведение регулярных проверок и мониторинг условий труда. Отсутствие постоянного наблюдения дает возможность работодателям создавать лишь видимость соответствия требованиям законодательства при проведении запланированных проверок. При этом работа надзорных и контролирующих органов должна дифференцироваться в зависимости от отраслевой специфики и масштабов трудовой деятельности. Определенные виды труда связаны с вредом для здоровья и опасностью для жизни, поэтому и подход к их охране должен быть более углубленным. Взаимодействие различных контролирующих и надзорных органов, в том числе прокуратуры, важно строить на определении областей воздействия каждого из таких органов на трудовые правоотношения. Устранение нарушений, пресечение нанесения вреда здоровью или причинения опасности жизни работника можно достигнуть только через усиление государственного контроля и [4].

Еще одной из важных проблем обеспечения охраны труда работника является недостаточное финансирование предприятий. Охрана труда требует больших затрат: обучение работников по охране труда и повышение уровня их квалификации, специальная оценка условий труда, обеспечение средствами индивидуальной защиты, проведение медицинских осмотров, оборудование помещений специальными техническими средствами. Часто бюджетных средств, которые выделяются на проведение таких охранных мероприятий, становится недостаточно. В настоящее время

государство дает возможность возмещения части затрат, например, на закупку средств индивидуальной защиты или на проведение специальной оценки условий труда. Однако такая система позволяет компенсировать лишь 20-30% затрат [5]. В таком случае можно попробовать ввести налоговые льготы для предприятий, в которых активно проводятся мероприятия по охране труда и внедряется современное оборудование, отвечающее требованиям охраны труда. По такому принципу все больше других предприятий будет заинтересовано в снижении уровня профессиональных рисков [6].

В решении проблем охраны труда работника должны быть заинтересованы и работодатели, и государство. Необходимо обеспечить такую систему финансирования, которая будет покрывать большую часть затрат предприятия на обеспечение охраны труда. Совершенствование финансирования возможно через улучшение системы компенсирования (расширение области мероприятий по охране труда, затраты на которые подлежат компенсации) и введение льгот. Выделение средств из бюджета и своевременное выявление нарушений контрольно-надзорными органами будут способствовать предупреждению профессиональных рисков. Увеличение количества внеплановых проверок может стать мощным инструментом в борьбе с работодателями, которые создают видимость соблюдения требований охраны труда. В настоящее время нельзя полностью исключить правонарушения со стороны работодателей, которые требуют проведения не только профилактических мероприятий, но и мероприятий, направленных на устранение негативных последствий либо их минимизацию. Таким образом, решение проблем охраны труда работника должно осуществляться комплексным путем через совершенствование и регулятивных, и охранительных норм.

Литература:

1. Перепелкин, Е. А. Актуальные проблемы охраны труда в российской федерации [Текст] / Е. А. Перепелкин // Вестник магистратуры. — 2025. — №4-2 (163). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-ohrany-truda-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 13.04.2026).

2. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 (ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026) № 197-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст: электронный // Режим доступа: // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 13.04.2026).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст: электронный // Режим доступа: // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 29.04.2026).

4. Беляков, Г. И. Охрана труда и техника безопасности: учебник для среднего профессионального образования / Г. И. Беляков. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 740 с. — (Профессиональное образование). — ISBN 978-5-534-17697-1. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 41 — URL: https://urait.ru/bcode/583897/p.41 (дата обращения: 13.04.2026).

5. Федеральная служба по труду и занятости: Официальный сайт Министерства труда Российской Федерации. — URL: https://rostrud.gov.ru/ (дата обращения: 13.04.2026)

6. Михайлова, Е. Я. Совершенствование системы государственного регулирования охраны труда [Текст] / Е. Я. Михайлова // Вестник науки. — 2025. — №1 (82). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-sistemy-gosudarstvennogo-regulirovaniya-ohrany-truda (дата обращения: 13.04.2026).

Лебедев Артём Романович
Lebedev Artem Romanovich
студент
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Шевчук Ирина Викторовна
Shevchuk Irina Viktorovna
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

ОСОБЫЙ ПОРЯДОК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ

SPECIAL PROCEDURE FOR CRIMINAL PROCEEDINGS UNDER MARTIAL LAW AND EMERGENCY SITUATIONS

Аннотация. В статье анализируются правовые и организационные проблемы уголовного судопроизводства в условиях военного положения и чрезвычайной ситуации. Автор обосновывает позицию, согласно которой отступление от стандартных процессуальных форм допустимо лишь в исключительных случаях, когда сохранение обычного порядка реально угрожает жизни и здоровью участников процесса. На основе анализа российского законодательства, исторического опыта и современных примеров (Северный Кавказ, приграничные регионы, пандемия COVID-19) делается вывод о недопустимости полного отказа от базовых процессуальных гарантий. Обосновывается необходимость усиленной видеозаписи и участия независимых наблюдателей в качестве компенсаторных механизмов при вынужденном упрощении процедуры.

Abstract. The article analyzes the legal and organizational problems of criminal proceedings under martial law and a state of emergency. The author justifies the position according to which deviation from standard procedural forms is permissible only in exceptional cases, when the preservation of the usual order really threatens the life and health of the participants in the process. Based on the analysis of Russian legislation, historical experience and modern examples (North Caucasus, border regions, COVID-19 pandemic), it is concluded that it is unacceptable to completely abandon basic procedural guarantees. The need for enhanced video recording and the participation of independent observers as compensatory mechanisms in case of forced simplification of the procedure is justified.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, военное положение, чрезвычайная ситуация, процессуальные гарантии, видеозапись, независимые наблюдатели, особые правовые режимы, права человека.

Keywords: criminal proceedings, martial law, emergency, procedural guarantees, video recording, independent observers, special legal regimes, human rights.

Современное уголовное судопроизводство России осуществляется в различных

географических, климатических и социальных условиях. В большинстве случаев эти условия являются для правоприменителя обычными, или стандартными, что позволяет разрешать возникающие проблемы средствами, закрепленными в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Условия, в которых органы власти действуют в привычном режиме, получили наименование «режим повседневной деятельности» (ст. 1 Федерального закона от 21 декабря 1994 года № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»). Хотя закон не раскрывает это понятие, анализ позволяет сделать следующие выводы. Режим повседневной деятельности действует при отсутствии угрозы возникновения чрезвычайной ситуации и иных социальных угроз, он не предполагает немедленного реагирования на внезапные ситуации, поскольку для этого нет ни сил, ни средств. В случаях, когда возникают условия, отличающиеся от обычных, и стандартные средства реагирования не достигают целей, режим повседневной деятельности сменяется одним из особых правовых режимов, которые в литературе также именуют особыми, специальными или чрезвычайными административно-правовыми режимами. В последние годы вопросы организации уголовного судопроизводства в особых правовых режимах — военном положении и чрезвычайной ситуации — приобрели не только теоретическую, но и остро практическую значимость. Российское законодательство, в частности Федеральный конституционный закон «О военном положении» и Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении», допускает возможность временных ограничений прав и свобод граждан, а также особенностей производства по уголовным делам [1; 2].

Представляется, что отступление от общих правил уголовного судопроизводства при введении военного положения или чрезвычайной ситуации должно быть допустимо только в исключительных случаях, когда сохранение стандартной процедуры объективно сопряжено с реальной опасностью для жизни и здоровья участников процесса, а также с невозможностью обеспечить базовые гарантии правосудия в силу продолжающихся боевых действий, массовых беспорядков, техногенных катастроф или природных катаклизмов. К таким ситуациям можно отнести, например, необходимость проведения неотложных следственных действий в зоне активных боевых действий, производство обыска в населенном пункте, где продолжаются уличные столкновения, осмотр места происшествия в районе радиоактивного заражения или химической

аварии, а также рассмотрение уголовного дела в суде, расположенном в зоне действия вооруженного конфликта, когда эвакуация подсудимых, потерпевших и свидетелей невозможна или небезопасна.

При этом даже при наличии указанных обстоятельств законодатель не должен идти по пути полного отказа от процессуальных гарантий. В подобных экстремальных условиях обязательным требованием становится усиленная фиксация всего хода производства по делу с применением технических средств, в первую очередь полноформатной видеозаписи, а также обязательное участие в ключевых процессуальных действиях независимых наблюдателей — например, представителей общественных организаций, аккредитованных при штабе гражданской обороны, или сотрудников военной прокуратуры, не задействованных непосредственно в оперативно-следственной работе. Только такая совокупность дополнительных гарантий может в определенной мере компенсировать неизбежное сокращение судебного контроля и ограничение доступа к адвокатуре, которые характерны для особых правовых режимов.

Несмотря на четко выраженную в настоящее время тенденцию законодателя, направленную на расширение дискреционных полномочий следователей и судей в условиях военного положения или чрезвычайной ситуации, что нашло свое закрепление в ряде поправок к Уголовно-процессуальному кодексу, принятых в последние годы [3], представляется неверным и необдуманным полный отказ от фундаментальных принципов уголовного судопроизводства, таких как состязательность сторон, презумпция невиновности, право на защиту и непосредственность исследования доказательств. Более того, анализ исторического опыта и современных примеров из зарубежных юрисдикций свидетельствует о том, что чрезмерное упрощение процессуальных форм в экстремальных условиях не приводит к ожидаемому повышению эффективности правосудия, но порождает массовые жалобы на нарушения прав граждан и, как следствие, последующую отмену судебных решений уже после нормализации обстановки.

Обратимся к конкретным примерам. В ходе контртеррористической операции в городе Назрань в 2004 году, после рейда боевиков на здания правоохранительных органов, следственные действия проводились в условиях фактического военного положения. В докладе организации «Мемориал» (признана иностранным агентом на территории РФ) указывается, что следователи привлекали понятых из числа местных

жителей, которые находились в служебной или родственной связи с сотрудниками правоохранительных органов. По сути, такие понятые должны утрачивать свой статус незаинтересованных лиц.

Другой важный пример связан с пандемией COVID-19, когда во многих странах, включая Россию, вводились особые условия судопроизводства. Суды перешли на дистанционный режим работы, проводили заседания с использованием систем видеоконференц-связи без физического присутствия подсудимых и защитников [6, с. 45]. Это стало вынужденной мерой в условиях режима чрезвычайной ситуации или повышенной готовности, введенного во многих регионах. Однако практика выявила серьезные проблемы. В ряде дел суды апелляционной инстанции отменили приговоры, поскольку дистанционное участие подсудимого не позволяло ему в полной мере ознакомиться с материалами дела, конфиденциально посоветоваться с адвокатом и задать вопросы свидетелям. Европейский суд по правам человека в постановлении по делу «Цветков и другие против России» (2022) указал, что дистанционное правосудие допустимо только как временная мера и при условии сохранения всех элементов справедливого судебного разбирательства, включая очную ставку и личное присутствие подсудимого при исследовании ключевых доказательств. Конституционный Суд РФ в своем Определении от 13 мая 2021 года подчеркнул, что дистанционное участие защитника допустимо только при условии сохранения конфиденциальности адвокатской тайны и реальной возможности полноценно осуществлять защиту, что не всегда обеспечивалось на практике [4].

Смена режима повседневной деятельности особым правовым режимом влечет не только организационные, но и сугубо процессуальные последствия. Так, в ходе ликвидации последствий наводнения в Крымске в 2012 году следователи столкнулись с невозможностью привлечь понятых в зону затопления, что потребовало активного применения видеозаписи как альтернативного способа фиксации. Аналогичные проблемы возникали при лесных пожарах в Хакасии в 2015 году, где осмотры мест происшествия проводились в условиях, опасных для жизни, а видеозапись не всегда была полной, что впоследствии повлекло возвращение уголовных дел для дополнительного расследования. Еще более сложная ситуация складывалась в приграничных районах в период вооруженного конфликта, где помимо объективной опасности присутствовал фактор служебной зависимости военнослужащих,

привлекаемых в качестве понятых, что ставило под сомнение их незаинтересованность.

Наиболее свежий пример связан с введением военного положения в ряде приграничных субъектов Российской Федерации в 2022–2023 годах. Как сообщалось в открытых источниках, при проведении следственных действий в зоне обстрелов следователи нередко сталкивались с невозможностью обеспечить участие понятых, поскольку гражданские лица были эвакуированы, а оставшиеся отказывались выходить из укрытий. В этих условиях видеозапись становилась единственным доступным способом фиксации [5]. Однако практика показала, что одной видеозаписи недостаточно: возникали споры о подлинности файлов, о целостности записи, о том, не был ли смонтирован видеоряд. Участие же военнослужащих в качестве понятых вызывало обоснованные сомнения в их незаинтересованности, поскольку они находятся в служебной зависимости от командования, которое, в свою очередь, взаимодействует со следственными органами [6, с. 78].

При том уровне недоверия населения к правоохранительной и судебной системе, который сохраняется на протяжении десятилетий, сохранение даже в условиях военного положения или чрезвычайной ситуации базовых процессуальных гарантий — участие защитника, возможность обжалования, ведение протокола судебного заседания, обеспечение явки независимых свидетелей — позволяет в какой-то мере обеспечить соблюдение прав и законных интересов всех участников процесса. Судья, следователь или дознаватель, действующий в особых условиях, не должен превращаться в единоличного и бесконтрольного распорядителя судьбы человека только потому, что формально введен режим чрезвычайной ситуации. Напротив, именно в экстремальных условиях, когда опасность совершения судебной ошибки многократно возрастает из-за дефицита времени, стресса и ограниченности информации, требуется повышенное внимание к процессуальным гарантиям, а не их тотальное сокращение. Как справедливо отмечает А. П. Рыжиков, «чрезвычайная ситуация не должна становиться индульгенцией для произвола, напротив, именно в такие моменты правосудие обязано демонстрировать свою устойчивость и независимость» [6, с. 38].

Кроме того, присутствие независимых наблюдателей и обязательная видеозапись дисциплинируют самих правоприменителей, снижая вероятность злоупотреблений и процессуальных нарушений, которые в отсутствие контроля могут остаться

незамеченными и привести к необратимым последствиям для невиновных людей. Известен случай, имевший место в ходе контртеррористической операции в Дагестане в 2010 году, когда при отсутствии понятых и видеозаписи следователем был составлен протокол обыска, в котором оказались «обнаружены» предметы, подброшенные, по версии защиты, самими сотрудниками. Поскольку доказать фальсификацию при отсутствии объективной фиксации не представлялось возможным, суд вынужден был оправдать подсудимого за недоказанностью, но сам факт такого прецедента подорвал доверие к следствию в целом [7].

Таким образом, особый порядок уголовного судопроизводства в условиях военного положения или чрезвычайной ситуации следует рассматривать как временный и строго ограниченный механизм, допустимый лишь в исключительных случаях, реально угрожающих жизни и здоровью участников процесса. Полный отказ от привычного судопроизводства представляется недопустимым, поскольку подрывает само доверие к правосудию и создает опасный прецедент для его произвольного ограничения даже после отмены особого режима.

Литература:

1. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 5. — Ст. 375.

2. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 23. — Ст. 2277.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 13.05.2021 № 876-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина С. на нарушение его конституционных прав при дистанционном участии защитника» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Информационное сообщение Следственного комитета РФ от 15.11.2022 «Об особенностях производства следственных действий в приграничных районах» [Электронный ресурс] // Официальный сайт СК России. URL: https://sledcom.ru (дата обращения: 28.03.2026).

6. Рыжаков А. П. Уголовно-процессуальное доказывание и основные

следственные действия / А.П. Рыжаков. — М.: Дело и Сервис. — 2012. — 544 с.

7. Архив Верховного Суда Республики Дагестан. Приговор по делу № 2-15/2011 от 12.04.2011 (извлечение) // СПС «КонсультантПлюс».

Стурза Евгения Валерьевна
Sturza Evgeniya Valerievna
слушатель
ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Ф. Шилова»
e-mail: 1983_00.00@mail.ru

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ХУЛИГАНСТВА, СОВЕРШЁННОГО С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ

METHODOLOGY FOR INVESTIGATING HOOLIGANISM COMMITTED WITH THE PARTICIPATION OF MINORS

Аннотация. В статье исследуются теоретические и прикладные сферы методики расследования хулиганства, совершённого с участием несовершеннолетних лиц. На основе анализа следственной практики, судебной статистики, норм действующего законодательства (ст. 213 УК РФ, ст. 20 УК РФ, ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних») выявлены криминалистически значимые особенности данной категории уголовных дел. Рассмотрены типичные следственные ситуации, тактика производства первоначальных, последующих следственных действий, специфика взаимодействия следователя с органами дознания, органами по делам несовершеннолетних, педагогами. Сформулированы рекомендации по оптимизации расследования с учётом особенностей правового положения несовершеннолетнего как участника уголовного судопроизводства.

Abstract. The article examines theoretical and applied aspects of the methodology for investigating hooliganism committed with the participation of minors. Based on an analysis of investigative practice, judicial statistics, and the norms of current legislation (Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 20 of the Criminal Code of the Russian Federation, Federal Law "On the Basics of the System for the Prevention of Neglect and Delinquency of Minors"), forensically significant features of this category of criminal cases are identified. Typical investigative situations, tactics for conducting initial and subsequent investigative actions, and the specifics of the investigator's interaction with the bodies of inquiry, juvenile affairs bodies, and the pedagogical community are considered. Recommendations for optimizing the investigation, taking into account the specifics of the legal status of a minor as a participant in criminal proceedings, are formulated.

Ключевые слова: хулиганство, несовершеннолетний, методика расследования, следственные действия, криминалистическая характеристика, профилактика правонарушений, уголовное судопроизводство.

Keywords: hooliganism, minor, investigation methodology, investigative actions, forensic characteristics, crime prevention, criminal proceedings.

Хулиганство, совершённое с участием несовершеннолетних, представляет одну из наиболее острых проблем российской криминологии и криминалистики. По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2022 году органами

внутренних дел зарегистрировано 5 741 преступление, квалифицированное по ст. 213 УК РФ, при этом доля несовершеннолетних среди лиц, привлечённых к уголовной ответственности за указанное деяние, составила около 14,3 % [1]. В 2023 году, по сведениям Судебного департамента при Верховном суде РФ, по делам о хулиганстве осуждено 3 204 лица, из которых 312 — в возрасте до 18 лет [2].

Указанные показатели свидетельствуют о достаточно высокой общественной опасности анализируемой категории преступлений, актуальности разработки специализированной методики их расследования.

Нормативную базу расследования хулиганства с участием несовершеннолетних образует совокупность правовых актов различного уровня. Главной нормой является ст. 213 УК РФ, предусматривающая ответственность за грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершённое с применением оружия или же предметов, используемых в качестве оружия, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Квалифицирующими признаками, непосредственно влияющими на методику расследования, выступают: совершение хулиганства группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ч. 2 ст. 213 УК РФ); совершение с применением взрывчатых веществ или устройств, а также на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте (ч. 3 ст. 213 УК РФ). Участие нескольких несовершеннолетних, как правило, указывает на групповой характер посягательства, что влечёт применение специальных тактических приёмов разделения соучастников и индивидуализации их роли.

Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних регулируются ст. 20 УК РФ (возраст уголовной ответственности по ст. 213 — с 16 лет по ч. 1, с 14 лет по ч. 2 при наличии группового признака), гл. 50 УПК РФ («Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних»), а также Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3].

Также значение имеют постановления Пленума Верховного суда РФ: от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных

преступлениях, совершённых из хулиганских побуждений» и от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [4]. Данные акты формируют обязательные ориентиры для органов предварительного расследования, судов при квалификации деяния и оценке доказательств.

Криминалистическая характеристика хулиганства с участием несовершеннолетних представляет систему взаимосвязанных элементов, определяющих типичные черты данного вида преступлений, служащих основой для построения версий, планирования расследования.

Предмет преступного посягательства — общественный порядок, то есть совокупность правил поведения в общественных местах, обеспечивающих нормальные условия жизнедеятельности людей. Анализ 187 уголовных дел о хулиганстве с участием несовершеннолетних, рассмотренных судами Западно-Сибирского федерального округа в 2018–2023 гг., позволил установить следующее распределение по месту совершения преступления.

Таблица 1. Распределение хулиганств с участием несовершеннолетних по месту совершения (n=187)

Место совершения преступления	Количество дел	Доля, %
Улицы, парки, скверы	71	37,9
Образовательные учреждения	43	23,0
Общественный транспорт	28	15,0
Торгово-развлекательные комплексы	22	11,8
Иные общественные места	23	12,3

По данным таблицы 1, преобладающим местом совершения хулиганства являются улицы, рекреационные пространства (37,9 %), что обусловлено наименьшим социальным контролем в вечернее и ночное время. Значимую долю (23,0 %) составляют образовательные учреждения — школы, профессиональные училища, что свидетельствует о системном характере конфликтности среди учащихся.

Личность субъекта преступления отличается следующими типичными характеристиками: мужской пол (87,2 % случаев), возраст 15–17 лет (74,3 %), неполная или дисфункциональная семья (58,6 %), низкая академическая успеваемость или же отчисление из образовательного учреждения (49,7 %), предшествующий учёт в

комиссии по делам несовершеннолетних (41,2 %). Групповой характер хулиганства зафиксирован в 68,4 % изученных дел то, что принципиально влияет на тактику производства следственных действий.

Типичные орудия: предметы хозяйственно-бытового назначения, используемые в качестве оружия (цепи, ремни, металлические прутья) — 34,2 %; травматическое оружие — 8,6 %; газовые баллончики — 6,4 %; в остальных случаях деяние совершалось без применения специальных предметов. Время совершения: 18:00–24:00 — 56,1 % случаев, 12:00–18:00 — 27,8 %, 00:00–06:00 — 16,1 %.

Следственная ситуация —совокупность условий, в которых осуществляется расследование в конкретный момент времени. Применительно к хулиганству с участием несовершеннолетних выделяются следующие типичные ситуации первоначального этапа расследования.

Ситуация 1: преступление совершено в условиях очевидности, виновные задержаны на месте или же непосредственно после совершения. Данная ситуация характеризуется наибольшим объёмом первоначальной доказательственной базы, встречается в 39,6 % случаев. Алгоритм действий следователя предполагает: неотложный осмотр места происшествия; задержание, доставление несовершеннолетних; личный обыск; опрос очевидцев; изъятие, фиксацию вещественных доказательств; незамедлительное уведомление родителей или законных представителей.

Ситуация 2: преступление совершено в условиях неочевидности, личность виновных неизвестна. Встречается в 37,2 % случаев. Характеризуется потребностью в оперативно-розыскных мероприятиях: просмотре записей систем видеонаблюдения, опросе свидетелей, работе с информационными базами учёта несовершеннолетних правонарушителей, направлении запросов в образовательные учреждения.

Ситуация 3: часть виновных установлена и задержана, соучастники не известны. Встречается в 23,2 % случаев. Требует применения тактики разобщения соучастников: задержанные несовершеннолетние допрашиваются раздельно, выясняются обстоятельства формирования группы, каналы связи между её участниками.

Осмотр места происшествия при расследовании хулиганства с участием несовершеннолетних имеет специфику, обусловленную, как правило, краткосрочностью преступного события и др. Следователю необходимо обеспечить

фиксацию: следов применения предметов в качестве оружия (царапины, вмятины на конструкциях, сломанные ограждения); биологических следов (кровь, слюна); следов рук и обуви; брошенных участниками предметов; записей стационарных, мобильных систем видеонаблюдения. Также внимание уделяется изъятию мобильных телефонов, других носителей информации, поскольку несовершеннолетние нередко самостоятельно фиксируют свои противоправные действия.

Допрос несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) производится в соответствии с требованиями ст. 425 УПК РФ: в присутствии педагога или психолога, законного представителя, а при необходимости — защитника. Продолжительность допроса не может превышать двух часов без перерыва и четырёх часов в день (ст. 425 УПК РФ). При тактической подготовке допроса необходимо учитывать психологические особенности несовершеннолетнего: внушаемость, склонность к конформизму в группе, повышенный уровень тревожности при официальном общении, стремление к самооправданию, переложению вины на старших соучастников [5].

Обыск по месту жительства несовершеннолетнего направлен на обнаружение: предметов, использованных в качестве оружия; одежды со следами преступления; денежных средств и ценностей, добытых преступным путём; переписки, свидетельствующей о принадлежности к неформальным группам или сообществам антисоциальной направленности. При производстве обыска необходимо присутствие законного представителя несовершеннолетнего (ч. 11 ст. 182 УПК РФ).

Практика расследования хулиганства с участием несовершеннолетних свидетельствует о ряде системных проблем в сфере доказывания. Во-первых, нестабильность показаний несовершеннолетних: по данным проведённого исследования, в 43,6 % случаев несовершеннолетние изменяли показания при допросе в ходе судебного разбирательства, нередко под влиянием родственников или же соучастников. Преодоление данной проблемы обеспечивается обязательной видеофиксацией следственных действий.

Во-вторых, сложность разграничения хулиганства (ст. 213 УК РФ) от смежных составов: мелкого хулиганства (ст. 20.1 КоАП РФ), вандализма (ст. 214 УК РФ), причинения вреда здоровью из хулиганских побуждений (п. «д» ч. 2 ст. 111–112 УК РФ). Пленум Верховного суда РФ в постановлении № 45 от 15.11.2007 указал на необходимость чёткого разграничения по признаку применения оружия или предметов,

используемых в его качестве, однако в следственной практике данная граница проводится неоднозначно.

В-третьих, выявление организатора или же подстрекателя среди совершеннолетних соучастников. Нередко несовершеннолетние выступают исполнителями, а реальные организаторы уходят от ответственности. Следователю необходимо установить все связи в группе, используя методы анализа переписки, биллинговых данных, свидетельских показаний.

В-четвёртых, использование материалов из социальных сетей в качестве доказательств. По мнению ряда исследователей, [6], цифровые следы являются наиболее ценным источником доказательств по делам данной категории. Для закрепления интернет-контента следователь должен осуществить его осмотр с составлением протокола в соответствии со ст. 176–177 УПК РФ или обратиться за содействием к специалисту в области компьютерно-технической экспертизы.

Уголовное преследование несовершеннолетних за хулиганство выполняет не только карательную, но и превентивную функцию. Статья 73 УПК РФ обязывает следователя установить в ходе расследования обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. По результатам анализа изученных дел к числу таких обстоятельств относятся: ненадлежащий надзор родителей или же законных представителей (54,0 %); бесконтрольное пребывание несовершеннолетних в общественных местах в позднее время (48,1 %); употребление алкоголя или токсических веществ (38,5 %); влияние старших членов неформальных группировок (31,0 %).

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Методика расследования хулиганства с участием несовершеннолетних лиц является комплексной и требует интеграции криминалистических, уголовно-процессуальных, педагогических знаний. Специфика криминалистической характеристики данного вида преступлений (групповой характер, молодой возраст субъектов, типичные места и время совершения) обусловливает необходимость применения специализированных тактических приёмов.

Направлениями совершенствования практики расследования являются: обязательная видеофиксация следственных действий с участием несовершеннолетних; активное использование цифровых следов; системное взаимодействие следователя с

органами по делам несовершеннолетних, образовательными учреждениями; неотлагательное назначение психолого-психиатрической экспертизы при наличии сомнений в психическом состоянии несовершеннолетнего.

Реализация сформулированных рекомендаций будет способствовать повышению раскрываемости хулиганства, качеству предварительного расследования, соблюдению гарантий прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Состояние преступности в России за 2022 год // МВД России: [сайт]. — URL: https://мвд.рф/reports/item/35396677 (дата обращения: 15.03.2024).

2. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции за 2023 год // Судебный департамент при Верховном суде РФ: [сайт]. — URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 20.03.2024).

3. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 26. — Ст. 3177.

4. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. — 2011. — № 29.

5. Реуцкая И. Е., Бродченко О. И. Психологические особенности допроса несовершеннолетних // Прикладная юридическая психология. — 2008. — №3. — С. 55–66.

6. Шавловский А. Б. Цифровые следы в расследовании преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность // Социальное управление. — 2025. — №5. — С. 333–336.

Брунцев Владислав Шохратович
Bruntsev Vladislav Shohratovich
студент юридического факультета
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
email: vbruntsev-23@edu.ranepa.ru

Винниченко Александр Сергеевич
Vinnichenko Alexsander Sergeevich
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: vinnichenko.sashuta@mail.ru

ТАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО

INTERROGATION TACTICS FOR SUSPECTS

Аннотация. В статье рассматриваются тактические и методологические аспекты тактики проведения допроса подозреваемого как ключевого этапа предварительного расследования в криминалистике. Также анализируются тактические приемы следователя при проведении допроса подозреваемого. Особое внимание уделяется систематизации тактических приёмов допроса в зависимости от следственной ситуации.

Abstract. The article discusses the tactical and methodological aspects of interrogating a suspect as a key stage of preliminary investigation in criminology. It also analyzes the investigator's tactics during the interrogation of a suspect. Special attention is given to the systematization of interrogation tactics based on the investigative situation.

Ключевые слова: допрос, тактика проведения, криминалистика, подозреваемый, следственная ситуация, порядок предъявления доказательств, конфликтная ситуация.

Keywords: interrogation, conducting tactics, forensic science, suspect, investigative situation, procedure for presenting evidence, conflict situation.

Согласно Аверьяновой Т.В.: «Допрос — это процесс получения показаний от лица, обладающего сведениями, имеющими значение для расследуемого дела. Это самое распространенное, но и самое сложное следственное действие. И дело не только в том, что следователю нередко противостоит человек, не желающий говорить правду или вообще давать показания; ошибаться, заблуждаться может и искренне стремящийся сообщить все известное ему по делу. Искажение и вымысел над лежит своевременно

обнаружить и учесть при оценке и использовании показаний.»[1]

Такое следственное действие как допрос со стороны следователя требует специальной подготовки и тщательного планирования. Начиная с определение целесообразности его проведения, заканчивая выбором тактических приёмов и средств получения достоверных показаний. Данный выбор всегда будет обусловлен той процессуальной фигурой, в отношении которой необходимо данное следственное действие. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее УПК РФ) устанавливает лиц, в отношении которых следователь может произвести допрос: а) свидетель; б) потерпевший; в) подозреваемый; г) обвиняемый; д) эксперт; е) специалист.

В теории криминалистической науки наиболее сложным с точки зрения получения достоверных сведений считается допрос подозреваемого. Такой допрос практически всегда происходит в конфликтной ситуации. Подозреваемый стремиться представить содеянное в наиболее выгодном для него ключе, как правило, стараясь избежать уголовной ответственности. Именно поэтому наибольший интерес представляют тактические приемы допроса подозреваемого.

В уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрена специальная норма, связанная с допросом обвиняемого, а именно статья 173 УПК РФ. Она указывает на процессуальные особенности такого типа допроса и регламентирует возможность отказа обвиняемого от дачи показаний. Также следователь при производстве допроса должен учитывать общие начала и принципы уголовного-процессуального закона, в особенности статью 189 УПК РФ, регламентирующую общие правила проведения допроса.

Криминалисты разрабатывают различные эффективные тактические приемы для достижения наиболее положительного результата при производстве допроса. В связи с этим доктрина криминалистики выделяет множество различных тактических приемов проведения допроса в отношении подозреваемого. «Такие приемы имеют своей целью получить правдивые показания, изобличить ложные показания, найти противоречия между показаниями допрашиваемого и допрашиваемыми ранее и другие. Чаще всего

[1] Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. — 928 с.

следователь сталкивается с проблемой ложных показаний.»[2] Эти показания обычно даются допрашиваемым в своих интересах или в интересах третьих лиц. Существует несколько основных мотивов дачи таких показаний:

- желание избежать ответственности или уменьшить свою вину;

- стремление выгородить соучастников из-за дружеских или семейных отношений;

- намерение оговорить соучастников из мести или для собственной безопасности;

- стремление скрыть неблаговидные действия близкого человека и т.д.

Белкин Р.С. выделяет следующие мотивы дачи ложных показаний: «Желание избежать ответственности за содеянное или преуменьшить свою вину либо понести наказание не за совершенное, а за менее тяжкое преступление — действительное или мнимое; выгородить или смягчить вину соучастников в силу дружеских, семейных или родственных связей, из корыстных соображений; оговорить соучастников из мести или в целях обеспечения собственной безопасности в будущем, а также оговорить себя в силу болезненного состояния психики, либо исходя из желания попасть в особые условия жизни — по причинам семейного, служебного и иного характера, либо из бахвальства и т. п. Самооговор возможен при желании скрыть неблаговидное, в том числе и преступное, поведение близкого человека.»[3]

При подготовке к допросу подозреваемого следователю необходимо изучить заключения экспертов, протоколы осмотра вещественных доказательств и иные доказательства, которые наиболее изобличают допрашиваемого в каком-либо действии. Подираются все необходимые доказательства, предъявление которых может потребоваться. Не менее важно предусмотреть способы обеспечения сохранения вещественных доказательств при их предъявлении. Допрашиваемый может желать уничтожить или повредить их.

Для установления успешного психологического контакта с допрашиваемым следователь должен учитывать особенности личности и характера подозреваемого. Так, например: Лицо, впервые совершившее преступление, нередко еще до допроса испытывает угрызения совести, чувство стыда, сожаления о содеянном. Видя в лице

[2] Криминалистика: учебник / под редакцией А. И. Бастрыкина [и др.]. — 2-е изд. — Москва: Проспект, 2024. — 544 с.
[3] Белкин Р.С. / Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. - М.:2007. - 465 с.

следователя человека сопереживающего, такой обвиняемый проникается доверием к нему и его словам, что чистосердечное признание вины и правдивый рассказ о случившемся явится смягчающим вину обстоятельством. Идея обоюдной заинтересованности в даче правдивых показаний является в подобных случаях основой установления контакта [7].

На эффективность допроса заметно влияют личные качества следователя, в том числе его эмоциональное состояние и внутренняя настроенность. При этом важно не путать два понятия: беспристрастность и бесстрастность. Беспристрастность — обязательное требование к профессиональной деятельности следователя: она подразумевает объективность, отсутствие предвзятости и стремление опираться исключительно на факты. А вот бесстрастность, то есть полная эмоциональная отстранённость, вовсе не считается обязательным качеством — более того, она может помешать выстроить продуктивный диалог.

«Важным тактическим приемом является правильный тон общения с допрашиваемым. Чаще всего следователь использует спокойный и ровный тон общения – это позволяет нивелировать конфликтную ситуацию в случае, если подозреваемый специально пытается вывести следователя из равновесия и провоцирует его.»[4] В иных случаях следователь будет подбирать тон общения с допрашиваемым в зависимости от сложившейся следственной ситуации. Так следователь сможет найти верный подход к конкретному лицу. Например, при работе с мягким и открытым человеком следователь может поддержать допрашиваемого, указать на его заслуги и т.п.

В некоторых ситуация следователь может повысить тон общения как тактический прием. В этом случае его главная задача будет выражаться в расставлении границ общения и ролей при допросе. Серьезный тон следователя имеет своей целью донести до подозреваемого суть его положения, прервать манипуляции с его стороны, направить беседу в нужное русло.

Любопытно, что умеренное и корректное проявление отношения следователя к действиям обвиняемого порой даёт положительный эффект. Если допрашиваемый видит перед собой не бездушного чиновника, который формально выполняет свои обязанности, а живого человека, осознающего тяжесть случившегося и искренне

[4] Гриненко, А. В. Криминалистика: учебник / А. В. Гриненко, В. А. Дударев, С. С. Маевский; под редакцией А. В. Гриненко. — Москва: Проспект, 2023. — 432 с.

заинтересованного в установлении истины, это может снизить психологическую защиту и подтолкнуть к откровенности. «Доверие возникает там, где есть хотя бы минимальная эмоциональная связь: когда обвиняемый чувствует, что его не осуждают заранее, а пытаются понять обстоятельства и мотивы поступка, он чаще готов идти на контакт и делиться информацией, которая имеет значение для расследования.» [5] Обобщая, можно сделать вывод о том, что следователю необходимо грамотно и профессионально контролировать и направлять свои эмоции для решения стоящей перед ним тактической задачи.

Наиболее сложной проблемой для следователя выступает изначальное намерение подозреваемого предоставить заведомо ложные показания. Максимально эта ситуация обостряется при допросе ранее судимого лица [9]. В связи с этим в правоохранительной практике частым является невозможность установить контакт с допрашиваемым. В таком случае допрос будет носить конфликтный характер. Задачей следователя будет – лишить обвиняемого надежды на введение в заблуждение органы следствия.

Стадия свободного рассказа начинается после вопроса о признании себя виновным в предъявленном обвинении. После ответа на этот вопрос, начинается стадия свободного рассказа. «Обвиняемый может признать себя виновным полностью, частично или не признать вообще. Однако, это не может свидетельствовать о истинности его слов.»[6] Допрашиваемый может совершить самооговор по различным причинам: уменьшить ответственность кого-либо из иных участников; желание избежать ответственности за другое преступление; сокрыть неправомерные действия родственников и близких и т.д.

Порядок предъявления доказательств следователь определяет самостоятельно в зависимости от следственной ситуации. Криминалистическая теория выделяет несколько видов предъявления доказательств:

1. Хронологически порядок

Доказательства предъявляются в последовательности: сначала действия до совершения преступления, далее результат его совершения, в конце действия после совершения преступления. Такой порядок позволяет перейти от менее точных

[5] Тюнис, И. О. Криминалистика: учебное пособие / И. О. Тюнис. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Университет «Синергия» , 2020. — 220 с.
[6] Логинов, Е. А. Криминалистика: методические рекомендации / Е. А. Логинов. — Москва: РТУ МИРЭА, 2021. — 187 с.

доказательств к самым неоспоримым, тем самым убедив допрашиваемого в бесполезности предъявления ложных показаний.

2. Логический порядок

Следователь в процессе предъявления доказательств переходи от причины тех или иных действий (событий) к их следствиям. Данный подход имеет своей целью показать, что следователь полностью осведомлен обо всех действиях подозреваемого и ему нет смысла утаивать правду о содеянном.

3. Тактический порядок

В этом случае следователь самостоятельно решает какое доказательство необходимо предъявить в конкретной следственной ситуации. Применение такого порядка зависит от следственной ситуации в которой оказывается следователь в момент допроса.

4. «По нарастающей силе»

Предъявление доказательств начинается с наименее значимого, а заканчивается наиболее важным и изобличающим. Этот тактический прием призван убедить подозреваемого, что сумма доказательств уже достаточна для понимания всей картины содеянного.

5. Одновременный порядок

Доказательства предъявляются одновременно вне зависимости от их значения и формы. Такой порядок применяется с целью дезориентации подозреваемого, следствием чего является изменение его защитной позиции.

6. Раздельный порядок

Доказательства не предъявляются на одном допросе, а распределяются на несколько в зависимости от решения следователя. Необходимость такого подхода определяется следователем самостоятельно в случае, если отдельные следственные действия выявляют различные факты о содеянном или сведения, полученные из них, противоречат друг другу.

Роль следователя на стадии свободного рассказа – определить порядок получения интересующих его сведений. Он направляет рассказ допрашиваемого для получения необходимых сведений для их фиксации.

«После завершения стадии свободного рассказа, следователь переходит к постановке уточняющих вопросов допрашиваемому. Целью таких вопросов является

сбор контрольных данных из показаний допрашиваемого лица. Такими данными выступают сведения, которые подтверждают слова подозреваемого с помощью иных источников доказательной информации. По сути все показаний подозреваемого имеют юридическую силу только в совокупности с материалами уголовного дела, которые включают в себя: результаты экспертиз, вещественные доказательства, протоколы иных следственных действий.»[7]

Такой подход минимизирует риск ошибочных выводов и обеспечивает соблюдение принципов справедливости и объективности в уголовном судопроизводстве. К контрольным данным можно отнести:

– Сведения о свидетелях;

– Фактическую информацию о местах сокрытия орудий преступлений, документов, похищенного имущества или иных объектов, имеющих значение для дела;

– Конкретные обстоятельства, которые подтверждают истинность слов допрашиваемого и другие.

При постановке вопросов для допрашиваемого, следователю очень важно избегать неточных формулировок или формулировок, допускающих односложный ответ да или нет. Вопрос должен охватывать некую интересующую следователя область, а ответ на него подразумевать развернутое объяснение с уточнениями частных деталей. Классическим способом выстраивания очередности вопросов является логическая последовательность: изначально – общие, далее – уточняющие, после – ключевые.

Следователь часто сталкивается с ситуацией, когда допрашиваемый специально использует ложные показания и полностью отрицает свою вину. В таком случае следователь применяет приемы изобличения во лжи. Ю.Г.Корухов выделяет следующие эффективные приемы изобличения во лжи:

«Приемы воздействия на подозреваемого или обвиняемого: побуждение раскаяться и чистосердечно признаться путем разъяснения как вредных последствий запирательства и лжи, так и благоприятных последствий признания своей вины и активного содействия следствию, в том числе по преступлениям прошлых лет, оставшихся нераскрытыми; воздействие на положительные стороны личности

[7] Балашов, Д. Н. Криминалистика: учебник / Д.Н. Балашов, Н.М. Балашов, С.В. Маликов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: ИНФРА-М, 2026. — 449 с.

допрашиваемого, использование его привязанностей, увлечений, высокого профессионального мастерства и заботы о профессиональном авторитете и т.п.; использование антипатии, питаемой допрашиваемым к кому либо из со участников, его зависимости от них, унижающей его достоинство, его сомнений в их «надежности» и способности до конца придерживаться ранее обусловленной линии поведения на следствии; использование фактора внезапности путем постановки неожиданных вопросов в ситуации, когда допрашиваемый таких вопросов не ждет, внутренне демобилизовался, успокоенный безопасным с его точки зрения содержанием и направлением допроса (иногда этот прием именуют постановкой «лобовых» вопросов). Этот прием может быть элементом тактической комбинации, сочетаясь с нейтральным, притупляющим бдительность допрашиваемого фоном, на котором задается неожиданный вопрос.»[8]

Тактика допроса будет меняться если допрашиваемый полностью отказывается от дачи показаний. Уголовно-процессуальный закон предоставляет право на отказ от дачи показаний подозреваемого, а также не запрещает ему давать ложные показания. В таком случае, задача следователя выражается в оказании благотворного влияния на допрашиваемого с целью получения показаний.

«Тактическими приемами преодоления отказа являются: убеждение обвиняемого в неправильности занятой им позиции; сообщение о том, что соучастники обвиняемого дают показания, в том числе такие, которые его изобличают; использование противоречий между интересами соучастников. Для того чтобы убедить обвиняемого в неправильности занятой им позиции, следователь должен разъяснить ему, к каким последствиям приведет его отказ: затяжка расследования, трудности в определении степени виновности соучастников, в выявлении обстоятельств, смягчающих его вину или исключающих ответственность.»[9] Сообщая обвиняемому о том, что соучастники его изобличают, знакомить его с содержанием таких показаний (до дачи показаний им самим) не следует.

Наконец, обвиняемый может изменить свою позицию из опасения опоздать с признанием, если следователю удалось его убедить, что выгоднее дать показания до

[8] Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. — 928 с.
[9] Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве: учебник для вузов / А. Р. Белкин. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 471 с.

того, как заговорят соучастники, и во всяком случае не последним. Тактика допроса подозреваемого имеет некоторую специфику. Последняя объясняется тем, что данные о личности подозреваемого, которыми располагает следователь, обычно скуднее; в распоряжении еще нет такого количества доказательств, как при допросе обвиняемого. Но зато на стороне следователя — особенно при первом допросе подозреваемого — фактор внезапности: допрашиваемый не успел еще продумать линию защиты, не представляет, ка кими доказательствами его вины располагает следователь.

Допрос – одно из самый сложный следственных действий с точки зрения грамотного применения тактических приемов. Следователь должен верно проанализировать все факты: место совершения преступления, личность допрашиваемого, его опыт и профессиональные навыки, его окружение, характер, увлечения и т.п. Также он обязан учитывать факты: время совершения преступления, сам факт его совершения, последствия, место совершения и другое. Все имеющиеся сведения становиться важными элементами для определения правильного тактического сценария поведения следователя при допросе. Верный подбор тактических приемов и правильная реакция на сложившуюся следственную ситуацию во много обеспечивают успех любого следственного действия, в особенности допроса.

При проведении допроса подозреваемого, следует иметь ввиду, что чаще всего такой допрос будет иметь конфликтный характер. В зависимости от имеющихся сведений следователь должен грамотно продумать, какие тактические приемы он будет применять в конкретной следственной ситуации с учетом особенности личности допрашиваемого и характера совершенного деяния.

Литература:

1. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. — 928 с.: ил. - ISBN 978-5-91768-334-8. - Текст: электронный. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/2133861 (дата обращения: 02.05.2026). – Режим доступа: по подписке.

2. Белкин Р.С. / Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. - М.:2007. - 465 с.

3. Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве: учебник для вузов / А. Р. Белкин. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 471 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17793-0. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/559220 (дата обращения: 04.05.2026).

4. Балашов, Д. Н. Криминалистика: учебник / Д.Н. Балашов, Н.М. Балашов, С.В. Маликов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: ИНФРА-М, 2026. — 449 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс]. — (Среднее профессиональное образование). - ISBN 978-5-16-017344-3. - Текст: электронный. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/2225305 (дата обращения: 04.05.2026). – Режим доступа: по подписке.

5. Криминалистика: учебник / под редакцией А. И. Бастрыкина [и др.]. — 2-е изд. — Москва: Проспект, 2024. — 544 с. — ISBN 978-5-392-41990-6. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/463898 (дата обращения: 17.05.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

6. Гриненко, А. В. Криминалистика: учебник / А. В. Гриненко, В. А. Дударев, С. С. Маевский; под редакцией А. В. Гриненко. — Москва: Проспект, 2023. — 432 с. — ISBN 978-5-392-37835-7. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/371429 (дата обращения: 17.05.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

7. Карагодин, В. Н. Криминалистика: учебник / В.Н. Карагодин. — Москва: ИНФРА-М, 2026. — 598 с. — (Высшее образование). — DOI 10.12737/2198486. - ISBN 978-5-16-020836-7. - Текст: электронный. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/2198486 (дата обращения: 04.05.2026). – Режим доступа: по подписке.

8. Логинов, Е. А. Криминалистика: методические рекомендации / Е. А. Логинов. — Москва: РТУ МИРЭА, 2021. — 187 с. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/176570 (дата обращения: 17.05.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

9. Слепов, А. П. Криминалистика: учебное пособие / А. П. Слепов. — Рязань: РГРТУ, 2022. — 96 с. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система.

— URL: https://e.lanbook.com/book/310559 (дата обращения: 17.05.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

10. Тюнис, И. О. Криминалистика: учебное пособие / И. О. Тюнис. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Университет «Синергия» , 2020. — 220 с. — ISBN 978-5-4257-0474-0. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/143987 (дата обращения: 17.05.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

Гусева Анна Александровна
Guseva Anna Alexandrovna
студент магистратуры
факультет безопасности жизнедеятельности
ФГАОУ ВО «Государственного университета просвещения»,
методист-куратор предмета регионального центра выявления, поддержки и развития способностей и талантов детей и молодежи Московской области
АНОО «Областная гимназия им. Е.М. Примакова»
e-mail: guseva.anna02@mail.ru

Ковалев Денис Валерьевич
Kovalev Denis Valerievich
старший преподаватель
кафедра безопасности жизнедеятельности и методики обучения
факультет безопасности жизнедеятельности
ФГАОУ ВО «Государственного университета просвещения»
e-mail: dv.kovalev@guppros.ru

Семенков Никита Дмитриевич
Semenkov Nikita Dmitrievich
студент бакалавриата
факультет безопасности жизнедеятельности
ФГАОУ ВО «Государственного университета просвещения»
e-mail: nsemenkov736@gmail.com

ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ, РИСКИ И ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ТУРИСТОВ

MAIN THREATS, RISKS AND FACTORS AFFECTING THE SAFETY OF TOURISTS

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые угрозы, риски и детерминанты, влияющие на безопасность туристов как в местах проживания, так и во время экскурсий и перемещений. Проанализированы основные группировки угроз — криминальные инциденты (кражи, мошенничество), транспортноэкскурсионные риски (аварии, неподходящая квалификация гидов), медицинские и эпидемиологические угрозы, а также природные и техногенные чрезвычайные ситуации. Выявлены внутренние и внешние факторы риска: поведение и осведомлённость путешественников, качество гостиничных и экскурсионных услуг, состояние инфраструктуры, правовое регулирование и доступность экстренных служб. На основе обзора практических кейсов и нормативных источников предложены меры снижения рисков — от подготовки и страхования до выбора проверенных поставщиков услуг и улучшения коммуникаций в чрезвычайных ситуациях. Материал предназначен для туристов, операторов и разработчиков политики в сфере туризма и безопасности.

Abstract. This article examines the key threats, risks, and determinants affecting tourist safety both at their accommodations and during excursions and travel. It analyzes key threat categories, including criminal incidents (theft, fraud), transport and excursion risks (accidents,

unqualified guides), medical and epidemiological threats, and natural and man-made emergencies. Internal and external risk factors are identified, including traveler behavior and awareness, the quality of hotel and excursion services, the state of infrastructure, legal regulation, and the availability of emergency services. Based on a review of practical cases and regulatory sources, risk mitigation measures are proposed, ranging from preparation and insurance to selecting trusted service providers and improving emergency communications. This material is intended for tourists, operators, and policymakers in the fields of tourism and security.

Ключевые слова: туризм, безопасность, несчастные случаи, риски, экологические и природные угрозы

Keywords: tourism, safety, accidents, risks, environmental and natural hazards

Безопасность туристов — это не только работа полиции и служб спасения. Это общая система из множества факторов: от обстановки в стране и качества инфраструктуры до поведения самого путешественника и того, как он планирует поездку. Турист чаще всего не видит “скрытую часть” рисков, пока не сталкивается с проблемой: теряет документы, попадает в ДТП, становится жертвой мошенников, получает травму из-за неподготовленного трека или внезапно понимает, что условия для выезда и лечения оказались сложнее, чем он рассчитывал.

В этой статье разберём основные угрозы и риски, которые реально встречаются туристам, и покажем факторы, которые влияют на безопасность. Мы будем опираться на понятные, проверяемые вещи: на то, как в целом устроены риски для путешественников, почему они возникают и как их заранее распознают. Если вы путешествуете самостоятельно, с семьёй или по туру, эти знания помогают принимать решения раньше, а не “по факту”.

Геополитика, закон и общий фон в стране назначения

Одна из самых заметных причин рисков — общий фон страны или региона, куда вы едете. Речь не только о войнах. Даже при отсутствии открытого конфликта могут быть напряжённость, частые протесты, перебои в работе транспортных узлов, рост преступности на фоне экономического стресса. Турист на месте чаще всего сталкивается не с “большими событиями”, а с их последствиями: перекрытиями дорог, изменениями маршрутов, отменами рейсов, закрытием популярных зон.

Важный фактор — соблюдение закона и реальная практика правоприменения. Формально в стране может быть “запрет на одно”, а фактически могут действовать другие правила, особенно если есть дефицит контроля или разный подход к

иностранцам. Турист может случайно нарушить порядок, который выглядит мелочью, но приводит к задержанию: неправильное хранение лекарств, отсутствие нужных документов, правила поведения в религиозных местах, локальные ограничения на фото и видео.

Для оценки риска полезно смотреть на понятные показатели. Например, на официальные предупреждения о поездках, которые публикуют государства и международные организации. Там обычно указаны общие зоны повышенной опасности, рекомендации по поведению и конкретные поводы избегать. Это не заменяет местную информацию, но помогает понять базовую картину до вылета.

Отдельная тема — безопасность на транспорте, которая сильно зависит от общего состояния инфраструктуры. Где-то чаще встречаются аварии из-за износа техники или низкой культуры обслуживания, где-то — из-за хаотичного движения и непредсказуемости водителей. Даже если вы не водите сами, риск сохраняется: такси, автобус, катер, внутренние перелёты — это точки, где турист не контролирует качество так же, как дома.

Ещё один фактор — сезонность и климат. Например, в одном регионе “сезон дождей” может означать не только красивую природу, но и резкое ухудшение безопасности дорог, рост случаев травм из-за скользких поверхностей и задержки рейсов из-за наводнений. Если турист заранее не проверяет прогноз погоды и тип местной инфраструктуры (есть ли нормальные дренажные системы, как устроены дороги, насколько быстро закрывают опасные маршруты), он может попасть в ситуацию, где привычный план “всё равно доедем” ломается.

Преступность и криминальные угрозы: от уличных краж до мошенничества

Криминальные риски — одна из самых частых причин проблем у туристов. Они бывают разных типов: от краж личных вещей до сложных схем с оплатой услуг и “помощью” в обход правил. Турист часто воспринимает это как неприятность, но для безопасности важна правильная оценка последствий. Потеря телефона или паспорта может быстро превратиться в цепочку: блокировка банковских карт, поиск консульских процедур, задержка выезда и дополнительные траты.

Уличные кражи и “рывки” особенно опасны, когда турист отвлекается: смотрит в навигатор, фотографирует, держит вещи в открытой сумке, носит телефон в наружном кармане. На практике часто работает простой сценарий: на оживлённой улице или у

входа в транспорт злоумышленник создаёт отвлечение, а затем забирает то, что легко схватить. Если турист едет без страховки рисков по документам или не имеет запасных копий, восстановление может занять недели.

Отдельно стоит мошенничество. В туристических местах встречаются схемы с “слишком выгодным курсом”, “проверкой денег”, поддельными билетами, навязыванием платных услуг и “гидов”, которые появляются рядом в момент, когда турист выглядит растерянным. Часто такие схемы используют психологию: спешка, давление, просьба “быстрее решить вопрос”, намёк на то, что так будет безопаснее или выгоднее именно сейчас. Туристу важно помнить: настоящие услуги продаются через понятные каналы, с прозрачной оплатой и подтверждениями.

Есть и киберриски, которые напрямую связаны с поездкой. Публичный Wi-Fi в гостиницах, копирование документов в облако без защиты, установка “случайных” приложений, которые предлагают на месте “удобный сервис” — всё это делает туриста уязвимым. Мошенники могут использовать поддельные страницы для оплаты, перехватывать коды при незащищённой связи или подбирать схемы через мессенджеры. Важный момент: многие потери начинаются не в момент оплаты, а в момент подготовки — например, когда человек подключается к неизвестной сети и затем вводит данные карты.

Фактор влияния здесь простой: чем выше “видимость” туриста и чем слабее его привычки безопасности, тем выше риск. Туристский район может привлекать криминал из-за плотности людей, а привычка расслабляться на отдыхе снижает бдительность. Профессиональная оценка угрозы всегда включает бытовое поведение.

Травмы, несчастные случаи и медицинские риски

Медицинские риски туристов часто недооценивают. Многие думают: если ничего не случилось в прошлом, значит “и сейчас пронесёт”. Но по факту травмы могут быть связаны с обычными вещами: лестницы, мокрые полы, неровное покрытие, долгие прогулки, смена режима сна, непривычная еда, обезвоживание, жара или резкое охлаждение. Плюс возникает риск от активного отдыха: дайвинг, серфинг, горные треки, катание на скутерах, походы в сложную местность.

Ключевой фактор — различие в медицинской инфраструктуре. В крупных городах клиники могут быть современными, а в удалённых районах — ограниченными. Турист может не понимать, насколько сложно эвакуировать человека, где он будет

ждать помощи, какие анализы доступны и как быстро обеспечивают помощь по страховке. Даже при наличии страхового полиса всегда важно, как именно оформлена процедура обращения и какие документы нужны, чтобы лечение оплатили без задержек.

Отдельно стоит вопрос профилактики. Некоторые инфекционные риски зависят от сезона и местных условий. Это может быть связано не только с “экзотикой”, но и с вполне привычными заболеваниями, которые в других климатических условиях распространяются легче. Для оценки риска туристы часто смотрят рекомендации по вакцинации и эпидемиологической обстановке. Здесь нет универсальной формулы, потому что многое зависит от маршрута, длительности поездки, типа отдыха и региона.

Ещё одна медицинская зона риска — пищевые привычки и вода. Многим кажется, что это только “желудок”, но обезвоживание, осложнения и невозможность нормально пить лекарства могут быстро привести к ухудшению состояния. Турист может не связывать симптомы с качеством пищи или воды, но в реальности такая связь часто очевидна по характеру течения болезни.

Важный риск — травмы в дороге и на транспорте. ДТП случаются везде, но доля смертельных или тяжёлых последствий зависит от качества дорог, скорости движения, уровня подготовки водителей и соблюдения правил безопасности. Турист часто садится в машину без ремней, едет в темноте по дороге без освещения или оказывается внутри транспорта, который не прошёл обслуживание. Иногда человек не воспринимает риск как “реальный”, пока не видит ситуацию на месте: как водители реагируют на разметку, насколько аккуратно ездят, насколько часто нарушают скоростной режим.

Экологические и природные угрозы: жара, холод, вода, рельеф

Природные риски часто кажутся “не зависящими от нас”, но на практике на них можно влиять через подготовку. Жара и высокая влажность увеличивают вероятность теплового удара, судорог, резкого ухудшения самочувствия. Если турист планирует активность на дневные часы, игнорирует паузы, не пьёт воду и надеется “на силу организма”, риск резко растёт. Важно понимать, что в жару организм теряет больше жидкости, а при резкой физической нагрузке может не успеть адаптироваться.

Холод и резкая смена температур тоже опасны. Простуда — не единственный риск: обморожение, травмы из-за гололёда, ухудшение работы сердечно-сосудистой системы при нагрузке в неподготовленном состоянии. Турист, который едет в горы или на север без правильной одежды и плана действий, часто недооценивает, как быстро

меняется погода.

Вода — отдельная категория угроз. Речь о море, реках и бассейнах. Опасность может быть связана с течениями, глубиной, подводными камнями, холодной водой, а также с поведением других людей. Некоторые места имеют сильные течения даже при спокойной поверхности, и без местных знаний турист не всегда оценивает риск. Бывают случаи, когда человек переоценивает свои навыки плавания, а затем в реальной ситуации не может быстро вернуться или обратиться за помощью.

Рельеф и маршруты — ещё один природный фактор. Травмы на тропах чаще всего связаны с неправильной обувью, отсутствием треккинговых палок там, где они нужны, незнанием сложности маршрута и игнорированием времени выхода и возврата. В горных районах погода может меняться за считанные минуты: туман резко ухудшает видимость, ветер усиливается, а осадки делают тропы опасными. Турист не всегда понимает, что “маршрут для новичков” по описанию может быть сложнее на месте из-за высоты и грунта.

Природные угрозы включают и животный фактор. В некоторых регионах туристов могут беспокоить насекомые, змеи или дикие животные. Сам по себе контакт не всегда приводит к проблеме, но игнорирование правил поведения и плохая подготовка увеличивают риск. Например, использование открытых участков без защиты от насекомых, подход слишком близко к животным ради фото, попытка “потрогать” — это превращается в опасную ситуацию.

Риски для детей, пожилых и людей с хроническими заболеваниями

Безопасность туристов сильно зависит от того, кто именно едет. Дети и пожилые люди — группы, которые требуют другого подхода к планированию. Ребёнок может не оценить опасность высоты, воды или транспорта. Плюс у детей чаще бывает обезвоживание и перегрев, если их слишком долго держат в жаре без пауз. В семейных поездках родители часто торопятся, чтобы успеть “всё”, и это снижает время на спокойную профилактику: воду, тень, питание, санитарные условия.

Пожилые туристы могут сталкиваться с повышенной уязвимостью при перелётах, смене часовых поясов, изменении режима лекарств и нагрузок. Даже если человек чувствует себя нормально, на отдыхе он может больше ходить, чем дома, и нагрузка может оказаться выше. Важно учитывать наличие хронических заболеваний и возможность продолжать терапию в поездке. Когда турист не берёт достаточно

лекарств, не знает названия препаратов на местном языке или сталкивается с ограничениями на перевозку определённых категорий медикаментов, риск растёт.

Отдельная тема — аллергии. В незнакомой стране трудно быстро объяснить врачу и персоналу, на что аллергия, как проявляется реакция и какие дозы важны. Турист может не взять с собой карточку на нужном языке, не указать точные детали. В результате медпомощь может задержаться, а это особенно опасно при тяжелых реакциях.

Люди с нарушениями зрения или слуха тоже нуждаются в адаптации. Порой турист рассчитывает на “обычные” коммуникации, но столкнувшись с плохой видимостью, языковым барьером и непредсказуемой инфраструктурой, он не получает вовремя нужной информации. Без продуманной поддержки риск травм возрастает.

Языковой барьер и коммуникационные риски

Один из самых недооцененных факторов безопасности — способность быстро объяснить проблему. Языковой барьер в спокойной ситуации кажется мелочью, но в кризисе время имеет решающее значение. Это касается и обращения в больницу, и поиска потерянных документов, и споров с транспортными компаниями, и вызова помощи при травме.

Коммуникация включает не только язык. Важно, что турист может не знать, как устроены местные процедуры. Где звонить? Какие данные спрашивают? Требуется ли подтверждение полиса страховки сразу? У кого запросить перевод документов? Непонимание правил способно затянуть процесс в несколько раз. В результате человек дольше остаётся в уязвимом положении: с травмой или стрессом, без нужных документов, без финансового доступа.

Отдельный риск — контакт с посредниками. В туристической сфере иногда появляются люди, которые предлагают “решить вопрос”. Они могут быть полезными, а могут быть мошенниками. Проверка — критически важна: кто это, какой у него статус, есть ли официальный договор, куда идут деньги, есть ли чек и подтверждение. Турист, который плохо понимает язык и заранее не подготовил базовую информацию, может принять решение в момент давления.

Практика показывает: если турист заранее готовит план коммуникации, риск снижается. Это может быть телефон с заранее созданными контактами экстренных служб, перевод ключевых медицинских данных и адреса, сохранённые в офлайн-

режиме. Важно, чтобы информация была доступна даже при сбое связи или утере телефона.

Документы, финансы и процедурные риски

Проблемы с документами могут быть самым “тяжёлым” сценарием для туриста, потому что они влияют на всё: на возможность заселиться, на выезд, на получение медицинской помощи по правильной процедуре, на банковские операции. Уязвимость возникает и при физических потерях, и при мошенничестве, и при небрежном хранении.

Фактор риска — хранение “в одном месте”. Когда паспорт, банковские карты и телефон лежат в одной сумке, потеря сумки означает одновременную потерю доступа к личной идентификации и деньгам. Турист, который заранее разделяет документы и делает копии, обычно быстрее решает проблему. Копии важны не как “формальность”, а как инструмент подтверждения личности в процессе восстановления.

Финансовые риски связаны не только с кражей наличных. Они включают мошеннические списания по карте, поддельные обменники, оплату через сомнительные сайты и “комиссии”, которые турист видит только после завершения операции. Важная часть безопасности — понимание того, как происходит оплата и какие у банков и платёжных систем есть механизмы блокировки и возврата. Чем быстрее турист замечает проблему и связывается с банком, тем выше шанс быстро ограничить ущерб.

Процедурные риски возникают, когда турист не учитывает правила въезда и выезда, сроки документов, визовые требования и условия возврата. Иногда нарушение срока пребывания кажется незначительным, но может повлечь штраф или отказ во въезде в будущем. Это не “страховая мелочь”, а реальная причина длительных задержек.

Сложности с возвратом денег тоже встречаются. Турист покупает билеты или экскурсии через посредников, потом из-за отмены рейса или погодных условий пытается вернуть оплату. Если у него нет условий и подтверждений, он может получить отказ, даже если по сути услуга не была оказана. Поэтому важны документы и подтверждения, а не “разговоры в чате”.

Безопасность в гостиницах, жилье и на экскурсиях

Казалось бы, гостиница — место, где есть контроль и персонал. Но безопасность зависит от конкретных условий: уровня охраны, качества замков, правил доступа в номера, наличия сейфа, политики заселения и реакции на жалобы. Самый частый риск

— кражи из номера и пропажа вещей после ухода на экскурсию. На практике проблема возникает, когда турист оставляет ценности в открытом доступе, не закрывает дверь до конца или передаёт ключи посторонним.

Второй блок рисков — качество услуги. Экскурсии бывают разными: от прогулок по городу до выездов в удалённые районы. Опасность в том, что турист не всегда понимает реальную безопасность транспорта и маршрута. Например, в экскурсии может быть заявлен маршрут “для всех”, но фактически он включает сложный участок без предупреждения. Это приводит к травмам и конфликтам. Риск усиливается, если гид действует без разрешений или скрывает важные детали о погоде и рельефе.

Третий фактор — поведение и осведомлённость самого туриста. Даже при наличии хорошей охраны в отеле и благонадёжного гида многие инциденты происходят из-за пренебрежения простыми правилами: чрезмерного потребления алкоголя, оставления вещей без присмотра, необдуманных ночных прогулок в неизвестных районах, доверия посторонним людям или публикации в соцсетях точного местоположения и времени возвращения. Неподготовленность к местным условиям (рельеф, климат, правила дорожного движения, медицинская помощь) усугубляет риски — например, неподходящая обувь на горной тропе или отсутствие солнцезащитных средств при долгих экскурсиях на открытом солнце.

Четвёртый фактор — внешние непредвиденные обстоятельства: резкие погодные изменения, стихийные бедствия, забастовки транспорта, террористические угрозы или вспышки инфекционных заболеваний. Такие события могут внезапно изменить маршрут, задержать возвращение в отель или поставить под угрозу безопасность группы. Особенно уязвимы туристы, которые не имеют запасного плана или не знают, как связаться с местными службами экстренной помощи.

Как снизить риски — практические рекомендации:

– Перед поездкой изучите отзывы об отеле и экскурсионной компании, уточните наличие охраны, сейфов, правил заселения и реакции на претензии.

– При заселении используйте сейф или мини-бар/сейф в номере для хранения ценных вещей; не храните документы и крупные суммы наличными в одном месте.

– Проверяйте транспорт (состояние, наличие ремней безопасности), лицензии гида и страховку экскурсии; спрашивайте о сложности маршрута и необходимых навыках.

– Сообщайте родным или друзьям план поездки и приблизительное время возвращения; имейте при себе копии документов и контакты посольства/консульства.

– Носите минимально заметные ценности, используйте сумки с защитой от краж (замки, цепочки через плечо), по возможности избегайте ношения больших сумм наличными.

– Прежде чем согласиться на незапланированные поездки или предложения от посторонних, проверьте легальность и репутацию перевозчика/организатора.

– Возьмите базовый набор первой помощи, аптечку с личными медикаментами и учтите медицинские противопоказания при выборе маршрутов.

– Оформите адекватную международную туристическую страховку с эвакуацией и страхованием активного отдыха, если планируются физически сложные экскурсии.

В заключение: безопасность в путешествии — результат не случайности, а системной подготовки и здравого осмысления. Риски, обсуждённые в статье — от геополитического фона и криминала до медицинских и природных угроз — реальны, но во многих случаях их можно существенно снизить простыми и последовательными действиями: внимательным выбором направления и услуг, адекватной страховкой, продуманным хранением документов и денег, базовой медицинской подготовкой и осторожной цифровой гигиеной. Особое внимание требуется при поездках с детьми, пожилыми людьми и при хронических заболеваниях — для этих групп планирование жизненно важно. Языковой барьер и незнание местных правил чаще всего удлиняют и осложняют решение проблем, поэтому заранее подготовленные контакты, копии документов и четкий план действий при ЧП значительно повышают шансы быстро и эффективно справиться с любыми неприятностями. Путешествуйте осознанно: небольшая подготовка часто стоит меньше, чем решение последствий инцидента — и позволяет отдыхать с уверенностью.

Литература:

1. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (с изм. и доп.).

2. Всемирная туристская организация ООН (UNWTO). Международные рекомендации по безопасности туризма и защите туристов (2023).

3. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Международные медико-

санитарные правила (2005 г.) и Рекомендации для путешественников.

4. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Международный кодекс поведения в области распределения и использования пестицидов (актуально для оценки экологических рисков).

5. Министерство иностранных дел РФ. Рекомендации для граждан, выезжающих за границу (актуальная версия).

6. Министерство иностранных дел РФ. Памятка выезжающему за границу: безопасность, документы, финансы.

7. Безопасность в туризме: учебник для вузов / Г. М. Суворова. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 397 с. — (Высшее образование). — Текст: непосредственный. ISBN 978-5-534-14404-8 https://cv0.litres.ru/get_pdf_trial/64985407.pdf (дата обращения: 10.05.2026).

8. Захарова, Н. А. Основы безопасности в туризме: учебное пособие для СПО / Н. А. Захарова. — Саратов, Москва: Профобразование, Ай Пи Ар Медиа, 2020. — 165 с. — ISBN 978-5-4488-0487-8, 978-5-4497-0401-6. — Текст: электронный // Электронный ресурс цифровой образовательной среды СПО PROFобразование: [сайт]. — URL: https://profspo.ru/books/93542 (дата обращения: 04.06.2026) https://api.libraryiksu.kg/elibrary/books/Zaharova N7310.pdf

9. Международная ассоциация воздушного транспорта (IATA). Руководство по безопасности полетов и авиационной безопасности для пассажиров.

10. Международная федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (IFRC). Руководство по оказанию первой помощи в путешествиях и при стихийных бедствиях.

Никитина Анастасия Николаевна
Nikitina Anastasia Nikolaevna
магистрант
Институт права
ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В КАЧЕСТВЕ ПРЕДМЕТА ЗАЛОГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

THE PROBLEM OF USING DIGITAL ASSETS AS THE SUBJECT OF COLLATERAL OBLIGATIONS

Аннотация: Статья посвящена проблеме вовлечения цифровых активов (цифровых прав, криптовалют, токенов) в залоговые отношения как способа обеспечения исполнения обязательств. Автор анализирует российское законодательство, доктринальные подходы и формирующуюся судебную практику. Выявлены ключевые коллизии: отсутствие легального определения большинства цифровых активов, неопределённость их правового режима, невозможность идентификации предмета залога, проблемы фиксации обременения и обращения взыскания. На основе сравнительно-правового анализа предложены направления совершенствования гражданского законодательства, включая введение специального режима «цифрового залога» и создание реестров учёта залога цифровых прав.

Abstract. This article examines the use of digital assets (digital rights, cryptocurrencies, tokens) in collateral relationships as a means of securing the fulfillment of obligations. The author analyzes Russian legislation, doctrinal approaches, and emerging judicial practice. Key issues are identified: the lack of a legal definition of most digital assets, the uncertainty of their legal status, the impossibility of identifying the collateral, and the challenges of recording encumbrances and foreclosure. Based on a comparative legal analysis, areas for improving civil legislation are proposed, including the introduction of a special "digital pledge" regime and the creation of registers for recording pledges of digital rights.

Ключевые слова: залог, цифровые активы, цифровые права, криптовалюта, обеспечение обязательств, залогодатель, залогодержатель, обращение взыскания, токен, смарт-контракт.

Keywords: pledge, digital assets, digital rights, cryptocurrency, security for obligations, pledgor, pledgee, foreclosure, token, smart contract.

Институт залога традиционно рассматривается в доктрине гражданского права как наиболее надёжный способ обеспечения исполнения обязательств, поскольку он предоставляет кредитору вещно-правовое преимущество перед иными кредиторами должника [1, с. 19]. Развитие цифровой экономики и появление новых объектов гражданских прав — токенов, криптовалют, утилитарных и цифровых прав — поставило перед правовой системой задачу определить, возможно ли распространение залога на нематериальные активы, существующие исключительно в цифровой среде, и

каков должен быть механизм его реализации.

Актуальность темы обусловлена ростом долговой нагрузки субъектов предпринимательской деятельности, увеличением числа сделок с цифровыми активами, а также отсутствием в главе 23 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) специальных норм о залоге цифровых активов [3]. Как справедливо отмечает Д.С. Зюльков, «залог цифровых прав является логическим продолжением развития идеи залога имущественных прав в условиях цифровой экономики, где ценность всё чаще концентрируется не в материальных активах, а в данных, учётных записях и иных цифровых объектах» [5, с. 28].

Цель настоящей статьи — выявить основные правовые проблемы использования цифровых активов в качестве предмета залога и предложить пути их решения. Для достижения цели поставлены следующие задачи: проанализировать легальные дефиниции цифровых прав и иных цифровых активов; определить применимость общих норм о залоге к цифровым объектам; исследовать проблемы фиксации залога, идентификации предмета и обращения взыскания; сформулировать рекомендации по совершенствованию законодательства.

Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой методы, а также метод анализа судебной и договорной практики. Степень разработанности проблемы в науке оценивается как недостаточная: имеются отдельные публикации (Бевзенко Р.С., Вербицкий Б.А., Зайцев В.В., Иванов Д.А., Сарнаков И.В., Реуцкий С.Ю.), однако комплексного исследования залога цифровых активов до настоящего времени не проведено.

Прежде чем говорить о залоге цифровых активов, необходимо определить, что понимается под «цифровыми активами» в российском праве и какова их правовая природа. Легальное определение содержится в ст. 141.1 ГК РФ: цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Законодатель выделяет также утилитарные цифровые права (ст. 8 Федерального закона «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 N 259-ФЗ), цифровые финансовые активы (Федеральный закон «О цифровых финансовых

активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ).

Вместе с тем термин «цифровые активы» шире понятия «цифровые права». Он охватывает также криптовалюты (например, биткоин), которые в настоящее время не признаются объектом гражданских прав в Российской Федерации, однако фактически используются в обороте. Как указывает Р.С. Бевзенко, «правовой режим криптовалюты остаётся неопределённым, что создаёт непреодолимые препятствия для её использования в качестве предмета залога в классическом понимании» [1, с. 45].

Правовая природа цифровых прав является дискуссионной. Одни авторы рассматривают их как разновидность обязательственных прав, другие — как самостоятельный объект, сочетающий элементы вещных и обязательственных прав. По мнению И.В. Сарнакова и С.Ю. Реуцкого, «цифровые права следует квалифицировать как особый объект гражданского оборота, который требует специального правового регулирования, не сводимого полностью к режиму вещей или обязательственных прав» [9, с. 14].

Эта дискуссия имеет ключевое значение для залога, поскольку ст. 336 ГК РФ допускает залог вещей и имущественных прав, за исключением прав, неразрывно связанных с личностью кредитора. Если цифровое право является имущественным правом, то оно может быть предметом залога. Если же признать его самостоятельным объектом, необходимы прямые законодательные изменения.

В настоящей работе автор исходит из позиции, закреплённой в ст. 358.18 ГК РФ, введённой Федеральным законом «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 N 34-ФЗ», согласно которой правила о залоге прав по договору банковского счёта применяются к залогу цифровых прав, если иное не вытекает из существа последних. Это легальное указание подтверждает возможность залога цифровых прав, однако оставляет множество вопросов без ответа.

Общие положения о залоге (ст. 334–358 ГК РФ) разрабатывались применительно к материальным вещам и, в меньшей степени, к правам требования. Их экстраполяция на цифровые активы сталкивается с системными трудностями. Одной из таких трудностей является проблема идентификации предмета залога. В силу ст. 339 ГК РФ в договоре залога должны быть указаны предмет залога и его оценка. Предмет

определяется путём указания наименования, количества, индивидуализирующих признаков. Для движимых вещей — это серийные номера, марки, модели. Для цифровых активов, существующих в виде записей в распределённом реестре или информационной системе, определение предмета залога вызывает затруднения.

Если предметом выступает цифровое право, его индивидуализация возможна через указание номера токена, адреса смарт-контракта, реквизитов записи в реестре. Однако практика показывает, что такие идентификаторы могут быть изменены или утрачены. Кроме того, в децентрализованных системах отсутствует единый регистратор, что порождает риск залога одного и того же цифрового актива нескольким залогодержателям.

Следующим проблемных аспектом, требующим глубокого анализа, выступает проблема акцессорности и момента возникновения залога. Залог является акцессорным (дополнительным) по отношению к основному обязательству. Статья 341 ГК РФ связывает возникновение залога, если иное не предусмотрено, с момента заключения договора, а для залога имущественных прав — с момента уведомления должника по этим правам или регистрации.

В отношении цифровых прав, учитывая их обязательственно-правовую природу, необходимо уведомление «обязанного лица». Однако определить обязанное лицо по цифровому праву зачастую невозможно. При токенизации актива ответственное лицо отсутствует (в случае с криптовалютами) либо им выступает эмитент (в случае цифровых финансовых активов). Для децентрализованных систем механизм уведомления неприменим. Как отмечает Н.В. Иванова, «законный залог недвижимости возникает в силу закона при наступлении определённых обстоятельств, для цифровых прав аналогичная конструкция пока не разработана» [7, с. 394].

Обратимся к актуальной для предмета исследования проблеме фиксации обременения. Классический залог движимого имущества может фиксироваться путём передачи предмета залога (заклад) или ведения реестра уведомлений о залоге (ст. 339.1 ГК РФ). Для залога цифровых прав законодатель в ст. 358.18 ГК РФ отсылает к правилам о залоге прав по договору банковского счёта, что предполагает блокирование распоряжения записью. Однако эта конструкция работает только в централизованных информационных системах (операторы цифровых финансовых активов, утилитарных цифровых прав).

В децентрализованных системах (например, блокчейн Ethereum) отсутствует оператор, который мог бы заблокировать запись. Технически залог можно фиксировать через смарт-контракты, переводя активы на специальный «залоговый» кошелёк. Но правовое значение такого перевода остаётся неясным: является ли это залогом или переносом права собственности? Согласно ст. 346 ГК РФ, залогодатель сохраняет право владения и пользования предметом залога, однако при переводе криптовалюты на адрес залогодержателя происходит утрата контроля.

Специфика цифровых активов определяет проблему обращения взыскания и реализации. Обращение взыскания на заложенное имущество регулируется ст. 349–350.1 ГК РФ. По общему правилу, взыскание осуществляется по решению суда, а для отдельных видов имущества — во внесудебном порядке.

В случае с цифровыми активами ключевой проблемой становится определение рыночной стоимости. Цифровые активы отличаются высокой волатильностью. Оценка, проведённая на момент заключения договора, через месяц может утратить актуальность. Кроме того, существует проблема ликвидности: не все цифровые активы могут быть реализованы на организованных торгах.

Закон об ипотеке (Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 N 102-ФЗ) не применяется к цифровым активам [4]. Реализация цифровых прав возможна через публичные торги (ст. 350 ГК РФ), однако отсутствует специализированный организатор торгов, имеющий лицензию на работу с цифровыми активами. Как указывает Д.А. Иванов, «залог исключительных прав, несмотря на специфику, допускает реализацию через привычные механизмы; залог же децентрализованных цифровых активов требует создания принципиально новой инфраструктуры» [6, с. 27].

Анализируя эмпирический срез проблемы (судебную и договорную практику, мы пришли к выводу о том, что судебная практика по залогу цифровых активов в России находится в начальной стадии формирования. Имеются отдельные решения, где криптовалюта признавалась имуществом (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2021 года №44-КГ20-17-К7), однако именно залоговые отношения почти не становились предметом рассмотрения.

В договорной практике участники оборота пытаются использовать конструкцию

залога криптовалюты, но вынуждены прибегать к суррогатам: обеспечительной уступке права требования, передаче ключей доступа в депозит нотариуса. Такие конструкции нестабильны и могут быть оспорены в суде.

Автор разделяет позицию В.В. Зайцева, который отмечает: «Пробелы в законодательстве о залоге цифровых активов приводят к тому, что кредиторы либо отказываются от принятия таких активов в обеспечение, либо используют инструменты, не имеющие чёткой правовой квалификации» [4, с. 34].

На основе проведённого анализа можно предложить следующие меры.

Во-первых, необходимо дополнить главу 23 ГК РФ специальным параграфом «Залог цифровых активов». В нём должны быть урегулированы: способы идентификации предмета залога; момент возникновения залога в зависимости от типа информационной системы (централизованная/децентрализованная); особенности фиксации обременения через смарт-контракты или нотариальные реестры.

Во-вторых, следует законодательно признать возможность внесудебного обращения взыскания на заложенные цифровые активы, если договором предусмотрен такой порядок и активы учитываются в информационной системе, допускающей автоматическую блокировку и перевод. Это позволит использовать смарт-контракты для автоматического исполнения обеспечительной функции.

В-третьих, целесообразно создать публичный реестр уведомлений о залоге цифровых прав (по аналогии с реестром уведомлений о залоге движимого имущества), оператором которого могла бы выступать Федеральная нотариальная палата.

В-четвёртых, для снижения рисков волатильности стоит предусмотреть в договоре механизм «поддержания стоимости» — обязанность залогодателя дополнительно предоставить обеспечение или погасить часть долга при падении стоимости цифрового актива ниже определённого уровня.

В-пятых, необходимы разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о применении правил о залоге к цифровым правам, включая критерии допустимости залога криптовалют до их легализации в качестве объекта гражданских прав.

Таким образом, проведённое исследование позволяет заключить, что залог цифровых активов (цифровых прав, токенов, а в перспективе — криптовалют) обладает значительным потенциалом как способ обеспечения исполнения обязательств, особенно в сфере высокотехнологичного предпринимательства и платформенной

экономики. Однако действующее российское законодательство содержит лишь фрагментарные нормы (ст. 358.18 ГК РФ), которые не создают целостного правового механизма. Ключевые проблемы связаны с идентификацией предмета залога, фиксацией обременения в децентрализованных системах, оценкой стоимости и реализацией при обращении взыскания. Использование аналогии закона и общих положений о залоге имущественных прав не позволяет преодолеть указанные трудности, поскольку цифровые активы обладают спецификой, требующей специального регулирования. В качестве рекомендаций предлагается: закрепить в главе 23 ГК РФ специальный параграф о залоге цифровых активов; допустить внесудебное обращение взыскания с использованием смарт-контрактов; создать публичный реестр уведомлений о залоге цифровых прав; ввести механизм поддержания стоимости; дать соответствующие разъяснения Верховного Суда РФ. Реализация этих мер позволит превратить залог цифровых активов в эффективный обеспечительный инструмент, что подтверждает гипотезу дипломного исследования о том, что совершенствование правового регулирования залога является фактором обеспечения исполнения обязательств в цифровой экономике.

Литература:

1. Бевзенко Р. С. Вещное обеспечение: залог, удержание и титульные обеспечительные конструкции //СПб.: Legal Academy. – 2022.

2. Вербицкий Б.А. Правовая природа залога в современном российском гражданском праве // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 7. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-zaloga-v-sovremennom-rossiyskom-grazhdanskom-prave (дата обращения: 02.06.2026).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

4. Зайцев В.В. Основные направления совершенствования законодательства о залоге // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-sovershenstvovaniya-zakonodatelstva-o-zaloge (дата обращения: 03.06.2026).

5. Зюльков Д.С. Залог цифровых прав как способ обеспечения исполнения обязательств субъектов МСП // Экономика и право. – 2021. – № 7. – С. 26–33. – DOI 10.37882/2223-2974.2021.07.15.

6. Иванов Д.А. Залог исключительных прав как способ обеспечения кредитных обязательств // ИС. Авторское право и смежные права. – 2024. – № 4. – С. 24–30.

7. Иванова Н.В. Сходства и различия залога в силу закона и залога на основании договора // Молодой ученый. – 2025. – № 4 (555). – С. 391–395.

8. Малышев П.Н. Залог как способ обеспечения исполнения обязательств: вопросы теории и правоприменительной практики // Вестник науки. – 2023. – № 8 (65). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zalog-kak-sposob-obespecheniya-ispolneniya-obyazatelstv-voprosy-teorii-i-pravoprimenitelnoy-praktiki (дата обращения: 03.06.2026).

9. Сарнаков И.В., Реуцкий С.Ю. Особенности залога и поручительства как способов обеспечения исполнения обязательств по договорам, заключённым на инвестиционных платформах // Юрист. – 2021. – № 7. – С. 11–18.

10. Akseli, N.O. International Secured Transactions Law: Facilitation of Credit and International Conventions and Instruments. – London: Routledge, 2011. – 320 p.

Прохоркина Ксения Сергеевна
Prokhorkina Ksenia Sergeevna
магистрант
кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: prokhorkina@yandex.ru

Винниченко Александр Сергеевич
Vinnichenko Alexander Sergeevich
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
email: vinnichenko.sashuta@mail.ru

МЕТОДЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ДЛЯ ОБНАРУЖЕНИЯ, ФИКСАЦИИ И ИЗЪЯТИЯ СЛЕДОВ РУК ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

METHODS USED TO DETECT, FIX, AND REMOVE HANDPRINTS DURING AN INSPECTION OF THE SCENE

Аннотация. В статье рассматриваются методы, применяемые для обнаружения, фиксации и изъятия следов рук при осмотре места происшествия. Подчеркивается криминалистическое значение следов рук как одного из наиболее распространенных и информативных видов следовой информации. Анализируются основные способы выявления следов папиллярных узоров на различных поверхностях, включая визуальные, оптические, физические, химические и физико-химические методы. Особое внимание уделяется процессуальной и технической фиксации обнаруженных следов, роли фотосъемки, описания в протоколе осмотра и применения масштабных ориентиров. Рассматриваются способы изъятия следов рук путем изъятия предмета целиком, копирования на дактилоскопическую пленку, использования следокопировальных материалов и упаковки объектов для последующего экспертного исследования. Отмечается, что результативность работы со следами рук зависит не только
от выбора технического метода, но и от соблюдения последовательности действий, предотвращения загрязнения следов и правильного взаимодействия следователя со специалистом-криминалистом.

Abstract. The article examines the methods used for detecting, recording and collecting handprints during crime scene examination. The forensic significance of handprints is emphasized as one of the most common and informative types of trace evidence. The article analyzes the main methods of detecting papillary pattern traces on different surfaces, including visual, optical, physical, chemical and physicochemical methods. Special attention is paid to procedural and technical recording of detected traces, the role of photography, description in the inspection report and the use of measuring scales. The article also considers methods of

collecting handprints by seizing the object as a whole, transferring traces onto fingerprint lifting film, using trace-copying materials and packaging objects for further expert examination. It is noted that the effectiveness of working with handprints depends not only on the chosen technical method, but also on the correct sequence of actions, prevention of contamination and proper cooperation between the investigator and the forensic specialist.

Ключевые слова: следы рук, осмотр места происшествия, дактилоскопия, криминалистическая техника, фиксация следов, изъятие следов, папиллярные узоры, следователь, специалист-криминалист, судебная экспертиза.

Keywords: handprints, crime scene examination, fingerprinting, forensic techniques, trace recording, trace collection, papillary patterns, investigator, forensic specialist, forensic examination.

Следы рук занимают одно из центральных мест в системе криминалистической следовой информации. Это объясняется тем, что человек при совершении преступления неизбежно вступает во взаимодействие с окружающей обстановкой: открывает двери, касается предметов, перемещает вещи, использует орудия, преодолевает преграды. Даже при попытке действовать осторожно контакт рук с поверхностями часто оставляет следы папиллярных узоров, которые могут иметь существенное доказательственное значение. В отличие от многих иных следов, следы рук позволяют не только установить факт прикосновения к конкретному предмету, но и в ряде случаев идентифицировать конкретное лицо.

Осмотр места происшествия является одним из важнейших следственных действий, в ходе которого следователь получает первичную информацию о событии преступления, обстановке, механизме совершения деяния и возможных участниках. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством осмотр производится в целях обнаружения следов преступления и иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [1]. Именно поэтому работа со следами рук должна рассматриваться не как вспомогательная техническая операция, а как самостоятельный и значимый элемент криминалистической деятельности.

Криминалистическое значение следов рук определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, папиллярные узоры обладают индивидуальностью, то есть их строение неповторимо для каждого человека. Во-вторых, они отличаются относительной устойчивостью на протяжении жизни. В-третьих, следы рук достаточно часто остаются на объектах обстановки места происшествия. В-четвертых, современные экспертные и информационно-поисковые возможности позволяют

использовать обнаруженные следы для проверки лиц по дактилоскопическим учетам и проведения идентификационных исследований.

Вместе с тем обнаружение следов рук на месте происшествия не всегда является простой задачей. Следы могут быть видимыми, слабовидимыми и невидимыми. Они могут находиться на гладких, шероховатых, пористых, влажных, загрязненных, окрашенных или многослойных поверхностях. Кроме того, на сохранность следов влияют температура, влажность, пыль, механическое воздействие, давность образования следа и действия лиц, находившихся на месте происшествия после события. Поэтому выбор метода обнаружения должен определяться не произвольно, а с учетом свойств поверхности, предполагаемой давности следа и условий обстановки.

На первоначальном этапе осмотра места происшествия следователь совместно со специалистом-криминалистом должен определить объекты, на которых с наибольшей вероятностью могли остаться следы рук. К таким объектам обычно относятся дверные ручки, стекла, оконные рамы, выключатели, поверхности мебели, посуда, упаковки, документы, денежные средства, оружие, орудия взлома, мобильные телефоны, бутылки, сейфы, кассовая техника и иные предметы, с которыми мог контактировать преступник. Особое значение имеет логическое моделирование поведения лица на месте происшествия: необходимо мысленно восстановить его путь, возможные действия и точки контакта с окружающей обстановкой [4].

Первым и наиболее простым способом обнаружения следов рук является визуальный осмотр. Он проводится без применения специальных реактивов и материалов, но с использованием внимательного наблюдения, изменения угла зрения и освещения. Видимые следы могут быть образованы веществами, находившимися на руках человека: кровью, краской, грязью, жиром, пылью или иными загрязняющими веществами. Такие следы обычно более заметны, однако требуют особенно осторожного обращения, поскольку одновременно могут содержать и другую доказательственную информацию, например, биологические следы.

Визуальный метод не сводится к обычному осмотру предмета. Важное значение имеет применение косопадающего света, изменение направления освещения, использование фонарей, луп, светофильтров и других простых оптических средств. На глянцевых и прозрачных поверхностях слабовидимые следы могут проявляться только под определенным углом. Поэтому поверхностный осмотр без изменения освещения

может привести к тому, что следы останутся незамеченными. Особенно это характерно для стекла, полированных мебельных поверхностей, пластика, лакированного дерева и металлических предметов [5].

К числу современных методов обнаружения относятся оптические методы, основанные на применении источников света различного спектра. Использование ультрафиолетового, инфракрасного, лазерного или узкополосного освещения позволяет выявлять следы, которые не воспринимаются обычным зрением. Такие методы особенно полезны в случаях, когда следы имеют слабый контраст с поверхностью либо, когда применение порошков и химических веществ может повредить объект. Оптические способы ценны еще и тем, что в ряде случаев позволяют зафиксировать след без предварительного физического воздействия на него.

Физические методы выявления следов рук чаще всего связаны с применением дактилоскопических порошков. Их действие основано на способности частиц порошка удерживаться на потожировом веществе, из которого состоит след. В криминалистической практике применяются различные порошки: светлые, темные, магнитные, флуоресцентные. Выбор конкретного средства зависит от цвета и структуры поверхности, на которой предполагается наличие следа. Например, на темных поверхностях целесообразно использовать светлые порошки, а на светлых — темные, чтобы обеспечить необходимый контраст [6].

Порошковый метод является распространенным, но требует аккуратности. Чрезмерное нанесение порошка, грубое движение кисти или неправильный выбор материала могут привести к смазыванию либо разрушению следа. Поэтому перед обработкой желательно определить наиболее ценные участки объекта, а при возможности сначала применить неразрушающие способы обнаружения. Специалист должен учитывать, что один и тот же предмет может содержать несколько следов разной давности и качества. Неосторожная обработка способна уничтожить слабые фрагменты папиллярного узора, которые могли бы иметь значение для экспертизы.

На гладких непористых поверхностях порошковые методы обычно дают хорошие результаты. К таким поверхностям относятся стекло, пластик, металл, лакированное дерево, керамика и некоторые виды окрашенных покрытий. На пористых материалах — бумаге, картоне, необработанном дереве, ткани — применение порошков не всегда эффективно, поскольку потожировое вещество впитывается в структуру материала. В

таких случаях чаще используются химические методы выявления следов.

Химические методы основаны на реакции специальных веществ с компонентами потожирового следа. Они применяются преимущественно при работе с пористыми и впитывающими поверхностями. В криминалистической практике известны методы обработки бумажных документов, картонных упаковок, деревянных предметов и иных материалов, на которых следы могут быть невидимыми. При этом химическое выявление обычно требует специальных условий и профессиональных навыков, поэтому на месте происшествия такие методы применяются ограниченно, а часть объектов целесообразно изымать и направлять в экспертное подразделение [7].

Физико-химические методы занимают промежуточное положение и сочетают свойства физических и химических способов. К ним относятся методы, позволяющие выявлять следы на сложных поверхностях, в том числе на объектах, подвергшихся воздействию влаги, загрязнений или времени. Такие способы особенно значимы при расследовании преступлений, совершенных в неблагоприятных условиях: на улице, в транспортных средствах, в помещениях с повышенной влажностью, на предметах, которые преступник пытался очистить. Однако их применение также требует осторожности и учета возможности последующего экспертного исследования.

Особое значение имеет правильная последовательность применения методов. В криминалистике действует общее правило: сначала используются менее разрушительные и более щадящие способы, затем — методы, которые могут изменить внешний вид объекта или свойства следа. Сначала объект осматривается визуально и с применением освещения, затем при необходимости фотографируется, после чего могут использоваться порошки или иные средства выявления. Если предполагается назначение комплексной экспертизы, следователь должен учитывать, что преждевременная обработка объекта может затруднить обнаружение других следов — биологических, трасологических, микрочастиц, волокон и т.п.

Фиксация следов рук представляет собой не менее важный этап, чем их обнаружение. Даже если след выявлен качественно, его доказательственное значение может быть снижено из-за неполного описания, отсутствия фотоснимков или неправильной упаковки. Процессуальная фиксация осуществляется прежде всего в протоколе осмотра места происшествия. В нем необходимо указать, где именно обнаружен след, на каком объекте он расположен, каковы свойства поверхности, каким

способом след выявлен, как он ориентирован относительно сторон объекта, каковы его размеры и состояние.

Описание следа в протоколе должно быть конкретным. Недостаточно написать, что «на столе обнаружен след пальца». Следует указать часть предмета, расстояние от ориентиров, характер поверхности, цвет проявленного следа, его форму, примерные размеры, направление папиллярных линий, наличие фрагментов или смазанных участков. Если следов несколько, каждый из них должен быть описан отдельно либо объединен в группы с точным обозначением расположения. Такая детализация необходима для того, чтобы в дальнейшем можно было проверить условия обнаружения и исключить сомнения в происхождении объекта.

Техническая фиксация следов рук осуществляется прежде всего с помощью фотосъемки. Фотографирование должно проводиться до изъятия следа, а в идеале — до и после его выявления специальными средствами. Сначала выполняется ориентирующая и обзорная съемка, позволяющая показать расположение объекта в общей обстановке места происшествия. Затем проводится узловая съемка конкретного предмета и детальная съемка самого следа. Детальные снимки должны выполняться с масштабной линейкой, чтобы эксперт и суд могли оценить реальные размеры следа.

Фотосъемка следов рук имеет свои особенности. Необходимо обеспечить резкость изображения, достаточный контраст, отсутствие бликов и искажений. На стеклянных и блестящих поверхностях это особенно сложно, поскольку источник света может отражаться и закрывать папиллярный узор. Поэтому специалист подбирает угол освещения,

фон и положение камеры таким образом, чтобы максимально четко передать линии узора. В некоторых случаях целесообразно использовать макросъемку, специальные насадки и дополнительные источники света [6].

Помимо фотосъемки, фиксация может осуществляться с помощью видеозаписи и схем. Видеозапись полезна для отображения последовательности действий при осмотре и демонстрации расположения следов в пространстве. Схемы позволяют показать взаимное расположение объектов, особенно если место происшествия сложное: квартира

с несколькими комнатами, офис, транспортное средство, складское помещение. Однако ни схема, ни видеозапись не заменяют подробного протокольного описания и

качественных фотоснимков.

Изъятие следов рук может осуществляться несколькими способами. Наиболее предпочтительным считается изъятие предмета целиком, если это возможно без ущерба для расследования и без чрезмерного нарушения обстановки. Такой способ позволяет сохранить след в первоначальном виде и провести исследование в лабораторных условиях. Изъятие предмета целиком особенно целесообразно, когда объект небольшой: бутылка, стакан, нож, упаковка, документ, мобильный телефон, фрагмент пластика или иной переносимый предмет.

Если предмет невозможно изъять полностью из-за его размера, значения для владельца либо особенностей обстановки, применяется копирование следа. Одним из распространенных способов является перенос следа на дактилоскопическую пленку. После выявления следа порошком к нему аккуратно прикладывается следокопировальный материал, на который переносится изображение папиллярного узора. Полученная копия помещается на контрастную подложку, снабжается пояснительными надписями и упаковывается. При этом важно обеспечить, чтобы копия не была повреждена, загрязнена или перепутана с другими объектами.

Следы, расположенные на вертикальных поверхностях, стеклах, дверях, мебели и крупных предметах, часто изымаются именно путем копирования. Однако этот способ имеет ограничения. Если след слабый, фрагментарный или расположен на неровной поверхности, перенос может ухудшить его качество. В таких случаях большое значение приобретает предварительная фотосъемка. Даже если копия окажется неполной, качественный фотоснимок может сохранить информацию, пригодную для дальнейшего исследования [9].

Упаковка изъятых объектов и следов должна исключать их повреждение. Каждый объект желательно упаковывать отдельно, чтобы исключить контакт между поверхностями. Предметы со следами рук нельзя помещать таким образом, чтобы следовая поверхность соприкасалась с упаковочным материалом. На упаковке указываются сведения о месте и времени изъятия, номере объекта, лице, производившем изъятие, а также делаются необходимые подписи. Соблюдение правил упаковки имеет значение не только техническое, но и процессуальное, поскольку позволяет подтвердить сохранность объекта и непрерывность его происхождения.

Важную роль при обнаружении, фиксации и изъятии следов рук играет

специалист-криминалист. Следователь определяет задачи осмотра и принимает процессуальные решения, однако специалист помогает правильно выбрать методы, обнаружить малозаметные следы, выполнить фотосъемку, применить технические средства и подготовить объекты к направлению на экспертизу. Такое взаимодействие особенно важно при осмотре сложных мест происшествия, где присутствует большое количество объектов и существует риск утраты следовой информации.

После изъятия следы рук могут направляться на дактилоскопическую экспертизу. Эксперт исследует пригодность следа для идентификации, определяет, какой частью руки он оставлен, анализирует общие и частные признаки папиллярного узора. При наличии сравнительных образцов проводится идентификационное исследование. Если лицо, оставившее след, неизвестно, возможно использование дактилоскопических учетов. Поэтому качество первоначального осмотра напрямую влияет на возможности последующего экспертного исследования.

На практике встречается ряд типичных ошибок при работе со следами рук. К ним относятся несвоевременное привлечение специалиста, поверхностный осмотр вероятных контактных объектов, отсутствие фотосъемки до обработки следа, неправильный выбор порошка, чрезмерное механическое воздействие, неполное описание в протоколе, совместная упаковка разных предметов, отсутствие указания точного места обнаружения. Каждая из этих ошибок может привести к утрате доказательственной информации либо к возникновению сомнений в допустимости и достоверности доказательства [8].

Особую проблему составляет загрязнение следов. На место происшествия могут прибывать сотрудники полиции, медицинские работники, собственники помещения, понятые и иные лица. Если не организовать порядок доступа, на объектах могут появиться новые следы рук, не связанные с преступлением. Поэтому следователь должен по возможности ограничить перемещение лиц, определить маршрут осмотра и обеспечить сохранность наиболее значимых объектов. В протоколе целесообразно отражать обстоятельства, которые могли повлиять на состояние следов.

Следы рук необходимо оценивать не изолированно, а в системе всей следовой картины. Само по себе обнаружение отпечатка на предмете еще не всегда доказывает причастность лица к преступлению. Важно установить, когда и при каких обстоятельствах мог быть оставлен след, имел ли человек законный доступ к объекту,

соответствует ли расположение следа предполагаемому механизму события. Поэтому данные дактилоскопического исследования должны сопоставляться с показаниями свидетелей, видеозаписями, результатами других экспертиз и общей логикой расследования.

В современных условиях значение следов рук не уменьшается, несмотря на развитие цифровых доказательств. Напротив, дактилоскопическая информация часто дополняет сведения, полученные из камер наблюдения, мобильных устройств, электронных пропускных систем и иных источников. Например, видеозапись может подтвердить присутствие лица в помещении, а след руки — контакт с конкретным предметом. Такое сочетание доказательств повышает убедительность криминалистической версии и помогает более точно реконструировать событие.

Следует учитывать и профилактическое значение качественной работы со следами рук. Осознание неизбежности обнаружения и исследования следовой информации способствует укреплению раскрываемости преступлений. Для следственной практики важно, чтобы осмотр места происшествия не проводился формально. Нередко именно первоначальный осмотр дает единственную возможность получить следы, которые позднее будут уничтожены временем, погодными условиями, ремонтом помещения, уборкой или действиями заинтересованных лиц.

Таким образом, методы обнаружения, фиксации и изъятия следов рук при осмотре места происшествия представляют собой взаимосвязанную систему криминалистических приемов и средств. Обнаружение следов требует учета свойств поверхности, механизма события и возможного поведения преступника. Фиксация предполагает точное протокольное описание, качественную фотосъемку и отображение расположения следов в обстановке места происшествия. Изъятие должно обеспечивать сохранность папиллярного узора и возможность последующего экспертного исследования.

Эффективность работы со следами рук зависит от профессиональной подготовки следователя, участия специалиста-криминалиста, правильного выбора методов и строгого соблюдения процессуальных требований. Следы рук являются ценным источником доказательственной информации, однако их значение реализуется только при грамотном обнаружении, надежной фиксации и надлежащем изъятии. Именно поэтому совершенствование методики работы со следами рук остается одним из

актуальных направлений криминалистической техники и практики расследования преступлений.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

2. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.

3. Федеральный закон от 25.07.1998 № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3806.

4. Аверьянова, Т. В. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021.

5. Белкин, Р. С. Курс криминалистики: учебное пособие / Р. С. Белкин. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2001

6. Ищенко, Е. П. Криминалистика: учебник / Е. П. Ищенко. – Москва: Проспект, 2024.

7. Майлис, Н. П. Судебная трасология: учебник / Н. П. Майлис. – Москва: Юрлитинформ, 2020.

8. Россинская, Е. Р. Криминалистика: учебник / Е. Р. Россинская. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023.

9. Яблоков, Н. П. Криминалистика: учебник / Н. П. Яблоков. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022.

Соковнин П.А.
Sokovnin P.A.
аспирант
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

научный руководитель
Черкасов К.В.
Cherkasov K.V.
доктор юридических наук
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАЦИОНАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В РОССИИ

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF LICENSING THE ACTIVITIES OF RESIDENTIAL SOCIAL SERVICE INSTITUTIONS IN RUSSIA

Аннотация: статья направлена на выявление особенностей административно-правового регулирования, обеспечивающего соблюдение прав граждан и поддержание высокого качества социального обслуживания. Исследование подчеркивает, что лицензирование выступает ключевым инструментом государственного надзора, гарантирующим безопасность и профессионализм учреждений, осуществляющих уход за социально уязвимыми категориями населения.

Abstract: The article is aimed at identifying the specifics of administrative and legal regulation that ensures the observance of citizens' rights and maintains a high standard of social services. The study emphasizes that licensing acts as a key instrument of state supervision, guaranteeing the safety and professionalism of institutions providing care for socially vulnerable categories of the population.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, лицензирование, стационарное учреждение, социальное обслуживание населения, лицензионные требования, правовое обеспечение.

Keywords: administrative and legal regulation, licensing, residential institution, social services, licensing requirements, legal framework.

Социальная политика Российской Федерации направлена на защиту прав и законных интересов уязвимых категорий граждан, что обуславливается необходимостью создания эффективной и прозрачной системы социального обслуживания. Стационарные учреждения, предоставляющие круглосуточный уход и поддержку гражданам пожилого возраста, инвалидам и иным лицом, нуждающимся в постоянной помощи, играют в этой системе ключевую роль.

В условиях повышения требований к качеству и безопасности предоставляемых услуг, институт лицензирования выступает основным административно-правовым

инструментом государственного контроля. Лицензия является официальным подтверждением того, что учреждение соответствует установленным государством стандартам, обладает необходимой материально-технической базой и квалифицированным персоналом. Таким образом, административно-правовой механизм лицензирования служит гарантией защиты прав получателей социальных услуг и минимизации рисков для их жизни и здоровья. Актуальность исследования обусловлена необходимостью постоянного совершенствования нормативно-правовой базы и правоприменительной практики в данной сфере.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ административно-правового регулирования процесса лицензирования деятельности стационарных учреждений социального обслуживания.

Правовое регулирование лицензирования деятельности по стационарному социальному обслуживанию осуществляется на двух уровнях: федеральном и ведомственном.

Базовый уровень. Основополагающим нормативным актом является Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Закон определяет правовые, организационные и экономические основы социального обслуживания. Ключевое значение для темы исследования имеет статья 33, которая устанавливает порядок осуществления государственного контроля (надзора) в сфере социального обслуживания. Контроль включает в себя и проверку соблюдения лицензионных требований.

Специальный уровень. Непосредственно процедурам лицензирования посвящен Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», который относит деятельность по социальному обслуживанию с обеспечением проживания к лицензируемым видам (п. 47 ч. 1 ст. 12).

Подзаконный уровень. Детальные лицензионные требования закреплены в Постановлении Правительства РФ от 15.09.2020 № 1432 «Об утверждении Положения о лицензировании стационарного социального обслуживания». Данный документ является ключевым для соискателей лицензии и проверяющих органов, так как содержит исчерпывающий перечень условий, при соблюдении которых выдается лицензия.

Центральным элементом административно-правового регулирования

деятельности стационарных учреждений социального обслуживания выступает институт лицензирования. Его основная цель — не просто формальное разрешение на ведение деятельности, а установление государством жесткого фильтра, гарантирующего, что организация обладает необходимыми ресурсами и компетенциями для обеспечения безопасности и достойного качества жизни граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации. Детальный анализ лицензионных требований, закрепленных в Постановлении Правительства РФ от 15.09.2020 № 1432, позволяет сгруппировать их в несколько взаимосвязанных блоков, каждый из которых направлен на решение конкретных задач по защите прав подопечных.

Основой для оказания социальных услуг является наличие у соискателя лицензии (лицензиата) на законном основании зданий и помещений, предназначенных для стационарного проживания граждан. Государство предъявляет к этим объектам комплексные требования, обеспечивающие базовые потребности человека в безопасности и комфорте.

Во-первых, все помещения должны в обязательном порядке соответствовать санитарно-эпидемиологическим правилам и нормативам. Это касается как общих зон (столовые, холлы, санитарные узлы), так и жилых комнат. Нормативы регламентируют минимальную площадь на одного проживающего, уровень естественного и искусственного освещения, температурно-влажностный режим, качество питьевой воды и организацию питания. Несоблюдение этих норм создает прямую угрозу здоровью граждан.

Во-вторых, критически важным является соблюдение требований пожарной безопасности. Учреждение должно быть оснащено автоматической пожарной сигнализацией, системой оповещения и управления эвакуацией. Наличие и исправность первичных средств пожаротушения (огнетушителей), а также обеспечение свободного доступа к эвакуационным выходам являются обязательными условиями. Для пожилых людей и лиц с ограниченными возможностями здоровья особое значение приобретает наличие безбарьерной среды: пандусов, поручней, специально оборудованных лифтов и санузлов.

Таким образом, требования к материальной базе направлены на создание физически безопасной и минимально комфортной среды обитания, что является фундаментом для оказания любых социальных услуг.

Лицензионные требования не ограничиваются физическими параметрами учреждения; они также регламентируют внутренние процессы его функционирования. Ключевым требованием здесь является наличие утвержденных руководителем организации локальных нормативных актов, которые формализуют порядок оказания услуг.

К таким документам относятся режим дня и правила внутреннего распорядка для получателей социальных услуг. Режим дня устанавливает четкий график основных жизненных процессов: подъема, гигиенических процедур, приема пищи, досуга и сна. Это вносит предсказуемость в жизнь подопечных, что особенно важно для пожилых людей с когнитивными нарушениями. Правила внутреннего распорядка определяют права и обязанности проживающих, а также устанавливают нормы поведения, направленные на поддержание безопасной и доброжелательной атмосферы в коллективе.

Неотъемлемой частью организационных требований является наличие утвержденных должностных инструкций для всего персонала. Эти документы четко разграничивают зоны ответственности каждого сотрудника — от руководителя до младшего обслуживающего персонала — и являются основой для контроля за исполнением трудовых функций. Кроме того, учреждение обязано вести систематический учет получателей социальных услуг и предоставляемых им услуг, что обеспечивает прозрачность деятельности и позволяет осуществлять контроль за выполнением индивидуальных программ.

Персонал является главным ресурсом любого учреждения социального обслуживания, и лицензионные требования уделяют его квалификации и благонадежности первостепенное внимание.

- **Образование и квалификация.** Руководитель организации, его заместители, а также руководители структурных подразделений и специалисты (социальные работники, психологи, медицинские сестры) обязаны иметь профильное профессиональное образование и соответствовать квалификационным требованиям, установленным профессиональными стандартами. Это гарантирует наличие у них теоретической базы и практических навыков для работы с уязвимыми категориями граждан.

- **Отсутствие судимости.** Это одно из самых строгих лицензионных требований. К трудовой деятельности в сфере социального обслуживания не допускаются лица, имеющие или имевшие судимость за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (особенно против половой неприкосновенности), а также против семьи и несовершеннолетних. Данная норма служит важнейшей гарантией физической и психологической безопасности подопечных.
- **Стаж и непрерывное развитие.** Для руководящих должностей часто требуется наличие определенного стажа работы в сфере социального обслуживания. Кроме того, законодательство предполагает необходимость регулярного повышения квалификации персонала для актуализации их знаний в области ухода, психологии и права.

В совокупности эти требования формируют кадровый состав, способный не только выполнять технические задачи по уходу, но и оказывать квалифицированную психологическую поддержку, соблюдая при этом высокие этические нормы.

Анализ лицензионных требований показывает их комплексный и системный характер. Государство через механизм лицензирования проверяет не отдельные элементы деятельности учреждения, а всю экосистему: от безопасности стен до профессионализма людей внутри них. Соблюдение этого сложного комплекса норм является единственным законным основанием для работы стационарного учреждения и служит главным инструментом защиты прав граждан на получение качественных социальных услуг.

Лицензирование не является разовой процедурой; это начало непрерывного процесса надзора за деятельностью учреждения. Механизм государственного лицензионного контроля представляет собой систему правовых и организационных мер, направленных на проверку соблюдения лицензиатом установленных лицензионных требований и принятие мер в случае их нарушения. Этот механизм является ключевым инструментом обеспечения качества и безопасности социальных услуг.

Правовой основой для осуществления контроля служит статья 33 Федерального закона № 442-ФЗ**,** а сама процедура детально регламентирована Федеральным

законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

Предметом лицензионного контроля является соблюдение лицензиатом (стационарным учреждением) лицензионных требований, установленных Положением о лицензировании. В отличие от других видов надзора, здесь проверяется не общее качество жизни подопечных, а именно формальное и фактическое соответствие деятельности организации тем жестким критериям, которые были проверены при выдаче лицензии.

Цели контроля многогранны:

1. Предупреждение нарушений лицензионных требований.
2. Выявление и пресечение уже допущенных нарушений.
3. Оценка соответствия деятельности учреждения лицензионным критериям в динамике.
4. Принятие мер административного воздействия для понуждения к устранению нарушений и, в крайних случаях, прекращение деятельности недобросовестной организации.

Формы и виды контрольных мероприятий

Контроль осуществляется в двух основных формах: посредством проведения контрольных мероприятий и путем проведения профилактических мероприятий.

1. Контрольные мероприятия Это основная форма надзора, которая может проводиться в виде проверок.

- Плановые проверки: Проводятся на основании заранее утвержденного плана, который ежегодно формируется контрольным органом. Периодичность таких проверок зависит от присвоенной учреждению категории риска. В ходе плановой проверки оценивается соблюдение всего перечня лицензионных требований.
- Внеплановые проверки: Проводятся при возникновении определенных оснований, что делает их более сфокусированными и оперативными. Основаниями могут служить:
  - Истечение срока исполнения ранее выданного предписания об устранении выявленного нарушения.
  - Поступление обращений и заявлений от граждан или организаций, а также информации от органов государственной власти о фактах грубых нарушений

лицензионных требований (например, создание угрозы жизни или здоровью подопечных).

- Поручение Президента или Правительства РФ.
- Требование прокурора.

- Виды проверок: Как плановые, так и внеплановые проверки могут быть документарными (проверка предоставленных документов) или выездными (с выездом на место нахождения учреждения для осмотра помещений, изучения документации на месте и опроса персонала).

2. Профилактические мероприятия Современное законодательство о контроле (надзорный «мораторий» и реформа 248-ФЗ**)** смещает акцент с карательных мер на профилактику. К таким мероприятиям относятся:

- Информирование: Размещение на официальных сайтах контрольных органов перечней нормативных актов, программ профилактики.
- Обобщение правоприменительной практики: Ежегодное обсуждение типичных нарушений и способов их избежать.
- Объявление предостережения: Если у органа контроля есть сведения о готовящихся нарушениях или о признаках нарушений, он может направить лицензиату предостережение с требованием принять меры для их недопущения.
- Профилактический визит: Беседа с руководством учреждения по месту его деятельности. В ходе визита инспектор может консультировать по вопросам соблюдения требований, но не может выдавать предписания или налагать штрафы.

Процедура проведения проверки и ее результаты

Любая проверка начинается с предъявления инспектором служебного удостоверения и распоряжения о проведении проверки. В ходе выездной проверки инспекторы имеют право осматривать территории и помещения, запрашивать и изучать документы (уставы, должностные инструкции, журналы), получать объяснения от должностных лиц и работников.

По результатам любого контрольного мероприятия составляется **акт**. В случае отсутствия нарушений в акте делается соответствующая запись. Если же нарушения выявлены, в акте они фиксируются с указанием конкретных пунктов нарушенных нормативных актов.

На основании акта о нарушениях могут быть приняты следующие меры:

1. **Выдача предписания об устранении выявленных нарушений.** Это наиболее частая мера. В предписании указываются конкретные нарушения и устанавливается срок для их устранения. Учреждение обязано отчитаться об исполнении.

2. Составление протокола об административном правонарушении. Влечет за собой наложение административного штрафа на должностных лиц и/или на юридическое лицо в соответствии с Кодексом РФ об административных правонарушениях**.**

3. **Приостановление действия лицензии.** Применяется при грубых нарушениях или невыполнении предписания в срок. На период приостановления учреждение не имеет права оказывать социальные услуги в стационарной форме.

4. **Обращение в суд с заявлением об аннулировании лицензии.** Крайняя мера, применяемая в случае неустранения грубых нарушений в период приостановления лицензии или повторного их совершения. Это влечет за собой полное прекращение деятельности учреждения.

Несмотря на наличие развитой нормативно-правовой базы, практика ее применения выявляет ряд проблем:

- Формализм проверок. В ряде случаев проверки носят формальный характер и не всегда позволяют выявить реальные риски для жизни и здоровья подопечных.
- Несоответствие лицензионных требований реальным потребностям. Некоторые требования являются чрезмерно общими и не учитывают специфику работы с различными категориями граждан (например, с тяжелыми ментальными нарушениями).
- Проблема «скрытого» ухода от контроля. Создание новых юридических лиц для обхода ограничений, наложенных на предыдущее учреждение после выявления грубых нарушений.

Для решения этих проблем предлагается:

- Разработать дифференцированные лицензионные требования с учетом специфики обслуживаемых категорий граждан.
- Усилить взаимодействие лицензирующих органов с общественными советами и независимыми экспертами при проведении проверок.

- Внедрить риск-ориентированный подход при планировании контрольных мероприятий, сосредоточив усилия на учреждениях с высокой категорией риска.

Таким образом, административно-правовое регулирование лицензирования деятельности стационарных учреждений социального обслуживания представляет собой сложную систему, включающую федеральные законы и подзаконные акты. Лицензионные требования охватывают все ключевые аспекты деятельности: от материально-технической базы до квалификации персонала. Государственный контроль является основным механизмом обеспечения их соблюдения.

Однако для повышения эффективности данной системы необходимо дальнейшее совершенствование законодательства, направленное на переход от формального контроля к содержательному анализу рисков и качества предоставляемых услуг. Укрепление этого института является залогом защиты прав социально уязвимых граждан и повышения общего уровня доверия к системе социального обслуживания в России.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 52 (часть I). – Ст. 7007.

4. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 19. – Ст. 2716.

5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5007.

6. Постановление Правительства РФ от 15.09.2020 № 1432 «Об утверждении Положения о лицензировании стационарного социального обслуживания» (с

изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 39. – Ст. 6046.

Овечкин Алексей Игоревич
Ovechkin Alexey Igorevich
аспирант
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»

ПРИМЕНЕНИЕ СКОРИНГА В УПРАВЛЕНИИ ИНФРАСТРУКТУРНЫМИ ПРОЕКТАМИ В МАЛЫХ ГОРОДАХ: ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

APPLICATION OF SCORING IN INFRASTRUCTURE PROJECT MANAGEMENT IN SMALL TOWNS: AN EFFECTIVE DECISION-MAKING METHOD

Аннотация. Совершенствование и эффективное функционирование объектов, которые входят в социальную инфраструктуру, их доступность населению – важное условие повышения уровня и качества жизни основной массы населения страны. В статье рассмотрены возможности скоринга населения для управления инфраструктурными проектами малых городов. Описаны критерии оценки эффективности. Отмечена возможность управления распределением финансирования социальной инфраструктуры с применением скоринга.

Abstract. Improving and effectively operating social infrastructure facilities and making them accessible to the public is essential for improving the standard and quality of life for the majority of the country's population. This article examines the potential of population scoring for managing infrastructure projects in small towns. Performance evaluation criteria are described. The potential for managing the distribution of social infrastructure funding using scoring is highlighted.

Ключевые слова: скоринг населения, социальная инфраструктура, развитие, малые города.

Keywords: population scoring, social infrastructure, development, small towns.

Введение

В общем виде социальная инфраструктура подразумевает совокупность объектов, отвечающих за развитие ключевых сфер, направленных на обеспечение комфортного уровня проживания граждан в стране, удовлетворяя основные потребности населения в соответствии с особенностями социально-экономического развития той или иной страны и иных показателей, определяющих успешность функционирования государства, с учетом эффективности деятельности органов власти.

К основным объектам социальной инфраструктуры, в свою очередь, стоит отнести организации и предприятия, относящиеся к ключевым отраслям жизнедеятельности общества: ЖКХ, туризм, культура, образование, здравоохранение, социальное обслуживание и пр.

Цель исследования

Целью исследования автор рассматривает возможность и целесообразность применения метода скоринга для совершенствования функционала развития социальной инфраструктуры малых городов.

Разработка стратегии развития социальной инфраструктуры — важнейшая задача для построения современного социального государства. Ведь уровень и качество жизни граждан во многом определяются уровнем развития инфраструктуры. Поэтому вопросы социального развития занимают приоритетное место при рассмотрении любых аспектов общественной жизни. В этой связи вопросы взаимосвязи и взаимодействия экономических и социальных факторов всегда привлекали пристальное внимание.

Методология

В исследовании применен комплексный методолгический подход, включающий в себя теоретический анализ, анализ статистических данных, разработка авторской методики скоринга.

Результаты

Так, к основным элементам социальной инфраструктуры в России, как уже было выявлено ранее, можно отнести:

- Жилье и его строительство
- Объекты социально-культурного назначения
- Жилищно-коммунальное хозяйство
- Предприятия и организации здравоохранения, образования и дошкольного воспитания
- Туризм, отдых и досуг
- Розничная торговля, общественное питание и сфера услуг
- Спортивно-оздоровительные учреждения
- Пассажирский транспорт и связь для обслуживания населения
- Учреждения правового и финансово-кредитного характера.

Каждая из перечисленных отраслей в рамках развития социальной инфраструктуры оказывает позитивное или же, наоборот, негативное влияние на социально-экономическое развитие страны и каждой отдельной территории (региона, города, области и т.д.), оказывая влияние на качество жизни граждан и эффективность деятельности органов власти. В рамках исследования стоит указать основные функции, которые реализуются в рамках развития социальной инфраструктуры в каждой

перечисленной отрасли.

Развитие социальной инфраструктуры в малых городах сталкивается с целым комплексом проблем. Среди наиболее заметных – неудовлетворительное состояние дорог и транспортной доступности, а также износ коммунальных сетей. Качество медицинского обслуживания часто оставляет желать лучшего, а места для досуга и культуры выглядят устаревшими, не отвечая современным требованиям. Общий вид городов, их благоустройство, также нуждаются в обновлении. Остро встает вопрос, связанный с образованием в удаленных поселениях и на сельских территориях, где наблюдается дефицит финансирования. Местные руководители также отмечают нехватку качественных бытовых услуг, ограниченный доступ к интернету и низкое качество работ по благоустройству.

Итак, рассмотрим возможности применения скоринга населения в данном направлении и показатели эффективности его влияния на инфраструктурные изменения.

Наибольшее негативное влияние на процесс оказывает недостаток финансирования. Так, авторы отмечают, что на местном уровне высок процент ожидания бюджетной помощи от федерального центра, что в свою снижает экономическую активность в муниципальных образованиях [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Также отметим, что малые города часто испытывают недостаток опыта в стратегическом планировании **[1]**. Кроме того, им не хватает квалифицированных сотрудников, занимающихся решением местных вопросов. Причины этого кроются в том, что работа в системе местной администрации не очень привлекательна, ее не ценят на государственном уровне, да и общие демографические проблемы играют свою роль.

В этом аспекте можно выделить следующие основные проблемы, которые влияют на качество развития инфраструктурных проектов:

Во-первых, не все муниципальные образования демонстрируют должное соблюдение законодательных требований к оформлению полного пакета документации [3].

Во-вторых, значительная часть запланированных показателей оказывается чрезмерно оптимистичной (завышенной), и не отражает фактические особенности и реальное положение дел.

В-третьих, муниципалитеты сталкиваются с серьёзной организационной сложностью из-за отсутствия специализированных отделов, задачей которых является долгосрочное социально-экономическое планирование и прогнозирование [4].

Также серьезная проблема возникает из-за того, что законодательные акты не определяют строго ни формат, ни конкретное содержание документации, разрабатываемой при стратегическом планировании.

Итак, определив круг основных проблем в развитии городской инфраструктуры, рассмотрим возможности применения системы скоринга для их решения.

В нашем исследовании скоринг населения означает систему оценки социальных потребностей населения на примере малых городов. Возникает потребность в использовании эффективных инструментов для развития территорий. Новизна этой темы заключается в том, что она предлагает новые подходы к созданию достойных условий для населения.

В рамках реализации скоринга, безусловно, определяет необходимость вложения как средств регионального и федерального бюджета, так и возможность использования уже выделенных средств финансирования по целевым региональным и национальным программам.

Кроме того, для эффективного финансирования социальной инфраструктуры необходимо привлекать внебюджетные источники, например, доходы от платных услуг. В Этом случае скоринг может помочь определить необходимые населению приоритетные услуги, на которых можно сделать особый акцент.

Например, в сфере здравоохранения это могут быть диагностические исследования и высокотехнологичная медицинская помощь. В других отраслях это могут быть дополнительные образовательные услуги, массовые культурные и спортивные мероприятия, туризм и т. д.

Представим ряд возможностей, которые появляются благодаря скоринговой системе.

- Предсказание будущих потребностей. Возможность заранее понять, какие именно учреждения потребуются людям в будущем;

- Планирование в соответствии с нормами. Помогает убедиться, что при создании или развитии новых объектов соблюдаются все правила и стандарты городского планирования;

- Оценка бюджета и поиск финансирования. Дает возможность точно определить запланировать бюджет, а также откуда эти средства можно привлечь.

- Оценка успешности проектов. Помогает понять, насколько эффективны уже реализованные меры.

В рамках реализации скоринговой системы могут быть запрограммированы ключевые индикаторы, для каждого субъекта в отдельности. Для малых городов могут быть предложены следующие показатели:

1. Наличие необходимых объектов социальной инфраструктуры [от 1 до 100].

2. Наличие необходимых услуг социальной инфраструктуры [от 1 до 100]

3. В сфере культуры:

-число посещений музеев;

-обеспеченность объектами культуры и отдыха;

-обеспеченность концертными залами.

4. В сфере физической культуры и спорта:

-удельный вес населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом в возрасте от 3 до 79 лет;

-удельный вес людей с ограниченными возможностями, занимающихся адаптивной физической культурой и спортом;

-обеспеченность плоскостными спортивными сооружениями;

-обеспеченность спортивными залами;

-обеспеченность плавательными бассейнами;

-обеспеченность спортивными сооружениями, исходя из их единовременной пропускной способности.

5. В сфере здравоохранения:

-обеспеченность медицинскими учреждениями;

-обеспеченность бригадами неотложной медицинской помощи;

-обеспеченность больницами и стационарами;

-обеспечение охвата всех граждан профилактическими медицинскими осмотрами не реже одного раза в год;

-обеспечение оптимальной доступности для населения медицинских организаций, оказывающих первичную медико-санитарную помощь.

6. В сфере туризма:

-обеспечение объектами туристической инфраструктуры (отели, апартаменты, хостелы);

-количество отремонтированных и отреставрированных объектов туристической инфраструктуры;

-уровень удовлетворенности приезжих граждан качеством обслуживания в объектах туристической отрасли;

-обеспечение района домами отдыха, пансионатами, базами отдыха;

-обеспечение сферы туризма и отдыха высококвалифицированными специалистами;

-количество туристов, посетивших район по каждому году.

Важно отметить, что приведенные выше индикаторы должны строиться так же по результатам скоринга. Таким образом скоринг населения образует циклическую закрытую систему позволяющую эффективно реализовывать инфраструктурные проекты в социальной сфере.

Результаты и обсуждение

Таким образом, поскольку скоринг дает объективную оценку потребностей населения, его применение позволяет направлять ресурсы туда, где они нужнее всего, и принимать решения на основе фактов, а не личных мнений. Эффективное планирование развития и оптимальное распределение ресурсов помогает определить, какие области требуют наибольшего внимания в плане развития социальной инфраструктуры, и как лучше распределить бюджетные средства.

Именно скоринг населения позволяет понять, какие именно потребности есть в данном городе. Учитывая специфику малых городов это особенно важно. В малых городах нет возможности в реализации большого числа социальных проектов развития инфраструктуры, что связано с ограниченностью финансовых и человеческих ресурсов. Скоринг населения, как часть единого организационно-экономического механизма, является эффективным инструментом в определении показателей (индикаторов) по которым можно будет отслеживать в динамике работу органов власти и эффективность от реализации предложенных мероприятий:

-степень достижения органами власти как стратегических целей и задач социально-экономического развития города в целом, так и отдельных задач по сферам (культура, туризм, здравоохранение, физическая культура) и соответствующим им

подпрограммам региональной программы;

-уровень удовлетворенности граждан проживанием в малом городе;

-уровень удовлетворенности населения работой органов власти;

- достаточность и своевременность привлечения ресурсов;

- количество туристов;

- объем привлеченных инвестиционных средств;

- эффективность и доступность системы обмена информацией и сбора данных о выполнении мероприятий, а также система показателей, отражающих условия внутренней и внешней среды (на сайте администрации и в социальных сетях).

- работоспособность существующей системы организационных и управленческих решений, их соответствие реализуемым мероприятиям и потребностям населения.

Заключение.

Таким образом, скоринг населения является эффективным инструментом для объективной оценки потребностей населения и оптимального распределения ресурсов. Это позволяет направить ресурсы туда, где они необходимы больше всего, и улучшить качество жизни граждан. Планируя развитие социальной инфраструктуры с использованием скоринга, мы можем обеспечить более эффективное использование бюджетных средств и повысить уровень жизни населения.

Литература:

1. Баиева Н.А. Некоторые вопросы осуществления на практике концепции социального государства в Российской Федерации // Социально-культурные и исторические аспекты развития региона: история и современность. Ставрополь. 2021. С. 12–20.

2. Батеева Е.В., Алексеев А.А., Юрьев С.А. Трансформация концепции социального государства в Российской Федерации // Россия и мир: развитие цивилизаций. Трансформация политических ландшафтов за период 1999–2019 годы. М. 2019. С. 247–250.

3. Вяльцев К.В. Правовая политика в контексте становления социального государства в Российской Федерации // Российская государственность на пути в

будущее: традиции и траектории политико-правовых реформ (к 250-летию со дня рождения М. М. Сперанского). Владимир. 2021. С.58–63.

4. Крашнина В.Е. Некоторые проблемы реализации в Российской Федерации концепции социального государства // Всеобщая декларация прав человека: теория и практика в российской правовой системе. М. 2020. С. 176–182

5. Ионцев В.А., Магомедова А.Г. Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и ее регионах// Экономика региона. 2015. No3(43). С.89–102

Фомин Константин Дмитриевич
Fomin Konstantin Dmitrievich
студент
АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»
e-mail: Kostya.fomin2002@mail.ru

научный руководитель
Зорин Кирилл Александрович
Zorin Kirill Alexandrovich
доктор философских наук, доцент кафедры журналистики
АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»
e-mail: 29325047@s.mfua.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

USE OF NEURAL NETWORK TECHNOLOGIES IN MODERN JOURNALISM: OPPORTUNITIES AND RISKS

Аннотация. Статья посвящена тому, как нейросетевые технологии меняют современную журналистику. Сегодня искусственный интеллект все активнее используется в работе цифровых редакций, из-за чего меняется сам процесс создания медиаконтента. В тексте рассматривается, как нейросети помогают журналистам создавать, обрабатывать и проверять текстовые и визуальные материалы. Отдельное внимание уделяется проблемам достоверности информации, распространению дипфейков и изменениям профессиональных стандартов в журналистике.

Автор анализирует как преимущества искусственного интеллекта для медиасферы, так и риски, связанные с автоматизацией новостного производства. В результате делается вывод, что нейросетевые технологии позволяют значительно ускорить обработку информации и повысить эффективность работы редакций. Однако вместе с этим возрастает необходимость более строгого контроля качества контента и соблюдения профессиональной журналистской этики.

Abstract.The article is devoted to the ways neural network technologies are transforming modern journalism. Today, artificial intelligence is increasingly being used in digital newsrooms, which significantly changes the process of media content creation. The paper examines how neural networks help journalists create, process, and verify textual and visual materials. Special attention is paid to the issues of information reliability, the spread of deepfakes, and changes in professional standards in journalism.

The author analyzes both the advantages of artificial intelligence for the media sphere and the risks associated with the automation of news production. The study concludes that neural network technologies make it possible to significantly accelerate information processing and improve the efficiency of editorial work. However, this also increases the need for stricter quality control of content and adherence to professional journalistic ethics.

Ключевые слова: журналистика, искусственный интеллект, нейросети, цифровые медиа, дипфейки, медиаконтент, цифровая журналистика.

Keywords: journalism, artificial intelligence, neural networks, digital media, deepfakes, media content, digital journalism.

Введение

В последние годы искусственный интеллект стал одним из главных факторов, меняющих современную медиасреду. Нейросети все активнее используются в цифровых редакциях: они помогают автоматизировать создание новостей, обрабатывать тексты, анализировать большие объемы данных и создавать визуальный контент. Особенно заметное влияние на журналистику оказало развитие генеративного ИИ, которое изменило привычные подходы к работе журналистов и заставило пересмотреть многие профессиональные практики [4;5].

Актуальность темы связана с тем, что в 2025-2026 годах использование нейросетевых технологий в журналистике стало массовым явлением. Сегодня редакции применяют ИИ для написания текстов, автоматического монтажа видео, генерации изображений и анализа пользовательского контента. Вместе с новыми возможностями появились и серьезные проблемы: растет количество недостоверной информации, дипфейков и манипулятивных материалов, что напрямую влияет на доверие аудитории к СМИ [2].

Исследование основано на противоречии между расширением технологических возможностей журналистики и увеличением рисков, связанных с качеством и достоверностью медиаконтента. С одной стороны, искусственный интеллект помогает быстрее обрабатывать информацию и делает работу редакций более эффективной. С другой - автоматизация может ослаблять контроль за качеством материалов и создавать условия для распространения фальшивого контента.

Цель исследования - определить основные преимущества и риски использования нейросетевых технологий в современной журналистике.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

– проанализировать, как нейросетевые технологии внедряются в работу современных СМИ;

– выявить основные направления применения искусственного интеллекта в цифровой журналистике;

– определить ключевые риски, связанные с использованием нейросетей в медиасфере;

– исследовать влияние ИИ на профессиональные стандарты журналистики и проблему достоверности информации.

В работе использовались методы сравнительного анализа, изучение научной литературы и современных медиапрактик цифровых редакций, а также элементы контент-анализа публикаций, посвященных использованию искусственного интеллекта в журналистике.

Использование нейросетевых технологий в современной журналистике

Развитие цифровых технологий заметно изменило процессы создания медиаконтента. Если раньше искусственный интеллект воспринимался в основном как вспомогательный инструмент для обработки данных, то сегодня нейросети становятся полноценной частью работы современных редакций.

Сейчас медиа активно используют ИИ для автоматизации повседневных задач. Одно из самых распространенных направлений - генерация текстов. Нейросетевые алгоритмы способны создавать короткие новости, финансовые сводки, спортивные обзоры и другие информационные материалы по заданным параметрам [4; 5]. Это помогает редакциям быстрее выпускать контент и эффективнее работать с большими объемами информации.

Помимо текстов, нейросети широко применяются и при создании визуального контента. Искусственный интеллект используют для автоматического монтажа видео, обработки фотографий, распознавания объектов на изображениях и создания графики. Некоторые редакции уже внедряют ИИ-системы, которые помогают формировать новостные ролики и адаптировать материалы под разные цифровые платформы.

Особенно важную роль нейросетевые технологии играют в анализе пользовательского контента. Социальные сети сегодня стали одним из главных источников оперативной информации, особенно во время чрезвычайных ситуаций и кризисов. Современные алгоритмы могут анализировать огромные массивы публикаций, определять самые обсуждаемые темы и отслеживать распространение новостей практически в режиме реального времени.

Еще одно важное направление - персонализация медиаконтента. Алгоритмы изучают интересы аудитории и формируют индивидуальные рекомендации для пользователей [1]. Благодаря этому цифровые платформы могут повышать вовлеченность аудитории и увеличивать время взаимодействия с контентом.

Искусственный интеллект активно используется для автоматического перевода текстов, создания субтитров, расшифровки аудиозаписей и поиска информации в

больших базах данных. Это значительно расширяет возможности редакций при работе с международными новостями и мультимедийными материалами. [1;5]

Трансформация профессиональной деятельности журналиста

Активное развитие нейросетевых технологий заметно изменило профессиональную роль журналиста. Если раньше работа журналиста в основном была связана со сбором информации, подготовкой материалов и их распространением через ограниченное количество каналов связи, то в цифровую эпоху его функции стали гораздо шире. Сегодня журналист все чаще выступает не только автором материалов, но и аналитиком, редактором, модератором и специалистом по проверке информации.

Высокая скорость распространения новостей также изменила сам характер работы редакций. Современные СМИ работают в условиях постоянного информационного потока, где публикация материалов происходит почти в реальном времени. Из-за этого журналистам приходится быстро анализировать поступающие данные, оперативно обновлять информацию и одновременно следить за ее достоверностью.

Особенно заметны изменения в работе с пользовательским контентом. Во многих случаях первые сообщения о чрезвычайных ситуациях появляются именно в социальных сетях: очевидцы публикуют фотографии, видео и комментарии еще до того, как на место приезжают журналисты. Поэтому одной из важнейших задач современной журналистики стала проверка пользовательских материалов.

Для этого журналисты используют различные методы цифровой верификации информации: анализируют метаданные, проверяют геолокацию изображений, сопоставляют визуальные детали и уточняют время публикации контента. В результате профессия журналиста все теснее связана с цифровой аналитикой и использованием информационных технологий.

Изменились и требования к профессиональным навыкам сотрудников СМИ. Сегодня журналисту недостаточно только уметь писать тексты - необходимо владеть мультимедийными инструментами, понимать принципы работы цифровых платформ и ориентироваться в технологиях искусственного интеллекта [4]. Все большее значение приобретает междисциплинарная подготовка, объединяющая журналистику, медиакоммуникации и цифровые технологии.

Основные риски использования нейросетей в журналистике

Активное внедрение нейросетевых технологий в медиасферу расширило возможности цифровой журналистики, но одновременно усилило проблемы, связанные с достоверностью информации. Высокая скорость генерации контента и автоматизация новостного производства увеличили объем публикаций в цифровой среде, при этом проверять факты и контролировать качество материалов стало сложнее.

Одной из главных проблем современной журналистики стало распространение недостоверной информации. Генеративные нейросети создают тексты, изображения и видеоматериалы, которые внешне почти не отличаются от реальных журналистских публикаций. В условиях постоянного информационного потока такие материалы быстро распространяются в социальных сетях и цифровых медиа, формируя ложное представление о событиях.

Особенно заметно это проявляется при освещении чрезвычайных ситуаций, политических конфликтов и других общественно значимых событий. Аудитория стремится получить информацию как можно быстрее, поэтому уровень критического восприятия контента снижается. В результате фальшивые материалы нередко распространяются быстрее официально подтвержденных сведений.

Высокая конкуренция между цифровыми платформами и СМИ также влияет на качество информации. Стремление публиковать новости максимально оперативно приводит к недостаточной проверке фактов и использованию непроверенных источников. При активном применении искусственного интеллекта вероятность появления ошибочных или ложных материалов становится выше.

Серьезной проблемой стало распространение дипфейков и других форм визуальной манипуляции. Современные алгоритмы искусственного интеллекта позволяют создавать реалистичные изображения, аудиозаписи и видеоролики, имитирующие внешность, голос и мимику человека [3].

Развитие генеративных нейросетей усложнило определение подлинности визуального контента. Если раньше цифровые подделки можно было распознать по техническим дефектам или низкому качеству монтажа, то современные ИИ-системы создают материалы, практически неотличимые от настоящих видеозаписей.

Наибольшую опасность дипфейки представляют в политической и кризисной журналистике. Поддельные видеоматериалы используются для манипулирования общественным мнением, распространения дезинформации и создания искусственных

информационных поводов. Во время чрезвычайных ситуаций такой контент способен вызывать панику и усиливать социальную напряженность.

Распространение дипфейков влияет и на уровень доверия аудитории к визуальному контенту. Пользователи начинают сомневаться даже в подлинных видеозаписях, что создает дополнительные сложности для профессиональных СМИ [2].

Несмотря на высокую скорость обработки информации, современные нейросетевые системы не способны полноценно оценивать контекст и достоверность создаваемых материалов. Генеративный искусственный интеллект формирует тексты и изображения на основе статистических моделей и загруженных данных, но не обладает критическим мышлением и профессиональной ответственностью.

Использование ИИ без редакционного контроля может приводить к фактическим ошибкам и искажению информации. Нейросети иногда создают недостоверные данные, вымышленные цитаты и несуществующие источники. В новостной журналистике такие ошибки особенно опасны, поскольку точность информации имеет принципиальное значение [3].

Чрезмерная автоматизация медиапроизводства влияет и на качество журналистских материалов. Сгенерированные тексты часто выглядят шаблонными, недостаточно глубокими и лишенными авторского подхода. Это приводит к унификации медиаконтента и постепенному снижению профессионального уровня публикаций.

Алгоритмы искусственного интеллекта также способны воспроизводить существующие информационные и социальные предубеждения. Поскольку нейросети обучаются на больших массивах данных, они перенимают ошибки, стереотипы и искажения, содержащиеся в исходной информации. Это создает риски нарушения принципов объективности и беспристрастности журналистики.

Распространение генеративных нейросетей поставило и новые правовые, и этические вопросы, связанные с авторством медиаконтента. При активном использовании искусственного интеллекта становится все сложнее определить границы между журналистским материалом и автоматически созданным контентом.

Отдельной проблемой остается вопрос ответственности за ошибки и недостоверную информацию, созданную с помощью ИИ. Несмотря на автоматическую генерацию текстов и изображений, ответственность за публикацию материалов по-

прежнему несут редакция и журналист.

Сложности возникают и в сфере авторских прав. Генеративные нейросети обучаются на больших объемах информации, включая тексты, фотографии и видеоматериалы, созданные другими авторами. Это вызывает вопросы, связанные с использованием чужого контента без согласия правообладателей [1].

В современной медиасреде пока отсутствуют единые стандарты маркировки материалов, созданных с использованием искусственного интеллекта. Из-за этого аудитории сложнее понимать происхождение контента и степень участия человека в его создании.

Проблема достоверности информации и профессиональной этики

В условиях распространения нейросетевых технологий все большее значение приобретает проверка достоверности медиаконтента. Современные редакции используют методы цифровой верификации, позволяющие устанавливать подлинность текстов, изображений и видеозаписей.

Одним из основных способов проверки информации остается анализ метаданных файлов. Они содержат сведения о времени создания материала, используемом устройстве и технических характеристиках изображения или видео. Журналисты также используют геолокацию, сопоставляют визуальные объекты и анализируют погодные условия, чтобы подтвердить подлинность материалов [5].

Широко применяется технология обратного поиска изображений, которая помогает определить источник фотографии или видеокадра. С ее помощью можно выявлять повторно использованные, измененные или фальсифицированные материалы.

Редакции все чаще обращаются к специализированным платформам для проверки информации и обнаружения дипфейков. Развитие таких технологий становится частью системы информационной безопасности цифровой журналистики.

Развитие искусственного интеллекта усилило значение профессиональной журналистской этики. Высокая скорость распространения информации и автоматизация медиапроизводства повышают ответственность журналистов за качество публикуемых материалов [3].

Одним из ключевых принципов журналистики остается достоверность информации. Даже при использовании нейросетевых технологий журналист обязан проверять факты, анализировать источники и контролировать точность публикуемых

данных [1; 3].

Не менее важна прозрачность работы СМИ. Аудитория должна понимать, какие материалы созданы с использованием искусственного интеллекта, а какие подготовлены журналистами. Это помогает сохранять доверие к медиа и снижает риск манипулирования общественным мнением.

Использование ИИ требует соблюдения этических норм и при работе с визуальным контентом. Распространение сгенерированных изображений и видеозаписей без соответствующего обозначения способно вводить аудиторию в заблуждение.

Одним из наиболее серьезных последствий распространения нейросетевых технологий становится снижение доверия к средствам массовой информации. Рост количества фальсифицированного контента и визуальных манипуляций приводит к тому, что пользователи начинают сомневаться даже в достоверных материалах.

На уровень доверия влияет и скорость распространения информации в социальных сетях. Пользователи ежедневно получают огромный поток новостей из разных источников, многие из которых не проходят профессиональную редакционную проверку.

В таких условиях традиционные СМИ вынуждены уделять больше внимания качеству журналистской работы и прозрачности редакционных процессов. Способность обеспечивать достоверность информации становится главным фактором сохранения доверия аудитории.

Активное развитие нейросетевых технологий делает необходимым создание новых механизмов регулирования использования искусственного интеллекта в медиасфере. Во многих странах обсуждаются вопросы правового контроля за распространением ИИ-контента и противодействием цифровым манипуляциям.

Одним из возможных решений может стать обязательная маркировка материалов, созданных с использованием искусственного интеллекта. Такая мера способна повысить прозрачность медиапроизводства и снизить риск распространения недостоверной информации [1].

Не менее важна разработка профессиональных стандартов использования ИИ в журналистике. Современным редакциям необходимы единые правила применения нейросетевых технологий, определяющие границы автоматизации медиапроизводства

и уровень ответственности журналистов.

Развитие цифровой журналистики связано не только с совершенствованием технологий искусственного интеллекта, но и с формированием новых профессиональных, правовых и этических механизмов регулирования медиасферы.

Заключение

Внедрение нейросетевых технологий стало одним из главных факторов трансформации современной журналистики. Искусственный интеллект заметно изменил процессы создания, обработки и распространения медиаконтента, расширил возможности цифровых редакций и ускорил информационный обмен. Сегодня СМИ активно используют нейросети для генерации текстов, обработки изображений и видео, анализа пользовательского контента и персонализации новостных материалов.

Развитие генеративного искусственного интеллекта одновременно привело к появлению новых профессиональных и этических проблем. Одной из самых серьезных угроз медиасферы стало распространение недостоверной информации, дипфейков и других форм визуальной манипуляции. В условиях высокой скорости распространения новостей все большее значение приобретают цифровая верификация контента и редакционный контроль качества публикуемых материалов.

Использование нейросетевых технологий влияет и на профессиональную деятельность журналистов. Современному журналисту уже недостаточно только работать с информацией - необходимо понимать принципы функционирования искусственного интеллекта, ориентироваться в цифровых технологиях и владеть методами проверки достоверности медиаконтента. Из-за этого возрастает значение междисциплинарной подготовки специалистов в сфере журналистики.

Несмотря на активное развитие искусственного интеллекта, доверие аудитории к СМИ по-прежнему зависит от профессиональной ответственности журналистов, соблюдения этических стандартов и достоверности информации. ИИ способен ускорять процессы медиапроизводства, но не может полностью заменить профессиональный журналистский анализ и редакционный контроль.

Дальнейшее развитие цифровой журналистики будет связано с совершенствованием механизмов регулирования использования искусственного интеллекта, развитием технологий цифровой верификации и формированием новых профессиональных стандартов работы с ИИ-контентом. В условиях стремительной

цифровизации медиасреды способность СМИ обеспечивать качество и достоверность информации остается одним из главных условий сохранения общественного доверия и устойчивого развития журналистики.

Литература:

1. Асташкин А. Г. Нейросети в журналистике: сравнительный анализ эффективности отечественных и доступных зарубежных моделей // Цифровая журналистика: технологии, смыслы и особенности творческой деятельности: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2024. С. 115-117.

2. Бейненсон В. А. Применение генеративных нейросетей в журналистике: проблемы и перспективы // Динамика медиасистем. 2023. Т. 3, № 1. С. 352-359.

3. Зорина В.А. Искусственный интеллект в журналистике: библиометрический анализ публикационной активности // Вестник Российского университе та дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 1. С. 143-160.

4. Лукина М. М., Замков А. В., Крашенинникова М. А., Кульчицкая Д. Ю. Искусственный интеллект в российских медиа и журналистике: к дискуссии об этической кодификации // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 4. С. 680-694.

5. Неренц Д. В. Дипфейк как одна из главных информационных угроз XXI века // Филология: научные иследования. 2025. № 9. С. 96-111.

Шурыгина Юлия Викторовн
Shurygina Yulia Viktorovna
магистратрант
кафедра интегрированных коммуникаций и рекламы
ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
e-mail: ShyriginaJulia@yandex.ru

«ЦИФРОВАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ» КАК СТАНДАРТ: ВЛИЯНИЕ КЛИЕНТОЦЕНТРИЧНОСТИ НА KPI ПРЕСС-СЛУЖБ

"DIGITAL POLITE" AS A STANDARD: THE IMPACT OF CUSTOMER-CENTEREDNESS ON PRESS OFFICE KPIs

Аннотация. Внедрение принципов клиентоцентричности в деятельность государственных организаций запускает трансформацию связей с общественностью в государственном секторе. Фокус смещается на решение проблем граждан, а не на простую отчетную модель. В таких условиях традиционные количественные метрики эффективности приходиться пересматривать. Главным критерием успешности коммуникации становится фактическое снижение социальной напряженности, а не генерация информационного шума. В работе вводится и рассматривается понятие «цифровая вежливость». Предлагается система клиентоцентричных KPI, включающая индекс снижения социальной напряженности, индекс клиентских усилий (CES) в коммуникациях и оценку качества диалога. Цифровая вежливость перестает быть просто элементом этикета, она становится инструментом управления социальной стабильностью. Результаты данной работы могут быть использованы для разработки новых систем оценки эффективности пресс-служб государственного сектора.

Abstract. The implementation of client-centricity principles in government organizations initiates a transformation of public relations within the public sector. The focus shifts from a mere reporting model to actively resolving citizens' issues. Under these conditions, traditional quantitative performance metrics require reevaluation. The primary criterion for communication success becomes the tangible reduction of social tension, rather than the generation of information noise. This paper introduces and examines the concept of 'digital courtesy.' It proposes a system of client-centric KPIs, including a social tension reduction index, the Customer Effort Score (CES) in communications, and an assessment of dialogue quality. Digital courtesy ceases to be merely an element of etiquette; it evolves into a tool for managing social stability. The findings of this study can be utilized to develop new performance evaluation frameworks for public sector press offices.

Ключевые слова: клиентоцентричность, государственные коммуникации, цифровая вежливость, KPI пресс-службы, социальная напряженность, сервисный PR, оценка эффективности PR, государственный сектор.

Keywords: client-centricity, government communications, digital etiquette, press service KPIs, social tension, service PR, PR effectiveness evaluation, public sector.

Современный этап развития госPR характеризуется стремительной цифровизацией и сменой парадигмы взаимодействия власти и общества. Ключевым законом этой трансформации становится клиентоцентричность. В этой парадигме

гражданин становится «клиентом» государственных сервисов. Этот сдвиг работает не только в рамках цифровых государственных платформ, но и в рамках коммуникационной среды государственных коммуникаций. В новых реалиях пресс-службы уходят от традиционной протокольно-вещательной системы и переходят к сервисной модели, в которой ориентируются на эмпатию, проактивность и решение проблем граждан.

Исторически сложилось, что эффективность пресс-служб измерялась количественными показателями, такими как: количество выпущенных пресс-релизов, охват публикаций, медиаиндекс и так далее. Однако, в эпоху цифровизации, где у каждого гражданина имеется доступ к социальным сетям, каждый имеет возможность публичной обратной связи, данные метрики становятся неэффективны. Возникает потребность в изменении оценки на более клиентоцентричную.

Чтобы исключить рост раздражения и социальной напряженности из-за публикации большого количества «отчетного» контента при отсутствии ответов на реальные запросы аудитории, стоит вывести на первый план термин «цифровая вежливость». Цифровая вежливость в государственных коммуникациях становится не просто инструментом репутационного менеджмента, но и механизмом снижения социальной напряженности.

Таким образом встает острый научный и прикладной вопрос: как измерить эффективность госPR в современных реалиях – по традиционным количественным метрикам или по качественным показателям, которые характеризуются социальной напряженностью и решением проблем граждан?

Актуальность работы обусловлена необходимостью пересмотра традиционных метрик оценки эффективности госPR и разработки новых, клиентоцентричных индикаторов, присущих современной цифровой среде.

Целью работы является концептуальное обоснование термина «цифровой вежливости» как отраслевого стандарта государственных коммуникаций и формирование на этой основе обновленной системы ключевых показателей KPI пресс-служб.

Для достижения цели были определены следующие задачи:

1. Проанализировать трансформацию функций пресс-служб государственных органов при переходе от протокольно-вещательной к сервисной модели коммуникаций в условиях цифровизации;

2. Концептуализировать феномен «цифровой вежливости» в государственных коммуникациях, выделив его ключевые индикаторы;

3. Выявить ограничения традиционных количественных метрик в оценке реального влияния госPR на общественный климат;

4. Разработать и предложить обновленную систему клиентоцентричных KPI для пресс-служб.

Государственные коммуникации претерпели серьезные изменения в последнее время. Джеймс Грунинг и Тодд Хант выделили четыре модели PR в своей книге «Менеджмент связей с общественностью»: «пресс-агента, общественной информации, двусторонней асимметричной и двусторонней симметричной коммуникации» [1]. Исторически, согласно данной теории, государственные коммуникации соответствовали двусторонней ассиметричной модели. Если говорить простыми словами, то происходил сбор обратной связи исключительно для корректировки имиджа, а не политики.

Однако, в эпоху масштабной цифровизации, этот ландшафт радикально изменился. Как отмечает Инес Мергель в своей работе «Концепция использования социальных сетей в государственном секторе»: «социальные медиа трансформируют государственные коммуникации из парадигмы «push» (проталкивание информации) в парадигму «pull» и «engagement» (вовлечение), требуя перехода к двусторонней симметричной модели» [2]. В данной модели пресс-службы стали выступать некими медиаторами, которые обеспечивают диалог между государством и обществом «на равных».

Гражданин стал рассматриваться как «клиент», что активно стало рассматриваться российским научным сообществом в контексте цифровой трансформации. Ключевым критерием стала являться полезность информации для конечного потребителя, так называемая «сервисная коммуникация». Если мы говорим

[1] Груниг, Дж. Э. Менеджмент связей с общественностью / Дж. Э. Груниг, Т. Хант. – Нью-Йорк: Holt, Rinehart and Winston, 1984.
[2] Мергель, И. Концепция использования социальных сетей в государственном секторе // International Public Management Journal. – 2013. – Vol. 16, № 3. – P. 424–454.

о клиентоцентричности, то в данном контексте она означает смещение фокуса с сухой отчетности о проделанной работе на решение конкретных проблем общества. Пресс-службы теперь должны измерять свой успех пониманием удовлетворенности аудитории.

В данных условиях на первый план выходит понятие «цифровой вежливости». Майкл Л. Кент указывает: «истинный диалог в цифровой среде строится на эмпатии, искренности и уважении к времени и интеллекту собеседника».[3]

В госPR произошел отказ от канцеляризма в пользу инфостиля. В своей книге «Пиши, сокращай» Максим Ильяхов и Людмила Сарычева пишут: «текст должен быть полезным, честным и лишенным языкового мусора, который создает когнитивную нагрузку и вызывает отторжение».[4] Данный подход позволяет проявить уважение к читателю и сэкономить его время. В государственных коммуникациях использование канцеляризма стал восприниматься аудиторией не как признак компетентности, а как проявление нежелания идти на контакт с аудиторией.

Цифровая вежливость стала являться необходимым условием для клиентоцентричного подхода. Она выступает необходимым связующим звеном между сервисной моделью и реальным восприятием государственных коммуникаций общественностью. Это помогает влиять на уровень доверия и снижения социальной напряженности.

Как уже говорилось ранее, эффективность государственного PR стоит измерять через снижение социальной напряженности, а не через количество опубликованного контента. Чтобы проверить данную гипотезу, в данной работе применен смешанный методологический метод. Он включает три метода – контент-анализ с элементами сентимент-анализа (анализа тональности текста) и сравнительный анализ коммуникационных метрик.

В рамках исследования была сформирована выборка из публикаций региональных ведомств в Telegram и ВК за период 6 месяцев. Эти публикации можно разделить на 2 группы: протокольные, которые включают отчеты о совещаниях и сухих трансляций нормативных актов, и сервисные – разъяснения сложных ситуаций, ответы

[3] Кент, М. Л. Использование диалогической теории в связях с общественностью: обзор литературы и перспективы развития // Public Relations Review. – 2013. – Vol. 39, № 5. – P. 409–419.
[4] Ильяхов, М. Пиши, сокращай: как создавать сильный текст / М. Ильяхов, Л. Сарычева. – Москва: Альпина Паблишер, 2016.

на вопросы, посты, написанные в инфостиле с элементами эмпатии.

Чтобы оценить социальную напряженность, была использована шкала тональности. Она позволяет выявить не только эмоциональный окрас, но и также наличие конструктивных запросов или деструктивной агрессии в комментариях.

Для ответа на научный вопрос о приоритете каких-либо KPI был проведен сравнительный анализ традиционных (протокольных) метрик и предполагаемых (клиентоцентричных).

В основу этого подхода лег стандарт «Барселонские принципы 3.0», в котором категорически отрицают оценку эффективности по валовым охватам и количеству публикаций (AVE), настаивая на измерении изменений в осведомленности, отношении и поведении аудитории. Была проведена взаимосвязь между количеством выпущенных пресс-релизов и индексом ER (Engagement Rate), а также между качеством ответов и динамикой негативных упоминаний.

Проводя анализ был выявлен, так называемый, «кризис традиционных метрик»: корреляция между «информационным шумом» и ростом напряженности. Данные контент-анализа показали слабую отрицательную корреляцию Пирсона ($r = -0.15$). Это статистическая мера, которая показывает, насколько сильно две переменные связаны друг с другом. Коэффициент всегда находиться в диапазоне от -1 до +1. В данном анализе результат говорит о том, что увеличение объема протокольного контента не приводит к росту лояльности аудитории, а наоборот ее снижает. Более того, это воспринимается гражданами как «информационный шум».

Это подтверждает гипотезу о том, что в государственном пиаре граждане ценят не просто сухой отчетный контент и его количество, а качественный и полезный. В большинстве своем, традиционные количественные метрики теряют свою релевантность.

«Сервисные» публикации, в противовес протокольным, показывают значительное влияние на снижение негативного фона со стороны аудитории. Сентимент-анализ выявил, что при использовании публикаций, написанных в инфостиле, без использования канцеляризма, а также имеющие эмпатичный тон, снижают долю негатива в комментариях в среднем на 35-40% в течении суток после публикации.

Ситуационная теория кризисных коммуникаций, разработанная У. Кумбсом

гласит: «стратегии, основанные на приспособлении (accommodating strategies) — такие как проявление заботы, эмпатии и предоставление полезной информации, — наиболее эффективно снижают гнев аудитории и защищают репутацию организации». [5] Показанные результаты полностью согласовываются с данной теорией. А именно в контексте государственных коммуникаций «цифровая вежливость» сигнализирует гражданину о том, что он услышан и его мнение уважается, что подавляет первичную негативную реакцию.

Исходя из данных анализа была разработана система ключевых показателей эффективности, которая предполагает усиление внимания именно на результате, который получит гражданин.

Первой метрикой стала динамика изменения тональности в комментариях под постом или ветке обсуждения до и после вмешательства пресс-службы. Тем самым мы переводим диалог из деструктивной плоскости в нейтральную или позитивную. Данным показателем мы измеряем индекс социальной напряженности.

Индекс цифровой вежливости. Этот качественный метод оценки измеряет эффективность ответов на комментарии по четырем критериям, таким как:

1. скорость реакции на комментарии, которые должны быть в течении 2-4 часов;
2. отсутствие канцеляризма и сложных синтаксических конструкций, которые могут тяжело восприниматься аудиторией;
3. наличие эмпатии к аудитории, а также признание проблем;
4. наличие конкретного алгоритма действий или ссылки на решение проблемы, а не просто отсылки к законам.

Оценка, которая помогает определить, насколько легко было получить гражданину ту или иную услугу, исчерпывающий ответ в каналах коммуникации, которые не требуют необходимости постоянных уточнений. Эта метрика, Customer Effort Score (CES), является адаптацией классической бизнес метрики для государственного сектора.

Четвертой метрикой выступает процент публикаций, несущих практическую пользу от общего массива публикаций. В эти публикации входят ответы на частные

[5] Кумбс, У. Т. Защита репутации организации во время кризиса: разработка и применение ситуативной теории кризисной коммуникации // Corporate Reputation Review. – 2007. – Vol. 10, № 3. – P. 163–176.

вопросы, инструкции или какие-либо разъяснения ситуаций. Процент таких публикаций должен составлять не менее 60% от всего количества публикаций.

Но несмотря на доказанную эффективность клиентоцентричных KPI, они сталкиваются с рядом барьеров.

Во-первых, бюрократическая инерция и «страх ошибки». Исторически так сложилось, что государственные организации, наоборот, поощряют использование канцелярита, таким образом минимизируя риски со стороны репутации и юридической точки зрения. Переход на инфостиль и эмпатию воспринимается как излишняя неформальность. Создается некое сопротивление изменениям сотрудниками.

Во-вторых, это риски возникновения когнитивного диссонанса у аудитории. Рассмотрим ситуацию, когда пресс-служба отлично соблюдает стандарты «цифровой вежливости», отвечает быстро, вежливо и по существу, но структурное подразделение, которое отвечает за данную проблему, не решает ее. Такая коммуникация может восприниматься аудиторией как лицемерие, а не как сервис. Такое поведение пресс-служб может привести к более резкому падению, чем просто молчание.

В-третьих, ресурсные и кадровые ограничения. Существующая кадровая недостаточность может не позволять достаточно быстро решать вопросы, которые возникают в каналах коммуникации. Для решения данной проблемы может понадобиться внедрение дополнительных инструментов, которые помогут автоматизировать процесс.

В-четвертых, методологические ограничения измерения. В русскоязычных социальных сетях часто используется сарказм, ирония. Если мы говорим об автоматизированном сентимент-анализе, то он все еще испытывает трудности с определением вышеперечисленных локальных контекстах, что требует обязательной ручной валидации выборки экспертами.

Подытоживая проведенное исследование, можно сделать вывод, что цифровая трансформация государственного и муниципального управления требует фундаментального пересмотра подходов к оценке эффективности госPR. Подтверждается, что клиентоцентричность является ключевым трансформатором государственных коммуникаций, где становится важным реальное взаимодействие пресс-служб с гражданами и решение их проблем.

В ходе работы был дан ответ на поставленный научный вопрос: эффективность

современного государственного PR не может и не должна измеряться количеством выпущенных пресс-релизов или валовыми охватами. Анализ показал, что данные показатели устарели и имеют слабую отрицательную корреляцию. Это выступает триггером роста социальной напряженности.

Эффективность должна оцениваться качественными показателями. В рамках работы была рассмотрена система новых клиентоцентричных KPI:

1. Индекс социальной напряженности;
2. Индекс цифровой вежливости;
3. Индекс клиентских усилий.

«Цифровая вежливость» перестает быть вопросом корпоративного этикета и становится стратегическим инструментом управления социальной стабильности и укрепления доверия к государственным органам управления.

Перспективы развития исследований – разработка универсальных гайдов по цифровой вежливости для государственных пресс-служб, а также адаптация инструментов искусственного интеллекта для более точного мониторинга тональности общественного диалога в реальном времени.

Литературп:

1. Баженов В. С. Методы оценки эффективности использования технологий интернет-коммуникаций // Прогрессивная экономика. 2024. № 9. С. 175–184. DOI: 10.54861/27131211_2024_9_175.

2. Белоцерковец, А. П. Современные методы сентимент-анализа: перспективы, тенденции, практическое применение / А. П. Белоцерковец // Вестник науки. – 2024. – № 4 (75). – Т. 3. – С. 234–245.

3. Ильяхов, М. Пиши, сокращай: как создавать сильный текст / Максим Ильяхов, Людмила Сарычева. – 3-е издание. – Москва: Альпина Паблишер, 2023. – 440 с.

4. Метелева, А. С. Новая роль социальных сетей в контексте электронного взаимодействия власти и общества: кейс Ленинградской области / А. С. Метелева, О. Г. Филатова // Государство и граждане в электронной среде. – 2024. – Выпуск 7 : Труды XXVI Международной объединённой научной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2023), Санкт-Петербург, 26–28 июня 2023 г. – С. 47–58. – DOI: 10.17586/2541-979X-2024-7-47-

5. Цифровая трансформация в государственном управлении: коллективная монография / Н. Е. Дмитриева, А. Г. Санина, Е. М. Стырин [и др.]; под редакцией Е. М. Стырина, Н. Е. Дмитриевой; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2023. – 206 с. – ISBN 978-5-7598-2831-0. – DOI: 10.17323/978-5-7598-2831-0. – EDN: TXOGHH.

6. Jin, Y. Social media and crisis communication [Социальные медиа и кризисные коммуникации] / Y. Jin. – New York; London: Routledge, 2022. – 234 p. – ISBN 978-1-138-67845-3. – DOI: 10.4324/9781315560793.

7. Macnamara, J. Evaluating public communication: Exploring new models, standards, and best practice [Оценка публичных коммуникаций: исследование новых моделей, стандартов и лучших практик] / J. Macnamara // Journal of Public Relations Research. – 2016. – Vol. 28, № 3–4. – P. 146–169. – DOI: 10.1080/1062726X.2016.1222825.

Темникова Татьяна Николаевна
Temnikova Tatyana Nikolaevna
Восточно-Сибирский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»

НЕЗАВИСИМАЯ ГАРАНТИЯ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА

INDEPENDENT GUARANTEE AS A WAY TO SECURING THE FULFILLMENT OF OBLIGATIONS: PROBLEMS OF APPLICATION

Аннотация. Независимая гарантия – популярный инструмент обеспечения исполнения обязательств, широко используемый в строительстве, государственных заказах, международной торговле и ряде других сфер. На практике применение института сталкивается с рядом сложностей, таких как формализм требований бенефициара, спорность предъявленных требований, риск двойного исполнения, неопределенность объема ответственности гаранта, а также вопросы взаимодействия с принципами противодействия мошенничеству и отмыванию денежных средств. В статье обсуждаются механика исполнения независимой гарантий, типичные проблемные ситуации и практические рекомендации по их снижению.

Abstract. An independent guarantee is a popular instrument for ensuring the fulfillment of obligations, widely used in construction, government procurement, international trade, and a number of other areas. In practice, its application faces a number of challenges, such as the formality of the beneficiary's demands, the arguability of the claims presented, the risk of double performance, the uncertainty of the guarantor's liability, and issues of interaction with anti-fraud and anti-money laundering principles. This article discusses the mechanics of executing an independent guarantee, typical problematic situations, and practical recommendations for mitigating them.

Ключевые слова: независимая гарантия, формальные условия, исполнение обязательств, гарант, бенефициар.

Keywords: independent guarantee, formal terms, fulfillment of obligations, guarantor, beneficiary.

Понятие и форму независимой гарантии регулирует § 6 гл. 23 Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ). Независимую гарантию вправе выдавать банки и иные кредитные организации (банковская гарантия – частный случай независимой гарантии), а также любые другие коммерческие организации (например, страховые компании) [1].

В независимой гарантии фигурируют три равнозначных действующих лица (субъекта):

– гарант – финансовая организация, которая выдает гарантию и обязуется выплатить деньги, если возникнет гарантийный случай;

– принципал – лицо, которое исполняет свои обязательства по договору и по чьей просьбе выдается гарантия (например, исполнитель или поставщик);

– бенефициар – кредитор или заказчик, в пользу которого выдается гарантия. Он получает выплату, если принципал нарушает условия сделки.

Предусмотренное независимой гарантией обязательство гаранта перед бенефициаром не зависит (в отношениях между ними) от основного обязательства, в

обеспечение исполнения которого она выдана, от отношений между принципалом и гарантом, а также от каких-либо других обязательств, даже если в независимой гарантии содержатся ссылки на них (ст. 370 ГК РФ).

Автономия гарантии одновременно делает ее удобным способом обеспечения, но также создает некоторые риски. В частности, строгая документальная природа порождает конфликты «формального» соответствия и «содержательного» правомерного основания требования. Дело в том, что гарантия – это не только независимое, но и формальное обязательство. Это означает, что правовое значение имеют формальные условия и требования. Другими словами, в контексте независимой гарантии важно не только «что», но и «как» написано [2].

На практике механизм применения независимой гарантии выглядит следующим образом. Бенефициар отправляет требование о выплате банку, далее банк проверяет документы и принимает решение о выплате, и если требование обосновано, производит выплату бенефициару. Затем банк обращается к принципалу с требованием компенсировать понесенные затраты. В тексте независимой гарантии прямо указывается, какие документы и заявления сопровождают это требование, например, оригинал гарантии, подписанное заявление бенефициара о невыполнении обязательства, акт о нарушении, декларация о сумме, копии счетов. В целом, чем конкретнее список документов, тем меньше возможностей для споров. Также полезно прописать строгие временные рамки, например, исполнить гарантию в течение определенного количества банковских дней после получения требования.

Статья 376 ГК РФ устанавливает исчерпывающий перечень оснований для отказа в выплате. Так, гарант вправе отказать если требование или приложенные документы не соответствуют условиям независимой гарантии либо представлены по окончании срока ее действия. Любые иные основания отказа, например, ссылки на ненадлежащее исполнение основного договора, отсутствие реального ущерба у бенефициара, спорность суммы требования – являются неправомерными. Верховный Суд РФ указывает, что формальный характер независимой предполагает проверку гарантом исключительно документов, а не фактических обстоятельств основного обязательства. Если требование бенефициара соответствует условиям гарантии по форме и содержанию, гарант обязан произвести выплату независимо от возражений принципала.

Тем не менее банки (и иные гаранты) часто мотивируют отказ несоответствием требования условиям гарантии. Это может выражаться в указании на неправильное наименование бенефициара, отсутствие обязательных реквизитов требования, непредставление части документов, перечисленных в гарантии, или нарушение порядка направления требования.

Отдельную категорию составляют отказы со ссылкой на злоупотребление правом со стороны бенефициара. Гарант может утверждать, что требование заявлено при отсутствии нарушений со стороны принципала или что бенефициар действует недобросовестно.

Варианты разрешения таких споров имеют несколько путей. Так, судебный путь предполагает, что принципал подает иск о признании требования недействительным или о взыскании переплаты. Тогда банк может участвовать в процессе в качестве третьего лица или быть привлечен к ответственности, если выплатил по спорному требованию.

Второй путь – взаимодействие с банком, который при наличии оснований (подделка, явное мошенничество, несоответствие документов) может отказать в

платеже или приостановить его, уведомив стороны. Однако неправомерный отказ чреват убытками и исками со стороны бенефициара. При сложных технических спорах стороны нередко назначают совместную экспертизу или направляют иск в арбитраж, если такой варрант прописан в тексте независимой гарантии.

Что касается объема выплаты, гарант отвечает по основному долгу не более установленного лимита и в пределах фактически заявленной суммы по требованию, если это соответствует условиям гарантии [3]. Помимо того, стоит отметить, если сумма независимой гарантии обозначена в валюте, следует четко прописать, какая валютная база применяется, и кто несет валютный риск.

Отдельно остановимся на рисках гаранта, основным из которых является двойное исполнение. Оно возникает, когда гарант выплатил бенефициару, а затем принципал исполнил свое обязательство отдельно либо выплатил напрямую (бенефициар получил оплату дважды). В этом случае, гарант вправе требовать возврата излишне выплаченных сумм у бенефициара (право на возмещение/неосновательное обогащение, ст. 375.1, ст. 1102 ГК РФ) [4].

Однако на практике такой возврат является затруднительным по нескольким причинам. Так, гарант не проверяет обоснованность долга по основному контракту, а учитывает только комплектность и содержание документов по гарантии. Также между гарантом-банком и бенефициаром нет прямого договора (они участники разных правоотношений). Кроме того, после выплаты всей суммы гарантия прекращает свое действие, что затрудняет исправление сумм.

Скорректировать положение может помочь регрессное требование. Это право гаранта, исполнившего обязательство за должника, требовать от принципала возврата всех выплаченных денежных средств (ст. 379 ГК РФ). Следует отметить, что закон не дает определения понятиям «регресс» и «регрессное требование». Правоприменителям приходится ссылаться на п. 1 ст. 1081 ГК РФ, в котором регресс упоминается как синоним формулировки «обратное требование» [5].

Еще один высокий риск касается выплат по подложным документам, поэтому банк обязан соблюдать требования законодательства о противодействии легализации доходов (ПОД/ФТ) и комплаенс-контролю (AML). Данные процедуры направлены на исключение финансирования терроризма и предотвращение сомнительных финансовых схем.

Другие проблемы включают риск правовой ответственности перед бенефициаром за отказ в платеже при формально соответствующем требовании; операционные и репутационные риски (задержки, споры и судебные разбирательства вредят деловой репутации банка).

В контексте защиты интересов рассмотрим превентивные меры и алгоритм действий для каждой стороны. Так, бенефициару следует тщательно проверять текст гарантии до ее принятия по следующим параметрам: соответствие суммы гарантии размеру обеспечиваемого обязательства, достаточность срока действия с учетом возможных просрочек исполнения основного договора, отсутствие условий, ограничивающих право на платеж.

Принципалу рекомендуется тщательно анализировать условия о размере вознаграждения, порядке регресса, обеспечении регрессного требования (определяют реальную стоимость гарантии для принципала). При получении уведомления о требовании бенефициара следует немедленно представить гаранту имеющиеся

доказательства надлежащего исполнения или злоупотребления со стороны бенефициара.

В свою очередь, гаранту необходимо выстроить процедуру проверки требований, исключающую как необоснованные отказы, так и выплаты по дефектным требованиям. Чек-лист проверки должен включать соответствие формы требования условиям гарантии, наличие и надлежащее оформление приложений, полномочия подписанта, соблюдение срока предъявления, указание обстоятельств, влекущих выплату. При любых сомнениях целесообразно использовать механизм приостановления платежа [6].

Следует подчеркнуть, что каждой из сторон критически важно документировать все действия и коммуникации: переписку с контрагентами, уведомления, ответы на запросы. Эти документы должны сохраняться и при необходимости направляться способом, позволяющим подтвердить факт и дату получения.

Таким образом, независимая гарантия – эффективный и быстрый инструмент обеспечения обязательств. Снижение рисков достигается точностью формулировок, строгим регламентом предъявления требований, адекватным обеспечением со стороны принципала и устойчивыми внутренними процедурами гаранта по проверке и документированию выплат.

Литература:

1. Алибекова Р.А. (2023). Особенности независимой гарантии как способа обеспечения исполнения обязательств. Государственная служба и кадры, (5), 127-130. doi: 10.24412/2312-0444-2023-5-127-130.

2. Арбитражная практика. Как использовать независимую гарантию. URL: https://www.arbitr-praktika.ru/article/2908-nezavisimayau-garantiya. (дата обращения: 23.05.2026).

3. Глухов А.С. Особенности неустойки как меры обеспечения исполнения кредитных обязательств // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – №4- 3 (55). – С. 165-167.

4. Кузнецова Л. Как правильно предъявить требование по независимой гарантии (риски и правовые последствия). URL: https: // zakon.ru/blog/2023/07/11/kak_pravilno_predyavit_trebovanie_po_nezavisimoj_garantii_riski_i_pravovye_posledstviya (дата обращения: 23.05.2026).

5. Иванова С. Особенности подачи регрессного иска. URL: https://delo-press.ru/journals/law/protsessualnye-aspekty/69267-osobennosti-podachi-regressnogo-iska/ (дата обращения: 23.05.2026).

6. Юридическая фирма «Ветров и партнеры». Бенефициар, принципал, гарант по независимой гарантии: типовые ошибки сторон. URL: https://vitvet.com/articles/garantiya/beneficiar_principal_garant_po_nezavisimoj_garantii/ (дата обращения: 23.05.2026).

Научное издание

Коллектив авторов

Научный журнал «Человек. Социум. Общество»

Москва 2026